

«Не беда, что здесь нет красоты –
это символ души одинокой,
но, может, и эти черты
вам напомнят о жизни далекой».

Вспомнишь, спасибо, забудешь, не диво.

РОВЕСНИЦЫ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА

Мы жили своей жизнью
и не хватали звёзд с небес, но...
усваивали жизнь.

Ровесницы Ханты-Мансийского округа.

Воспоминания выпускниц национальных педагогического и медицинского училищ Ханты-Мансийска

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

ОБСКО-УГОРСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК

РОВЕСНИЦЫ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА.

ВОСПОМИНАНИЯ ВЫПУСКНИЦ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО И МЕДИЦИНСКОГО УЧИЛИЩ ХАНТЫ-МАНСИЙСКА

Ханты-Мансийск, 2020

УДК 37
ББК 74.03 (2)
Р 58

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: В. И. Сподина, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок.

РЕЦЕНЗЕНТЫ: Т. В. Волдина, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок;
С. А. Попова, кандидат исторических наук, член-корреспондент РАЕН, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок.

Ровесницы Ханты-Мансийского округа. Воспоминания выпускниц национальных педагогического и медицинского училищ Ханты-Мансийска. Научное издание / сост. и ред., автор предисловия А. Г. Киселев, сост. фотоматериалов, автор и ред. текста на мансийском языке Р. К. Бардина, автор и ред. текста на хантыйском языке, автор предисловия С. В. Онина. – Ханты-Мансийск, 2020. – 448 с.

Книга воспоминаний представляет собой запись интервью с выпускницами национальных педагогического и медицинского училищ Ханты-Мансийска, проведённых в 2018–2019 гг.
В центре внимания – процесс взросления ребёнка, молодого человека как комплекс отношений детей между собой, с родителями и «взрослым миром» в целом, а также внутри «взрослого мира» по отношению к детям, подросткам, молодым людям. Свидетельства информантов ханты и манси, наряду с русскими, дают возможность живо представить быт семей их родителей, соседей, «стратегии адаптации» в условиях суровой эпохи войны и послевоенных лет, проливают свет на разные стороны повседневной жизни Ханты-Мансийского округа 40–50-х годов.
Настоящий сборник воспоминаний адресован исследователям советского Севера, истории молодёжи, учащихся советских школ и средних специальных учебных заведений Ханты-Мансийского национального округа второй половины 40-х – 50-х годов, историкам, этнологам, лингвистам, краеведам, широкой читающей публике.

Рекомендовано научно-методическим советом Обско-угорского института прикладных исследований и разработок

© Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2020
© А. Г. Киселев, 2020
© Р. К. Бардина, 2020
© С. В. Онина, 2020

ISBN 978-5-6044084-7-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Прочтите эту книгу 4
Предисловие 7
Воспоминания Л. П. Плехановой (Афанасьевой) 13
Воспоминания Т. Н. Непкиной (Яркиной) 45
Воспоминания М. К. Волдиной (Вагатовой) 80
Воспоминания Е. А. Нёмысовой 227
Воспоминания Р. М. Новопашиной (Алычевой) 273
Воспоминания Э. М. Сивковой (Рогулиной) 296
Воспоминания Ф. Н. Поступинских (Зубаревой) 324
Воспоминания Н. С. Поповой (Кузнецовой) 347
Фотографии учащихся национальных
педагогического и медицинского училищ
Ханты-Мансийска 385
Указатель имён 425
Указатель географических названий 434
Список источников и литературы 439
Список ресурсов 447

ПОСВЯЩАЕТСЯ
75-летию Победы советского народа
в Великой Отечественной войне,
90-летию со дня основания
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

АННОТАЦИЙ

Ешәк тăм нэпек катәлты хӧйат! Нăң йошенән катәлты нэпекен ӆаӆ пӧрайән улум имет элты. Щи нэлан - хăнтэт, ӧхаӆәт, рӳщәт. Лый йăма нумлылал хӧты сăхат щи пӧрайн улӧпса ус. Ӆаӆ пӧрайән лый кӳш айәт усәт, ищипа йăма нумман тăйлылал хӧты сăхат ӆаӆ пӧрайән вер ус.

Щит лый ӈаврэм пӧрайелән шек шук, лаварт ус. Лый кӳш айәт усәт, ищипа ӆаӆ улӧпсайэлн ун хӧйатăтән пилән ийăха йэлды пела ӳратсәт, ӈотăщсәт ун хӧйатәт йиты.

Тăм нэпекән Ас угрәт институтән рупитты мӧхетән ăктум па хăшум пӧтрәт па пӧтаршупәт. Щи потрәт тăм йисән уна йӳвум хăнты, ӧхаӆ па рӳщ хӧйатәт элты. Тăта лый улӧпсайэл ай пӧра па йэша унашăк йӳвум унты. Щи пӧра кӳт элты хӧйат йасәң акăтман па нӧх хăншман ул. Щи пӧтаршупәт арсырәт. Щи нэңәт улӧпсайэл ищи ар хӧрпи. Хӧй ванты куртән ус па хӳл веӆәс, хӧй ванты вошән ус па ăл тăхайән аңкела-ащела ӈотәс. Щи ӧнтасән пӧтаршупәт шеңк умщәт. Умăщ нумăсты мӳй щирән ӈаврэмәт ун хӧйатәта, ӆаӆа ӈоттыйа верăтсәт.

Кашәң пӧтар шупән тӧрды ныла, хӧты лый щи ӆаӆ пӧрайән педучилищайән па медучилищайән утăлтасәт па хӧты ӈаврэмәт па лыйэл утăлтăты хӧйатлал пилән ийаха усәт па ӈотăщсәт.

Тăм нэпек умăщ питэл Овас мӳв па мир утăлтăты хӧйатәта, улӧпса утăлтăты хӧйатәта, йасәң утăлтăты хӧйатәта, улты тăхайэл утăлтăты хӧйатәта па кашăң хӧйата, хӧй улты мӳвәл элты сăмәл тăм хăтл унты хошийәл.

ТЫ НЭ̄ПЕК ЛОВИНЬТЭ̄Н

Тыныӈ ма̄хум, ты нэ̄пект манщи, ханты, рущ э̄кат потрыт. Ты яны э̄кат, нотыӈ э̄кат потыртэ̄гыт, мойтэ̄гыт хомус ма̄нь та̄гыл

ос мāнь āгий ӧлнэ порат 1940–1950 тāл Ханты-Мансийск ӯсыт ӧлсыт, педучилищат ос медучилищат ханьщтахтасыт. Тан пуссын / сох яны хӧнт (1941–1945 тт.) ӭлы-пāлт самын патум ӭкат. Тā порат мā янытыл мир яны сāвын пāтсыт, яны вощин пāтсыт сāв пыгыт, сāв ӧйкат эртам «*вит-хӯл āлынк тущтылымат, мāн вӧруй āлынк тущтылымат*». Ты āгрищит тā порат пӧлям кāтаныл, пӧлям лāглыл, тэтал сымыл тох та ӧлсыт, тох та хӯлсыт сав тотыма, вощ тотыма. Ӭкат потыртыгыт мар люль, мар ёмас ӧлнэ сыс вāсыт, мар люль хотпа, мар ёмас хотпа та пора хонтхаталыс. Мар ёр урыл, мар нётмил урыл āги лылы нӧх пāтыс, ань ты хотал мос пус кāт, пус лāгыл ӧлыит.

Ты сāвсыр ӭка потрыт нэпекын пославесыт ос щёпитавесыт Обско-угорский институт рупин мāхмын. Ты нэпек вāрвес сāвсыр ученый мāхум мāгыс ос сāвсыр ловинтан мāхум мāгыс.

АННОТАЦИЯ

Уважаемый читатель, Вы держите в руках книгу воспоминаний женщин ханты, манси, русских о детстве и юности того поколения, которое прошло через военное лихолетье, тяжёлую послевоенную пору, сохранило горькую память невосполнимых потерь и утрат, поколения, которое теперь принято называть «детьми войны».

Их детство, их юность во многом определял «взрослый мир», поворачивавшийся к ним разными сторонами – эпохальными и местными, маленькими житейскими событиями, вниманием и небрежением, насилием и добротой, мир, вовлекавший, «втягивавший детство и юность в себя», так или иначе воспитывавший, сообщавший детям, подросткам качества взрослых людей.

Личные истории детства и юности ветеранов, записанные в Обско-угорском институте прикладных исследований и разработок, очень разные. Сказалась и индивидуальность информантов, их происхождение, состав семьи, судьбы родителей, место проживания. Воспоминания поэтому ценны не только как личные истории, но и как попытка воспроизвести «взгляд ребёнка, подростка» на повседневную жизнь Ханты-Мансийского национального округа 40–50-х годов минувшего века.

«Отдельной строкой» всех восьми воспоминаний проходит время учёбы информантов в педагогическом и медицинском училищах г. Ханты-Мансийска, живые картины учебной повседневности, образы учащихся и их наставников.

Книга адресована исследователям советского Севера, истории молодёжи, учащихся советских школ и средних специальных учебных заведений Ханты-Мансийского национального округа второй половины 40-х – 50-х годов, историкам, этнологам, лингвистам, краеведам, широкой читающей публике.

ANNOTATION

Dear reader, you are holding a book of memoirs of Khanty, Mansi, Russian women about the childhood and youth of that generation that went through war years, the difficult post-war era, and managed to preserve the bitter memory of irreparable losses, the generation that is now called the "Children of War".

Their childhood, their youth was largely determined by the "adult world", turning to them by different sides – epochal and local, small everyday events, attention and neglect, violence and kindness. That was a world involving, "drawing" childhood and youth, which brought up, informed children and adolescents on the qualities of adults.

The personal stories of childhood and youth of veterans recorded at the Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development are very different. The identity of the informants, their origin, family composition, social status and life of parents, place of residence also affected. Memories are therefore valuable not only as personal stories, but also as an attempt to reproduce the "look" of a child, adolescent on the daily life of the Khanty-Mansiysk National District of the 40–50s of the last century.

"A separate line" of all eight memoirs is the time of their study in pedagogical and medical schools of the city of Khanty-Mansiysk, live pictures of everyday learning, images of students and teachers.

The book is addressed to researchers of the Soviet North, the history of youth, teachers and students of Soviet schools and secondary special educational institutions of Khanty-Mansiysk National District of the second half of the 40s – 50s, historians, ethnologists, linguists, local historians, and the great reading public.

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга воспоминаний посвящается поколению конца 20-х – первой половины 30-х гг. рождения – поколению, которое вслед за отцами-победителями внесло неоценимый вклад в восстановление и развитие Советского Союза в десятилетия его наибольшего расцвета и могущества.

Издание представляется своевременным в год 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне и 90-летия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Запись воспоминаний осуществлена с целью изучения социализации личности детей, подростков и юношества, протекавшей в условиях доминирования сурового «взрослого мира» военной и послевоенной поры в регионе активного взаимодействия разных по типу культур, на северной окраине СССР.

Тема близка к активно осваиваемой в современной литературе проблематике «истории детства», без которой представления о нашем прошлом являются неполноценными.

Каталог Российской государственной библиотеки последние 20 лет фиксирует устойчивый интерес к отечественной истории детства, прежде всего военных лет. Мы имеем около полутора сотен различных публикаций, причем наряду с воспоминаниями и краеведческой публицистикой появилась уже целая литература исследовательского характера, репрезентированная, в частности, в историографическом обзоре Е. Ф. Кринко[1].

[1] Кринко Е. Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25–31.

На сегодняшний день можно считать основательно разработанной тему социальной защиты детей войны, представленную в целом ряде исследований[2].

Параллельно развивается на отечественной почве и антропология детства, с некоторыми направлениями которой связана и история ученичества. Обзор основных идей находим в публикации А. В. Чащухина и М. В. Ромашовой[3].

Наряду с темой детства краеведы, исследователи начинают обращаться и к истории молодёжи, в том числе молодёжи учащейся – ищущей, выбирающей жизненный путь. Образцом качественной аналитики является книга А. Рожкова «В кругу сверстников», посвящённая молодёжи 20-х гг.[4]

Следует упомянуть и «юбилейные» работы краеведов по истории учебных заведений. В них также собрано немало ценных свидетельств современников, характеризующих разные стороны жизни учащихся – детей и молодёжи военного и послевоенного времени: жилищные условия, организацию питания, учёбу, досуг и др.

По преимуществу силами краеведов, а также архивистов начата и разработка истории детей и учащейся молодёжи Ханты-Мансийского округа. Изданы, в частности, сбор-

---

[2] Карамашева Н. Н. Охрана детства в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Восточной Сибири). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1993. 20 с.; Банзаракцаева Е. В. Охрана детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Бурят-Монгольской АССР). Автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 23 с.; Рокутова О. А. Социальная защита детей и подростков в Среднем Поволжье в 1941–1950 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 24 с.

[3] Чащухин А. В. Конференция «Антропология советской школы: культурные универсалии и провинциальные практики» / А. В. Чащухин, М. В. Ромашова // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2 (14). С. 135–139.

[4] Рожков А. Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. 2-е изд-е. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 640 с.

ники, содержащие воспоминания о школе[5], детстве и юности второй половины 40-х – 50-х гг.[6]

Работа по сбору и записи воспоминаний современников на сегодняшний день освещена и регулируется правилами oral history, «устной истории»[7]. Известный опыт подобной работы имеется и у одного из авторов данного текста[8].

В предлагаемом сборнике собраны воспоминания восьми информантов. Интервью с ними были подчинены названной цели – изучению процесса взросления, социализации юных северян. Для достижения результата был подготовлен опросник, включающий в себя около полутора сотен вопросов, ранее использованный при подготовке монографии об учащихся Гжельского керамического техникума. Составленный в духе «истории повседневности» («истории в деталях»), он включает в себя несколько групп вопросов, связанных с выяснением материального положения учащихся, их быта, отношения к учёбе и преподавателям, их представлений о реалиях своего края, страны и мира.

С большинством информантов беседы проводились по несколько раз, использовался метод углублённого интер-

[5] Памяти магический кристалл. Воспоминания сургутских учителей. Вып. 1 / ред. Ю. А. Дворяшин и др. Екатеринбург: Сократ, 2001. 136 с.; История школы в истории судеб. Сб. док-тов / сост. Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Екатеринбург: Сократ, 2004. 336 с.

[6] Политические репрессии 1930–1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа. Сб. док-тов / сост. Е. М. Брагина, Ю. В. Лазарева, Л. В. Набокова. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. 262 с.; Наша общая горькая правда. Историко-краеведческий сборник / ред.-сост. Л. В. Царегородская. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2004. 352 с.; Моя судьба в истории Югры. История развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в воспоминаниях его жителей, 1930–2005 гг. Сб. док-тов / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Тюмень: Тюменский дом печати, 2005. 414 с.

[7] Щеглова Т. К. Устная история. Учебное пособие / Т. К. Щеглова. Барнаул: АлтГПА, 2010. 364 с.

[8] Киселев А. Г., Соловьёва С. Н., Батенчук Д. Н. Учащиеся Гжельского техникума (1944–1957 гг.). Гжель: ГГУ, 2016. 288 с.

вью. Следуя классификации «устной истории» Т. К. Щегловой, эти воспоминания можно определить как источник, созданный историком с помощью опроса.

С точки зрения репрезентации военного и послевоенного времени, детства и юности этой поры лучшими по качеству являются тексты, представляющие собой свободный рассказ ветеранов, жёстко не связанный с вопросником, повествование о семьях их родителей, о детстве, юности, об учёбе.

Воспоминания ветеранов являются сложным источником, требующим особого отношения к себе. И дело даже не столько в том, что память человека слабеет, сколько в том, что её содержание может по-разному интерпретироваться и по-разному эмоционально окрашиваться в разные периоды жизни. В. В. Нуркова, автор фундаментального труда, посвящённого психологии автобиографической памяти, показывает разные типы такого восприятия детства и юности людьми пожилого возраста[9], что также необходимо учитывать при работе с воспоминаниями.

Важным правилом работы с воспоминаниями является анализ их текста на предмет выявления особенностей речи и мышления, того, что хотел сказать, и того, о чём мог умолчать информант. Важно видеть в тексте воспоминаний ветеранов не только послание нам, следующим поколениям (с учётом «заданности/идеологичности» оно нуждается в особой интерпретации), но и те детали, «мелочи», которые подчас способны сказать о прошлом намного больше, нежели собственно «message» информанта.

Относительное единство возрастной, гендерной, этнической принадлежности информантов даёт хороший материал для соответствующих поколенческих, гендерных, лингвистических, этнокультурных изысканий.

[9] Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000. 318 с.

Ценность воспоминаний как исторического источника вполне обнаруживает себя при условии изучения иных источников – прежде всего нормативного и делопроизводственного характера. Содержащаяся в них информация позволяет уточнить фактические сведения информантов, увидеть эти сведения в широком поле ушедшей исторической реальности, не доступной индивидуальному наблюдению современников. В то же время именно воспоминания, наряду с другими эго-документами, позволяют за документальным фактом увидеть жизнь, хотя и в освещении «заинтересованных лиц», опосредованную особенностями их восприятия прошлого.

Задача исследователя истории учащейся молодёжи Ханты-Мансийского округа 40–50-х гг. заключается в том, чтобы представить её как историю людей и в то же время как часть истории учебных заведений, истории округа, советского Севера, Советской страны.

Последовательность воспоминаний выстроена в соответствии с возрастом информантов.

Вопросы интервьюера в тексте выделены жирным курсивом.

Текст воспоминаний разбит по тематическому принципу, из сюжетов с возможным негативным контекстом убраны имена собственные, убраны и некоторые «слова-паразиты». Нелитературная лексика сохранена, за исключением обсценных слов и выражений.

В круглых скобках указана особенность произношения информантом той или иной фразы, а также эмоциональное настроение информанта или его действия во время интервью. В квадратных скобках помещены подразумевающиеся, но не произнесённые слова и словосочетания.

Многоточие использовалось при передаче паузы в рассказе информанта (в этом случае оно ставилось сразу за по-

следним словом) и/или для обозначения разрыва рассказа (многоточие за последним словом после пробела).

Интервью записаны и прокомментированы А. Г. Киселевым. Им же подготовлены биографические справки информантов, составлены указатели имён, географических названий, список источников и литературы, совместно с С. В. Ониной написано предисловие.

С. В. Онина является автором хантыйского текста и редактором хантыйской речи информантов.

Интервью с Л. П. Плехановой записано Р. К. Бардиной, ею же подготовлена биографическая справка и часть комментариев к нему, написан вступительный мансийский текст, осуществлена редакция мансийских слов в интервью.

Авторы-составители книги благодарят своих информантов, их родственников, а также коллег Г. А. Шеманчук, Л. Лебедеву, Т. В. Волдину, В. И. Сподину, А. А. Пыхтееву за помощь при подготовке воспоминаний к печати. Отдельная благодарность О. Д. Ерныховой, высказавшей ряд ценных редакционных замечаний и предоставившей для публикации фотографии из семейного архива, а также директору Государственной библиотеки Югры О. М. Павловой за информационную поддержку в период карантинных ограничений.

Лукерья Петровна Плеханова (Афанасьева)

Лукерья Петровна Плеханова (Афанасьева) родилась в юртах Резаны Берёзовского района (р. Горная / Большая Обь) 25 мая 1927 года в хантыйской семье. Отец – Пётр Яковлевич Афанасьев, мать – Домна Григорьевна Афанасьева (в девичестве Спиридонова) воспитывали четверых детей.

В 1941 г. Пётр Яковлевич был репрессирован, расстрелян в Ханты-Мансийске[10]. Согласно семейному преданию он хорошо говорил по-русски, часто выступал на колхозных собраниях. Мама, по воспоминаниям Лукерьи Петровны, русского языка не знала.

Один из братьев Лукерьи Петровны погиб на лесозаготовках, второй пропал без вести на войне. Когда началась война, Лукерье Петровне было 14 лет, началась её трудовая деятельность в колхозе и на лесозаготовках.

В 1947–1954 гг. с разрывом по болезни в два года она обучалась в Ханты-Мансийском национальном педучилище.

После окончания училища начинала работать в д. Лапоры, Тугияны, вновь в Лапорах, а с 1961 по 1973 г. – в Нижних Нарыкарах.

Супруг Лукерьи Петровны, русский – Александр Владимирович Плеханов, сын Николай Александрович и дочь Тамара Александровна (Клименова).

С 1973 по 1977 г. Лукерья Петровна, по состоянию здоровья оставив школу, трудилась почтальоном в Нижних Нарыкарах. Долгое время вела здесь кружок хантыйского языка и декоративно-прикладного искусства.

---

[10] Афанасьев Пётр Яковлевич // Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. – URL: https://base.memo.ru/person/list?params=H4sIAAAAAAAAA6tWKi4tykvMTVWyUoopNTAxNACRJiYg0hjMNk5BsE0MwWQyWMQUTBop6SilZRYVlyAbkoZQYGIEJg2AygoSS4ry8ypzM5Oh6owg6hLBZCrEODCZhGwBmLQAm2KuVAsAsjBbM7EAAAA%2C (дата обращения 31 марта 2020).

Лукерьи Петровны не стало 2 января 2013 года. Похоронена она в Нижних Нарыкарах.

Интервью с Л. П. Плехановой было записано Р. К. Бардиной в доме информанта в Нижних Нарыкарах в сентябре 2010 и сентябре 2011 г.

Перевод на бумагу, редактура А. Г. Киселева. Текст разделён на 3 части (случай на покосе, отец и семья, начало учительской работы, сватовство и женитьба).

1.

В каком году Вы родились?

В 1927 году в Рязанах[11]. Папа – Афанасьев Пётр Яковлевич, а Мама – Афанасьева Домна Григорьевна, девичья фамилия – Спиридонова.

…

В войну ездили …[12] Однажды поехали убирать сено. Мы-то девчонки… ну женщины были некоторые… Со своей бригадой, то ли 8 человек, то ли 10 человек, уехали. Сено подсохло. Стали сено убирать. Сено убирали-убирали, пить захотела одна.

– Я пить хочу, можно мне?

– Иди, иди-иди.

– Пить, – другие говорят, – тоже хотим.

Она побежала с ведёрочком. Через некоторое время возвращается обратно и говорит:

– Знаете что! Знаете что! У нас лодка-то, на которой приехали, на той стороне протоки!

А протока-то широконькая. Вот … И остановились: как на той стороне?! Плохо что ли привязали? Да, плохо, наверное, привязали. Ну и все побежали лодку смотреть. Как

[11] Правильно Резаны.

[12] Здесь и далее многоточие «…» сразу после предыдущего слова – знак препинания, после пробела – непонятное слово/слова, разрыв речи информанта.

мы теперь? Все пошли, все сели там, на яру, а лодка-то под яром была. И давай, кто как, кто плачущим голосом, кто повсякому, значит, стонать по-хантэйски[13]:

– ‘*Анана… Няврымум ловтыт муй щирыл’* (*смеётся*).

Домой, говорят, не попадём. И так стонали-стонали… И девчонки были, и женщины были, а я в сторонке, потому что я-то не рязанская, я приезжая, то есть не пашторская – рязанская. Может, их плоховато ещё знала… Вот, думаю, ну что же делать, что же делать?.. Как достать-то лодку. Думала-думала… а ветер, думаю, поплыву – не доплыву, утону, наверное. Нет, надо что-то сделать, а то, может, лодку ещё дальше унесёт ветром, надо, наверное, поплыть.

Я тихонечко снимаю с себя одежду. Ага, сняла… они в сторонке сидят, а я подальше от них. Разделась, спокойно спускаюсь по́д гору и… поплыла. А Мария Николаевна[14]: ‘*анана-анана хулта вущта питас вот*’ – уже слова-то забыла. Что ветер сильный, волны, зачем поплыла хоть?

Я плыву, а сама думаю, чёрт его знает, как волна, закрываю рот… До середины доплыла, чувствую, что устали руки, ну повернулась на спину, на спине подгребаю… спиной… а пока на спине гребёшься, маленько отдохнут руки мои, переворачиваюсь снова на другую сторону. И так я и доплыла, доплыла. Ну, слава богу, почувствовала землю, пошла до лодки. Дошла, лодку трогаю, лодка *крепко сидит* (*выделяет*) халера. Ветром-то бьёт и бьёт, и бьёт, и бьёт, садится, садится, [место][15] песчаное, волна-то как хлобысь! хлобысь! – так и в лодку, хлобысь! – так и в лодку.

---

[13] Здесь и далее «хантэйский», а не «хантыйский». Долгое время оба написания считались правомерными. – См.: Толковый словарь русского языка. В 4-х тт. / сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.]; под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940. – URL: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/tolkovii-slovar-ushakova-bukva-x.htm (дата обращения 2020).

[14] Мария Николаевна – вероятно, Лельхова.

[15] Здесь и далее в квадратных скобках помещены пропущенные в речи информанта слова или словосочетания.

Ой, чего хоть там, в лодке? Посуду бы какую-нибудь найти…

Поискала-поискала… нашла побольше какая-то банка барахлянная, давай банкой вычерпывать воду… вычерпала-вычерпала-вычерпала-вычерпала…

Теперь чё, теперь надо шевелить, наверное, лодку как-то, иначе так трогаю – не шевелится. Вот всю воду вычерпала и пошла, с одной стороны – с носа толкну, то с другой стороны… то с одной, то с другой… Смотрю, лодка маленько приподнялась и вода зашла туда, под низ, и лодка моя всплыла – слава богу!

Вёсла положила на уключины… ветром меня вместе с лодкой и прибьёт (*смеётся*).

И давай поворачивать. Повернула лодку одной гребью, опять на уключину, и давай грести, и давай грести… против ветра.

Они там кричат, они кричат…

Стоя… ноги поставила таким образом (*улыбается*), и гребу, и гребу, и гребу. Меня – в сторону, а я сильнее… с той стороны. Потому что я ездила … Она [сестра] меня и плавать научила. И так меня несёт, течением несёт, ветром несёт, они там кричат ‘*сорашек-сорашек, така шек, така шек товта… така шек, така шек, така шек!*’ *сильнее греби, сильнее греби* (*выделяет*)… кричат мне с той стороны.

А я как поглядела, думаю, батюшки мои, потом река сворачивается туда, думаю, как свернётся, ещё течение такое же, ветер ещё пуще будет. А потом там речка и всё, меня унесёт…

С той стороны сильнее гребу, как бы ветер отсюда, меня туда несёт, а я с этой стороны, сильнее, сильнее. Но сильно тоже… – тебя опять развернёт. Ну всё, кое-как, кое-как дохожу. Они берегом, пешком-пешком. Лодка подошла… хватили потом за верёвку, давай, подтащили меня на берег …

Вот я тут Марию Николаевну-то хорошо запомнила. Правильно она говорила, родня. Они вроде бы взрослые, взрослее нас, но такие, как я, тоже были, но ведь ни одна не поплыла.

А какая протока была?

Пашторская протока… Широкая местами, местами узкая... смотря где, больше течение – там пошире, а тут… Я потом сколько раз думала. Интересно, думаю, я бы испугалась бы, я не поплыла бы, что было бы, что было бы? Лодку бы унесло совсем или совсем залило бы… и никто не умеет. Люди вроде… некоторые женщины взрослые … Я думаю, в уме думаю: какие-то совсем не соображают. Работать – мастера, могут, а тут вот никто.

… Литовками косили, а мужчин не было. Всех забрали. Вот они плачущим голосом сидели, плакали: ‘*муй щирыл няврэмта*’ – как же теперь, говорят, наши дети, когда мы домой приедем, да на чём приедем. И вот особенно Мария Николаевна [бригадир] первая, плачущим голосом… Как теперь … Ой, и плачут… что дети останутся, что матери не приедут уже – не на чем и никак, и никто не приедет, никого нет.

То есть в деревне одни дети остались, никого нет?

Ну, ведь покосы, может, потом кто-то может, плакать стали, да нашёлся бы, но не знаю. Вот такой случай был. Это я тоже запомнила, тоже боялась, в уме-то, но это, думаю, а вдруг я не переплыву, широкая же, думаю, да ещё ветер.

А как Вы туда попали, в Пашторы?

В Пашторы-то? Сначала мы в Рязанах жили. Всё сестра, она с малых лет меня вообще с собой таскала. И многое рассказывала. И также купались когда-то. И вот она меня учила плавать как, я научилась. А если тонуть будешь, так отдыхать надо, на спину ложись, шевели руками, шевели

ногами, говорит, не утонешь, будешь всплывать, говорит, и в это время отдохнёшь.

Ну и мы что? Домой приехали, в баню пойдём, в бане попаримся – не попаримся – на ре́ку, бултых! – и на другую сторону… вот.

И позднее этого случая так вообще интересно было. Ой, я-то смелее стала ещё. Из бани напаришься-напаришься – бултых в воду и на тот берег. Там прямо Паштор-то не широкая протока. Узкая. Поплыву. Оттудова обратно. А кто мои ровесники-то, помнят, а молодые-то, конечно, никто не знает.

У Вас нижнее бельё было? Плавки, бюстгальтер?

Нижнее бельё[16]… А что там, платьишко, может, халат… Платьишко было, конечно, но там что-то тоже одежда была, кофта была…

Когда реку переплывали, в плавках одних были?

Конечно… Там-то уж не знаю, там-то не знаю … Я и не думала о себе сильно-то, о себе тогда не думала, тогда я думала: чёрт его знает, широкое место, посмотрела ещё вдаль и туда поглядела – вниз. Ну не знаю, думаю, может быть, переплыла, а может, нет, а заливать будет, и глаза ведь заливать будет, ведь волна поднимет меня – опустит, поднимет – опустит, а, думаю, не знаю, рот закрывать буду, в уши не залезет… Ну так-то плавала с сестрой-то… Но далеко-то не переплывала.

Женщины, наверное, так были рады, благодарили Вас?

Ну, они рады были, лодку перевели – рады были. И первое время они мне всё: морячка наша, морячка … (*смеётся*).

[16] З. П. Соколова в 1962 г. свидетельствовала: «Бельё молодые носят покупное; старшее поколение женщин не носит его или шьёт нижние рубашки». – Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. Полевые материалы, докладные записки и отчёты. Ч. 1. Северные ханты. 2-е изд-е. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 84.

– Какая я морячка… море не переплывала…

– Ну, спасибо тебе, – говорят.

…

Как Вашего отца арестовали и за что?

Рассказывала, правда, так… Узнала, что действительно его забрали из-за чего – из-за того, что скотину забрали, как раз там война была в 42-м году, ну и это, это раньше ещё было, чуть-чуть приехали… ну рассказывала тоже.

Мне сначала неудобно было. Первое время думаю, что-то он плохо делал, его забрали, а почему его забрали, давай я вспоминать. Я же была на берегу, тоже стояла, и причём я отца любила. Он по-русски очень хорошо говорил. В Чемашах рос. Родился в Чемашах. Ну, чисто-чисто говорил. Ну и вот, он заступился за народ, фактически, зачем это забрали [скот]. Для нас это же главная сила – еда. Тогда тоже вдоволь-то сильно ничего, по-моему, и не покупали в магазине – я не помню. Хлеб сами стряпали. Коров держали. Молоко было. Простокваша была-была. Масло делали из сливков. Сравнительно неплохо жили. Вот, заступился, а другие не заступились. Мужиков много было. Они плохо разговаривали. Это одно. А другое, что у них [милиционеров], значит, были, как называются, револьверы ли… наганы были у всех… То ли им было задание, то ли что-то – этого мы, конечно, не знаем. Кобурами мы называли, ну вот, приходили, забирали [коров], привязывали, [на] баржу с собой заводили и привязывали, а отец заступился. А те, наверное, тоже хотели бы… а может и боялись, а может и боялись. А мой-то смело выступил и всё. Вот тут и мама упала. Когда они взяли, сначала-то не это… многие улыбались даже, что вот завели нашего деревенского, а ну идите, говорят, сюда, поговорили-поговорили.

– Да, наверно, хватит, – говорит. – Больше не войдёт.

И он всё… отвязались и поехали. А куда поехали, на чём. Ни у одного человека мотора не было. На лодках ез-

дили. А куда увезли, откуда мы знаем? Туда вверх, в сторону Тугиян. Рязаны-то ниже были. И всё, увезли, и не знаем.

Месяц проходит. Кто-то, наверное, услышал там, или, может, спросили, и нам передают, вот так-так-так, его, говорят, расстреляли. А за что?! А за что?! – А за то, что он против рыбалки выступал, против охоты. Сам охотился, сам рыбачил. Вот найдут же, я говорю, все причины, и ничего не скажешь. Ой. Всё. Мама канула. Глаза болели, а тут совсем. Потом сестра нас перевезла туда, к Пашторам. Она замуж вышла. Я говорю, человек живёт, что не перенесёт…

Вот кто-то нам рассказывал, брат у неё [у матери] был, Ефим. Не знаю, как по фамилии. Кто-то рассказывал, что когда война не началась ещё в это время, видимо, в Холопантах, мама-то из Холопант. И [он] тоже в Холопантах жил. Когда скотину забирали, наши забрали, у кого что осталось, там тоже забирали. В Холопантах тоже забирали. А дедушка Ефим-то свою корову уволок в лес далеко. Услышал, наверное, вперёд и уволок в лес далеко-далеко и привязал. Ну, там, говорят, забрали скотину, так же погрузили и увезли. Когда увезли, дедушка Ефим сходил, ну, наверное, доили в лесу, приносили молоко домой. Нашёл, говорят, попросил у кого-то большую лодку, большую лодку и погрузили … Там, наверное, товарищи, друзья погрузили и по течению привезли к нам в Рязаны. Вот это я помню. Рязаны. Тогда отца не было уже у нас. Вот, видимо, раньше у нас, у них – потом. Привезли в Рязаны. И… сестре моей матери. Вот тебе, сестра, говорят, корову привёз, говорит брат. Ну, я говорит, [корову] утащил, привязал, когда уехали, тогда привёз – и вот, давай. Молоко у вас хоть будет.

У нас же у самих коровы были. А тут вон ему жалко было, хорошая корова, говорит, молока много даёт. Молоко хорошее. Мне жалко, те забрали, а это оставил. Ну и потом отца не было, и что делать нам с коровой?

… Что делать, что делать? Держали, по-моему, немного, кто будет косить сено? Я в колхозе там мал-мал, тогда я сено не ставила. Тогда, знаешь, что делали? Тогда огороды пололи. Всех забрали уже. Огороды пололи.

Дальше что? Веники делали. На большую лодку нас и подъезжают … вода большая была. Это в 41-м году, когда война началась. И вот это, потащат лодку, где привязывали, где нет. Ломаем прямо в лодке веники, складываем, складываем. Потом перевязываем, нас научили, как ногами ещё держать, руками и потом отбрасываем-отбрасываем. Тальник, если таловые веники. И вот так работали.

Потом уж осенью на покос, когда сено [подойдёт] где-то с июля по май[17] месяц – только на покос. А раньше веники делали. Так я думаю, что большая вода … Сена не будет, хоть таловые веники. Иногда такие веники сделают – поднять не можешь (*смеётся*).

А скотину зачем забирали, в колхоз или для фронта?

А вот шут его знает. Кто забирал, мы-то сами *до сих пор не знаем* (*тянет*). Вот когда через месяц сообщили, что его убили, ну а где, куда надо ехать, разбираться. А кто? Мама слепая абсолютно, неграмотная. Сестра неграмотная абсолютно, нас ростила, отец-то с матерью работали, сено ставили и прочее, а она нянчилась … брата … Брат после неё. С братом нянчилась, со мной нянчилась, да ещё братишка был. Вот она всё время на работе, как рабочая. Вот. Она неграмотная у нас, а брат учился. В 42-м году добровольцем ушли восемь парней из нашей деревни. И никто не вернулся … Вот так … Вот такие дела.

…

Мы и стали после отца, ханули с матерью, потом война началась, и опять мы плохо жили. Я говорю, вся наша жизнь наутёк ушла.

[17] Явная оговорка информанта.

Я неводила там на курьевом, на стрежевом[18], тоже тяжело… ручонками схватишь, бросаешь. А вот [курьевой] невод хоть и по тяжести легче был, но опять до сих пор который раз мокренькая вся, побежишь, там, в лес, запасные … сухое, в лесочек побежишь, переоденешься, опять надо работать … Вот так меняли … и одежонки-то не было.

На Оби или на протоках соровую рыбу ловили?

Стрежевой на Оби. А курьевой-то по няшам, по заливчикам.

Где много няши, там рыба заходит, а ведь моторов-то не было. А ездили неводить в зарю, утреннюю зарю и вечернюю зарю. Вот поэтому, наверное, много рыбы и добывали.

Моторов не было, не хлопали, не выгоняли. Рыба зайдёт, а потом в зарю поехали. Как бросишь неводишко – полная лодка рыбы. А который раз *боишься* (*тянет*), душа дрожит, и думаешь, чуть-чуть крень, лодка маленько набок – полная лодка воды и все можем уйти ко дну. И рыбы нас съедят. Но уже у нас бригадиром был Прасковьин отец – Лельховой, добрый, хороший старик. Как говорят, ночью-то

[18] Курьевой невод, сравнительно небольшой, использовался для лова рыбы в курьях (залив с отлогим берегом, имеющий стрелку, которая постепенно смывается водой), няшах (заболоченных местах). Стрежевой невод – крупный, использовался на больших реках. – См.: Дунин-Горкавич А. А. Приложения к книге «Тобольский Север» // Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерия, 1995. С. 76; Варпаховский Н. А. Рыболовство в бассейне реки Оби. В 2-х чч. Тюмень: Мандрика, 2003. С. 80; Иоганзен Б. Г. Стахановский опыт рыбодобычи ловцов Нарыма. Новосибирск: ОГИЗ, 1945. С. 13, 14, 27, 28, 31, 34, 38. Описание стрежевого невода на Оби находим в повести Виля Липатова «Стрежень» (1961): «Стрежевой невод – громадина длиной около семисот метров, однако рыбу им ловят точно так, как ловят обычным неводом: одно крыло заводят в реку, округлив кошельком, ставят поперёк её навстречу стрежи, а береговое крыло вытягивают. Разница только в том, что речное крыло стрежевого невода заводят не лодкой, а катером и выбирают не лошадьми, а выборочной машиной». – Виль Липатов. Стрежень [Электронный текст] // Библиотека OCRLongsoft. – URL: http://ocr.krossw.ru/html/lipatov/lipatov-stregen-ls_1.htm (дата обращения 4 апреля 2020); см. также: Ерёмин А. Т. Военными и мирными дорогами. М.: ИКАР, 1995. С. 14.

не надо поминать. Добрый он человек был. Поэтому я Пану очень уважала. Она потом меня узнала тоже.

Я приезжая. К ним-то приехала. Дружили с ней, учились. Но она помоложе была годами.

А рыбу куда сдавали?

Плашкоут[19]. Плашкоут ставили. Всё время стоял плашкоут. Рыбу к плашкоуту тихонечко-тихонечко, уж ветер, так боишься ещё, [что] вместе с рыбой уйдёшь. А… вот именно на зарю как-то ветра не бывает, меньше. Рыбу везёшь, там подъезжаем, тихонечко подходим. Они носилки на баржé по краю поставят, мы с лодки по одной рыбке… тише! Шевелиться нельзя, кто сидит, так и бросаем одной рукой полёгкому. А когда половину сбросаешь, там уже начинаешь везде брать рыбу… всё время с опаской.

… Разный сорт, разные виды разбрасывают [по ящикам]. Ну, в курьевом-то неводе, там почти щука, язь, мелочь, только такая рыба. И то брали … Сильно мелкую, конечно, ёршики выбрасывали. Сами замазывали руки, колючка. Мы ту маленькую даже в руки не брали … Наберёшь – выкидываешь как можно дальше (*улыбается*) … Вот такие … такая жизнь была наша.

…

[После года учебы в педучилище заболела[20], отпустили домой. Пришлось по разнарядке на лесозаготовках работать].

---

[19] Плашкоут – несамоходное грузовое судно с малой осадкой, применялся в том числе для погрузочно-разгрузочных работ. – См.: Плашкоут // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%BE%D1%83%D1%82 (дата обращения 4 апреля 2020).

[20] По свидетельству дочери Л. П. Плехановой Т. А. Клименовой, в первый год учёбы Лукерья Петровна простыла и заболела, потому что на учебу зимой ходила без верхней одежды. Не хотела носить рваную фуфайку, которую выдали, но не хотела одеть и свою меховую шубу (сахи).

Люликарский леспромхоз… тётя Лена[21] … Она основная у нас, как бы, анекдотчица. Всё выдумывала, всё смешила нас, а мы радёхоньки, рты разинем (*смеётся*) …

В конец месяца, месяц кончился, девчонки, ох, как мы работали… Иногда поработаем, желания нет, придём домой в барак, никого нет, мы чаю попили – песни пошли петь, а рабочие-то приходят: ой, какие молодцы (*смеётся*), в кино не надо ходить, *всякие* (*тянет*) песенки, детские, игровые… А потом месяц окончился. Пошли зарплату получать. Я должна осталась.

Ещё и должны. А потому, что плохо работали. Ничего не заработали … Ели – не ели, мы не помним это, но потехато, что зарплату пошли получать – и все должники …

Это что такое хоть, как мы жить будем? А как раз я из училища-то, освобождали меня, я целый год не училась и теперь в эту осень я должна была ехать учиться, а меня взяли на лесозаготовку. *Строгие* (*тянет*) порядки были, не разговаривали.

Вы сколько курсов окончили?

Да нисколько. Подготовительное. 6 классов я получила только, кончила в Полноватe и всё. Учительница приехала, помню, Анна Семёновна[22]. Она подбирала по журналу. А я туда попала, вроде, я хорошо не училась[23]. И все маль-

[21] Возможно, Елена Алексеевна Лельхова (1920–2002). – См.: Дмитрий Лельхов. Лельховăт вăн рăт эвăлут єтăс // Хăнты ясăң. 2015. № 9 (3429). 8 мая. С. 13; Бардина Р. К. Угорское население Нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века) / отв. ред. Н. В. Лукина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. С. 131–132.

[22] Пелевина Анна Семёновна – преподаватель химии и биологии в училище (1944–1972). – См.: История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 217.

[23] Сетования по поводу низкого уровня подготовки учащихся из национальных районов часто встречаются в протоколах заседаний педсовета училища и других документах. «Подготовка учащихся, принятых в приготовительные классы, оказалась (принимались без приёмных экзаменов) чрезвычайно низкой по алгебре,

чишки, я одна девчонка… В Ханты-Мансийск увезли. Я там год проучилась, и всё – заболела. Заболела. Опять на второй год …

Ну а потом стали подбирать. Это, давайте, девочки, кто будет руководителем в вашей бригаде? Никто не хочет, мы все одинаковы.

…

2.

У нас много общего с Сашей[24] было. Мы опять с моим… вот жить стали, разговорились. После войны опять мы работали, только на разных участках. Друг друга не знали. Он где-то на Новинском участке – Лапоры близко, а я в Люликарах работала, почти рядом… Он возил брёвна, а я вальщиком была... Интересно, если бы на один участок попали бы, познакомились, нет ли. Он говорит: кто его знает. Я говорю: я тебе, знаешь, что хочу сказать, ты – моя судьба, я говорю, моя судьба, и только моя судьба. А почему, он говорит.

А я говорю, потому что, когда в девчонках была, когда в педучилище училась, однажды вечером какой-то праздник был старинный. Девчонки ворожили… были такие… как фамилия, я уж забыла, две сестры были – Фирсовы! И вот, я-то вперёд легла, спала-спала-спала. Вдруг хохот! Ха-ха-ха! Смех такой подняли в комнате. Я подняла голову:

– Чего вы ржёте-то?

Они ещё тошнее.

– Чё смеётесь-то?

геометрии, физике и русскому языку». – См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5688. Л. 6.

[24] Александр Владимирович Плеханов (1930–2010) – супруг Лукерьи Петровны. Известен как старшина технического участка водных путей на участке юрты Лапоры – протока Вайсово; капитан-наставник теплохода водных путей «Клест»; как информант упомянут в книге: Бардина Р. К. Угорское население Нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века) / отв. ред. Н. В. Лукина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. С. 133, 142.

Да смотрим, говорит, интересно, говорит, хорошенького … Шептались-шептались, говорит, золотое кольцо спустили … Смеются сами.

Я говорю: интересно. Соскочила, что-то, шлёпки одела. Тоже *смотрю* (*тянет*). Смотрю, что они делают (*смеётся*). Ну, потом думаю, ой, своих женихов ворожат интересно… Я говорю … А Лиза и Зоя [Фирсовы] … Я могу тебе заказать, у меня есть хороший тоже, мне важно, не жених, а мне важно, я говорю, брат добровольно ушёл, я говорю. И охота узнать, я говорю, живой он или не живой. Если живой – пусть покажется. А если убитый, может, под бомбёжку попали, когда 1942-й год был, я говорю, пусть там горы, возвышенное место, на чьей земле лежит. Ну, она живо согласилась и сворожила. Я смотрела-смотрела-смотрела, правда, какой-то бугор такой поднялся. Я говорю: ой, хватит-хватит-хватит.

– Ты, говорит, что видела?

Я говорю: бугор какой-то, наверно, они под бомбёжку попали. Всё, не придёт, наверное, не вернётся домой …

А потом, после, а ну-ка, дай, говорю, ещё, а жених-то кто будет хоть? Может, увижу? Ну что, девчонки же ведь, девчонки, что нам, они там наворожились, так для концовки просто …

Вот они и сворожили. Вот ворожат. Я смотрю – молодой человек… в шапке-ушанке… в фуфайке… а на ногах не смотрела. Ага … Ну, кого я узнаю? А же не знала ничего.

– Видела?

– Видела, – я говорю.

– А кто?

– Кто … Ну, парень и парень, я говорю, – какой-то деревенский… деревенский, в шапке-ушанке, в фуфаечке – тогда ведь мода была всё, войну в фуфаечке, в фуфаечке, я говорю. И как-то, я говорю, вели так к реке, двери к реке, а он шёл… вышел туда к реке. Вот и всё. А потом забыла

с течением времени. Ну, видела-видела, и я даже откуда запомню, ничего, лицо-то забыла и не помню.

А когда вот стали жить, так он, правда, дом-то наш, двери здесь – к реке. Я вспоминать стала. Точно. И погляжу ещё, как он в шапке ходит и фуфаечке. И вот я ему и говорю: знаешь, что бог нас свёл. Вот как мы не встретились в войну-то, я говорю, там на лесозаготовке. Вот интересно, я говорю, рядом ты, и работали ведь. А тут смотри, я к вам на работу приехала. И не сразу меня туда отправили. Весной бы сказали, место-то есть в одной деревне. Вот там, если уедет учительница, Вы будете работать там, в Лапорах. А если места не будет, то Вас в другое место отправят. Ну ладно. Нам не всё равно? Хоть куда. Никакие деревни я не знаю.

Ну ладно. Осенью только приехала в районо, и говорят: Вы поедете в Лапоры работать. А я говорю: а что учительница уехала?

– Да, она уехала. И Вам надо как можно скорее уехать туда. Маленько обрадую или горько будет Вам, Вам надо быстрее ехать, потому что *четыре дня осталось* (*выделяет*) и школу принимать, а в школе печей нет. И дров нет.

Ну ладно. Меня это не испугало. Ну, это, не для себя прошу – для детей-то всегда будет. Ну, поехала.

Приехала. Сразу же первый день под вечер приехали, пошла, не терпится … Меня привели к какой-то бабушке, и я там остановилась. Оказывается, это была мать учительницы. Дочка уехала, говорит, Вы будете работать здесь, поживите у меня.

Ладно. Там стала жить. В этот же день вышла на улицу – парнишка бегает. Это Сергей был, Смолин, который в Нарыкарах живёт.

Такой живой, нос, щёки красные…

– Мальчик, как тебя зовут?

– Серёжа.

Я говорю: а ты знаешь, где уборщица живёт школы?

– Знаю.

– Ты не сходишь, я говорю, – ключи, наверное, от школы у неё.

– Схожу… и сразу *побежал* (*тянет*).

Прибегает – отдышка у него, бегом быстро сбегал.

Ну ладно, и пошла в школу. Открыла, не терпится. Как печка? Где как дрова? Как школа? Ой… там *пошарилась* (*тянет*), смотрю: девчонка прибегает.

– А Вы нас будете учить?

– Да, вас буду учить.

Там другая, третья прибегает.

Я говорю, девочки, идите домой, вы мне маленько мешаете, я тут кое-что посмотрю, что у вас есть для школы. Школа будет работать – приходите. Все школьники, школьницы. – Ушли.

А потом, ключ у меня, и в этот же вечер пришла домой к бабушке, думаю, надо насчёт дров решить, надо быстрей-быстрей работать. Опять вышла (*усмехается*), спрашивала, где живёт человек, который, говорят, может дрова заготовить?

Есть, говорят, через три дома, туда идите и он вам скажет.

Пришла туда. *Пожилой такой дядька*, *ага, сидит за столом посередине*, *вот так, чашка большая, а в чашке большая кость, огромная* (*тянет*). А для девчонки, для меня это страшно было. *Кость огромная в чашке* (*тянет*). И он вот так сидит, кость держит.

– Здравствуйте! – Зашла.

– Здравствуйте, – а течёт, жир ли, суп течёт.

Брезгливо поглядела на него. И сразу же к печке повернулась – там жена, а жена сухонькая такая, простоквашку пьёт (*усмехается*). Меня ошеломило как-то… Здоровый такой, жирное ест и жена простоквашку пьёт… Очень странно кажется.

Я говорю:

– Вы знаете, как Вас зовут?

– Кив.

– А зовут-то как?

– Август Михайлович.

– Будем знакомы, я учительница, приехала работать в Лапоры. Я знаю, что в школе дров нет. Вы сможете для школы заготовить дрова?

– Смогу (*низким голосом*).

А я говорю, нам, наверное, надо кубометров 15-ть. А он говорит: нет, не 15-ть кубометров. Ладно, я заготовлю всего кубометров 5-ть, говорит. А там, Вы сделаете собрание и поговорите с родителями. Родители пусть Вам возят. Ну, как они там договорятся, говорит, берёзовые дрова… могут возить, здесь распилят и вот вам, пожалуйста, вам хватит на весь год. Сухих немного на растопку, а берёзовые дрова, говорит, жар дают. Так что Вы не беспокойтесь.

– А две печки ещё развалены. А кто же, Вы не подскажете, кто может?

А мне сказали, опять он делает.

– Вы не подскажете, кто может сделать?

– А насчёт печей тоже я Вам сделаю. И сделаю Вам быстро, – говорит, – Вы не беспокойтесь. Я вот начну… с завтрашнего дня.

Я говорю:

– Вот хорошо-то, ну спасибо Вам большое, – я говорю. Теперь я надеюсь, что Вы исполните…

– Да-да.

Ладно, вышла. Ну, долго думала, батюшки мои, обезьяна-шимпанзе. Такую кость я сроду не видала. Чтоб на столе, и так тарелка тут (*смеётся*). И жена простоквашку там пьёт. Я ей ничего не сказала, ну, спасибо Вам, я пошла…

Пришла, покушала. А я даже кушать, чай пить не села, пока не узнала. Потом пришла, ну что, вы голодные, гово-

рит [бабушка-хозяйка], а я говорю, теперь-то я уже попью чай. Всё сделает Август. Вот такие похождения…

…

3.

Я кому-то рассказывала, уже не помню, [как сосватали], как Саша приехал… и умудрился же приехать на гребях, большая же эта лодка водопутская[25], огромная, не такие лодки, как наши раньше были, вот, и отца взял, старика ещё Шишкина взял. Трое приехали. Трое приехали, и хоть бы я дома была бы, может быть, встретила, а меня дома нет. Я уехала брёвна собирать плавучие. Я только приехала, а зять[26] говорит: собирайся, говорит, будем, это самое, дом маленький, [брёвна собирать, чтоб построить другой дом]. Ребятишки [у зятя с сестрой] тогда маленькие были, а ростут, а он и говорит, кто-то был, а кого-то не было тогда, и у него помощника не было, попросил меня съездить, поедем, говорит, брёвна собирать.

– *Поедем* (*слегка растягивает с нажимом*). Я чё, девчонка тогда. Ни тут, ни тут ничё не болит – поехали.

Три дня мы собирали брёвна. Плот плотили. А потом по течению-то и спустились, *спустились, едем, до Нарыкар доезжаем. Я смотрю: классная лодка стоит* (*тянет*) … Они до этого, видно, тоже приезжали в Пашторы-то. Я вообще не знала, мы с ним и не встречались никогда.

Ну и вот. А потом подруга у меня была Новицкая. Такая здоровая, высокая, голубоглазая. Но такая простая-простая. Она бежит на берег. Далековато-то. И в воду – плот-то тихонечко – она спускается, я говорю: Оля, ты куда, зачем?

– *К тебе надо, к тебе надо* (*жалостливо*). А чё ко мне надо, я даже ничё не подумала.

Потом, это самое:

– Мы сейчас близко подойдём, ты не лезь, не лезь.

[25] Лодка, принадлежавшая местному подразделению Министерства речного флота СССР.

[26] Семён Лельхов – супруг сестры Л. П. Плехановой.

Она всё равно бредёт. Подлезла посюда (*показывает*) в воду и: меня вытаскивай!

Да где же такую тушу… Я говорю:

– Давай, держись, я не могу тебя поднять.

Кое-как затащила, с неё чурит[27], я говорю:

– Чё ты?

– [*Шёпотом неразборчиво*] за тобой приехали.

– Кто приехал?

– А вон лодка-то, посмотри.

Я думаю, батюшки, правильно. Он писал, в Тугиянах работала, что «приеду». А я чё. Чё верить-то. Мало что они пишут. И я даже не верила и не думала. Думаю, он шутя пишет.

А потом пристали, так смотрю: идёт Плеханов. Познакомились… в Лапорах-то. Я работала и уехала оттуда.

Я в Полноват просилась, а там другая учительница приехала. Я одна, а та – четверо или пятеро [детей] уже было, хохлушка. Так вот, районо спрашивали, вы сами подумайте, кого можно в деревню отправить. Вы же одна, она – с детьми, скучать будет, и дети скучать будут. Давайте сделаю… в деревню поедете, ещё пока одна, а она здесь пусть будет.

Ну и вот. И меня отправили в другую деревню. Господи, господи… Из одной уехала и в другую попала. Мне неприятно было, да ещё неприятность из-за квартиры получилась. Что один-единственный дом сельского совета, пока мы ездили, там учительница была же, тут уже 4 класса, но требуются два учителя.

И скандал. Дождик идёт. Мы приехали и на улице стоим. [Постоялица квартиры] не запускает. И вышла ещё:

– У Вас среднее образование, у меня тоже среднее образование, медработник, я имею право, я заняла и никуда не уйду, как хотите.

[27] Видимо, от хантыйского щŏрыты ‘течь’ – глагол субъектного спряжения: йиӈк щŏрыйəл ‘вода течет’; йиӈк нăӈ элтэн ал щŏрыйəл ‘вода с тебя так и течёт’.

Знаешь, господи, куда я попала-то. Там плохо было, здесь ещё хуже. А потом… всё. Кое-как… потом я зашла туда к ней, я говорю:

– Ну, вы видите, дождь идёт, куда я должна, я никого не знаю здесь, я говорю.

– *Узнаете* (*бранчливо*).

Она, такая, ага … Г., может, слыхали, нет? Вот, медработник.

Вот мы там маленечко это, ночку или две провели.

– В прихожую поставьте койку пока здесь, а потом найдите квартиру. Потом я с П., вот мы с ней, из одной деревни, вместе учились – и опять вместе. Она радовалась мне. И отправили вместе. Я чуть не плачу.

Ну чё потом, *всяко говорили* (*тянет*). Эта медичка, видимо, какая-то сплетница, что ли, была. На другой день идём [с П.], знаешь, в школу сходили, девчонки идут и подходят к нам, они П.-то знают, меня не знают, и говорят:

– Г. сегодня в больнице говорила плохо о новой учительнице.

Я говорю:

– Что ей надо? Мы, может, маленько виноваты, что этот вечер, когда приехали, дождь был, нам обидно было, что мы – учителя – у порога живём – а она там ещё злилась на нас. Я говорю, что делать-то. Чайку попили, дай-ка поиграю. Взяла гитару, мы с ней частушки попели, да песни попели. А её [Г.], видно, мутило от этого, не радовало, а мутило.

Кто ни придёт – всем рассказывает, новая учительница, говорит, приехала, сразу видно: огонь и воду прошла, медные трубы.

Вот я П. говорю: ладно, я говорю, – поживём, узнаем. Какие я медные трубы прошла. Она говорила, видно, выгнали оттуда, а из Лапор-то меня выгнали и я приехала, причём такая – ещё песни пою, наигрываю. Я говорю: ладно, поживём, узнаем.

Пришли домой [к П.], я говорю: ты знаешь, телефон хоть у вас есть, в вашей деревне?

– Есть, говорит, – за рекой.

Я говорю:

– Как дойти до этого телефона?

– Это самое, в субботу, после работы переедем и поговорим там с центром, с Полноватом.

Ну, переехали, я поговорила, я говорю: вы знаете, уж меня всяко, я говорю, представляют в этой деревне, и я здесь не останусь. Если квартиры не дадите, я уезжаю. Пусть в районо и пускай меня, куда хотят, отправят, но здесь не буду. А они говорят: не беспокойтесь, мы на этой неделе что-нибудь придумаем, что-то предпримем, говорит.

– Ну ладно, – я говорю, – подождём маленечко.

Но больше всего уже в школе находились. Так. А потом, правда, приехали, нам ничего не сообщили, мы в школе были, потом уж, видимо, квартиру искали, чтоб мы не знали. Нашли, освободили двухквартирный дом, одну половину освободили, куда-то переселили, а нам – другую половину.

И вот, потом пришли, вот мы приехали из Полноватa – нашли место для вас, пойдёмте, и посмотрите, понравится или нет. Пошла, посмотрела: да, нравится. Солнечная сторона. Ладно, я говорю: останусь, поработаю. И осталась. Год проработала …

Ну, там, конечно, другие парни были, девчонки хорошие, певуньи тоже. Каждый вечер собирались после работы, песни девчонки пели дома. Репетиции который раз дома проводила, а с поселковыми – там в школе. Короче говоря, это ещё, кружок повела. Вот так проработала.

А Саша быстренько узнал мой адрес. Мы никогда не говорили. Я хвалю его, ценю за то, что целый год они ходили все, три брата. Вот все хорошие. Один анекдоты рассказывает, веселит, Валентин, Андрей – всё прочитанные книги, а Саша помогал. Я однажды план пишу, говорю:

с вами вечера провожу, ничего не могу, ещё Альбина – подружка ходила, ненка, а я говорю, это, мне же помогать надо. Вот давайте, я писать буду, кто может помочь из вас? А Саша говорит: я буду помогать (*смеётся*). План напишу, до чего дойду, карточку вот так: печатай, а он *печатал* (*тянет*). Или написать надо – напиши, вот так помогал. Хоть бы раз говорили: что мы друг друга уважаем, любим. Он мне нравился, я тоже, видимо, нравилась, ну никогда, никогда… Ну и всё.

Разошлись в Цигарах, расстались. Я думаю: всё, навеки веков расстались. А потом узнал [адрес] и письмо стал писать … Ой, смешно было. Я говорю, *меня всяко тут называют уж, так сяк написала, вот так. А он пишет: пускай! Я знаю зато* (*смеётся*).

Я всё думала, почему она [Г.], похабщину не пели, мы обыкновенные песни пели, частушки, похабщину тоже не пели[28], ну почему она так обо мне думала? Ещё думала-думала, а потом первый праздник, раньше-то справляли октябрьский праздник. И вот однажды… в этих Тугиянах жил мой сродный брат Т., не родной, а сродный брат. И чё-то спорили с П.-то. П. проспорила чекушку водки. Значит, она и говорит: в субботу Т. придёт, принесёт бутылку, я проспорила, говорит, так купила, говорит. Я говорю: пусть придёт. Он мой сродный брат, наоборот, мне охота с ним пообщаться. Он такой красивый причём парень.

…

А утром за стол сели … И давно вы живете с ним? – я говорю. А она покраснела-покраснела, сестрёнка дома была, я говорю, ты отправь в школу, пусть она, там открыли уж, я хочу с тобой поговорить.

[28] Похабщина получила некоторое распространение среди хантыйской молодёжи. – См.: Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. Полевые материалы, докладные записки и отчёты. Ч. 1. Северные ханты. 2-е изд-е. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 89.

Ну, она пока накормила сестрёнку, отправила: мы поговорить хочем о чём-то, мешаешь. Вот сестрёнка ушла, я говорю: это чё, вы первый раз? или что? Понять не могу, я говорю. Она говорит: нет, это с прошлого года, говорит.

– И не живёте вместе?

– Нет.

– Так, конечно, говорю, вон откуда идут, смотри-ка что, почему меня с первого раза, мы с тобой просто попели, да частушки попели, на меня, говорю, так сразу говорит, видно, огонь, воду и медные трубы прошли. Я говорю, под это, наверное, я попалась, наверно, я тоже такая же …

А почему, я говорю, вы с ним не живёте?

Она говорит: а не хочу.

– Зачем тогда? – я говорю.

– А он насильно, – говорит, – меня.

Ну а как-то, я говорю, сделаться надо. Ведь позор же. Это вон, я говорю, меня всяко обзывают, говорят про меня – точно они подумали, что и я такая же, как ты, я говорю.

Нет, я не хочу такой быть, не была, я тоже год проработала, я говорю, меня никто не съел, причём, я говорю, три парня ходили, никто, плохого слова не слыхала я, говорю, всё добро́, всё хорошо.

– Давай-давай, мне кажется, я говорю, ты мне подруга? Подруга, из одной деревни, а Т. – мой брат. Я же противто не буду действовать. Хочешь? Любишь?

– Да.

– Так а чё ж не выходишь замуж? Люди-то – учительница – про тебя плохое говорят. Ты, может, тоже, про тебя говорят, огонь, вода и медные трубы, вон.

Наехала на неё.

– Вот, октябрьский праздник будет, обязательно ты должна выйти замуж. Он неплохой. Он пьёт сильно. Это меня не касается, я говорю. А если это будет продолжаться,

я тебя выселю отсюда, где хочешь – там и живи, а ты мне не нужна будешь.

Она говорит: ладно, а как это сделать?

– Как сделать?! Господи! Денег у нас мало, мало, но есть русские женщины, которые бражку делают. Что людям надо, бражка и ладно, водки не надо покупать. Сахару возьми, сколько надо, потребуется, вот С-ны тут недалеко живут. Парнишка учится у меня. Хорошая женщина. Поговори с ней. Сахару возьми, всё, пусть бражку сделает. И мы тебя пропьём (*смеётся*).

Она так и сделала. Бражку сделала, праздник праздновали, я не помню, то ли была я, то ли не была, даже не помню, по-моему, я не ходила. Мне какая-то работа там нашлась, я не ходила. Самое главное, что я её поженила.

[Он согласился]. Она хорошенькая, щёчки румяненькие. И он хорошенький… Он чё, пьёт? Так теперь все пьют. Лучше выйти, чем тебя обзывают, представляют … [Три сына у них теперь].

Потом она замуж вышла, я говорю, будешь теперь у него жить. Она перешла туда. Я одна осталась.

А потом на следующий год, вот, зиму-то переписывались, у Саши тётка была в Берёзовом … не Берёзовом – в Полновате, в Полновате, [на почте работала] и вот через неё. Она хорошо знала Сашин почерк, и вдруг «Плеханов».

– Так это Сашка наш, – говорит. Так девушка-то в Тугиянах работает.

Она письмо сразу же быстренько послала, и живо письмо пришло.

Думаю, откуда он знал, что я тут … Ну попереписывались, Саше я отписывала, ко мне, я говорю, уж сваты приходили, и он пишет: не смей выходить за кого-нибудь (*смеётся*), весной я приеду.

Ну, приеду, приеду… Моё слово… А может, и не приедет. А я не думала. А вот он приехал к этому времени, что меня дома нет (*смеётся*).

Приехал, три дня, говорит, и не знаю, где живёшь, спросил, говорит, где живёшь, сказали… а в избушке жили. Я-то домой приезжаю, на улице сплю, в амбаре, там у меня своё место было. Постель и всё там было. Дома-то я никогда не спала. И вот, пошёл, говорит, показали, избушка… вот ни за что я, говорит, не поверил, что ты тут живёшь.

У меня чё? Там сестра жила, у них была семья, а у меня дом-то в этих был, в Рязанах, тут-то у меня дома нет, я как гостья приезжаю. [Он] говорит: посмотрел – гитара висит, только тогда, говорит [убедился], значит, тут и живёт.

Никого, говорит, не знаем. От горя, говорит, в магазин сходил, водки просил – мне не дают. Водку нельзя, запреты какие-то были.

Три дня ездила я … Главное, получилось, мы уехали с зятем, только скрылись – и лодка туда идёт красная, пристала, и вот так мучились. И это – в лодке спали.

Ты знаешь, какое мучение было? Разве я это могла знать? А теперь, говорит, посмотрел, правильно, там же … Хозяйка не приглашает – а сестра-то ничё не знала, абсолютно, я ей даже и не говорила вообще…

Ой, *а как приехала* (*тянет*), какие-то брёвна привезли, зашла, она давай меня ругать, сестра, по-своему: бессовестная ты такая, говорит, бессовестная сестрица, ни словом не промолвилась, что к тебе какие-то женихи приедут, говорит, сватать будут. Если бы ты сказала, я хоть маленько бы приготовилась бы, а то я вовсе ничего не знала, какие люди, зачем приехали, говорит, и они там ночевали, в лодке.

Я как вспомню сейчас, мне обидно, думаю, правда, и вроде бы не знала, я выйду или не выйду, может, и не буду выходить, и так я мучила парня. Ой, а потом приехал, ещё

помучила … Вот такое было, думаю, Господи, ну и чё, кто его знает, чё, выйти или не выйти…

Ну, там тоже парни [были]. Один был… Строители приехали, тоже паренёк, зубы золотые были, тоже на гитаре играет и всё ко мне приходил. А я, наоборот, убегала от него. Я боялась его. И вот сяду и думаю: Саша – он простенький такой, он неплохой, хороший парень, да все Плехановы хорошие, и мать, отец – все душой, а тот – он строитель, он пожил, может, сообразил то же самое, что с П., сел – да поехал.

И вот вообще не знаю. Я думаю, чё делать? Как культурненько избавиться от него? Он приходит. Посидит, поговорим, на гитаре поиграет. И каждый раз, каждый день так делала. Вот. Я как бы хозяйством там, кастрюлями побрякаю, чаю скипячу, а сама выхожу в двери, двухквартирный дом, мы тут жили, а там другие жили.

Я выйду, оттуда вкруговую пойду, а там – через дорожку – Маша Собянина жила, она полноватская... Себурова Мария – она за Собянина замуж вышла. И вот – к ней и сидим. У ней окна туда, куда он ходит. Сидим-сидим – смотрим, он уходит. Скроется там, я опять выйду этим путём и домой шмыг. Окна завесила, закрылась и сижу, планы пишу и тетради проверяю.

Вот таким образом. А [он] однажды спросил: куда Вы ходите? Я говорю: не обязательно всем знать, куда хожу. Вот так и избегала, избегала.

Ну а Саши-то я письма получала, не показывала ему ничё, этому-то парню, прятала их. А потом, я смотрю – уехал и всё.

А сестра-то меня наругала: бессовестная ты такая, говорит, ничё не подготовлено, ничё нет, избушка, куда я, на пол их положу? – говорит. Было бы место, я хоть сказала бы, а то, говорит, в избушке мы живём, в конуре, пригласить не могу, и они, бедные, там три дня жили.

И вот он сразу же говорит: я за тобой, мы за тобой приехали.

– Так зачем ты стариков-то взял?

– Так надо, – говорит. – Мне ехать надо по обстановке[29]. Они по обстановке [старики]. Отец-то тоже ездил, и отец согласен, и тот мужик согласен, говорит: поехали.

Я говорю: вы голодом сидели.

– Да нет, – говорят, – хлеб покупали, а водку нам *не давали* (*тянет*). Вот беда-то, вот беда-то. Я говорю: бедные вы мои…

– Ну чё, поедешь со мной?

– *Не знаю, Саша* (*смущённо тянет*), *не знаю, что и делать* (*тянет*).

– Ну же я писал.

– Да, ты писал, ты всё писал…

И даже предлагал, какие туфли покупать, какой размер. Я всё хохотала: ну можно, я говорю, всё писать, я как будто продаваться буду, чтобы он мне это купил. Нет, никогда ничего не возьму, и не просила.

…

Ну и вот: чё не пойдёшь?

– Я не знаю, подумаю. Ещё охота побегать, чё уж я говорю, замуж сразу. Ты поживёшь тоже…

– Нет, я ждать не буду. Приехал за тобой, только ты представь себе, за тобой приехали.

– Ой, не знаю.

Потом чуть погодя, чуть посидели, поговорили, смотрю – учительница идёт наша – С. Она такая красивая тоже, очень красивая, умная учительница, отличник образования. Но она потом … К ней ходили все приезжие начальства. Начальство-то приедет к нам, а идут все к ней … Как это у ней получилось? …

[29] По служебным делам.

Она в N. молоденькая приехала. И ученик влюбился. Она отказала ему. Отказала. Ученик 10-го класса, а ей коллектив, коллектива она стеснялась, и она отказала ему. Он сильно-сильно влюбился, очень красивая. Она мне и говорит:

– Луша, вот я сейчас специально девчонок спрашивала, твоё отношение [к жениху], говорит, ты согласна – не согласна. Девчонки сказали, что ты не согласна. Я пришла сюда, может, тебе помогу.

Я говорю: – Ну и в чём?

– А вот так.

И свою судьбу мне рассказала. Вот так было. Потом его в армию взяли, парня. Парень хорошо служил, ему отпуск дали, чтобы повидаться с ней. А он пришёл, в отпуск приехал, пошёл к ней, она даже не стала разговаривать: нет и нет, и нет, – говорит. И всё, отказала, и он, говорит, рассердился. И отпуск кончился. Ну, там, на 10 дней. И уехал опять служить. Он тоже рассердился.

Вот она тогда подумала хорошо. Взвесила для себя. Потом и говорю (-рит): дура я ненормальная! дура ненормальная.

Вот. И другие, раз она красивая, то [один] с ней, другой – с ней. Она разболталась вообще. Начала ещё в N. Там в школе работала, а после в деревню перебралась, может, отстанут. Нет – всё равно тут… Узнают ведь сразу же про такую женщину, живо распространяется.

И вышла за плохого ханта … ага, я забыла, как его звали, *некрасивый* (*тянет пренебрежительно*). Я даже посмотрю на него, мне кажется противный. И она живёт, чтобы, говорит, надоело, чтобы другие не приставали, что муж есть. Надоело, говорит, мне всё.

Как бы, говорит, у тебя так не получилось. Я, говорит, десять раз уже прокляла себя, первое счастье пропустила – и какой я стала?

Вот ты, вот, если не выйдешь, пропустишь, говорит, счастье, такой же будешь, как я, говорит… Мой совет, говорит, настоящий: хочу, чтобы ты хорошо жила, выходи за этого. Я, говорит, знаю – у неё же сын был… он работал с Сашей маленько гребцом, – я его хорошо знаю, говорит… так что, говорит, мой совет, ты выходи за него, а то счастье потеряешь.

И я подумала: а может, и правда? А может, и правда. За какого-нибудь попадёшь, так и буду проклинать или меня *лупасить* (*тянет*) будут. Я законы хантэйские не буду соблюдать, меня будут … Скажут, ребёнок из-за тебя, ты по-русски живёшь, не закрываешься, не закусываешь платок[30]. А ведь учитель-то ведь в деревне первый человек, секретарь. Ну, я подумала: правда, правда ведь.

…

Саша-то подошёл: – ну, чё, чего она говорила? Я говорю: она хорошо говорила, она хорошо отзывается о тебе, ты знаешь её?

– Как не знать, [сын] её у меня … Ну и чё?

– Она сказала, чтоб я с тобой.

– Правильно, говорит.

Я говорю: ну ладно, так и быть, поеду с тобой.

Ой, думаю … Зашла, сестре говорю: чё, сестра, мне выйти, что-ли, замуж.

– Дело твоё.

[30] О нарушениях избегания см.: Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. С. 430; Иванова В. С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XX века). Ханты-Мансийск: НИЦ ЮГУ, 2010. С. 157; Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. Полевые материалы, докладные записки и отчёты. Ч. 1. Северные ханты. 2-е изд-е. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 145; Бардина Р. К. Угорское население Нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века) / отв. ред. Н. В. Лукина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. С. 138. В то же время в 1962 г. З. П. Соколова отмечала устойчивость обычая на Сыне и Куновате. – См,: Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. Полевые материалы, докладные записки и отчёты. Ч. 1. Северные ханты. 2-е изд-е. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 84, 94, 134, 163.

Она сердита на меня. «Дело твоё». Ничего не сказала, ничего я не знаю, и теперь сядешь – и поедешь.

– А куда денешься, я говорю, вон, на гребях приехали, так жалко, поди.

– Какие люди? – говорит, – я ведь ничего не знаю.

– Люди хорошие, – я говорю. – Не знаю, как дальше будет, но люди хорошие, я так скажу. А больше не знаю.

Ну ладно. Потом вышла, Саше говорю: ну чё, поедем, говорю, чё делать-то будем, чайку хоть надо попить, маленький стол собрать, попьём чайку и поехали.

Вот. Собрали, чайку попили, села – да и поехала (*улыбается*).

А дорогой старики гребутся: сиди-сиди. Меня посадили на середину.

Сидела-сидела.

– Саша, – я говорю, – давай я сяду, сменю, – говорю, – отца.

– Да пусть гребёт.

– Да чё. Жалко мне стариков, я буду подменять их попеременно, я молодая, сижу, стыд-позор.

Потом: дело твоё, – говорит.

Я потом села, вот рядышком, гребёмся (*смеётся*). Это против течения … *Замучил* (*тянет*). Я часто поминала. Ой … я говорю …

[Моторных лодок] не было, не было. Всё на гребях.

Туда по течению обстановку направляют[31], керосин дают… а обратно иногда на какой-нибудь теплоход или пароход там цепляются, поднимаются до деревни, потом их оставляют тут. Надо же, какая опасная работа.

…

А приехали туда, встали, там остро́вка, прямо у Лапор остров есть. Стали подъезжать, из-за острова выходить

[31] Очевидно, специальный инвентарь.

в деревню прямо, там говорит: ты ложись прямо на лодку. Я говорю: зачем ложиться?

– Сейчас, говорит, наблюдает, наверное, с горы-то хорошо видно, сколько человек уехало …

А ребятишки, они тоже ждали. А вот этот Сергей Смолин… – мой ученик, лапорский, первый…

– Они ведь наблюдают, – говорит, – они тоже хотели, чтоб [ты] приехала.

Ну ладно. Так неудобно было, я говорю: грести надо …

Я легла, лежу, совсем как эта… Из лодки-то не видно. Ну ладно. Подъехали, пристали, говорит: ну полежи ещё, говорит. Ну, сколько лежать можно?! (*смеётся*). А потом встала, пошли домой. Ага (*улыбается*).

А потом Рая прибегает, Смолина… *прибегает* (*тянет*) Сергея мать, глаза пучили, говорит, всё смотрели… привезли – нет? приехала – нет? Приехали, – смотрят: три человека, неужели она… нету чё-та, как так, говорит, уехали трое и трое едут. И *всё* (*тянет*) смотрели, говорит, пока пристанут… а-а-а! Четвёртый человек (*смеётся*).

Нас уж ждали. Они мне нравились все, первый год я прямо как это, сама молодая, и ребятишки, и Колька Пашнин на гармошке так хорошо играл, и сборы проводили нормально, и им понравилось. Что ты!

И в Тугиянах понравилось потом. Как *узнали* (*тянет*), уехали, говорит, так сожалели, так сожалели.

– Как же так, она вещи оставила там, *приедет* (*выделяет*).

Дом закрыла и вещи ни при чём. … Да, наплевать, я говорю … Планы, документы, что мне надо было, всё забрала. Кто его знает, в дом зайдут – всё украдут.

Как в Лапорах на работу устроились?

А просто съездила в Октябрьское… Тут пароходы ходили. Пароходы ходили… К нам не заходили – там мелко – в Лапорах, из-за этого не заходили.

Как свадьбу сыграли?

Играли здесь, в октябрьский праздник в Лапорах. Народу много было...

А мы лето так жили, записались, зарегистрировались… Ну раз так получилось, к празднику приурочили. Хорошо было. И до сих пор это вспоминаю, людей, наверное, 60 с лишним было. Знаешь, *голоса какие хорошие* (*тянет*)… Всё Саша каждый раз вспоминал тоже: ох, как хорошо было в Лапорах… Мне нравилось там тоже. Только мало народу [проживало], да и заход плохой – большие судна не приставали. Но «Звезда»[32] приходила, нам продукты привозила всегда, муки мешками брали, сахар, прочее, прямо к дому приставала …

Редко газеты приходили …

[32] Пароход «Красная звезда» по воспоминаниям Д. П. Ермачковой (Тынзяновой) в послевоенные годы обслуживал, в частности, бакенщиков. – См.: Бардина Р. К. Угорское население Нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века) / отв. ред. Н. В. Лукина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. С. 141.

Татьяна Никифоровна Непкина (Яркина)

Татьяна Никифоровна Непкина (Яркина) родилась в сентябре 1932 г. в деревне Верхние Нарыкары, в мансийской семье. Отец – Никифор Данилович Яркин, рыбак и охотник, был председателем колхоза. В 1941 г., в 9-летнем возрасте, совсем не зная русского языка, Татьяна Никифоровна пошла в школу. Школьные годы пришлись на войну и первые послевоенные годы, были омрачены гибелью отца и недетски тяжёлым трудом.

После окончания Кондинской средней школы в 1951–1955 гг. Татьяна Никифоровна обучалась в Ханты-Мансийском педагогическом училище. С 1955 г. работала учительницей в Чемашах, Верхних Нарыкарах, заведующей – в Мулигортской, а затем в Чемашинской школе.

С 1966 по 1985 г. Татьяна Никифоровна учительствовала в Перегрёбинской школе, была пионервожатой, председателем женсовета и секретарем комсомольской организации. Многие её воспитанники стали известными в своих кругах людьми, среди них ректор Калмыцкого государственного университета, профессор Г. М. Борликов, полковник, бывший сотрудник Первого Главного Управления КГБ СССР В. С. Бембеев, писатель Б. А. Богаев и др.

После выхода на пенсию Татьяна Никифоровна долгое время прожила в с. Перегрёбном, была активным участником ветеранского движения, председателем совета ветеранов. Удостоена почётных званий «Труженик тыла» и «Ветеран труда», награждена медалями в честь юбилеев Победы в Великой Отечественной войне[33].

[33] Биографическая справка о Т. Н. Непкиной подготовлена её дочерью, Галиной Александровной Шеманчук.

Воспоминания Т. К. Непкиной записаны А. Г. Киселевым в пос. Талинка 20 августа 2018 г., в доме её дочери, так же школьной учительницы Г. А. Шеманчук.

Расскажите о себе, о своём детстве.

Родилась я в 1932 году в деревне Верхние Нарыкары. Ну, там, конечно, всё на мансийском, а я на русском языке не умела разговаривать, ни одного слова не знала.

И это… какой же год… [19]38-й … Перед войной, это… в первый класс меня попросили, когда мне стало восемь лет[34]. Я не пошла. Я про себя думаю, мне платьев не было русских совсем, и ни одного слова на русском не знала. И спросили, сегодня первое сентября, надо идти в школу. Я потом про себя подумала и сказала: Я не пойду в школу. А почему не пойду? Потому что я людям объяснила, почему я не пошла в первый класс. Отца дома не было. Отца отправили в Ханты-Мансийск или ещё какой-то город учиться на председателя колхоза, потому что он передовиком был производства. Всё время занимался он зимой охотой, летом – рыбалкой и всегда больше всех добывал рыбы и больше всех пушнины сдавал. Пушнину сдавать он ездил в Берёзово. А у нас магазинов не было тогда в деревне. И оттуда он привозил на эти деньги, на пушнину, которую получал, муку, там мешок или два ли. На лошади ездил, и продукты ещё привозил, там сахар или ещё какие-то продукты, но я не касалась это (*смеётся*), не спрашивала, какие продукты. Я же родилась в [19]32-м году, маленькой тогда была, так мне какое дело было, чем они кормят (*смеётся*).

Четыре брата у отца было. Сначала жили они в одном, в отцовском доме. Самый старший – Иосиф, потом отец мой, третий брат – Алексей Данилович, и четвёртый – Григорий, Григорий самый маленький был. У них отец утонул. На лодке ездили, раз семья большая, надо кормить ведь.

[34] Скорее можно говорить о 1940-м.

Осенью только река начала… замерзать, и детки появились, да все на реке. Он, видно, поехал на лодочке, на колданке[35], за реку в Нарыкарах там, Нарыкары стоит перед … протокой. За реку поехал, и льдом, видно, лодку-то, застыла и перевернулась, утонул, в общем. Осталась мать.

Четыре сына у них. Четвёртый-то маленький был, Гриша. Ну и вот, у них мать одна осталась тоже, больная была, ноги у ней отекали. Баню затопила и… раз медиков тоже не было, ни врачей, никого, они сами… сами… лечились, в общем. Зубную … щучью зубу взяла, почистила, баню истопила, пошла побила ноги… ещё что побила … не знаю, не слышала я … В общем, я тогда маленькая была, так мало интересовалась. Ну и у ней вся кровь вышла из ног. Вся кровь вышла, и тоже… скончалась.

И они, четыре брата родных, остались сиротами в отцовском доме. Иосиф, старший самый брат, у него зрение было плохое. В общем, больной он был. Он занимался домашним хозяйством, раз магазина нет, держали скот домашний, там коров держали... Чем-то надо детей кормить, самое главное – вот корова, вот мясо. Значит, он хозяйством занимался. И дрова нужно – печки да всё топить. Тогда ни света, ни газу, ничего не было. И это… Стряпать – тоже, сами стряпали, на улице печка была, мазанка. Из глины мазали вот.

Они поженились потом, эти братья. И это… одна невеста, например, стряпней занималась, вторая – там по хозяйству, третья – варила чего-нибудь (*смеётся*).

В одном доме сначала жили. А потом их расселили. Советская власть когда стала, в тридцатых или когда стала советская власть. Или после … Ну и вот. Их расселили… Советская-то власть пришла, сказала, что нельзя жить

[35] Лодка из цельного дерева с «пришитыми» бортами. – См.: Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. С. 138. Краткое описание изготовления лодки см.: Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. Полевые материалы, докладные записки и отчёты. Ч. 1. Северные ханты. 2-е изд-е. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 98.

в одном доме всем. Надо каждой вот семье, должны жить отдельно. Вот Алексей Данилович, это третий брат у них, самого старшего брата Иосифа оставляют, значит, они в отцовском доме. А отец мой, отцу моему некогда было дома строить, первый, значит, Алексей Данилович (это третий брат, а Гриша еще маленький был), он дом себе стал строить, построил, в общем. Потом с Алексеем Даниловичем метров пять ли… может, десять, тут же рядом на горе отцу моему. Отец заказал, значит, кому-то там, строителям, дом строили. И вот они рядом все три брата жили[36].

Ну, Григорий тоже рос ведь, пока строились, пока жили, да рыбачили, да всё. А рыбачили они… это… с родней. В общем, вся родня, четыре брата, потом Гриша вырос, да ещё родственники были, братья в Нижних Нарыкарах.

Они это … Наверно, когда колхоз уж стал, они неводили, тоже со своей родней. Тут четыре брата летом, да ещё… это… приглашали своих родственников. В общем, летом ловили рыбу, сдавали. И для этого… где-то хранить надо рыбу, рыбучасток решил строить, это… в конце деревни, там гора есть, святая гора. Рыбу куда принимать, плашкоут… приёмный пункт.

Рыбучасток, в общем, построил себе приёмный пункт там, чтобы… ведь ни холодильников, ничего не было, рыба портится, они сразу свежую рыбу туда сдавали… Не в сарай, а в гору вкопали туда, чтобы холодно было. И там приёмный пункт сделали. Рыбу туда сдавали.

Расскажите о своём детстве до школы.

Дошкольное детство я дома с матерью жила. Ну, мама даже с рождения меня с собой брала. Ведь… витамины нужны, как ягода созревает … Я родилась в сентябре. Ну и вот, с сентября месяца немножко она поправилась, в зыбку бере-

[36] Несколько иную версию этой части истории Яркиных-Непкиных см.: Бардина Р. К. Угорское население Нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века) / отв. ред. Н. В. Лукина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. С. 144.

стяную[37] положит, идёт бруснику собирать. В сентябре уже брусника готовая. Там в лес придёт, покормит, повешает зыбку, а сама кругом ягоды собирает, пока я сплю, она собирает.

Зыбка из бересты вот… Бересту так снимают (*показывает*), и вот так сгибают края, потом обшивают кругом. Тут ещё головку, значит, пришьют, потом, значит, посередине верёвки сделают так, подвешивали, тут тоже, значит, зашивали. И ребёнка рождённого после роддома да и в зыбке носили.

Ребёнок прямиком спит так, а потом, когда подрастает, тогда сидячую зыбку делают, вот так. Тут тоже кругом сделают в ногах, а спина тут сидит, подушка тут, тут тоже подушка. И верёвку тут завязывает, покормит – опять повесит … Мать в это время что-то делает (*смеётся*).

В общем, из бересты. А бересту снимают … Я забыла, вот ходила узнавать, меня спрашивали зыбь эту из бересты сделать, в лукошко собирать ягоды. А я ходила недавно в лес, думаю, это… сошью-ка им *подарок* (*выделяет*), и забыла – бересту ведь снимают весной, когда сок бежит у берёзы. А сейчас уже не снимается береста.

Подросла – мама тоже с собой брала, она мне маленькой сшила берестяное лукошечко. Вот. Пойдём … вот она собирает, видит, я рядом собираю: ты, говорит, тоже клади сюда. Ну, вот я тоже даже с трёх лет или с двух лет, она с собой меня брала. Когда кушать захочу или, может, ещё чего-то. Ну вот, а побольше стала, так что мама делает, то и я делала. Собирала ягоды летом, а зимой там дома тоже помогала. То дрова… дрова домой таскаю, то ещё что.

[37] Зыбка – колыбель из бересты. – См.: Перевалова Е. В. Колыбель народов ханты и манси [Электронный текст] // Электронная антология. Культурное наследие Югры. – URL: http://hmao.kaisa.ru/object/1809300413?lc=ru (дата обращения 27 марта 2020).

А посуду, наверно, тоже начала с малых лет, поэтому я привыкла к труду (*смеётся*). Всё приходилось самой делать.

У мамы до меня ещё мальчишки были, четыре ли, пять ли до меня, чего-то все умерли, их не стало, потом я одна девчонка родилась вот, выжила как-то. Я как-то сидела у подружки, женщины разговаривали: «Надо же, у Никифора – про моего отца, – говорит, только одна девчонка. Мальчишек нету. Это, наверно, потому что, говорит, бог не даёт ему. Бог даёт удачу, когда на охоту пойдёт, – он пустой никогда не приходит. Если в лес пойдёт за белками, белок столько настреляет, что кругом обвешается белками. Пойдёт, значит, капканы проверять или ловушки проверять, тоже привезёт и соболей, и лисиц добудет. Что пустой никогда не приходит домой. Ну и вот, поэтому, говорит, ему счастья нет на детей, на людей. Одна девчонка и родилась, одна, и вот выросла, одна живу.

Папа Вас не брал на охоту?

Нет, я маленькая была, девять лет, так… не брал с собой никуда.

На перевесы с мамой не ходили?

На перевесы ходила…

О святых местах на родине что знали?

Ну это не совсем в детстве… не сразу… Ну вот, ‘*Товлынг-ойка*’ – это… если перевести дословно, «крылатый мужик», охранник ли, как ли... Ему кланялись, там место святое, туда женщины не должны были ходить, ездить да всё. Там только мужики ходят.

А потом в деревне, напротив нашего дома, дорога под гору идёт, мы на горе – вот так. А под гору дорога идёт, на этой стороне, например, мы жили, на левой, если на берег пойти, на правой стороне – лес: ёлки, кедры – у нас вокруг деревни, в Нарыкарах, одни кедры росли, да еще ёлочки редко. И вот между ними избушка на курьих ножках была.

Это святое место. Значит, избушка построена была, как будто, матери Святой Богородице.

Ей, значит, это… кто кланяется, верует, крестится, носят туда одежду, например, платье ли, какой ли платок, кладут ей подарки, чемоданы да всё. Вот в этом, значит, как будто находится женщина, Святая Богородица. Деревенская охранница[38].

А там ещё один мужчина был тоже в лесу напротив. Тоже мужчина-охранник – '*Павлынг-ойка*'. Это охранник деревни. И ещё удачи, говорят, даёт мужчинам, которые на охоту идут, они тоже кланяются там, молятся ему, а потом идут на охоту. '*Павлынг-ойка*' – это деревенский охранник.

Потом уже взрослой в Чемашах работала, там знаю, что там Николай Угодник[39], это его место, я там работала, так, и там манси жили в Чемашах. Его место, Николая Угодника. Ему кланялись. А потом ещё где? Не доходя, напротив Перегрёбного, там деревня была Калтысьяны, а там опять место матери[40] – это мать Богородица дева, как она… по-русски то называется, матери Богородице кланялись.

Нарыкары – большой посёлок? Друзья-то были?

Да не сильно большой … Да, подружки. С девчонками, там Феша Петровна, да всё. Одногодки мы с ней, так всё время мы с ней вместе в куклы играли.

Куклы мы сами из тряпок шили, куклы там это … Головы – светлый материал… а потом тело там, руки так скручивали это… тряпочки потвёрже, и руки пришивали (*смеётся*). Потом одежду шили, вот. Помаленьку научились шить.

Вы научились сами или мама показывала?

Ну, мама, наверно, показала сначала, не знаю, я забыла уже. А сами-то вот как всё равно ведь взрослые, наверное, какое-то отношение имеют…

---

[38] *Павлынг-эка.*

[39] *Ратынг-ойка.*

[40] *Калтась-анки.*

Кроме кукол? Ну, лес вот… Как ягоды да всё появлялось около … Вокруг огорода ходили, там вокруг огорода мы собирали, ели… княженику, там поле большое… овёс да всё для колхоза садили люди, мы там вокруг огорода ходили, потом в лесочек стали ходить, заходить. Там рядом черника растёт, брусника. И потом с малых лет мы с девчонками ходили ягоды собирать уже до войны, до сорок первого года.

В Вашей деревне жили только манси?

Манси, потом, ещё до войны, русские приехали три семьи. Сначала Паршины, ихний дом. Ну, местные помогали, ещё мужики-то дома были, не на войне, до войны они приехали, видно. Где-то в начале… в конце тридцать девятого. Сначала построили себе дома, да эти… построили стайки, да всё для скота. Скот, видно, договаривались или сразу купили они… Паршины … Потом третий дом Воложанины, четвёртый – Буторины.

Но Буторины постоянно не жили. Потому что русских-то мало было. В других деревнях тоже нужны были люди… грамотные, но они же с города через Уральские горы как-то пешком ли, как ли приехали, пришли ли. И вот, надо председателя колхоза, колхозы стали образовываться. Надо продавца да всё, в общем, Буториных везде отправляли. В Проточных жили, Нижних Нарыкарах, ещё где-то в Вежакарах Буторины. А у нас Паршины жили, но Паршины, конечно, помогали, мать у Паршиных там садила разные ягоды да всё, нас приглашала, землянику чтобы ели (*смеётся*).

У нас ни картошки до них, ничего не садили: ни мóркови, ничего не садили. Вот они стали морковку сладкую да всё, репу стали садить и нас угощали, ребятишек, нам понравились эти морковки да репы, да… ещё там… какие-то ягоды или фрукты. Ну и потом наши стали... картошку садить, а сначала они на русских говорят: ой… русские… что за люди такие они, говорят, землю тоже едят! Они стали землю-то копать, раскапывать, огород делать. Ну

и вот, потом землю раскопали, посадили картошку, пригласили местных людей… ну близких, знакомых да всё. Угостили: вот, говорят, на земле растёт эта картошка, говорят, еда вкусная.

Ну, они поели, конечно, не отравились (*смеётся*). И это, потом помаленьку тоже стали сами раскапывать землю да садить картошку. Сначала там… по ведру ли, два ли, ну и это… потом братьям дали участок, где колхоз садил. Они там садили. А потом каждый сам себе стал раскапывать и стали садить картошку так, помаленьку.

Дети в этих русских семьях были?

Они уже взрослые дети, взрослые приехали.

Почему Вы в школу не хотели идти?

Ну… не было русского платья, я говорю: «Я не пойду, мне нечего одевать».

А почему Вы считали, что нужно именно русское платье?

Ну, раз школа русская там, ну, наверно, поэтому. Потом вот этот год, мне восемь лет, когда я не пошла в школу, мне знакомые родственники платье сшили, шестиклинку из синего цветастого материала, русское платье (*смеётся*). Я его потом… отец меня в сорок-то первом году отвёл в школу 1 сентября учиться. Ну и всё значит …

А потом я училась, Ольга Павловна Преснецова была, она при школе жила… Моя первая учительница.

Один класс был, ну, не специальная школа, а дом такой, колхоз, видно, построил, двухкомнатные, как зайдёшь – там как кухня, а вот тут, как школа стала, значит, прихожая, там раздевались. В одной, справа, значит, она [учительница] в комнатке жила, а прямо – класс.

Четыре класса, с четырьмя классами занималась. Мало учеников было. В одном классе, там, три человека, в другом классе – ну, может, четыре ли, пять ли. В общем, мало учеников было сначала. Ну и вот, я… меня отец привёл и…

я никак не могла сказать… ну я что скажу на мансийском, девчонки переводят, что надо мне, там, ручку надо, тетрадку или карандаш (*смеётся*). И букварь дали, и помаленьку с букварём вместе научилась разговаривать.

Учительница по-мансийски не говорила?

Я не знаю, говорила ли, нет ли, понимала или нет. Я об этом не знала, не знаю. Наверное, нет. Но ученики четвёртого класса, особенно вот я запомнила, Катя Мантыхова, всё переводила[41]. Она уже в четвёртом классе, значит, это, уже четыре года там школа. Начиная с [19]40… [19]41-го года.

И вот… 9 сентября отцу повестка пришла, что в армию надо идти. Сдать документы. Остальных всех это… катер не катер, а пароход пришёл «Красная звезда», всех мужиков, там молодежь да всё, кому до армии, значит, исполнились нужные года, тех всех в «Красную звезду» забрали, повезли.

Вы проводы помните?

Нет, я не ходила, как их провожали, и не понимала, что за война, куда едут. Ну, повезли – потом привезут, думаю. Я только пошла в первый класс. А потом отец, 9 сентября поедем, говорит, в Нарыкар Нижний. Я говорю: я не поеду.

– Ты же меня в школу отвёл, учительница ругать будет, если я поеду, пропущу урок.

– А я, – говорит, – отпросил тебя, поедем со мной, потом приедем вечером обратно.

Ну и вот, катер пришёл, один катер был … Он говорит: я отпросил, говорит, поедем, катер пришёл. Ну, сели в катер.

Он взял меня на колени и до Нижних Нарыкаров километров… больше, наверно, восьми или десять ли, всё на коленях сидела. Ну и всё, он там документы нужные, сельский совет там был, сдал, документы… и получил направле-

[41] Об участии в «учебном процессе» в качестве переводчиков четвероклассников см., например: Памяти магический кристалл. Воспоминания сургутских учителей. Вып. 1 / ред. Ю. А. Дворяшин и др. Екатеринбург: Сократ, 2001. С. 66.

ние, повестку, в общем, и заехали в Верхние Нарыкары, ну пришли провожать к нам люди знакомые. Ну, наверно, там спиртное взяли, магазин раз там был уже тогда, в Нижних Нарыкарах. И это, нарыкарские тоже в армию с ним поехали. Пришли все к нам, помню, они за стол сели, выпивали, мама чё-то готовила, наверно, им закуски. Ну и вот, поели, попили и пошли на берег, катер-то ещё стоял, ждал их. И повезли их. Куда повезли – не знаю. То ли в Октябрьское[42] или дальше на карте, наверно, в Октябрьское. У нас катер Октябрьский, я так думаю, рыбучастковый. Ну и всё.

Я училась, научилась, я старалась… потом (*усмехается*), старалась, ничего не пропускала, не знаю, такая добросовестная была, никто меня не учил. Я научилась читать, научилась писать всё.

Вы учились сразу по-русски, правильно? Не на мансийском?

Сразу на русский язык… По манси *нет* (*тянет*). По манси я так хорошо знала каждый… каждое слово (*смеётся*).

Ну и всё. Так четыре класса кончила, всё хорошо кончила, кроме русского языка[43]. В русском языке только у нас это разговаривали, звонких, глухих у нас не было, все глухие согласные были. И то, что я писала, всё глухими буквами. Вместо «б», значит, пишу везде «п» там … В общем, вот эти ошибки у меня все были (*смеётся*).

А как-то я научилась всё равно … Учительницы уже нету, Ольги Павловны … она меня, значит, четыре класса кончила, ну я хорошо, по всем почти на пятёрки, там историю мы сдавали и другие предметы. А вот русский я …

[42] До 1957 г. село Кондинское.

[43] Общая проблема в национальных посёлках/районах вплоть до 60-х годов и далее. См., например: Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. Полевые материалы, докладные записки и отчёты. Ч. 1. Северные ханты. 2-е изд-е. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 67.

Плохо, «два»! (*смеётся*). Всё ошибки кругом. Кругом всё глухие согласные писала.

Ну и это… значит… в Нижние Нарыкары, говорит, нам ехать завтра. Там экзамены сдают все, четвёртые там, наш четвёртый класс. Верхние Нарыкары… Нижние Нарыкары. Вместе экзамены сдавать. Там будем, в школе, говорит, жить. Ну и вот, потом назавтра нас повезли. А перед этим, значит, она оставила меня в школе, всех отпустила, а меня оставила. Оставайся! – говорит.

Ну, я что, послушная, осталась. Листок дала чистый: пиши-ка, я буду диктовать, ты будешь писать. Она первый раз продиктовала. Когда я писала, исправила все ошибки, дала бумажку. Прочитай, говорит, какие у тебя ошибки, запоминай. Я прочитала. – Запомнила? Вот, второй чистый листок дала. Теперь другой чистый листок пиши, говорит, опять я буду диктовать. Она опять этот же текст диктует (*смеётся*). Которые ошибки, говорит, ты делала, говорит, их не делай больше.

Второй раз написала. Этот же текст. Она опять прочитала, исправила, опять дала читать. Запомни, говорит, какие ошибки ты сделала … Четыре раза я вот этот текст переписывала. Вот она листочки все забрала и потом мы поехали экзамены сдавать в Нарыкары. Ну, я не знаю, на какие оценки я сдала. Там … Диктант, оказывается… когда тот диктант стали читать – он тот же самый, оказывается, который заставляла… продиктовала мне заранее Ольга Павловна. Чтобы я запомнила. Потому что я старательной была, училась, только русский язык я… это как… теперь говорят «национальные ошибки» были (*смеётся*).

Ну и вот. Потом четыре класса окончила и училась два года, но я в это время чем занималась … В колхозе помогала. Летом – там… траву с поля убирали да какие ещё работы … С мамой … Вода большая была … Колхозных коров в деревне держали, в стайках. Надо кормить травой.

Вот маму да других женщин на лодках у каждого… у каждой семьи лодка была. То траву резали, то ветки ломали колхозным коровам. И вот, маме помогала там ездить на лодке, помогала, значит, веточки ломать, таскать… траву таскать помогала каждое лето, там, коров кормить. Ну, себе тоже… у нас тоже корова своя была, без своих коров как жить вот? Молочко надо. Надо вот, телёнок вырастет за лето, осенью, к зиме заколют, на целую зиму мясо. В общем, для себя она тоже помаленьку оставляла. Веники делали из берёзы. Такие из тальников делали веники. В общем, так колхозу помогали.

А работать, значит, зимой-то … Я это… как же говорится… охотничала в общем (*смеётся*). Брат двоюродный, брат отца в в [19]45-м вернулся, и вот он научился делать слопцы. Ловушки, в общем. Куропаток ловить. Он показал мне тоже, я тоже для себя сама сделала слопцы[44]. И тоже куропаток… Там натопчу, по снегу дорогу сделаю, слопцы сделаю, а потом ветки, как это… у тальников-то ветки ломают … Ветки внизу, внутри поставлю туда, куропатки залезут. Один раз я целых четыре куропатки… принесла домой. А гости приехали, родственники из Берёзовского района, из Берёзово: ой, охотница пришла, сколько куропаток принесла! (*смеётся*).

Это ж сколько Вам лет было в это время?

Отца в армию взяли, мне было девять лет. А это уже [19]45-й год кончался, это, значит, 13 лет примерно.

Ну и вот, два года не училась, две зимы вот так охотой занималась. Летом – колхозу… вот это рыбачить помогала,

[44] В словаре В. Даля – род ловушки на мелких зверей, убойная плаха с поедью, наживой и насторожкой. – Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: ТЕРРА, 1994. С. 223. Описание устройства слопцов см.: Дунин-Горкавич А. А. Приложения к книге «Тобольский Север» // Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерия, 1995. С. 77. Слопцы ханты Наунакских юрт описаны У. Т. Сирелиусом. – См.: Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск: Изд-во Томского университета, 2001. С. 43–45.

всякие эти… А дядя Алексей приехал тоже с фронта домой после войны уже… мне это сколько лет было после войны… 12-ть[45].

Ну и вот, мы, девчонки, четыре-пять девчонок, гребцы на неводнике, два мальчика: одному – десять лет, другому – девять. По очереди невод кидали, невод же мокрый, с кирпичами, с камнями, тяжёлый, вот они по очереди невод кидали. А мы гребли. Ну и вот, на корме дядя Алексей, а тут с неводником управляла … Авдотья, женщина. Вот мы неводили (*смеётся*). Босиком, главное.

Домой нас летом не пускали, на ночь, [дядя] говорит, домой пойдёте, там ночевать будете, а потом где вас найти утрами? Пока я, этот Алексей Данилович говорит, пока я вас утром бужу, хожу по домам, пока вы оденетесь, все сонные да всё, говорит, и целый день пройдёт. И домой нас не возил.

Мы летом это … Летнюю зарю, когда солнышко садится, тогда обычно невод кидали, рыба к берегу идёт, видно. Ну и вот. Невод дадим, невод вытащим, потом чай там вскипятим, или что ли, в темноте-то чай попьём. Потом травки, говорит, нарвите. Домой не повезём, здесь будем отдыхать. Полог, наверно, с собой брали. Всё равно там комары ли … Ну и… брали одежду, наверно, с собой. Траву-то рвали вместо подушки, а это… (*смеётся*) халат или что ли стелили мы. Ну и вот, так и рыбачили мы.

Ну и летом-то всё траву возили. Ну и это… как, не знаю, как мне в голову пришло … Это в сорок седьмом году уже. Два года как кончила четыре класса, два года не училась… И вот …

Маму отправили за Обь… Вода тогда почему-то всё время большая была… сено косить колхозу. Я с коровами дома. И это… в детском саду помогала… круглосуточные садикские ребятишки. Чтоб они в лес и в воду не убежали. Да ещё помогать кормить их, двое работников в садике было. Одна – как повар, другая – как заведующая. И вот…

[45] Оговорка информанта, правильно 13 или даже 14 лет.

помогала за ними… с ними играть, с ребятишками, и както услышала летом уже, к концу лета, что кто хочет ехать учиться, пусть собирается. Придёт катер из Октябрьска и увезут учиться в Полноват.

А мне захотелось учиться, девчонок спрашиваю: поедем учиться? Нет, мы не хочем, говорят, не поедем. А я почему-то одна собралась (*смеётся*). Помаленьку ребятишек спать поло́жу, забегу домой, там соберу вещи или сначала постираю, потом соберу чемодан, куртки… да ещё… зимой, думаю, надо что-то носить, национальную шубу мне мама сшила, её завернула тоже в чемодан. Ну и всё… И в чемодан поло́жила все вещи, и… ребятишек увезли, услышала, что увезли в Нижние Нарыкары родители.

А я тётю попросила. Тетя – это у отца был младший брат, брата жена Вера, тётя Вера. Я говорю: тётя Вера, я хочу учиться ехать, вези, пожалуйста, меня в Нарыкары Нижние. Туда катер придёт рыбучастковый, нас повезут учиться. Она сначала сразу согласилась. А потом дорогой…:

– Доча, – говорит, – как мы без тебя будем? Скучно будет, давай обратно вернёмся?

Я говорю:

– Нет, если собралась, я поеду! (*смеётся*).

Опять едем-едем, опять – я гребу по течению, – она говорит: давай вернёмся обратно! Она так и не уговорила, так и, значит, я поехала до Нижних Нарыкар. А там почему-то встретился отцовский друг Печоркин, дядя Петя. Он в рыбкопе работал заведующим. Но русских тогда не брали на фронт. А потому что грамотных совсем не было, так… а надо вот там, в рыбкопе-то ведь, грамотным надо быть. И вот там ещё Кузнецов в Нижних Нарыкарах был … Кузнецов Андрей Александрович, папин тоже друг, он всё время пушнину сдавал ему. Но потом он уехал… в Ханты-Мансийск. Он меня к себе:

– Куда ты пойдёшь с чемоданом большим?

Я говорю:

– В тот край пойду.

– Да не ходи в такую даль, говорит, я тут прямо живу, пойдём к нам.

Я согласилась.

Они вдвоём с женой жили, детей не было. Ну и всё, они меня приняли, я у них два дня катер дожидалась. Катер пришёл, и поехала учиться в Полноват, в пятый класс.

Расскажите о Полновате.

Ну и вот. В Полновате … ну я так-то старательная была. Училась там по математике – ничего, понимала, а в русском языке всё равно ошибки делала. Значит, это … ну что делать? Сначала первую четверть у меня была «двойка» по русскому. А потом, после первой четверти, тут в один ряд сели деревенские парни, сзади они сели, Денис и Петя Енизоровы, из одной деревни. А я впереди сидела. Диктант напишем, учитель пожилой был, я помнила фамилию его… На «кэ» букву… где-то записала ведь …

Ну и вот. Он ходит, руки так держит (*показывает*), значит, между рядами и смотрит. Диктант напишем, он говорит: написали? Прочитайте теперь, ошибки можете исправить. Эти парни-то говорят: тетрадку дай. Я тетрадку дам им, мою тетрадку проверят, ошибки исправят.

Они были русские, эти ребята?

Нет, тоже манси. Они как-то лучше, видно, умели разговаривать да всё. С родителями. Братья да всё. Брат старший учителем работал Енизорова … Пети … старший брат Александр Васильевич. Он в школе тоже работал. Он учителем точно работал. Наверно, это… с братом-то всё с Петей разговаривал и Денис тоже. И это … А у меня мама совсем не умела, так я с мамой всё время на мансийском языке.

Ну и вот. Потом у меня вторую четверть уже «тройки», в третьем «тройки». Потом… четвёртую четверть тоже на «тройку» написала (*смеётся*). Вот и перешла я в пятый класс …

А дальше… этот… приехала домой … осенью опять катер пришёл. За учениками. Э, я думаю, снова в Полноват повезут. Сейчас, говорят, вас повезём в Октябрьское, в интернат. И этот катер-то в Октябрьск нас перевёз. А только первый интернат там… это… в [19]48-м году строился, ещё не достроили. И в школе нас, в маленькой одноэтажной школе, поместили. В одном классе – парней, мальчиков, в другом классе – девчонок из Октябрьского района[46]. Все в одной комнате. Я не знаю, то ли восемнадцать ли, сколько. Потому что из Низям привезли, из Шеркал привезли, из Перегрёбного, ну и там наших нарыкарских. У каждого своя кровать, тумбочка.

А там ещё напротив Октябрьского протока идёт … Хатыловы… где-то деревня Хатыловская была. Хатыловы тоже там жили. Анна Хатылова, потом Нина Хатылова, Пихтамовы ещё жили с Октябрьска, Октябрьского района. Ну, вот учеников-то много было. И все националы.

Ну и вот, потом что там. Преподавание на русском, учителя все русские. Анна Александровна Рубкова – учительница русского языка. У меня опять первую-то четверть «двойка» была по русскому.

Остальные хорошо там… Я всё время уроки [учила], с невыученными уроками не ходила. И по математике тоже у меня хорошо шло: «четвёрка» была. Может, одна или две ошибки было. Ну и вот. А потом, видно, они [учителя]… как-то договорились, что это национальные ошибки, как-то они узнали, что национальный язык у нас это … В Октябрьске какой, как-то узнали, не знаю, что национальные у меня ошибки все, все глухие согласные. Я тоже, хотя там, в Полноватe мне помогали, тут, значит, тоже приходилось ошибаться. Вместо звонких писала глухой согласный. Анна Александровна Рубкова со мной занималась после уроков по русскому языку, и потом «тройки» стали, вот и на «тройки» вышла (*смеётся*).

[46] До 1957 г. – Микояновский район.

Анна Александровна Рубкова … Она средних лет была. Со мной всё время занималась (*смеётся*) по русскому языку после уроков, так-то и помню её, а других забыла. А … это Павлов был, однако, по математике забыла имя-то.

Вы в школе октябрёнком, пионером были?

А нет, однако, я что-то не помню.

А в комсомол Вы вступили?

Да, в комсомол я поступала. В Октябрьском. Собрания, может, проводили, да всё вот это… было так вот. Не помню, забыла я всё.

Седьмой класс в Октябрьском?

Седьмой там же. Константинова Татьяна Степановна воспитательница была в интернате, пожилая такая. Национальность? Русская. Ну и вот. После окончания в школе говорят:

– Ты, говорят, оставайся, оканчивай десять классов.

Ну, потому что знают, что я старательная была, только русский язык вот маленько подтянула. Я говорю:

– Нет, я поеду в училище учиться, в медицинское.

Я хотела медиком. В интернате любила детей «лечить». Вот девчонки заболеют, я за ними ухаживала, водички принесу, еду принесу, да ещё чего надо. И почему-то хотела медиком (*смеётся*).

Ну и вот. А воспитательница говорит: нет, ты, говорит, если поедешь учиться, то только в педучилище. Она мне все документы сама оформила, там заявление, что ещё … характеристику, что-то всё написала, и заявление за меня, я только расписалась – в педучилище. Вот и всё.

Вот и в пятьдесят первом году поехала в педучилище. Ну и что, мы приехали, интернат там был. Нас в старом интернате поселили. Вот босиком мы бегали в баню (*смеётся*). По городу (*смеётся*). Деревенские, конечно. В баню собрались, бельё взяли и босиком идём по улице в баню. Я вот помню, как мы в баню босиком шли (*смеётся*). Тапочки не брали что ли с собой. А потом уже воспитатели,

видно, предупредили да всё, босиком нельзя ходить, потом стали одевать тапочки, нам выдали.

Вам в Октябрьском одежду выдавали?

Да, форму ученическую. И в Полновате тоже. Коричневый, однако, цвет. Белые тоже были у нас… фартуки белые были. Воротнички, однако, белые, нарукавники. У мальчиков… не коричневый, синий, однако, цвет.

А фуражка у мальчиков была?

Не знаю, не помню (*смеётся*).

Как вас кормили в Полновате, Октябрьском?

Да нас хорошо кормили. Хлеб давали сначала по кусочку в сорок седьмом, сорок шестом году, до нового года по одному кусочку давали. Ну вот, мы этот кусочек не ели, а просто суп так хлебали, без хлеба. А кусочек мы берегли. В карман или рядом с чашкой, потом пустые чашки сдавали, а второе – тоже так, без хлеба ели. Потом в комнату приходили, кашу ложили ещё на хлеб. И так, помаленьку, значит, этот кусочек с кашей вместе жевали все, вокруг… круглой этой… круглая печка была. Стоим и жуем, кушаем, такой вкусный хлеб был (*смеётся*)!

А потом, значит, после нового года нам стали давать по два кусочка уже хлеба. Это, значит, в [19]47-м. Сорок… после нового года, это [19]48-й год, наверно. По два кусочка стали давать. Ну и хорошо нас тогда кормили, что там.

В детстве дома или во время учёбы в школе, в интернате конфеты, шоколад, печенье Вы видели?

Нет. Конфеты, печенье – это когда отец ещё до армии ездил куда-то, его в Москву отправляли как передовика производства, охотника, рыбака. Всегда план выполнял, да всё вот. Его в Москву отправляли, он оттуда привозил. Первый, я говорю: мяч! ребятишкам кричу, ой, папа привёз сладкий мяч! (*смеётся*). Это арбуз (*смеётся*). Первый арбуз увидели. Сладкий мяч. Ну всех ребятишек там знакомых да всё пригласила, всех угостила арбузом (*смеётся*). Сладости в магазине у нас не продавались сначала. А потом уж это …

Однако после войны ли, как ли, стали продавать. В Полноватe, однако, во время праздников давали нам. На новый год да всё вот.

Вы девятое мая [19]45-го года помните или оно не отложилось у Вас в памяти?

Ну как вот тогда в [19]45-м году… училась в пятом классе. Мы в школу пришли. В школу идём, а там объявление написано, висит объявление: «Кончилась война!». Мимо этого объявления пошли в школу, потом урок начался, Ольга Павловна Преснецова говорит: ребятишки, говорит, поздравляю, говорит, сегодня праздник, кончилась война! У кого, говорит, отцы остались живые, братья – те, говорит, вернутся. Увидите своих родственников. А у кого кто, говорит, погиб, тех, конечно, говорит, больше не увидите. Она посмотрела на меня, она же моего отца знала, она всё время работала, пока война была. Вот. Моего отца. Ну и … Я посмотрела, у меня слёзы потекли, и у ней тоже слёзы потекли. Там многие, у многих родители погибли на фронте. Ну и вот, говорит: ну ладно, говорит, теперь что сделать, только будем поминать своих, говорит, родственников. Они больше не вернутся. Но, говорит, больше других людей не будут на фронт брать. Будем жить мирно.

Каникулы школьные.

Но я приеду домой, как-то ведь жить надо. И вот меня сразу там тётка … сестра двоюродная, она в колхозе работала, она уже всё, получит провязы[47], да всё, и лодку, и потом, как я приезжаю, день-два дома побуду – сразу плавать едем.

На Обь, туда напротив Нижних Нарыкар, там по Оби плавали … А по рекам не плавают, на реках много … сетки-

[47] Провязы – бредневые полотна, из которых изготавливаются бредни (небольшие рыболовные сети, которые тянут бродом на шестах). – См.: Провязы [Электронный текст] // Gusfishing. Сайт об орудиях лова. – URL: http://gusfishing.hop.ru/provyazy.html (дата обращения 4 апреля 2020); Бредень [Электронный текст] – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%8C (дата обращения 10 июня 2019).

то путаются. Лес плывет, да там пни да всякие камни. Так. Потом рыбачила, неводила.

Ваши первые впечатления о Ханты-Мансийске.

Ну и это. Как же я вот что-то… забыла ведь. Приехала в Ханты-Мансийск, знакомые, однако, тоже ехали. Ну и потом мы пришли в училище, нас, значит, в интернат, там старый интернат был в конце. То есть на берегу, а тот интернат ещё не достроенный, двухэтажный новый интернат. Там поместили потом. Ну, я говорю, что нас в баню отправили, босиком побежали (*смеётся*). Нам чистое белье дали, что после бани вот оденете, это внутреннее, да сверху ещё там, какие-то платья или, что ли, костюмы. Ну и вот, мы мылись в бане и пришли. А ноги, конечно, наверно, пришли в общежитие, ноги помыли. Босиком раз (*смеётся)*… Помню, что как мы потом уж смеялись над собою. Надо же, мы по городу босиком ходили в баню (*смеётся*).

Директором училища кто был?

Память куда-то девается, уходит память куда-то. Вы, наверно, знаете, он всё время работал. … Величко Георгий Тарасович[48]. Он там всё время работал. Как я поступила учиться, он работал, потом после меня работал.

---

[48] Георгий Тарасович Величко (1911/1912*–1980), директор Ханты-Мансийского национального педагогического училища (1944–1967). В 1938 г. окончил физмат Омского педагогического института, имел 3-годичный стаж работы в начальной школе. В Ханты-Мансийском педучилище в разное время преподавал физику, педагогику. Участник Великой Отечественной войны, награждался Орденом Красной Звезды, медалями «За победу над Германией» и «За доблестный труд». – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5533. Л. 8; История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 18–19; см. также: Георгий Тарасович Величко. Биография кандидата в депутаты окружного Совета // Сталинская трибуна. 1947. 30 ноября, 1950, 28 ноября, 1953, 14 февраля. *Дата рождения Г. Т. Величко – 4 января 1912 г. – указана на портале WikiRip. Планы кладбищ по всему миру. – См.: Величко Георгий Тарасович, Новосибирск, Клещихинское кладбище, 04.01.1912 – 06.07.1980. – URL: https://wikirip.site/velichko-georgii-tarasovich-kleschihinskoe_04-01-1912_06-07-1980 (дата обращения 1 апреля 2020).

Перед ним там была женщина[49], и я вот не помню, в каком году они там сменились.

Кто из преподавателей педучилища Вам запомнился?

Павлов молодой был. Он, это, я приехала учиться, он окончил четыре курса и там стал работать. Павлов[50]. Не помню, что преподавал.

Так, потом по мансийскому языку работал учитель. Как его звали… тоже забыла. Мужчина пожилой.

Чупров, по-моему, хантэйский вёл[51]. Он из… он тоже национал был из Кондинского района.

Учителей помню, имена все забыла (*смеётся*).

В училище Вы знали, кто из преподавателей был участником Великой Отечественной войны?

Ну вот, раненый был директор школы, это раненый. Без ноги был[52]. А потом учитель мансийского языка, он тоже

[49] Нина Андреевна Бельская – директор Ханты-Мансийского педагогического училища (1941–1944) – см.: История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 17.

[50] Владимир Тимофеевич Павлов – преподаватель музыки в училище (1951–1968). – См.: История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 220.

[51] Терентий Иванович Чупров – 1915 г. рожд., зырянин, в 1935 г. окончил курс Остяко-Вогульского педагогического училища, 4 года работал учителем в начальной школе (вероятно, в Казымской национальной), с 1946 г. преподаватель хантыйского языка в училище (1946–1950). В 1944 г. в Казыме внёс на строительство самолётов 1 842 рубля. – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5533. Л. 8; История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 218; Сталинская трибуна. 1944. 21 марта.

[52] Г. Т. Величко был инвалидом войны. В мае 1942 г. Ханты-Мансийским окружным военкоматом он был призван в РККА, в августе 1942 г. оказался в составе отдельного учебно-стрелкового батальона 38-й гвардейской стрелковой дивизии в звании гвардии курсанта. Батальон был сформирован в августе 1942 г., по всей видимости, «с нуля», и был брошен в дело, так и не закончив учёбы. В дека-

был, однако, участником войны. Работал. Вот надо же, как вот, имя-то же тоже забыла! Совсем память уходит.

А они с Вами про войну разговаривали? Упоминали как-то или нет?

Разговаривали. Как не разговаривать, если какой-нибудь праздник да всё.

Вы день смерти Сталина помните или не помните?

Как я помню, как мы *плакали*… (*выделяет*) Да, как услышали, что он умер, плакали так сильно.

А от кого Вы услышали? Кто Вам сказал?

Кто-то из учителей, однако, сказал. Да. И этот день не учились мы. День траура. Ни один класс не учился. Расстраивались, да всё. А почему-то Сталина сильно любили мы.

Раз он руководил всей страной и нами руководил да всё. И вот, я хорошо помню. Однако больше никого… так не плакали, ни за кого. А за Сталина сильно плакали. Ну, раз он первый был министр.

А какие предметы Вам нравились?

Так… какие предметы-то… все нормальные, все учила я.

Все были интересные. Вот, когда государственные экзамены сдавала на четвёртом курсе, директор педучилища там сидел, потом учитель по истории, то ли историю партии, или какую историю я сдавала… или новую историю.

бре 1942 г., во время боя за деревню Арбузовка в районе станицы Мешковская Ростовской области, Г. Т. Величко, как говорилось в датированном 25 января 1943 г. наградном листе, «показал образцы мужества и отваги. Он первым ворвался в дом, где засели немецко-фашистские захватчики, и двумя брошенными гранатами уничтожил 4 солдат и одного офицера, захватил один пулемёт и 4 автомата». Тогда же в январе его представили к медали «За отвагу», но в приказе от 28 марта 1943 г. значилось награждение орденом Красной Звезды. – Портал «Подвиг народа» // URL: http://podvignaroda.ru/?#id=18489181&tab=navDetailDocument (дата обращения 20 мая 2019).

Ну и вот это. Они … Рассказала я, потом вопрос какой-то задавали… я что-то ответила. Что я ответила-то? Хм... надо было вспомнить, забыла я. Они все засмеялись (*смеётся*).

А… нет. Это мне первый билет попался! Я, значит, от удивления рот открыла и язык показала – вот и стали смеяться (*смеётся*), директор школы там же был, там это, учителя были. Я не поняла, думаю: что хоть смеются? (*смеётся*). А кто-то потом подсказал мне, язык ты, говорит, показала (*смеётся*), первый билет попался.

От неожиданности?

От радости (*смеётся*)! Он самый лёгкий – первый-то билет, всегда ведь и приходится учить хорошо первый билет (*смеётся*). Не попадался первый билет никогда. Ну, я ответила хорошо, мне вопросы, да всё задавали. Ну и… как же вопрос-то директор школы задал… я уж забыла (*смеётся*). Куда поедешь ли, как ли …

В общем-то я экзамены хорошо сдала, только русский – «четыре», остальные все – «пятёрки» (*смеётся*). Математика… однако, математика – «четыре». Ну, мансийский, конечно, мансийский я так хорошо знала. Пётр Александрович Вишняков[53] это… мансийский язык тогда преподавал, забыла я. Ну и вот.

Ваш класс был чисто мансийским?

Нет. Там три класса было национальных. Мансийский класс, хантэйский класс и русские только первый год по-

[53] Скорее всего, Татьяна Никифоровна путает преподавателя мансийского языка в училище Павла Александровича Вахрушева и директора школы в Перегрёбном, где она работала через несколько лет после окончания училища, – Петра Александровича Вишнякова. – См.: История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 219; Новосёлова Л. Пётр Александрович Вишняков // Виртуальный музей Перегрёбное. – URL: https://ok.ru/muzeynyema/topic/69857803105655 (дата обращения). В этом очерке о П. А. Вишнякове упомянута и сама Татьяна Никифоровна.

ступили, они тоже хантэйский язык учили. А как урок национального языка, я в мансийский класс ходила, учила мансийский язык. Ну, меня спросили, говорят: ты какой язык знаешь? Я говорю: мансийский. Ну и вот, как урок, так ходи, говорят, на мансийский язык… Пётр… забыла, учителя только хотела сказать и забыла (*смеётся*). Мансийскому языку учил. Ну и это… ну я раз знала, так всё время я переводчицей была. Некоторые-то не знали, некоторые совсем не знали [языка].

Надо переводить на мансийский, вот. Только хотела сказать (*смеётся*)… Ну и вот, как урок мансийского языка, я, значит, переводила новый текст, а старый текст, например, который вчера учили, уже читали, переводили. А новый текст опять я, значит, переводила.

Вам приходилось кому-нибудь помогать в учёбе?

Я помогала… девчонкам, кому-то, кто не умел… Многие по-мансийски говорить не умели. Вот которые из Октябрьского района, не умели. Да все.

Это были манси?

Манси. Пихтамовы, например … Хатыловы тоже, но они тоже октябрьские, из Октябрьского района там, где-то напротив Октябрьска, там какая-то деревня есть. Хатыловская, там Хатыловы все, Пихтамовы … Посоховы. Многие не умели, так вот. И в педучилище они учились … А первый «а» класс многие… все почти не умели, кроме меня, наверное (*смеётся*).

А хантэйский я тоже знала, но, потому что мне родной язык мансийский, а хантэйский я так понимала, потому что рядом Мулигорт. Там ханты жили. А в Нарыкарах Верхних, там манси жили. Они раньше все на родном языке разговаривали. Ну и вот, из Мулигорта к нам приедут родственники, с мамой разговаривают они, тётка Марфа, хантэйка, она на хантэйском разговаривает, а мама – на мансийском, друг друга понимают (*смеётся*). На двух языках говорят. А по-

том я работать стала, тоже пришлось там, в Мулигорте работать три года.

И там тоже, так сказать, с языком?

Тоже общалась с ними на хантэйском языке. И помаленьку всё, так знаю хантэйский язык, понимала.

Когда Вы учились в училище, Вы себя считали учащейся или студенткой?

Ну, я уже студенткой была. И остальные так.

Преподаватели к Вам как обращались? Просто по имени?

По имени.

Правила поведения в училище.

Ну, например, мы сами, я, например, сама не ходила никуда, ни на какие вечера, ни на танцы, никуда не ходила. В другое училище не ходила. Почему? Надо было уроки учить. Я только занята была уроком. Мне же много лет было.

А девчонки некоторые ходили на танцы, да всё, из комнаты-то все. На танцы, на свидания с парнями да, все дружили. А я вот чего-то нет (*смеётся*).

В училище мальчики с мальчиками, девочки с девочками держались?

Да.

Или ханты – с хантами, манси – с манси? Или взрослые – со взрослыми, маленькие – с маленькими?

Нет. Мужской пол отдельно держался, мальчики. Но если в одном классе учились, что-нибудь, книжку там надо кому-то чего-то, то сообщались, общались …

Ухаживания мальчиков.

Ну, они где-то на улице, видно, договаривались, встречались потом, ходили они по улице или куда ли, по парку ли там вот, разговаривали, время провожали, на танцы ходили. И всё, а больше такого отношения не было.

Были случаи, когда учащиеся женились, выходили замуж?

Нет.

В училище девочки волосы остригали?

Ну, они… подстригали … Они кудрявые, как кудри делали… Завивку делали. Не сами делали.

А были девочки, которые этого не делали и ходили по старинке с косами?

Ходили. У кого длинные волосы, у кого волос мало на голове, так те, конечно, подстригали. Я пока училась, заплетала, завязывала косы.

Вы волосы остригли когда первый раз?

Я что-то не помню *(смеётся)*. Мама сказала: большая, так как хочешь, так и, говорит, ходи. Ничего не говорила.

Девочки носили платки?

Ну как, холодно без платков ведь, носили. Тогда шапок не было.

Прически мальчиков.

Не помню, наверно, просто… короткая, наверно, пострижка у них.

Девочки косметикой пользовались?

Да, они же покупали вот. Не знаю, что они покупали косметику … краски какие-то, губы красить, да эти… брови подкрашивать. Духи, наверно, тоже покупали, я что-то ноль внимания на это. Сама не покупала (*усмехается*). У меня только деньги вот, стипендия, больше лишних денег у меня не было.

Общежитие.

Ну, мы там месяц жили, в старом общежитии. А потом новое-то сделали, мы… хорошо там жили.

Человек восемь, однако… или больше в комнате. Ну и хорошо, нас кормили, одевали.

Нормально всё. Уроки учили. С невыученными уроками я, например, не ходила (*смеётся*).

Воспитатели в общежитии.

Ну, конечно, были. Проверяли, кто как. Но, как мы готовились, почему-то никто внимания не обращал. Каждый ведь учиться приехал, должен учиться ведь. Сами, никто не требовал, никто не заставлял учиться (*смеётся*). Я тогда никак не думала, я знаю, что мне надо уроки учить, и учила… а про остальных не знаю. Ноль внимания.

А учили уроки в той же комнате, где жили?

В той же комнате учила я, да.

И не мешали другие девочки?

Каждый занимался. Да. Как-то добросовестно все занимались, никто не отлынивал, все нормально учились.

Какие книжки читали девочки в комнате?

Ну, читали, наверно, я не знаю, кто. Я редко когда-нибудь интересную книжку возьму, так дочитаю как-нибудь. Забыла уж, какие интересные книжки (*смеётся*).

Какие газеты, журналы Вы помните этого времени?

Какие-то были журналы, я уж теперь забыла, какие-то газеты[54].

Зимой холодно было в училище?

Ну, иногда холодно, ну мы сами дрова таскали да помогали. Если нам надо побольше чтоб топили, больше дров принесём с улицы (*смеётся*).

Питание.

В Ханты-Мансийске хорошо кормили нас. В столовой варили нам. Три раза. Да мы это, с собой тоже там хлеб прихватим, когда захотим кушать… перед сном, например, пожуём.

[54] Согласно отчёту училища за 1948/49 уч. г. библиотека выписывала газеты «Правда», «Комсомольская правда», «Тюменская правда», «Учительская газета», «Советский спорт», «Пионерская правда», «Литературная газета», «Культура и жизнь» и местную «Сталинскую трибуну», журналы «Новый мир», «Знамя», «СССР на стройке», «Смена», «Вокруг света», «Знание – сила», «Техника молодёжи», «Новое время», «Большевик», «Молодой большевик», «Советская педагогика», «Народное образование», «Начальная школа». – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5688. Л. 77.

А в общежитии Вы ничего не варили себе?

Нет. Там и негде варить было. Камина не было, только круглые печки.

В училище была форма?

Форму-то школьную нам в училище давали … В интернате вот, в училище. А школьную форму, которую из Октябрьска, мы носили после уроков. А в училище учащиеся ходили так же: фартук, чёрный фартук и белый фартук. А на ножки нам тапочки вроде, туфельки давали в Хантах, сначала матерчатые, потом кожаные.

Зимой как вы одевались?

А зимой фуфайки нам давали. Телогрейки, валенки.

В Полноватe тоже, значит, давали. Я хотела шубу, шубу из … кожи. Мама там из заячьей шкурки сшила вот шубу мне, я в чемодан положила. И так эта шуба у меня национальная пролежала целую зиму в Полноватe. А тут, значит, не взяла с собой уже, потому что там фуфайки дают, вот. Так и шуба у меня всю жизнь пролежала (*смеётся*).

Как одевались преподаватели?

Просто. Не в военной, в гражданской форме… и женщины, там юбки или сарафаны да кофточки. Вроде все нормально одевались (*смеётся*). Цветастые не одевали, так одноземельные… без цветов… без украшений, просто материал там коричневый или синий материал.

Стирались как?

Где это, стирали там бельё, вещи да всё. Туда ходили. Помещение было, там горячая вода.

В школе, в училище у Вас были портфель, сумка?

Не помню что-то. Портфеля не было. Сумка была, наверно… из материи. Я сшила, однако. Сшила из какого-то тёмного материала. Там тетрадки, книжки лежали. Учебники, по которым учились. Ручка, карандаш. Чернильница? Были, однако, чернильницы… в школе.

Учащиеся курили?

Как, поди не курили, курили, наверно, втихомолку. Тайком мальчики, девочки не курили. Я не видела.

Алкоголь.

Ну, в складчину когда собирали, так раз, наверно, брали помаленечку. Стопке по две, может, выпили и всё. Праздники какие-то были. На берегу собирались классом.

Кто руководил?

А девчонки… какая-то … да, Тоня, однако, Вискунова. … На день рождения у кого, по праздникам.

Стипендия.

Стипендия была. Маленькая. Я думаю, вот, педучилище кончу – пойду работать. Что я одену-то. И вот, я пальто решила сшить. Один месяц воротник куплю, другой месяц, значит, подклад куплю, третий месяц… Целый год я так покупала. Когда всё накупила, в мастерскую сдала вот этот весь материал. Вот, думаю, за месяц – за два сошьют, весной уже сдала. Ну и вот, потом сшили, принесла пальто, всем понравилось пальто, все меряют, какое красивое пальто! Ну ладно, повесила я в шкаф, экзамены мы сдавали, некоторые раньше уехали, государственные экзамены сдали. Сдала государственный экзамен и я, и собралась уже ехать домой, шкаф открыла, думаю, в чемодан положу, пальто моего не оказалось (*смеётся*). Кто-то украл (*смеётся*). Все мерили, мерили, понравилось мое пальто красивое. Ну и вот, правда, расстраивалась, но что сделаешь, обратно не вернёшь. Так и поехала. Так и в фуфайке потом, фуфайки нам давали, в фуфайке поехала так на работу, в фуфайке была.

Художественная самодеятельность в училище.

Приглашают к праздникам готовиться, да. На хор ходили там, хор. Песни пели. Как и все там. Песни? Не помню. Которые всё время поют, я уж забыла (*смеётся*).

В кино Вы первый раз когда попали?

Не в Ханты-Мансийске … Кино… в Нарыкары, однако, привозили … В Октябрьском, там прежде всего. Там ходили мы в кино, клуб[55] … Интересные картины старые (*смеётся*).

Физкультура и спорт в училище.

Конечно, занимались. Урок физкультуры был у нас.

А в спортивных соревнованиях Вам приходилось участвовать?

Да не знаю, не помню, нет, наверное.

А болельщицей спортивной Вы были?

За кого-нибудь расстраиваться, болеть … Ходили. Смотрели, как они бегали, да всё вот. На стадионе там, кто первое место занял, кто что. Интересно, кто кого догонял, перегонял (*смеётся*).

На лыжах просто кататься ходили. Дома? Дома нет, дома, наверное, у нас тонких лыж не было. А широкие лыжи я одевала. Раз это, два года не училась, то на широких лыжах ходила я, эти ставила, слопцы ставила, куропаток ловила (*смеётся*).

Комсомольскую жизнь в училище помните?

Да. Там всякие, значит, что мы делали… Везде участвовали. Все в работе, да всё вот, мы, комсомольцы, первые были. В любых работах, какая работа нужна.

[55] Приказом по Минпросу РСФСР № 36 от 13 января 1951 г. Тюменский облоно обязывался установить контроль за организацией и производством Министерством кинематографии РСФСР бесплатного показа кинокартин воспитанникам школ-интернатов Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского национальных округов. – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 79. Л. 26. Очевидно, что подобные решения осуществлялись далеко не всегда и не везде. З. П. Соколова в 1962 г. отметила в полевом дневнике о поездке в Ямгорт: «Кино бывает очень редко, 2–3 раза в месяц. Радио нет, зимой не было и электричества». В докладной записке об экспедиции на Сыню читаем: «Кино бывает нерегулярно. Неделями не было киносеансов в пос. Ямгорт, Овгорт, Лопхари. Никакой работы по подбору фильмов ни в округе, ни в районе не ведётся. Заявки клубов на фильмы не удовлетворяются». – Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. Полевые материалы, докладные записки и отчёты. Ч. 1. Северные ханты. 2-е изд-е. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 81, 133.

Стенгазету помните в училище?

Стенгазету выпускали. Я хорошо ещё рисовала, так участвовала.

Что Вы рисовали?

А что попало (*смеётся*). Ну, например, цветочки какой-нибудь подарить … Дом-то попросту можно нарисовать, дом (*смеётся*), что ещё ли. Что надо, то и рисовала.

В каких хозяйственных работах в училище Вы участвовали?

На территории сначала убирали… да всё вот, как снег растает весной. А потом… куда-то отправляли нас. Без дела не сидели (*смеётся*).

На картошку вас отправляли?

На картошку отправляли[56]. Потом дрова, на́ берег отправляли, дрова развалившиеся были, дрова складывали. Интернатские или школьные дрова. Пилили. Как-то мы пилили брёвна, лежали плоты. Мы пилили, девчонки, а мальчишки кололи. Это весной уже, заготовка дров.

А потом на поля ходили. Мусор убирали. Очищали от мусора. В общем, куда нужны были, туда и ходили (*смеётся*). Отправляли нас, ага.

В Ханты-Мансийске были такие места, куда неприятно было ходить?

Да нет … никуда почти и не ходила.

А места, куда интересно, приятно было ходить?

Ну, места прогулки, может. … Парк. Мимо там, это… магазин большой был… универмаг, не доходя с другой стороны, где клуб.

В универмаге Вы часто бывали?

Да когда что надо, так…

[56] В докладной инспектора школ Е. А. Кузаковой начальнику отдела педучилищ Минпроса РСФСР от 19 июня 1959 г. читаем: «Ежегодно учащиеся училища осенью выезжают на работу в колхоз. Из учебного года выпадает месяц, в результате чего программный материал проходится не полностью». – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 73. Д. 2802. Л. 41.

Вы в медицинское училище во время учёбы ходили?

У меня там знакомая, подружка. Я в Полноватe училася, познакомилася с Гришкиной Леной. Потом она приехала в Ханты-Мансийск в училище учиться. Вот я ходила к ней в медучилище туда. В общежитие, где… ну и всё. Но потом она кончила, однако, и что-то заболела, и её не стало. Что случилось, не знаю.

Распределение.

Я хотела учителем рисования пойти, вот. Меня приглашали, когда я кончила педучилище, – два места было. Одно место было это… Чемаши, а другое место… куда же… а, в Батлым. Первое место, значит, это Чемаши, первый пошёл Лёня Савин. Значит, ну, раз никого нету нарыкарских с Октябрьского района, ему дали. Потом я зашла: куда хочешь ехать работать? Я говорю: в Чемаши. А уже занято, Батлым есть. Я говорю: куда отправите – туда и поеду. Потом говорят: надо же, Савин, мальчик, туда не захотел, в Батлым ехать, а ты, говорят, девчонка …

Его, значит, зовите-ка сюда. И он … Он ещё не успел убежать (*смеётся*). Ещё тут в коридоре стоял, зашёл. Ты, говорят, отказался от Батлыма, ты мальчик ведь, а она, говорят, согласилась, она, девчонка, не побоялась туда в речку ехать. Документы у тебя где, говорят, которые тебе дали? Он показал. Вот теперь мы забираем вот эти документы, говорят, наоборот, говорят, в Чемаши поедет вот она, Татьяна … Таня поедет. А, говорят, в Батлым ты поедешь.

Вот переменили, и вот я в Чемаши попала. А он это… в Батлым, дальше даже … (*смеётся*).

Расскажите о Вашей первой работе.

Когда стала работать потом в Чемашах, так не знаю, специально приезжал или нет Павлов. Учитель … посмотреть, наверное. Один приезжал, я там в школе работала, в общем, летом потом в отпуск, отпуск кончился, стала помогать в школе ремонт делать. Красила да подтирала пыль,

на стол залезла, там подтирать стёкла, что ли. И он заходил, посмотрел на меня: «Надо же, наша ученица, говорит, тут работает ещё!» (*смеётся*).

Когда Вы на третьем-четвёртом курсах учились, Вы точно знали, что Вы пойдете работать учителем?

Я в Чемашах четыре года была. А потом, после этого три года работала после Чемаш в Мулигорте. Потом в Мулигорте закрыли школу, снова в Чемаши поехала. Здесь заведующая, Резчикова Прасковья Николаевна на пенсию ушла, на её место заведующей поставили.

В Мулигорте я познакомилась с будущим мужем. Это… 1959 год …

Он рыбтехникум закончил в Тобольске.

Там все парни, которые жили у нас в деревнях, почему-то все туда, в рыбтехникум поехали. Вот у меня брат там учился, потом… это… муж тоже Александр, там Непкин учился, и другие ещё мальчишки. Ну и вот, он тут работать приехал, работы не было, дома жил, вот с ним и познакомились. Тут и сын у нас появился. А потом мы с ним поехали в Чемаши. Меня обратно опять отправили. Прасковья Николаевна там пошла на пенсию. Свой дом у ней был. Она мне продала, в общем. Ну, знает, что это… учителя мало получают, да я ещё… меньше ста рублей. Она говорит: помаленьку будешь рассчитываться каждый месяц… Триста рублей дом стоил тогда (*смеётся*). Так с ней помаленьку рассчитывалась. За квартиру.

Первый месяц работать пошла – пятьдесят рублей я первый месяц получила. Ну куда это, пятьдесят рублей, у меня одежды не было, и кушать не было и жить негде было (*смеётся*). Как-то я…

А потом стали добавлять, наверно, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят. А самые последние потом сто двадцать рублей. Сто двадцать, сто сорок, ну это каждый год, видно, по десятке ли, по сколько добавляли.

Ну, тоже дешевые были, хлеб, например, там сколько копеек, тридцать копеек был или как ли. Но... это очень маленькая зарплата, на самом деле…

Мария Кузьминична Волдина (Вагатова)

Мария Кузьминична Волдина (Вагатова) родилась 28 декабря 1936 г. в семье Кузьмы Николаевича Вагатова и Варвары Ивановны Вагатовой (Молдановой). Родители занимались оленеводством. Окончила начальную школу в Юильске, а затем и семилетнюю школу в Казыме. В 1951 г. поступила учиться и в 1955 г. окончила курс в Ханты-Мансийском национальном педагогическом училище. Преподавала в начальных классах Казымской школы, заведовала интернатом. В 1971 г. заочно окончила курс в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена. В этом же году начала работать в редакции газеты «Ленинская правда», сначала переводчиком, затем заместителем директора по национальному выпуску. С 1974 г. редактировала окружную газету «Ленин пант хуват», с 1991 г. стала главным редактором объединённой редакции окружных газет «Хӑнты ясӑң» и «Луима сэрипос».

Мария Кузьминична – известный поэт, рассказчик, хранитель устной народной традиции народа ханты. Её стихотворения, сказки, легенды изданы в книжках «Ханты-Мансийские сказки», «Утро Оби», «Маленький тундровый человек», «Моя песня, моя песня», «Тёй, тёй», «Самем арийл…: араң нэпек», «Ветви хантыйского языка / Ханты ясаң нуват», «Хантыйский калейдоскоп» . Печатается М. К. Волдина и в коллективных поэтических сборниках – «Северянки», «Огонь-камень» и др.

Мария Кузьминична владеет огромным фольклорным материалом, сама сочиняет и творчески обрабатывает сказки, песни, исполняет их, с её участием фирмой «Мелодия» выпущена грампластинка «Хантыйские песни». Мария Кузьминична участвовала в организации фольклорного ансамбля «Араң мосьнэ», а в 1986 г. создала семейный фольклорно-этнографический ансамбль «Ешак най».

Ещё одна грань таланта М. К. Волдиной нашла выражение в её учебно-методических работах. Она, в частности, является автором раздела «Лексика» учебника хантыйского языка для педагогических училищ.

Воспоминания М. К. Волдиной (Вагатовой) разделены на три части: детство, школа, педагогическое училище и Ленинградский педагогический институт.

Воспоминания М. К. Волдиной записаны А. Г. Киселевым 25 июня, 9, 11, 16 июля 2018 г. в помещении библиотеки Обско-угорского института прикладных исследований и разработок. Текст разбит на 4 части (детство и школа, училище, герценовский институт в Ленинграде, работа).

1.

О родителях, бабушках и дедушках.

Застала я их [бабушек и дедушек], дедушку не бывает дня, чтобы не вспомнила его, самый главный мой воспитатель – дедушка[57]. Николай Александрович Вагатов.

Было семь братьев Вагатовых и одна сестра. Откуда они пришли, мы не знаем. В Тобольском архиве найдены документы, с какого они года рождения. Так сильно разбросанного по нашим краям рода, как Вагатовы, нет, наверное. Мы, Вагатовы, сегодня знаем все семь линий [родословных][58],

[57] Об отношениях с дедушкой Николаем Александровичем М. К. Волдина упоминает в своих автобиографических рассказах. – См., напр.: Галина Задорина. Круг почёта рода Вагатовых // Тюменские известия. 2006. № 42. С. 3.

[58] Известны, в частности, ушедшие на войну из Юильска Егор Алексеевич, Ефрем Данилович и Дмитрий Вагатовы, колхозник колхоза им. Сталина Казымского национального совета Антон Александрович Вагатов, охотник Помутовской артели им. Ворошилова Дмитрий Вагатов (Вогатов), колхозница нумтовского колхоза им. Кагановича Татьяна Вагатова. – См.: Кашеваров. Праздник колхозников тундры // Остяко-Вогульская правда. 1940. 1 марта; Кузнецов А. Передовые охотники – ханты // Сталинская трибуна. 1944. 11 марта; Савин Н. Ударным трудом на рыбодобыче помогают фронту // Сталинская трибуна. 1944. 12 марта; Ульяна Молданова. Вэлтэв нэпӑт нэмты питлӑлӯв // Хӑнты ясӑң. 2019. 9 мая. № 9 (3525). С. 4.

под каждой линией есть люди, и мы знакомимся друг с другом, рассказываем, многие дедов даже застали… хотя нет, застали их сыновей, внуков уже …

Некоторые жили сначала на Казыме, потом, особенно [после] разных событий, одни оказались в Октябрьском районе, но большинство – по Казымскому кусту, начиная с речки Курьёх, а в эту сторону в Кышике даже, потому что вершины Казыма и Назыма смыкаются.

В то время восстание казымских было[59], так называемое, многие переехали – и Вагатовы, и Молдановы, и Тарлины[60], на реку Назым. А мы в своё время искали их, высчитывали, некоторых стариков заставали, их сыновей на уровне моего деда. Когда встречаемся, вспоминаем их.

Почему дедушка был главным воспитателем?

Дедушка… В молодости ухарь такой был бойкий. Любил запрягать неезженых оленéй, запряжёт, пугнёт – и на бегу садился в нарты. Так не делали, но он так делал. Один раз мимо сел и … упал, ударился и ослеп. В 36 лет он уже слепой был.

– Ну что, что ничего не вижу, – говорит, – но у меня силы-то остались при мне.

Всё старался детям передавать. Знал много легенд, много загадок, баек, слышал, сам придумывал.

---

[59] Имеется в виду Казымское восстание (1933–1934). – См.: Ерныхова О. Д. Казымский мятеж (об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.). 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: Югорский гос. ун-т, 2010. 212 с.; Перевалова Е. В. Остяко-вогульские мятежи 1930-х годов: были и мифы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 1. С. 131–146.

[60] Исследователь истории Казымского восстания О. Д. Ерныхова опубликовала список подследственных по делу о Казымском восстании, хранящийся в тюменском Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области /ГАСПИТО/ (ф. 107, оп. 1, д. 209). Почти половину списка составляют представители фамилии Молдановых, упомянуты и двое Тарлиных. – Ерныхова О. Д. Казымский мятеж (об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.). 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: Югорский гос. ун-т, 2010. С. 178–188.

Сначала родители у меня жили по реке Курьёх, там до сих пор угол избушки есть, которая развалилась. У нас домик, если стоит, его никогда разбирать нельзя, он и ветшает со временем. Живут-живут, как невозможно жить – оставляют, естественно, пока можно, ремонтируют, меняют и крышу, всё делают, но когда уже чувствуют, что больше уже всё, оставляют или рядом строят, его не трогают. Это вот у нас такая избушка есть, я специально туда позже ездила смотреть. Там многие жили, и Тарлины, и Молдановы жили, и в том числе, значит, и наш дед. Его избушка тоже там кое-как стоит, а сейчас, уже говорят, развалилась.

А потом, когда колхозы организовались, образовались, папу взяли в зырянский, так называемый колхоз имени Сталина. Одних оленей там много было и для колхоза нужны были проворные такие люди, вот и папу туда взяли. Папа, женился когда на маме, и все они поехали. Звали папу Кузьма Николаевич, он с [19]11-го[61]. Мама – Варвара Ивановна Молданова, она с [19]16-го года.

А я в тундре родилась Казымской. А тундра – это, начиная от Нумто, там дальше захватывает Ямало-Ненецкий округ, границы там нет никакой, значит, туда-сюда, все люди так общаются.

Дети иногда помнят долго, может, всю жизнь, разговоры родителей.

Ой, много-много раз. [О] маленьком первом ребёнке всё время толкуют, что это главный человек, я вот в том числе главная, значит, я первая. А почему главный, доказывают: я должна делать всё, что папа делает, и всё, что мама делает, а какой ребёнок это повторит? В общем, показывают всё абсолютно, и мне очень нравилось, это потом взрослым человеком оценила, как это важно оказывается.

[61] Мария Кузьминична – автор прекрасных стихов светлой памяти отца Кузьмы Николаевича Вагатова.

До 3-х лет начинают [это внушать] целенаправленно: «ты уже большая». А у нас в семье было 12 детей. После меня Катюша появилась, во время войны я была уже, Катенька[62], кроме этого, Проня[63] родился.

У отца во время войны бронь была, под бронь его оставили в оленеводческом большом совхозе. Оставили председателя и с каждой бригады по одному человеку, остальные – дети и женщины, значит, должны были охранять.

Был и заборный пункт, туда ходили обозы, возили мясо, пушнину, рыбу. Папу назначили начальником обоза от колхоза, там за Нумто этот участок был, до Пашкино – до сюда довозили, до перевалки, так называли, а отсюда на конях – и дальше на фронт всё.

Так вот разговоры родительские…

Ага, всё значит, главная значит я.

Папа с собой иногда берёт:

– Смотри внимательно, вот лебеди должны прилететь.

Он уже знает, что лебеди встали на крылья, как у нас говорят, значит, и должны гнездиться.

– Смотри хорошо, надо видеть всё, – говорит, – посмотри, не прилетели ли лебеди?

Он знает, а меня нарочно спрашивает.

Я смотрю внимательно, как увижу – такая радость! За спиной сзади сижу на нарте:

– Папа-папа, – на шепоток, – вон они, лебеди!

И он мне про лебедей рассказывает, вот они теперь там, значит, гнёздышки будут, то-сё, потом лебядки появятся. Так и так, всё расскажет, до того, как появляются крылья, и улетают они, такие красивые, такие большие… ещё и близко подъедет, чтобы я разглядела их.

---

[62] Екатерина Кузьминична Вагатова (Выллa) всю жизнь проработала учителем в Нумто. – Примечание М. К. Вагатовой (Волдиной).

[63] Прокопий Кузьмич Вагатов получил медицинское образование, работал врачом. – Примечание М. К. Вагатовой (Волдиной).

Так же учат различать ветра́, тучи, какой ветер, что приносит. Это и папа, могут и другие взрослые тоже. На чуме сидим, например, или на улице бегаем, нарочно спрашивают, как будто мы такие взрослые люди:

– Ребятишки, вот сейчас бегали, с какой стороны, какой ветер дует?

А мы на это не обращали внимания, крутимся, с какой же ветер?

– Как, вы только что были [на улице], как это не знать, откуда ветер?

И следующий раз мы уже знаем, что нас спросят, но сразу не отгадаем – кажется маленькому человеку, по крайней мере, мне, например, так казалось, как будто со всех сторон дует ветер, и не поймёшь. Так пока правильно не научишься, всё время спрашивать начинали. Я первое время отвечала: с этой стороны, с этой… значит, со всех сторон.

Ну, надо же, все собираются, ещё и пошутят. А потом следующий раз говорят: ветер должен с одной стороны какой-то сильнее, а с какой сильнее? И не знаем. Это всё до пяти лет, в общем, так учат. Течение реки, как течёт – тоже учат…

И папа, и другие взрослые, специально для детей, как бы занятия. И вот тихонько мы [во всё] входим и знаем. Когда же в школу пришли, русские ребята – им оказывается надо показать, рассказать, как, куда течёт река. Нам кажется смешно, мы уже знаем [это] от природы, какой ветер, что приносит, куда река течёт… потом это всё тихонько узнается.

Стали замечать: это – северный ветер, это – тёплый ветер, это – промежуточный…

А взрослые нам подсказывают, что этот ветер вот такой будет, а с той ручки – такой-то ветер, а между ними тоже ветры есть, не сразу же ветер перейдет, прямо встанет, он тихонько может – там, тут...

Облака учат читать, учат, почему деревья разные. В лес придёшь – по травке нельзя топтаться, если есть тропа – иди только по ней, не топчи. Тебе понравится, если по тебе начнут ходить? Говорят: всё живое, всё там святое и живое. Жить хотят. Травка нужна оленю, нужна птичкам и там ещё и т. д.

Не разрешают даже комаров и мошек бить. А я сначала, как мошки залепляют, мошек прямо била. Бабушка говорит: ты что делаешь? Ты не будешь их трогать, и они тебя трогать тоже не будут. Комара одного убьёшь, значит, тебе десять сядут, они же тоже защищаются.

Не убивать – с детства… Сейчас это ушло, конечно, сейчас ребятишек так не учат. Вот. А мошки, я их била. И действительно, как в лес иду, сразу мне вот залепляют, я их ещё и притягиваю этим. Бабушка так и говорила. Вот. Много-много правил ребёнок узнаёт [в детстве][64].

[64] Интересен фрагмент воспоминаний информанта, переданный Л. Лыткиной: «Пошли однажды дедушка с бабушкой проверять мордушки (мордушки, морды – специальные приспособления для ловли рыбы) и меня с собой взяли, – продолжает вспоминать о своём детстве Мария Кузьминична. – Мордушки открываем, а рыбы много, быстро с ней не управиться, придётся в лесу ночевать. Начали рыбу разделывать. А я уже тогда знала, как надо рыбу сохранять: делала в траве лунки, чтобы потом рыбу туда поместить и травой прикрыть. Бабушка стала делать полушалашик (укрытие от ветра). Шалашик сделала и принялась уху варить. А я взяла и тоже стала делать свой шалашик. Деревца рублю, веточки рублю. Мне никто ничего не говорит. А я стараюсь: рублю веточки, мастерю шалашик. Стали уху кушать, а бабушка моё внимание на речку обращает: «Посмотри, внученька, какая речка! Как она одета красиво! Она бережком отороченa, как сах мехом (сах – женская меховая шуба)! Травки какие красивые, цветочки какие красивые!» Я смотрю на речку, с бабушкой соглашаюсь. Вечер настал. Спать легли. Бабушка меня уложила головкой на свою руку, поцеловала и вдруг говорит шёпотом: «Слышишь, кто-то плачет. Интересно, кто там плачет? Кто там разговаривает?» Я прислушалась – никто не плачет, никто не разговаривает. И отвечаю: «Нет, бабушка, никто там не разговаривает, никто не плачет. Это речка. Водичка плывёт». А она опять говорит мне на ушко: «Я слышу. Это деревья плачут, деревья разговаривают. «Ах, какая девочка гадкая», – говорят, – попала топориком мне по головке, по ручке мне попала!» А-а-а – плачут». Тут я себя узнала. Так мне стало страшно. Оказывается, больно им. Оказывается, они живые. Оказывается, они могут плакать. Я испугалась и моментально уснула. А утром встала. Никаких моих веточек, никакого моего шалашика нет. Всё закрыто све-

Много-много примеров, как природа [отзывчива], не нарушать если её правила, я в это глубоко верю. Вот во время войны же ведь ни телеграмм, ничего невозможно было, связи нет, дедушки, бабушки по деревьям даже гадали: живой там человек или неживой. И точно угадывали, иногда, если нет. Я же с бабушкой была во время войны-то, в школе училась, 1-й класс, и всё за ней ходила, потому что у нас квартиры не было, после восстания Казымского, она в Юильске жила.

Ребёнка маленького стараются… учить в чуме, как относиться к дедушкам, бабушкам, людям любого возраста, родной – неродной…

Бабушка с дедушкой, они как бы считаются святыми для ребенка. Вот этот дедушка много знает. Он вот то-то и то-то. А вот эта бабушка много умеет, она красиво шьёт, чтобы всё вошло в душу маленького человечка. И почему бабушки стараются перед детьми одеваться хорошо, чтобы пример, значит, брали маленькие – станешь когда большим, надо одеваться красиво, чтобы людям было приятно смотреть. Мы [в чуме] играем в бабушек иногда, раз нам внушили, на улице играем: кто-то отца играет, кто-то мать играет, кто-то оленя просто, вожака…

В этих играх участвовали и мальчики, и девочки?

Все участвовали, потому что три чума в бригаде там у нас было, шесть семей, чтобы пасти большое колхозное стадо. Стада бывают большие, взрослым человеком я знаю и полуторатысячные стада. И мы видели эти большие стада, и как олене́й авки берут, и маленьких, ручных с малолетства

жим мхом. Я решила, что приходили деревья-папы, деревья-мамы и всех своих раненых деток забрали. Ни бабушка, ни дедушка мне больше ничего не сказали, но такой урок преподали – на всю жизнь я запомнила, что деревца, травка разговаривать могут, плакать могут…». – См.: Лыткина Л. Сердце хантыйской женщины // Вестник Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2016. № 2 (33). С. 11.

олешков чем кормят… Нас самих взрослые отправляли, собери вот такие-то растения, вот такой-то мох надо принести, и мы, вся малышня, значит, помогаем, это изучаем – так нас приучают. До сих пор в памяти осталась фраза, осталась насовсем: «Олень какую траву ест – можно её тоже есть и нам». А там же разнотравье, в тундре, прямо огромный ковёр трав и растений, озёр сливается… перед глазами всё время с детства тундра.

Пришлось в детстве жить и в лесу, и в тундре?

Да, так жизнь сложилась. В тундре росла до шести лет. Я всё в тундре была. Меня по ошибке сдали с шести лет в школу. А во время войны собирали детей специально со всех бригад, они же разбросаны далеко, стада большие колхозные, там было 10 стад ли …

По всей тундре собирали детей в школу, один какой-нибудь важный, сильный человек детей собирает у всех, [важный], чтобы знали, что дети не будут в обиде, и сильный – надо их, детей же, пешком, тогда никаких транспортов не организовывали, собрать со всех бригад и пешком вести в Юильск. По папиным словам, мы 17 дней шли до Юильска. Там, где реки, – плот организует. В общем, соберут ребятишек и до Юильска, а из Юильска, кто в 5-м учится, 6–7 км – до Казыма их на лодке уже по реке отправляют. В Юильске оставались только те, кто до 4 класса.

Вы про маму ничего не сказали.

А вот… Мама значит… таким образом папа [на ней] женился. Папа сначала женился [на другой], появилась Дуся – старшая сестра моя по отцу[65]. Родители [первой жены] богатые, оленей много-много было. Их раскулачили, но оленей ещё осталось немало, и вот, тесть хотел, чтобы папа был у них оленеводом. Папа туда решил не переходить, из-за того, что у него слепой отец, жить отдельно. А дочь у стариков единственным ребёнком была. Они несколько раз

[65] Евдокия Кузьминична Вагатова (Молданова).

её уводили (*улыбается*), а она опять бежала. Они по любви как-то женились, но потом, когда она забеременела, дед решил судьбу [семьи]. Говорит: зачем мучаете человека, где бы ни появился человечек, он же наш, в общем, отпусти [жену к родителям], отцу говорит, и они так разошлись.

И вот Дуся родилась. Она до сих пор жива-здорова, недавно вот у меня была. Мы как-то сдружились. Мама раз юильская, она – юильская, они подружки.

И отец решил жениться повторно. Приехали в Юильск, бабушка опять рассказывает, у них две дочери, мама и ещё тетя Аня – значит, уже взросленькие, а отца-то их во время восстания убили как шамана[66].

Вот они и говорят: выбирайте типа две дочери [у нас]. Отец выбрал младшую, а мама – старшая – такая бойкая, она рыбачила в это время, узнала, что свататься приехали, папу она уже знала.

– Хоть бы меня взяли! – она рассказывает (*смеётся*) так шутливо.

Она, значит, пока невод стоит, бегала домой и одела единственное хорошее платье и платок, чтобы папа заметил, что она такая нарядная. Забегает домой, покрутится, опять значит невод, надо же неводить – убегает. Папа выбрал младшую, младшая спокойнее, а бабушка говорит: нет, пока старшую не отдам, младшую нет, говорит. Ну, старшую так старшую. Папа согласился, а мама обрадовалась, вот они поженились, вот таким образом.

В детстве шить Вас учили?

О… Они нас… Сколько помню, и бабушки, и дедушки, чтобы, если я первая, должна уметь всё, иголку должна

[66] Информант оговорилась. О судьбе Ивана Ивановича Молданова см.: Волдина М. К. Это были последние дни Ивана Ивановича Молданова // Казымские чтения – 2003. Материалы научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 19 декабря 2003 г. Томск: ГалаПресс, 2004. С. 7–8; Ерныхова О. Д. Казымский мятеж (об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.). 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: Югорский гос. ун-т, 2010. С. 185.

уметь правильно держать и жилы делать, и тихонько-тихонько научилась в общем, всегда хвалили, когда я [что-нибудь] делала.

Потом ещё играли же взрослые с нами много. У меня был «жених» Егор[67]. В чуме это ещё. В армию брали людей, прямо то одну пачку, то вторую, со всех бригад собирают. И вот Егор, он такой высокий, я-то маленькая была, так помню сильно, какой он высокий. Любил как будто меня, а мне ещё четырёх лет нет или, пока играли, и меньше было.

И женщины [говорят]: вот, значит, невеста растёт. Я думаю, я, правда, невеста уже, должна быть красивой, уметь шить, какие-то маленькие эти телячьи лапки. Я их иголкой вот такой, которой бересту шьют, – жениху показать нужно, что я уже умею шить.

Он со стадом. Стада летом делили на несколько, где ляльки растут – маленькие оленятки, рабочее стадо, [потом] ещё два стада. Если надо, их тоже делят, чтобы они не перетоптали малышню. Так они всё время ездят, значит, дома почти не бывают, оленеводы.

И вот Егор приедет, меня по-зырянски – «Мария», не «Марья», называл, у них это ласковое, как «Машенька».

– Мария, я тебя с собой возьму, варить.

Мне так хотелось, надо же, я буду варить, костровать.

– Ты мне… Пока я оленей караулю, ты сваришь.

Размечтаюсь. Мне так хочется. Поднимет, поносит на руках, значит, к оленя́м подойдет, с упряжки пугнёт, они крутят!

---

[67] Георгий Петрович Рочев, 1921 г. рожд., был призван в ряды РККА в Микояновском районе Омской области, красноармеец 364 стрелковой дивизии, погиб в июле 1944 г. у д. Карбусель Мгинского района Ленинградской области. – См.: Рочев Георгий Петрович // Память народа [Электронный ресурс]. https://pamyatnaroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie2684863/ (дата обращения 16 апреля 2020). Возможно, упомянут среди премированных колхозников колхоза им. Сталина Казымского национального совета в марте 1940 г. – См.: Кашеваров. Праздник колхозников тундры // Остяко-Вогульская правда. 1940. 1 марта.

– Ох, … ты упадёшь, я оставлю тебя.

Я чуть не плачу, что опять и каждый раз меня оставляют дома.

Потом его в армию взяли. В армию, всё. Мой жених исчез. Я осталась (*смеётся невесело*) одна.

Так вот учат прямо все всех. Нахваливают: что ты шьёшь?

– Тебе кисы шью.

А лапки вот такие маленькие.

Старший скажет:

– Вот, шей Егору, ты же невеста. – Кисы красивые. Сукно дают.

А как уж умею… потом я научилась, конечно, взрослым человеком (*усмехается*) вот такие вещи делать.

А он погиб на фронте. Я когда выросла, педучилище закончила, они меня всё подарками одаривали, как память, что со мной играл 4-3-х летней девочкой.

Опишите домашнее убранство.

До шести лет я в чуме жила, потом даже экскурсии проводила и провожу по чуму. Чум на самом деле называю самым лучшим жильём, так всегда [мне казалось].

Настоящий чум… Значит, вот приехали, нашли место новое и никто тут не был. Сначала расчищают место для чума, как фундамент делают, ровненько расчистить… Мужчины, женщины, дети участвуют, все вместе.

Вот только приехали, и, значит, ровненько сделают. Снег, так снег уберут, потом туда лапник обязательно, если тут деревьев нет, значит, заранее заготовляют, с собой везут или съездят, пока тут чистится.

Лапник ровненько накладывают. На него коврик, сплетённый из прутьев. Прутья выбирают с большой палец мужчины, чтобы крепкие они были такие. Их летом [заготовляют], соединяют их и как коврик расстилают, чтобы лапник разровнять. Потом так же из пучков сена тоже сплетённые

куски сена вот соединяют и кладут. А на него коврики, сплетённые из трав, из осоки красивые, уже всё разровняли сено, а потом только шкуры. Никакого там холода оттуда не поступает. И мягко, и, в общем, всё природное. Потом, значит, шкурки оленьи.

Часто говорят: вот на этих шкурках они спят и сидят. Нет, спали в отдельных шкурках, у каждого, значит, у папы с мамой, у них [своя] шкурка, у детей свои, в общем, двое или трое детей могут на одной шкурке спать, у деда с бабушкой тоже шкурка отдельная спальная.

Утром, значит, выспались, [шкурки] на улице встряхнули и под навес или на нарточку, а вечером заносят [обратно]. А есть дневные (*усмехается*) шкурки, там можно и сидеть, и полежать днём. Износились – их отправляют уже как… не в утиль, а освобождают от меха, чтобы кожа получилась. А из кожи, значит, что надо, то и делают. Плетут, в общем, всё, что нужно. Или вот кожаную обувь шьют и детям, и взрослым.

Огонь в середине. Для огня тоже интересно раньше было. Для огня специально ямку делают. Ямку. Если песок, то потом насыпают песком. Ямку делают для огня в середине чума, в общем. Вот чум, а тут в середине (*показывает*) ямку хорошую большую делают, чтобы можно было костровать, и песок ещё туда ложат. Я сначала маленькая-то была, не знала, почему песок, а взрослым человеком знаю, потому что топится, песок нагревается, если огонь даже погаснет, ночью тепло от песка идёт.

Вот, а потом появились эти железные печки. Кладут железный лист большой. Потом на него печку ставят железную, а там тоже, в общем, кто помнит и знает, делают, чтобы ямка была, песок был, нагревается, ночью погаснет – тепло.

В детстве, почти до школы, не было у нас этих печей. А иногда, если на лето, если летовать ли, в весновках ли долго жить, делали специальный каркасик с глины – печеч-

ку – и топили. А открытый огонь тоже хорошо, дым лёгкий – там же отверстие вверху, сразу уходит. В чуме жить очень интересно, красиво.

Распределение обязанностей по дому в семье.

В чуме никогда беспорядка не бывает, в общем, не допускается. Папа очень строгий был. Как в чум заходить по сторонам – здесь нам всегда рассказывают – два святых, охраняющих дверь (*улыбается*), как постовые, вот и тундра огромная, чум стоит, столько холмов, столько всего. Если кто-то пришёл, гость, он считается святым, его пропускают, а там – в доме, как расположение, экскурсии я провожу.

Зашёл, здесь вот по этой стороне (*показывает левую сторону от входа*) вот папа с мамой здесь живут, дальше свободное место, если лялька есть, значит, качают тут, тут деды́ живут, вот тут, напротив огня, – это «спина огня» (*показывает на дальнюю от входа стену*) – самое святое место, здесь ни мужчине, ни женщине нельзя переходить. В общем, надо если что-то, вот так ходить (*показывает движение назад к входу в обход*), обходить, нельзя переходить ни детям, ни взрослым, никому.

Здесь столики или полочки, теперь здесь игра (*показывает на правую от входа сторону, примерно по серединке стены*), дети же большие, уже не только качаются, набегались, здесь, значит, они днём могут играть, у них все приспособления, игрушки. Если надо – постелят, а в хорошую погоду дети играют на улице.

Здесь гостевая (*показывает на правой стороне от входа ближе к нему*), называется гостевая. Гость приехал, у него место уже есть, а пока нет, значит, гостей, парни взрослые, вот, а здесь девчонки на выдачу, которые выросли, ближе к входу.

В чуме нет такого места, что бы унижало человека. Всё очень святое, всё очень доброе. В чуме не разрешалось много вещей держать. Специальные нарты, там, где хранят-

ся зимняя обувь, зимняя одежда, там, где пища дополнительная, называются они по-хантыйски ‘*лопас ухал*’.

Всё имеет название. Для продуктов из досок строится как будто маленький домик на нарте – там полки разные, по краям большие строят. В общем, нарта внизу стоит, а тут, значит, типа ящика и там хранится зимняя одежда. Таких нарт много, в каждой семье иногда до семи нарт – дома нельзя держать. А долго где живут, весновать, летовать – сразу навесы строят, всё, что лишнее, поспал – и туда, под навес.

Как разделяется работа между мужчиной и женщиной?

Если полная семья, то мужчина, всё, что трудное, – всё на нём. Вот колят дрова, например, там строгий порядок, каждое колышко даже считается святым. Это дерево живое. Выбирают одинаковой толщины из определённого дерева [речь о жердях – каркасе чума].

Каждый является чуть ли не головой этого чума. Вот насколько бережно. Женщина не должна через них переходить. И их возят на отдельной нарте, когда чум разобрали, аккуратненько ложат, значит, на одну нарту. В нарте половина поместится, остальные же, все приподнятые над землей, возят. Аргиш[68] – это самая последняя нарта будет.

И ставят чум вместе. Женщина может палочки ставить. Быстро строится чум, потому что мёрзнут люди, – целый день ехали, кушать надо, быстрее. И место тоже быстро надо подготовить. Не так вот небрежно, как сейчас.

Женщина готовит. В неполной семье, в семье без мамы, если первый ребёнок – девочка уже подросшая, она начинает главной быть. И отец помогает или бабушка ещё, в общем, вот такие вещи. Взаимопомощь большая.

Самое интересное ещё в чуме – все вещи не свои никто не имеет права трогать, мало ли какая опасность, отец

[68] Аргиш – олений обоз. – См.: Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1994. С. 21.

чтоб знал, где у него ружьё лежит и его тёплая куртка, тёплая малица. У бабушки своё место, значит, мамины вещи трогать тоже нельзя. К этому сразу детей приучают. Порядки *хорошие* (*выделяет*) в чуме.

Как Вы питались в детстве?

До школы… Даже вот война шла, в тундре такого голода не было, потому что, ну могли остаться без муки, там строгое распределение [было], я помню, что муку берегли, что мало оставалось муки.

Рыба всегда была в тундре, у каждого человека олени, значит, были. В трудный час, значит, оленя забивали. Вот. Я в Юильске когда ж, тоже же во время войны, в [19]44-м пошла в школу, и нам, мы с бабушкой жили, отец нет-нет, в общем, оленя привезёт, и мы мясо раздавали с бабушкой, всем, всем. Потому, что они тоже делились всегда. А хлеба вот не хватало, конечно, всегда, в общем. В Юильске я знала, что ребятишкам то ли по 500 г, не скажу, давали[69].

Потом, по кусочку хлеба давали. И такой, значит, порядок был: все взрослые, старый ли малый, должны были для фронта, значит, рыбу раздобыть. И бабушка один раз, мы с бабушкой у неё в Юильске жили[70], она полбулки (нашу общую норму) оставила на три дня мне. В общем, там, сахар, как она приучала, чтобы я ложечкой чуть-чуть посы́пала… на хлеб. А только бабушка уехала, я сразу съела этот хлеб (*смеётся*)… хитрая, потом стала, значит, побираться, это детские хитрости всякие.

---

[69] Сургутская учительница Т. А. Худякова вспоминала свои первые школьные годы в Лемпинской школе-интернате: «Несмотря на то, что шла война, детей в школе-интернате хорошо одевали, кормили, например, хлеба им давали в день по 500 граммов, в то время как деревенские дети получали по 200 граммов». – См.: Памяти магический кристалл. Воспоминания сургутских учителей. Вып. 1 / ред. Ю. А. Дворяшин и др. Екатеринбург: Сократ, 2001. С. 78.

[70] Волдина М. К. Это были последние дни Ивана Ивановича Молданова // Казымские чтения – 2003. Материалы научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 19 декабря 2003 г. Томск: ГалаПресс, 2004. С. 7–8.

Одна хитрость такая была. У наших же родственников маленький лялька родился. Туда пойду, а к ним приехали охотники, под бронью тоже были. Раз охотник, значит, беличье мясо там, может быть, глухарь, значит, всё равно варить будут. Это я знала. Туда пошла, ребёнок спит, качаю-качаю, мне говорят: «Не качай, спит», а другие меня защищают: «Пусть качает, она, наверное, соскучилась без своих братишек».

Мне это нравилось, давай качать. И жду, когда сварится, раз сварится, всё равно меня посадят за стол, всё равно равноправие, кто бы ни был – всем дают то, что варится. Это знала твёрдо, и вот сижу жду, и всё, меня как уже посадят, наемся и лялька мне не нужна, убегаю. Вот так себя защищала.

Люди, у кого что есть, никогда одни не ели, потому что это грех считалось, я ем, а тут голодный.

Хлеб, чай, сахар в то время уже прочно вошли в обиход?

Да. Весной, когда [оленеводы] разъезжаются, летом уже не приехать, по количеству [членов] семьи выдавали муку, в общем, все считанные, сахар тоже, на душу покупали всё это дело, и вот потом цель-задачи человека сохранить [продукты] на всё время до следующей весны. На год.

В культбазе продавали, за счёт колхознику Вагатову, сколько детей и на каждого значит, и сразу когда получают – вроде казалось много. Там и сгущёнка была, я помню сгущёнку, мама распределяет банки эти… Вот когда сгущёнку распечатают – праздник какой-то, на день рождения, может. Или, например, медведя до́были. Медведь святой у нас, он сын бога, всё, знаем, что сейчас [угостят].

Вот один раз, ну я раз главная в семье, старшая, говорят: молиться уже умеешь. Около стад всё время медведи бродят. Папа и привёз медведя. На улице сделали из прутьев навес с полочкой для его [медведя] угощения. И мне гово-

рят, нахваливают: ты умеешь молиться, раз такой меня воспитали и бабушка, и дедушка, и папа …

Это мне 5 лет было. И что я одна должна пойти, помолиться, сгущёнкой угостить мишку, а я по пути на улице залезла раз, не терпится, раз, значит, залезла, не знала, что следы будут. Второй раз полезла и потом поставила и давай, всё, что нужно сделала, действительно молитву знала, потому что всё учили специально, главный человек раз называли. Домой зашла, значит, меня спрашивают: чё мишенька сказал, вкусно? Я говорю: ага, так вот, смотрю – на меня все смотрят, на платье… тут две полосы, это же сгущёнка.

– Я раз только лизнула.

Никто меня не ругал, но мне стыдно было. В общем, в правилах тех лет, не знаю, как в других семьях, у нас дедушка не разрешал ругать детей, друг с другом ругаться. Если что-то кто-то натворил, – говори ему по-человечески. Чтоб если ещё душа, говорит, жива там, если взрослые говорят, поймёт, а если душа там пустая, то без толку, а ругать не разрешали ни детей, никого. Но мне стыдно так было, зачем я так делала (*смеётся*).

Вы говорили о молитве, о вере, расскажите о ней.

В общем, это очень интересный, хороший вопрос, потому что всё с детства я как-то для души приняла, что всё святое, так на самом деле считается у нас. Иногда говорят, вот, эти язычники люди. А мне кажется, никаких почти что расхождений нет. Бог, всегда считали, что бог один. Он живёт на седьмом небе. Сейчас в этнографической литературе неправильно пошло: бог земли, бог воды… Мы так не говорили. Там дух земли, в общем, а бог он там далеко на седьмом небе один. В общем, дух воды, дух дома, дух деревьев, это всё только духи.

В общем, учат нас специально, что травку не топчи, комара, вот говорили, не бей, ничего живого, они хотят жить, их создал бог, они друг другу нужны.

Мы уже знали, для чего муравьи, для чего букашечки, для чего комары – все питаются. Мы же, говорят, глухарика найдём, так не оставим его, стрелой или этим… «Убить» слово нельзя было произносить, мы или стрелой возьмём, или ружьём возьмём, вот. Нам же очень нравится, как это вкусно. А комары, значит, для таких-то вот, стрекоза, например, считается очень святым, в общем, как будто образ, значит, главного из этих букашек или главный дух. Они питаются и комарами, и всеми. Теперь есть много легенд, вот почему комары появились, почему они нужны для человека тоже, сущая легенда есть …

Много можно рассказывать, всё богатство, перешедшее от дедов, бабушек, и от родителей, и от их ровесников. В общем, это целая система, и какая-то задача у них [взрослых], даже чужой дедушка рассказывать будет, вступление делать.

Я эту фразу не понимала сначала: тут ушей *много* (*тянет*), значит, это, что маленьких тоже включает, ну вот: это расскажу для всех, в общем, и уши тут и маленькие, и большие, так это в общем для всех. Передавать, как устно передавалось всё хорошее, ценное. Вот поэтому религия особенно, значит, каждый человек – святой. Кто бы ни был – он святой, поэтому вот эту высоту велят держать, значит, дурное не… душа человека, дедушка особенно эту формулу всё выдавал: кто бы ни был – он святой.

Я никак не верила маленькая, как это поместится-то: душа [получается] без стен, это как божий дом, где живёт луна, солнце, звёзды. Значит, человек обязан душу пополнять только светом и добром.

Мне пришло в голову кричалку сделать взрослым, старым человеком: «Света и добра!». Вот и делиться этим добром со всеми, особенно при перетечении старшего поколения в младшее.

И вот так учили, что бог один, остальные духи всё, а вода двудушная, имеет мужской и женский дух. Легенда есть такая, каждый человек на всю жизнь запомнит: а, оказывается, вон как. В общем, каждое дерево распределено – чей дух там. Лиственница – это дух сказочника, певца большого, который может вообще этим талантом делиться, всех привлекает. Сказочник, певец, он музыкант, в общем, и защитник, это всё лиственница.

Кедр – это главный потустороннего мира. Тоже легенда есть, это старший сын, оказывается, бога, там руководит тем миром. Тоже легенда есть, чтобы понять, почему он главный в том мире.

Когда бог сотворил землю, создал все условия для того, чтобы вести жизнь, беспуповых людей пустил на землю, значит, в общем, самосотворённых богом людей, и старшему говорит, что, давай, делай жизнь на земле, всё есть там для этого.

Старший сын, раз его главным сделали, он решил по-своему, значит, что это всё его, личное, всё для него, остальным ничего. Звери разные, давайте вы мне это, давайте то. Деревья тоже – давайте мне то и то. Песня чуть не 4-х часовая исполнялась на медвежьих игрищах вот об этом. И потом всё, у него жизнь не получилась, и люди значит, кто от болезни, [кто от чего] все исчезли.

Потом, значит, он решил обратиться к отцу снова. Он отец, есть отец, всё видел, всё знал, решил, значит, ещё раз попробовать сделать, как было. И снова то же самое получилось. И тогда, значит, смотрит – жизнь не получается, младшего сына, в образе медведя в люльке спустили на землю, а старший есть старший – догадался, что это неспроста. Три дня, три ночи за медведем гнался, тоже это всё в песне спевается, в сказке рассказывается, и старший есть старший, он низверг младшего. Шкурку кинул, значит, не шкурка называется у нас, шубку кинул под ноги, пусть топчутся там,

а содержимое разбросал, пусть звери и птицы возьмут. В это время мать тогда решила спуститься, в образе тоже медведя, спустилась, нашла старшего, его собственным луком, собственными этими стрелами прижала к земле и говорит: я мать и убивать не буду тебя, значит, лишать жизни, слова «убивать» не было такого. В общем, я лишать тебя жизни не буду. Но раз ты хотел, говорит, таким быть, каким ты себя показал, будь там главным. Мы тебе всё, что там [нужно], в том мире – [дадим]. В мире смерти, в мире болезни.

И всё, в общем. А младшего, значит, чтоб нашли всё [останки], и нашли всё, мать есть мать, тем более богоматерь, и восстановилась душа. Снова, как у Иисуса Христа, получается.

Выжил человек, значит, и выше высоких небес, и выше высоких туч делайте полку. Значит это, что на земле надо сделать праздник. В общем, его посадили и его жизневедущим она назначила.

У нас медведь очень большой святой человек. Поэтому… И в честь этого самые лучшие песни, лучшие танцы, лучшие игры, чтоб всё было в этот день, [чтобы] его развеселить, чтобы не было несчастья, а жизнь продолжалась.

И Вы в этом участвовали?

В этом абсолютно. Абсолютно. У старших так заведено, раз первый [ребёнок], на первом учат всех остальных детей. Они смотрят на этого главного человека и учатся. Вообще. Мальчишек – по-мальчишечьи, а раз я девчонка первая [в семье], я знаю и умею и то, и другое. Я с пяти лет стреляла, папа меня учил стрелять. Из ружья. Вот первый выстрел у меня такой был, значит.

Собака залаяла, папа притворился, что с оленями что-то занят, запрягает их, и говорит: ты же большая, говорит, смотри, собачка лает, возьми ружьё, сходи, кто там.

Я себя так почувствовала, что я уже взрослый человек, ружьё мне дали, а много раз же видела, как папа делает.

Пошла, значит, увидела – белка. Собачка лает, белка значит там, в общем, то прыгнет, то опять остановится. Я взяла, прицелилась и попала. Я в голову прицеливалась, я знаю, всё время же эти уроки идут, рассказывают, как попадать в белку, как, куда стрелял человек, в общем, мы всё это слышим. И принесла такая радостная. Похвалил папа.

Потом на следующий раз опять так же, лает собака и ты, говорит, ну-ка, в общем, уже умеешь, я, конечно, думаю всё, пошла – там глухарь. И опять [в] голову стала, хотя знала, что не так надо, думаю: не буду в крылышко, не буду. Мы ведь там играли и зобом, и крылышком, думаю, лучше в голову. Стрельнула – в гарь улетела у меня. Я чуть не плачу, пришла к папе.

– Кто там был? – спрашивает, хотя он знал.

– Там глухарь, оказывается, был, я не попала.

– А ты куда стреляла?

– В головку.

– Ты разве не знаешь, что в крылышко, – и никуда бы не делась.

– Я хотела… думала… игралка, зачем я её портить буду, крылышко такое…

Игралка – это зоб, мы его надували и играли, а крылышком, значит, то комаров отгоняли, то подметали, как метёлочкой.

Папа говорит: неправильно. А ещё говорит, вот тогда тоже интересно это было узнать: они же, собачки, – говорит, – вот на белочку вот так лаяли, а на глухаря по-другому, а появись лось или мишка, ещё по-другому лают. И потом я стала уже с собачьим лаем нормально ориентироваться, кто же там – догадаться можно. Вот такие уроки всё время, постоянно. В общем, люди делали, папы, мамы, особенно. А потом младшие всё знают, рассказываем друг другу, играем (*усмехается*).

Расскажите про свои детские игры.

Ой… Игры очень разнообразные. В основном получается как копирование взрослой жизни, мы превращаемся то во взрослых, то в дедов… наверное, до четырёх лет я так думала, что бабушки и дедушки такими и рождаются… Мамы и папы тоже такие. Мы вот такие, значит. В каком возрасте себя знаешь – вот такая, мы же не знаем, как родились.

Потом, значит, начали интересоваться, спрашиваем, а вы меня где поймали? Почему-то «поймали» спрашиваем… У родителей. Например, про меня такую они историю рассказывали. Значит, переезжали, каслались они. На отдых остановились, смотрят, по этим кочкам в тундре бегает девочка, и все, говорит, бросились ловить. А мама говорит:

– Я так хотела поймать тебя, и раз, ты бегала-бегала, – говорит, – а я спряталась за кустик и, говорит, раз, ты меня не заметила, рядом, – говорит – оказалась, я тебя поймала.

Я говорю:

– Мама, хорошо, что ты меня поймала (*смеётся*).

И как будто иногда даже врём: а я помню, как вы меня поймали. Вот настолько внушается человеку, и другим рассказываешь, что мама вот спряталась, а я, значит, не видела и рядом побежала, мама тут меня поймала. Как за правду уже выходит (*усмехается*). У каждого история такая, кто ни говорит, что родился тогда-то, думаем вот так, в общем, его ловили (*усмехается*).

Игрушки.

Игрушки. Всё шло в игрушки, значит, рога оленей, мы превращались в оленей, потом косточки вот эти, бабки, олени́ми по земле, значит, их запрягаем. Их много, всё подкапливается, у меня до сих пор набор есть. А если живьём играем, то сами превращаемся в олене́й, без бабок. Веточки, в общем, рога. Потом, значит, каждому маленькому ребёнку отцы делали нарточки, чтобы мог человек чувствовать, что он оленевод. Если совсем маленький человечек (*показыва-*

ет, слегка разводя ладони) – маленькие, а если уже на улице, надо уже настоящего оленя запрягать, вот такие уже… со стол.. Они уже крепкие. Можно поймать оленя, запрячь и сесть кататься.

Оленей-то, конечно, ловим тех, которые совсем присмирели уже, много ездили, рядом с чумом гуляют, интересно это всё. Просто живая жизнь, живая игра.

Ягодников играем, собираем ягоды. Учат ягоды правильно собирать. Всё-всё, листья напрасно не трогать, бабушка сказала, что листья, травы, которые олени едят, и нам можно кушать. Попробовать человеку, говорит, можно. А я смотрю, как трилистник они сильно едят, думаю, о, наверное, вкусно, а там его невозможно есть. Я бабушке говорю:

– Баба, ты говорила, что надо это кушать, я это не могу.

– А не кушай, мы, – говорит, – в чай запускаем вместе с другими травками.

В общем, учат, когда трава в какое время полезна, а в какое не трогать. Багульник, например, только зимний багульник, в чай можно, а остальное он вредный сильно. А настойки специально делают многие. Папы, мамы, взрослые люди могут тряпку замочить, обмотать ногу таким раствором. Там же аптек нет, всё время травами разными лечились. Это всё запоминается.

Взаимоотношения со взрослыми.

О, детские разговоры тоже копируем, если я бабушку играю, то точно тональность беру такую, значит, а если маму играю – мамин тон беру. Другие, значит, тоже берут.

Вот я, например, буду братом старшим, я там совсем чужой человек с другого чума, я Егором буду или там Тимофеем и всё, мы живых людей разыгрываем со всеми их голосами… артисты.

Песни обязательно, значит. Даже иногда специально люди соберутся и говорят: кто хоть петь у нас умеет? Тут

выскакиваем, кто умеет петь. Интересно, есть ли тут у нас люди, значит, танцующие? И потом старшие люди, значит, специально музыкальный такт нам дают, и соскакиваем, значит, кто умеет плясать. Нас хвалят, в следующий раз опять. Вот специально устраивают иногда. И, самое главное, летом никто в чумах не питался, а на улице общий костёр. Вот чумы стоят… три чума, тут костёр (*показывает*), и столы тут делают и все вместе. Хорошо. Вот мне сильно нравилось, я до сих пор называю чум – лучшее жильё, потому что с детства остается это. Самое лучшее жильё – чум, и оленеводство – самое лучшее занятие (*улыбается*). Люди дружные как-то, а когда ссорятся, так, в общем, детям и не разрешают даже смотреть.

Один раз летом, я рассказывала, что все стада разделённые, и мужчин почти нет, значит, что-то женщины поссорились, а дедушка у меня, раз слепой, он был дома и меня спрашивает, что случилось? А мы по-детски, я так деду говорю: выбежали, – говорю, – из чумов и ругаются там. Мама, видимо, её тоже задело, выскакивает несколько слов сказать и обратно бежит. А когда мужчины возвращались, обычно всё время дедушку, раз он такой бойкий, шустрый был, хоть и слепой, спрашивали: «Ну, Николай Александрович, как тут командовал ты женщинами, что они?»

И вот тогда он что сделал?

– Меня, – говорит, – приведи к костру, там, где ругаются.

И он туда встал и, в общем, обращается к небу, он, оказывается, нарочно это делал:

– Что это за день наступил, что это случилось? Детские уши слышат ругань, деревья слышат, слышит вода. В общем, не все же виноватые, значит, кто-то один виноватый, значит, кто-то затеял вот эту «игру», – говорит.

И к медведю обращается:

– Ты заметь этого человека, неужели за дровами не пойдёт, за берестой не пойдёт? Так найди ты, накажи (*улыбается*). И потом мы, дети, всё это слышали и всё следим, кого же мишка накажет.

Вот все возвращаются, и мужчины стали спрашивать, сходятся, шутят с дедом и говорят, напугал, нарочно, говорят, медведя как будто [звал], женщины не знают, все разбежались по чума́м. И мужчины хохочут. А дед говорит:

– Я что, говорит, кого-то медведю отдам? Нет, я, – говорит, – нарочно напугал и разошлись.

Воздействовал, в общем, специально. Что так не положено…

И родители воздействовали…

Там одна история в тундре была. Была бабушка Пелагея. Когда оленей пригонят, отлавливают их, бабушка, значит, говорит:

– *О, когда у Кузьмы и Варвары, значит, будут помощники? Вот у Поповых, там,* – тянет так и говорит, значит, – *у них мальчишки скоро матерей освободят, не будут там, ловить, а сыновья вот подрастут и будут аргиш запрягать* (*тянет*).

А мне обидно показалось, что мы неспособные, то же самое делаем, но мы девчонки. И потом за мной Катюша была, потом только Проня.

– *Когда у них Проня вырастет (тянет)*, – значит.

Вроде как мои папа и мама несчастные (*усмехается*). Я папе и сказала, как бабушка Пелагея, точно её фразами, и *тяну* (*тянет*), как она. Папа маленько подумал и сказал слова, которые я тогда немного неправильно поняла:

– Ты мой ребенок, для меня ты лучше лучших мальчишек, лучше лучших девчонок.

Сразу мне это так понравилось! Оказывается, я лучше лучших мальчишек и лучше лучших девчонок. Всё, нача-

лась моя опять бойкая жизнь ещё хуже … лажу везде, где не положено, значит, лучшая (*смеётся*).

Оленéй мы выжидали всегда, когда папы возвращаются с караула… стада. Навстречу бежим, чтоб прокатиться потом. Все, все оленеводческие ребятишки так делали.

У каждого своя высокая нарта была, залезем и *смотрим-смотрим* (*тянет*). А на чум забраться – так выше получится, запрещалось это, осторожничала я, но всё равно лазила. Никто не замечал, раз нельзя, никто не лазил, а я лазила втихаря. И потом на свою нарту залезу и говорю: *Воон* (*тянет*) едут, ага … Хотя не видно. Ребятишки смотрят – не видно – не видно. И потом [обо] мне такая слава пошла, что Марья, говорят, далеко видит. Я хулиганка. И потом действительно – оттуда появляются, навстречу бежим, прокатимся, я даже… вот это рана есть (*показывает кисть правой руки*), соскочила на папину нарту, мне задело топорище, топор поднялся, и вот тут всё прорезало. Долго лечили.

Вообще хвалить детей принято. Столько случаев, если ребятишки действительно кто-то отличится, в чуме всех сделают достоянием, отличившегося похвалят. И тот ходит как начальник.

Вот, например, такой мне случай сильно-сильно понравился, в общем. Отёл, когда осенью считают оленéй уже окрепших, маленьких оленят начинают считать, сколько колхозных оленéй, у кого сколько олéней, отлавливают маленьких и пятнают ушки им – и каждого на нить что-то вроде брелока нанизывают, отмечают для счёта, для трудодней. И вот я к папе привязалась и ношу эту нить сама и бегаю, человек теряет время, пока нанизывает, кто сколько отловил, кто сколько запятнал. И папа выходит победителем, значит, в бригаде. Сначала не думали, а потом догадались, что я, оказывается, помощница, я бегаю, нанизываю, а папа аркан собирает – уже следующего ловит.

И вот, значит, решили мне, бригадир, такой интересный человек, Василий Михайлович Канев… *Старый-старый* (*тянет*) олень заслуженный был, еле ходит, но его [Канева] нарты таскал (*усмехается*)… берегут его как реликвию (*улыбается*).

И собрали всех, значит, чумовских, чего тут собрать – три чума рядом. Ну-ка, идите все, в общем, человека будем награждать. И мне, значит, этого оленя дарят. Всем ребятишкам завидно, что вот какая я, помогаю вот, и папа занял, значит, первое место по таким-то вот таким делам. И, в общем, всем завидно. А у меня нарточка есть, я, значит, запрягу этого старого оленя при всех – и езжу, он еле меня таскает, старый-то олень.

Но скоро он потерялся у меня… Не потерялся, а я взрослым уже знаю, что его значит, видимо, закололи, старое мясо-то не едят, в те времена, видно, собачкам... Собак кормили очень хорошо оленеводческих. Без них и стада не уберечь. Ну и всё. А меня обманывают, в общем. Я говорю, а где Ванди, в общем, Ванди его звали, по-зырянски, покоми, Вандей. Кличку ему дали Ванди, он таскал тяжёлое. Ванди – это нарта, в которой самое тяжёлое возят – чум, все эти жерди. Значит, он заслуженный Ванди… тяжеловоз Ванди.

Мне подарили его при всех, просят-то мои ровесники маленькие, в общем, дай покататься, я тоже покатаюсь.

– *Нет* (*выделяет*), – я не даю.

Вот такая – жадная, не даю им, значит, кататься.

И тут раз – Вандей потерялся. Специально придумали и говорят: Вандей, в общем, ушёл… От стада откололись там, говорят, олени, и Вандей пошёл помогать, говорят, ищут, наверное, их, и каждый раз не возвращается мой Вандей, потом я и забыла про него (*смеётся*).

Ещё одну забавку расскажу, вспомнилось, так интересно. При каслании – олени тут выели вот это место, надо

ехать дальше и где-то поставить следующий чум. И вот выберут место где-то хорошее, твёрдое, а там, где зыбуны, болото, чтобы ребёнок … не залез, ставят разные чучела.

Мне так нравилось это. Взрослым поняла, как берегли детей… И значит раз остановились на этом месте, в общем, и кто-то из именно пожилых людей, оленеводов, или коми, или ханты, – мы все вместе были: ой, ребята, смотрите, я кого заметил, значит. Все соберемся, ой, страшно, надо же, там вдали стоит человек.

А взрослый: не бойтесь, этот человек показывает, что это его владения, чтоб близко не подходили, – и показывает нам черту около болота, нельзя вот тут находиться, он решил выйти, чтобы рассказать, что тут нельзя. А вот здесь играйте.

Мы верим этому, раз – бах – через некоторое время исчезает этот человек. Не бойтесь – нам говорят, это он не любит, когда около него дети играют, вот и ушёл. И никто туда не ходит, в это страшное болото, непроходимки.

Потом раз – другое совсем чучело появилось, нарочно, оказывается, делают взрослые, чтоб мы не подумали, что нам кто-то подстроил. Не лень было им заниматься. И, в общем, это так было интересно!

И, действительно, никто туда не идёт, а здесь играй хоть сколько, показывают, до какого дерева можно вообще-то ходить или до какого холма. И всё, мы боимся, туда никто и не пойдёт.

Вот эта забавка хорошая, чумовская тоже. Ни разу не тонули…

Непослушание, шалости.

Мы один раз из-за одного мальчишки, чуть нас… чуть не получили мы. Летом выбирают обычно высокий холм, комаров тут меньше, обдувает такое место, чумы ставят. И Вась-Вась у нас был тогда, девятилетний, а в школу не ходил. Он у нас, в нашем чуме, жил, бригадирский мальчик.

Один раз всех нас, ребятишек, собрал и говорит, в общем, добудьте спички. А мне спички доступны были, мне разрешалось, спичку папе принести, посмотреть, есть ли спички. Но без спросу нельзя было это делать, это тоже знала. Но хулиганство вышло на первый план.

Вась-Вась говорит, никто чтоб не знал, мы, говорит, договорились – нам интересно. А вокруг холма три чума стоят берестяных, с нартой, с зимней одеждой, всё богатство, всё там. Расставил он нас вокруг холма. Я, говорит, первый раз крикну «ого-го» (мы других звуков-то не знаем, ни «ура», ни там других, только оленеводческие звуки) – вы чиркните, значит.

А лето, как порох, этот мох… А второй раз крикну – разбегайтесь, чтоб нас не поймали, значит (*усмехается*). Как не поймают, болото тут… И вот мы так это подчинились ему все, я в школе ещё не училась тогда, значит, пять, пять лет, может, так вот.

И вот, как крикнул, мы чиркнули, конечно, всё – со всех сторон огонь пошёл, а до́ма оказались из мужчин только мой папа и ещё там Илья Петрович Ротчев, остальные все только мамы, а люди занимались, в общем, кто выделкой шкур, кто-то шил зимнюю одежду, кто-то чинил что-то… А Илья Петрович и папа строгали что-то, нарты чинят, в общем, не их смена …

Еле-еле погасили, к воде доступа нет, а погасили огонь, спасли чумы и нарты. И потом, значит, бегут родители за нами, а кто… мамы жилы оленьи сушили, со спины снимали и сушили – они как железные делались. Вот с такими палками матери схватились, за детьми бегут, чтоб наказать.

У меня папа идёт, значит, на ходу ремень снимает и, в общем, это, раз меня чиканул по попе, значит, и мне так обидно стало. Ну как это можно главного человека (*усмехается*) и по попе чикануть? Осталась, в общем, там и, главное, не плачу, а думаю, как можно меня стукнуть ремнём, это

папе-то. Такой ремень получила первый раз, и папа ушёл. Потом смотрю, лежала-лежала, все уже играть начали, я всё лежу, думаю, меня сейчас возьмут, на руках понесут … Ага.

Дедушка, мой самый любимый, он говорит: нет, не трогайте, переломить нужно. Я целый день там пролежала, уже все спать легли, меня никто не [зовёт]. Комары, мошки, а потом решила: пойду в мамину кошовку, залезу и чтоб никто не знал, пусть ищут меня. В кошовку залезла, а там невозможно, в кошовку, оказывается, залезли за лето и комары, и овод. Ой, думаю, что, куда теперь деваться? Зашла в чум тихонько, в общем, как могла, тише, чтобы никто не заметил, и на своё место, моё место свободное, легла, никто не обращает внимания…

На следующий день что будет? Никто ни словом, я так стала дальше жить, никто-никто ни слова, и потом взрослым человеком где-то узнала, мама рассказала, говорит: дедушка оказывается: нет, не трогайте, не трогайте, переломить надо. Я думала, что папа сейчас или мама, раз папа, он меня и возьмёт и поднимет, нет, оказывается, дедушкина работа. Как умно поступил прямо (*усмехается*)… Урок тогда получила… Подумать, ведь такое страшное дело, всех чуть не спалили, ой-ей-ей. Вот на какие пакости детишки [способны].

Опишите Ваш день дошкольного времени.

Это интересно… Это интересно, в общем. Нас почему-то всех так вечером укладывали со сказками и прочими рано, рано родители укладывали, солнышко село, кормили нас, в общем, маленько погуляли и всё, спать укладывали. Утром зачем мы нужны? А рано будят специально. Оказывается, приучали к взрослой… жизни, нам это нужно, в общем, жить по природе. Вот это я потом так оценила, что … Так здорово! Думаю, Господи.

Нас утром рано будят, в общем, и обязательно на улице нужно снегом и прочим, что есть, лето – так летом буль-

каться на озёрках, где вот вода есть… со снегом, ага. Если иногда буран и маме, видимо, жалко нас, в общем, и взрослым людям, рукомойники же в каждом чуме висят, значит, водички наливай да и мойся.

А тут, значит, дед услышит и, раз ругаться нельзя было ни на кого, он ласково говорит:

– Что этой мамочке надо, чтобы у ребёнка северный ветер, говорит, на улице зимой лицо снял или что ли? Почему водичкой дома мыть? Снег есть на улице.

И мама быстренько нам на ноги чего-нибудь и мы бегом, а там снимаем и барахтаемся, и так нравится! Приучали, оказывается, взрослыми быть. Чтобы соблюдать, утром не спать, рано вставать. Вечером надо ложиться. Времени хватает для сна…

Потом нас кормят, и идём все на улицу, играть, кто что …

Чем кормили утром обычно?

Утром… вечером, значит, мамы всё варят, утром подогреют, в общем, и мы кушаем, хоть мясо, хоть рыбы, хоть кашку какую-то сварят. Вот, особенно жир олений, значит, разогреют, макаем и едим…

Хлеб?

… Макаем и чай пьём.

А потом?

И всё. Одеваемся. Кто, значит, любит около бабушки с шитьём вот. Моя сестрёнка Катюша, она не любила как-то вот такое бурное, а я какая-то бурняцкая такая – на улицу, и начинаем, в общем, играть или помогать чистить во дворе снег, чтоб если снег выпал, чтобы ходили. Нам это нравилось, не в тягость это …

Лопатами, лопаты специально родители держали, раз тундра, снег часто выпадет. Они то, что делают, – и нам кажется, давай и мы сейчас сделаем. Никто нас не заставляет. А вот нам интересно. И начинаем жить обычной жизнью.

Если играют, то играть начинаем, снег убирать – убираем. Задание дадут, выполняем, если какое-то там … Всё.

Как обедали?

Обед выделяется … Варят и всё, и потом приучают детей к порядку. Так не было, чтобы кто-то хватал что-то, ага, обязательно за стол нужно садиться, и знаем, что сначала дедам дают пищу, наливают, потом, значит, самым маленьким, чтобы остыло, потом остальным. И всё это в своё время мы все знали.

Столики маленькие, невысокие, поели – их выносят на улицу. Заносят, все садимся за маленький столик.

А после обеда?

После обеда тоже, кто чем, кто чем, в общем. Так подробно сказать, что там именно этим, нет. А что значит, что подгадает. Кому какое задание дадут. Постоянно… я… это… Не стало бабушки, когда мне 5 лет было. У меня главное – уход за дедом. А дед, чтобы я такая бойкая не убежала, он всё время мне сказки, легенды, вот они прямо в душе до сих пор живут. И дня нет, чтобы я его не вспоминала. Я один раз ему задала вопрос, почему, говорю, мы, семья коми Каневых и мы, вместе всё время жили. Все годы вместе, друг друга называем… значит, братья и сестры. Хотя знаем, что как будто это разные семьи. У которой матери молоко – ровесников обоих и покормят. И котёл, чей первый сварится, тот едим все вместе. Потом другой, значит, вот такая вот дружба была.

А дедушка ответил, в общем, почему не только эти два [ханты и коми] народа, многие по-разному разговаривают. Вот, говорит, южные ненцы, приезжают, слышала [их]. Я говорю: ага, по-другому они разговаривают.

А он и рассказывает: было дерево, земли не было, а земля была корнем большого дерева, в общем, дерево такое было большое, небо доставало вершиной, а сучья были такие огромные, и на каждом суку жили люди. И у каждого

народа свой язык был, своя жизнь. А потом, значит, пришло время, святая горячая вода, значит, откуда-то хлынула, и вот корень, корни-то смыло и дерево упало. Огромное море образовалось, в общем. Не видно ни края … И поплыли эти люди кто куда. А потом, значит, боженька убрал эту воду, образовалась земля. И на земле, где, значит, они осели, – там и остались. Поэтому в мире много языков (*усмехается*).

Школа. Родители не боялись Вас в школу отправлять?

Нет, это вот почему-то… нормально, а вот раньше, чуть раньше нас не отдавали, детей, в общем. Любой родитель, как это, новое дело – школа. Вот восстание[71], сейчас часто говорят, ханты там подняли. На самом деле, ни школа, а против… Меня обвиняют, что [восстание было] против советской власти. Они не против советской власти, а вот детей берут в школу насильно, они увозят их, значит, вот обвинили, что против советской власти (*усмехается*).

Расскажите о том, как Вы учились в школе.

В школу, в Юильск шли, шли 17 дней, по папиным словам. Не считая дней сборов. Собрали, одну бабушку взяли с собою. Раз война шла, значит, люди все заняты, папу сопровождающим поставили, нас сопровождать.

Под осень уже, август, видимо, наверное. Конец августа. Потому что надо ещё из Юильска детей везти до Казыма. Середина августа, может быть, так. И вот, значит, нас собрали, бабушку эту чтоб, если обувь там износится, чинить бабушка должна. Бабушка, хоть у неё сыновья и внуки были, видно, ей много-много лет, но и она в такую дальнюю дорогу пустилась. У всех такой настрой, видимо, был, раз война.

И вот папа меня ни разу на руки не взял. Я была шестилетка, особенно страшно идти по бору, ноги устают, а по болоту вроде как мягко, а тут, значит, подошвы ног *сильно* (*выделяет*) болят. Думаю, что папа меня ни разу

[71] Казымское восстание.

не взял на руки, а папа, значит, говорит: я знаю, что самая ты маленькая, и иногда хочется взять на руки, говорит, не беру, другим же обидно.

Всё, ни разу, говорит, не брал, такую дорогу она пересилила сама. Дорога тяжёлая, встречаются непроходимые болота, их обойти нужно, ночевать в лесу нужно, в общем, это всё такое, и никаких там не встретишь… жилищ.

И вот как-то все привычные, раз в тундре живём, вот это всё выдержали. Старшие помогают, кто в 7 классе… 5–6–7-й, до Казыма которые должны ехать, они помогают папе и бабушке. Некоторые умеют уже всё чинить сами. Бабушка только организатор, или когда варить нужно. Потом разрешили папе, это при наших ушах сказано было, и сами они повторяли: чей бы олень ни попался, чтобы дети голодными не были, можно пристрелить, папе такое право дали. Двух оленей тогда мы (*усмехается*) съели. Сделали, значит, а шкурку превратили в нарточку, мясо погрузили, и тащат ребятишки, запрягаются, в общем. А когда, значит, по болоту, нужно разделить и тащить как-то так, по-особому. У нас, маленьких, не нагружали.

Как выглядела школа в Юильске?

Я до этого деревянных-то не видела. Временные баньки строили в форме чума. Вот тут я увидела. В школу нас привели. Зачем-то я зашла в одну комнату школьную и там думаю, как выйти, окошки, думаю, тут ли выйти, или туда, двери… забыла, значит, как зашла. И здесь стена, всё, значит. Заплакала так *громко* (*выделяет*), меня папа услышал, где я плачу. Меня открыли, значит … Вот такое впечатление.

И потом, значит, стали учиться, интересно... Первый раз видеть книги эти. У себя мы всё смотрели на председателя в чуме – у него сундучок такой маленький, со звоном открывается, со звоном закрывается. Бумаги достаёт, но недоступно нам было, а тут я первый раз бумаги, книги увидела, и даже трогать их можно.

Удивительно, первый раз картинку увидела. То ли в букваре, то ли в какой-то книжке. Небо, ну так похоже! Как туда поместилось? – вот такие вопросы задаём себе, каждый себе. Как это так, вдруг олень, как он тут может оказаться?! Олень же большой.

Непонятно было, что их можно *нарисовать* (*улыбается*). Так интересные открытия.

Вот, в общем, почему-то начала я хорошо учиться. По русскому языку таблицы Горцевского[72] хорошо помогали. Я потом уже поняла почему – я два языка уже знала – хантыйский и коми, а третий язык, хоть и другой, легко наслаивался. Чем отличается, иногда похожие слова, иногда непохожие…

И вот там картинки нарисованы – слово, картинки нарисованы – слово, вот так вот. Таблицы Горцевского по всем школам были.

А мамин брат на фронте был, дядя Саша[73]. Мы с бабушкой. Я прихожу и бабушке таблицу Горцевского рассказала, она думает, я уже разговариваю. В общем, и она говорит: так хорошо ты запомнила, уже по-русски разговариваешь?

---

[72] Горцевский Александр Андреевич (1902–1985) – доцент кафедры педагогики Ленинградского государственного университета, автор книги «Записки о первоначальном обучении русскому языку учащихся школ народов Крайнего Севера» (Л., 1948). Участник Великой Отечественной войны. – URL: http://pobeda.spbu.ru/item/126-gortsevskij-aleksandr-andreevich (дата обращения 28 ноября 2019).

[73] Александр Иванович Молданов был призван в РККА Микояновским РВК Омской области в мае 1944 г., стрелок 235 стрелкового полка 85-й стрелковой дивизии Второго Прибалтийского фронта, 28 января 1946 г. был представлен к награждению медалью «За боевые заслуги» за участие в боях в Курляндии (Ленинградский фронт) в декабре 1944 – марте 1945 гг. Был легко ранен. – См.: Наградной лист [Молданов Александр Иванович] // Подвиг народа [Электронный ресурс]. – URL: http://podvignaroda.ru/?#id=81077285&tab=navDetailDocument (дата обращения 5 апреля 2020). См. также: Волдина М. К. Это были последние дни Ивана Ивановича Молданова // Казымские чтения – 2003. Материалы научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 19 декабря 2003 г. Томск: ГалаПресс, 2004. С. 7.

– Ага, бабушка, – так отвечаю. – Смотри, бабушка, я как говорю: «чашка», «ложка», «миска», «скамейка» …

В общем, и учителя меня стали хвалить, что я … Многие так учились хорошо, как-то запоминали. А кто языков несколько знал, быстро запоминали.

И вот значит, а писать ручка была, нас же учат волосные линии, где нажимом, где волосные. А я на почте видела, человек пишет вот так быстренько… почеркушками (*показывает*). Так легко писать – думаю – не буквами, а просто… почеркушками. И бабушке показываю, что я уже вот так умею.

Бабушка говорит: ну зачем я буду письма писать на фронт, ты будешь писать. Всё, я уже в роль вошла. И в войну мой дядя ни одного письма не получил (*усмехается*) из-за меня… Она плачет, диктует, значит, в общем, и вот такое время было…

А те, кто на фронте, если, например, у бабушки никого больше кормильца нет, ему… ей давали полмешка муки на полгода где-то. В общем, у нас мука была из-за того, что дядя Саша служил. И другим семьям так же, в общем, по количеству детей, мне же считали, что раз мы вместе, нас соединяли, полмешка муки у нас, потом крупы сколько-то давали, это уже так, как военные пайки. Военное время, я в школу в [19]44-м пошла, вот так мы с ней как-то так питались, мука была.

А помните директора, учителя школы?

Учительница Екатерина Максимовна у нас одна… не Максимовна – Степановна. Анастасия Максимовна – это другая. В общем, наша Екатерина Степановна. Потом один … Андрей, Андрей Фомич, он раненый, его отправили, значит, работать уже учителем после госпиталя… Он ханты.

С 1-го по 4-ый класс… Детей мало было, в общем, соединяли 1-ый касс с 3-им, 2-ой класс с 4-ым, вот так учили[74].

Потом нас в Казым увезли уже …

Как вы одевались тогда?

Учителя в русской одежде, детей тогда не во что было одевать, мешком… из мешков, платьишки у нас хантыйские красивые получались, бабушка шила. Из мешков. Полосочки иногда из какого-то другого материала, старой ткани сошьют. Зимой малицы. Обувались, значит, хантыйские вот '*нюки вай*' … или бурочки[75]. Мама делала бурочки в тундре. Учителя в валенках ходили…

Кормили вас как в школе?

Ой, так это мы ждали большую перемену: давай нам каши! *Всегда* (*выделяет*) давали, в общем, и чай…

Кашу разную давали, то манку, то крупную какую-то, я не знаю, как называлась. Мы знали, что большая скоро перемена. И на математике, на уроке думаем, чем быстрее работаем, тем быстрее… большая перемена будет.

Питание ваше в школе ухудшилось по сравнению с домом?

Нет, наоборот, мне кажется, в общем… улучшилось. Кусочек хлеба, кашка. Там за счёт охотников… Охотники некоторые добровольно сдавали в школу добычу. По два, по три плана выполняли, из лесов почти не выходили.

---

[74] Малокомплектным школам Севера посвящены, в частности, работы Н. Д. Неустроева. – См., например: Неустроев Н. Д. Специфика деятельности малокомплектных и кочевых школ в условиях Севера. Учебное пособие. Якутск: Якутский гос. ун-т, 2009. 245 с.

[75] *Нюки вай* – летняя обувь из кожи оленя (по длине как бродни, болотные сапоги) с подошвой из кожи (чаще из лап коровы/быка); бурки – зимняя меховая обувь из лап оленя (по длине как зимние, женские/мужские сапоги), подшитые валеночной подошвой, а внутри подклад из войлока, овчины. См. также: Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. Полевые материалы, докладные записки и отчёты. Ч. 1. Северные ханты. 2-е изд-е. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 148, 411.

И вот так по судьбе получилось, в классе ещё был Данил один. И мы два человека, наверное, как соревнование внутри: кто раньше ответит на устный счёт… В общем, учились как-то всё по-разному, потому что одним русский язык не давался, не запоминали, а другим хорошо.

Учителя с нами по-русски и по-хантыйски общались. Когда по-русски не понимали – переводили, объясняли. Оба хантыйским владели. Специально, видно, отправляли учителей.

В школе вы пользовались тетрадями?

Сначала были тетради, и в клеточку, и в линейку. Ещё особая для чистописания была. Потом их не стало[76]. А потом учительница, такая умная… Степановна, она, в общем, хранила их, видимо, и кто хорошо учится – как поощрение, как награду прямо… давала. Петельки делали и сверху писали, например: отличнице такой-то или ударнице такой-то, в общем, это. И как награду при всех вручали. Все старались потом учиться, чтобы тетрадки… были, чтоб тетрадочку получить. А так на старых листочках…

Книжки были у Вас или они были только в школе?

Только в школе … Велят читать, а мы тогда читать-то почти что не умеем, ещё слабо. В общем, листаем картинки… Мне нравились картинки. Первое время всё думаешь, как они пролезли? Сравниваешь небо, вот, а как оно тут уместилось, непонятно (*смеётся*). И тихонько как-то потом поняли. Уроки рисования, когда появились, в общем, стали вести, оказывается, можно рисовать что-то, сделать.

Пользовались карандашиками и ручками… в чернильницы макали… непроливайки. Волосные, с жимом выводили, всё.

[76] Типичную ситуацию вспоминала ханты-мансийская учительница М. Е. Иванова: «Тетрадей не было. Их мы делали сами из старых газет, журналов, книг, которые приносили нам родители. Сами их разлиновывали…» – См.: Политические репрессии 1930–1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа. Сб. док-тов / сост. Е. М. Брагина, Ю. В. Лазарева, Л. В. Набокова. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. С. 115

Зимой холодно было?

Зимой… в школе дровяное отопление было. Нам показалось, что нормально. Печки топят, всё хорошо. Люди были какие-то особые, заботливые, мне кажется так.

Перемены помните?

Да, играли, всегда играли. Особенно «Каравай-каравай», вот, ага. Ещё прыгать любили, в общем, если летнее, тёплое время. Бревно, а через него доска. И мы, в общем, по двое прыгаем, выскакиваем-соскакиваем, вот это… чтобы подбросило. В пряталки играли. В догонялки играли. Акробатикой и гимнастикой занимались. Выступали.

Какие-то нелюбимые занятия были в школе?

Я вот это не помню как-то … Ну, мальчишки иногда драться любили, в общем… Дрались между собой, иногда и нас… и нас… И потом, значит, войну-то мы не понимали. По сказкам знали, думали, луки-стрелы там… А Сталин, Гитлер нам одно и то же, в общем (*смеётся*), ага. И кто Сталин, наш ли, а Гитлер чей? В общем, тоже непонятно, кто с кем дерётся[77]. Хотя нам рассказывают, а потом русский

[77] Г. П. Отто, ребёнком попавший вместе с эвакуированной из Ленинграда матерью в Борки Самаровского района во время войны, вспоминал: «В этой маленькой деревушке в ту пору советскую власть не очень ощущали, потому что жили почти что каждый по себе. О войне они особо ничего не знали, потому что в то время там радио не было». – Политические репрессии 1930–1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа. Сб. док-тов / сост. Е. М. Брагина, Ю. В. Лазарева, Л. В. Набокова. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. С. 161. Дефицит информации о войне в детском сознании, видимо, типичное явление для Севера. «Как летом 1941 года началась война, не помню, так как была вдали от посёлка на вылове рыбы, – вспоминала спецпереселенка Л. А. Плахотникова. – Узнала об этом спустя несколько недель, когда страсти по этому поводу уже улеглись и в посёлок стали приходить повестки». – См.: Политические репрессии 1930–1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа. Сб. док-тов / сост. Е. М. Брагина, Ю. В. Лазарева, Л. В. Набокова. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. С. 169. «Весть о начале войны пришла в каждое село, деревню нашего северного края. Мы, пятнадцатилетние подростки, плохо ещё осознавали, что кроется за словом «война», – вспоминал А. Т. Ерёмин. – См.: Ерёмин А. Т. Военными и мирными дорогами. М.: ИКАР, 1995. С. 29.

язык мы ещё плохо знали. Вот одно стихотворение такое, значит:

Из колодца вода льётся,
Вода – чистый леденец,
Красна армия дерётся,
Значит Гитлеру конец.

И мы думали, что это одно русское слово, такое длинное[78]. Понятия нет такого, в общем, язык не знаем. И это нужно наизусть знать… Пятёрку… одно слово, пятёрку получаем за стихи, а сами не знаем, о чём там.

Наглядные пособия – вот эти таблицы Горцевского, большущие такие таблицы, всё, в общем, каждое русское слово… Они на стене, на уроке их покажут. Общие картинки, в общем, книжки с картинками, больше всё русский язык нам надо было знать. Учились, все старались, в общем, но не все запоминают… Некоторые оставались на три года из-за русского языка… Второй класс на три ещё остаются. В общем, это было долго… из-за русского языка.

Какая-то дисциплина в школе была? Вам запрещали, вот этого нельзя делать?

Ну да, вот если иногда на крышу лазим… что там можно, научились, что это нельзя, мы это знаем с детства, что нельзя – то нельзя, что можно – то можно.

Какое-то обращение хорошее было всем, всё время. И шла война, война, всех детей жалели как-то, в общем, так. У кого родитель там погиб, например, или что вот такое несчастье вот в этой семье. А о войне у нас какое-то пред-

[78] В хантыйском языке наличествуют сложные, сложносоставные «длинные» слова, органично, вне рефлексии, употребляемые носителями языка. – См.: Онина С. В. К проблеме композитивных номинативных единиц хантыйского языка // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3 (29). С. 270–277. Не знавшие русского дети могли воспринимать подобные стихи по аналогии со сложносоставными хантыйскими словами.

ставление, что (*усмехается*) как сказка: из лука стрельнут, а несколько человек, может, нанижется на одного, такие понятия были. А что там какие-то бомбы, выстрелы, ничего не понятно.

Во время войны почему-то какие-то болезни были. Заболеют, значит, вот корь, ещё краснотой покрывались. В Юильске. Здесь начинает щекотать … То ли прививок не было, то ли чего, в общем, часто вот общие какие-то заболевания бывали. Иногда даже некоторым нравилось, что в школу не ходить (*усмехается*)… Ага, поболеть. А две девчоночки умерли. И это нам было страшно, страх перед болезнями появился. О смерти в этом возрасте понятия какого-то нет… там, на фронте гибнут, всем непонятно. Похоронки приходят, люди плачут. А нам всем кажется, что, что случилось? почему плачут?.. Такое.

Среднюю школу давайте вспомним.

Это было очень интересно…

Нас привезли, значит, по воде нас возили, 5-й класс, уже всё, в Казым ехать надо, а мы, что такое Казым, тоже не знаем, значит, по реке долго, где-то дня четыре едем, в общем, лодки всех в неводнике везут, ребятишек. Если в одну не поместимся, следующий ещё неводник. Ночуем по пути, тоже взрослый человек с нами, закрепляют взрослых.

Ну, помогают уже и дети старшие. Моторов нет, вёслами все по очереди гребут, значит, особенно мальчишки. Ну и девчонки, значит, помогают тоже по-своему.

Приехали – нас встречают, вот здесь меня … Всё время Вагатова Маня была я, а в Казыме стали записывать, значит, я диктую, в общем, кто там приехали, надо записывать, я написала Вагатова Маня.

Диктую, а директор-то был Пётр Кузьмич… Я говорю:

– Вагатова Маня Кузьмовна.

Он говорит:

– Как-как, ну-ка? Вагатова Маня Кузьмовна? А я что, буду Мыльников Петр Кузьмович[79]? *Неет (тянет)*. А Петя Кузьмович я буду … (*смеётся*).

Тоже урок интересный. И потом думаешь, почему меня всё время Маня звали, и Кузьмовна, а тут, значит: ты будешь Вагатова Мария Кузьминична. Ничего себе! Потом я говорю: мне новое имя дали (*смеётся*). Новое имя. Ужас прямо, новое имя … Оказывается, у меня в метрике Кузьминична написано. Там у одной Кузьмовна было написано, в деревне, видимо, её Кузьмовной записали, а почему-то мне записали Кузьминична, согласно этим бумагам, оказывается.

Вот, начали учиться в интернате, интернатская жизнь… Народу много, по комнатам нас распределили, интернат рядом со школой… Одноэтажные деревянные домики, красиво нам показалось, длинное здание культбазы, дома большие, деревянные – первый раз видим. Электричество. Электростанция работает. Кино там, всё, в общем. И показалось, что куда-то в сказочный мир попали. Нам интересно.

В общем, длинный дом, называется Казымская культбаза[80]. Вот воспитатели. Нас кормят, значит, строем водят (*усмехается*), в столовую – строем, в школу – строем. Фор-

[79] Информант, возможно, ошибается. Известен директор Казымской школы военных лет Пётр Кузьмич Будников. – См.: Шевелёва М. М. Из истории Казымской школы [Электронный текст] // Остяко-Вогульск. рф. – URL: http://остяко-вогульск.рф/2019/04/13/iz-istorii-kazymskoj-shkoly/ (дата обращения 10 июня 2019).

[80] Общие материалы о Казымской культбазе см.: Некоторые интересные факты из истории культуры Югры (по документам Государственного архива Югры) [Электронный текст] // Государственный архив Югры. – URL: http://www.gahmao.ru/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=2323 (дата обращения 5 марта 2020); Еманова О. Н. Казымская культбаза [Электронный текст] // Казым. Земля Кошачьего локотка. – URL: http://kazym.ethnic-tour.ru/kazm/publ/kultbasa.html (дата обращения 5 апреля 2020); Евдокия Истомина. Казымская культурная база [Электронный текст] // Остяко-Вогульск. рф. – URL: http://остяко-вогульск.рф/2018/11/24/kazymskaya-kulturnaya-baza/ (дата обращения 5 апреля 2020).

му стали соблюдать. Появились уже… коричневые платьишки, воротнички, белые воротнички… У мальчиков, значит, курточки тёмно-синенькие, у некоторых почему-то коричневые… какая ткань была. Пуговички обыкновенные, чёрненькие пуговички. Нам показалось, что мы такие нарядные сильно, и тапочки-то матерчатые появились, а потом появились ботинки со шнурками. Интернат уже снабжали так, в общем. Все одинаковы, вот, интересно, значит.

В комнате по двое даже спали, потому что мест мало, Казымский-то куст большой… По двое на одной кровати… Мест не хватало[81].

Комнаты большие… Мальчики в отдельной комнате… ага. И там ещё сохранялись детские всякие игры наши, в общем… разрешали. Разрешали в национальной одежде ходить в те времена, в общем, свободная какая-то… обстановка.

Подежурили, зарядку все проводили утрами. Игры общие появились, громкие чтения были, читали когда – засыпаем прямо… Воспитатели читали. Книгу читает, и под эти книги можем заснуть (*улыбается*).

Воспитатели были русские, приезжие и наши были, ханты тоже были… И те, и другие читали по очереди.

А что читали?

Мне кажется, всё время русское, военные книжки. Иногда сказки читали какие-нибудь, вот так. На ночь или после ужина как раз.

---

[81] Коллегия Минпроса РССР в 1950 г., рассматривавшая вопрос о народном образовании в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском национальных округах, отмечала: «В большинстве интернатов наблюдается скученность детей». – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 558. Л. 7. Десятью годами позже З. П. Соколова свидетельствовала: «В Овгортском интернате в 1961–1962 гг. 40 детей спали на 20 койках. <…> [В Лопхарях] в интернате спят по двое на кровати, мест не хватает». – Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. Полевые материалы, докладные записки и отчёты. Ч. 1. Северные ханты. 2-е изд-е. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 89, 145.

Игры разные проводились с нами. Вот и военные игры. Иногда сами, значит, придумывали старшие. У меня тут даже заколка «Маша» есть, сами придумают, значит. Знали, что пытали там нашего военного [на войне]. И вот, значит, старшие ребята организуют: мы – пленные, нас пытают, если пикнем – заколки делают. Мне хотели [сделать наколку] «*Вагатова*» (*тянет по слогам*), а потом заступились, не надо, говорят, ей, давайте просто «маша». Так с ошибкой – маленькой буквой – «маша» и в конце точку поставили, ой!.. Больно! И потом, если, значит, не выдержим, – говорят:

– Зоя же Космодемьянская выдержала, там всякие другие…

Всё играли. Знали, в общем, уже всё нам это известно.

В каком году это?

В [19]48-м году уже. В [19]44-м поступила, четыре класса кончила, в [19]48-м уже в Казыме. Там ещё такая особенность была. Оленеводческих ребятишек на лето оставляли в интернате вместе с сиротами – ни вертолётов, ничего нет, попробуйте из Казыма через Юильск, через Нумто… А зимой зато нам были каникулы… Зимой расстояния на оленях уже. Родители приезжали, и мы два срока отдыхали.

Оленеводческих ребят много было. Много было. И вот всё лето, всё лето мы здесь.

Летом остаются один воспитатель, а то воспитателя вообще нет, техничка, один повар и кастелянша. И один у нас сирота, мальчик был. Коля Захаров. Он годами старше всех был … Он ханты. Он постоянно в интернате жил. Он у нас [был] главным, мы ему подчинялись. Причём это нам хорошо было. Он нас водит-то по ягоды…

Один раз мы от медведя бежали, бежать-то, неправильно, нельзя бежать. А мы, значит, собираем там, ‘*ёхум*’ бор назывался, и вот он около бору ходит, там болото начинается, там клюквы много, черника, голубика.

Мы собираем, а Коля Захаров увидел, значит, мишку и нам показывает, и мы стали бежать, до интерната далеко – бегом… Хотя знали из сказок и от родителей, что от мишки бежать нельзя, но он на нас ноль внимания, ест ягоды и всё…

Летом я там ногу повредила сильно. Играли в пряталки. Полезла прятаться в дровенники, в общем. Только считалка закончилась, горельщик ушёл, я прыг сверху и под чашечку гвоздик… вместе с доской полетела. И заорала, закричала, конечно, заплакала.

Все пришли, в общем, и лекари сами мы: одни говорят, надо написать, другие, говорят, надо золы натолкать, другие – угля. В общем, все, кто чё-то в детстве слышал. Потом замотали мы эту ногу и… на третий день, значит, у меня уже нога распухать начала, и это Лидочка – техничка заметила. Она говорит: что с ножкой? А мы взрослым не говорим, раз воспитателей нет, в общем. И рассказали мы ей, она меня быстро в больницу увела, а в больнице был Логвиненко Дмитрий Платонович, врач, такой[82]. Ночь, в общем, ночевала, они обследовали, видимо, так, как положено.

На следующий день идут три врача – культбаза, лучших врачей туда отправляют – и по правилам, значит, объявляют, потом уж поняла: вот мы пришли, говорят, в общем, ножку будем удалять, чтоб ты жила, – так объясняют.

Я как на всю больницу опять закричала!

– А как я буду бегать!

Потом Дмитрий Платонович, врач, который культбазовский главный врач, он говорит:

– Действительно, этого оленёнка я, – говорит, – ни разу не видел, чтоб она пешком, по интернату носится, во дворе носится, в школе носится.

[82] В 1940 г. – фельдшер больницы Казымской культбазы. – См.: Истомина Е. П. Казымская культурная база [Электронный текст]. – URL: http://xn----dtbdzdfqbczhet1kob.xn--p1ai/2018/11/24/kazymskaya-kulturnaya-baza/ (дата обращения 19 ноября 2019).

Я сама не помню, как ходить пешком, в общем, почему-то мне нравилось бегать сильно. И тут заорала, что как я буду бегать. И вот он, в общем, это, оставьте, врачей отправил, оставьте-ка нас вот с оленёнком, нас вместе. И я думаю, что он будет делать… ногу убирать уже будет… На него смотрю, он говорит, ну давай, в общем, будем вместе бороться за твою ножку, чтоб и ты жила, и ножка при тебе. На себя взял такую ответственность. Но чтоб я больше не слышал, что так можно кричать (*усмехается*). А я сама до сих пор свой голос слышу, как закричала: как я буду бегать! И он всё занимался со мной, в общем, и взамен попросил, говорит, каждый раз, как прихожу, ты мне сон будешь рассказывать…

А ничего не снится, они же обезболивающие мне ставят – я взрослым потом так рассуждала. И сплю, как сурок, и сон есть, я говорю [хорошо], расскажу про олене́й, про папу, про дедушку, про людей, что видела, что знала. Каждый раз к его приходу придумываю, в общем, что-нибудь. Сон есть? Говорю: есть, думаю, если сон не буду рассказывать, он мне ножку удалит. Такая глупость. В 5 классе училась.

У Вас были какие-то любимые предметы в школе?

Математика, всю жизнь была математика. Я думала, что я математиком стану потом. Из педучилища меня, когда закончила, отправили в Герцена[83], направление дали, чтобы, когда вернусь, математику преподавать. Я своему росту не верила, меня слушаться не будут, зачем так вот решили они. А в классе в Казыме математиков человек восемь, друг с другом прямо соревновались в устном счёте. Кто быстрее, ага … Вопрос – восемь рук моментом поднимаются.

Зачем меня решили туда отправить? Потому, наверное, я практику сдала хорошо, на пятёрку, потом ещё так как-то бойкая была, отличалась, *политинформации* (*тянет*)

[83] Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.

делаю, стихи выразительно рассказываю, вот они и решили меня… русские, в общем, чтобы я работала в педучилище, с таким расчётом, что математику преподавать. Илья Демьянович у нас математик был[84], он так решил.

И в Казыме, и в педучилище любимая математика.

Видимо, Георгий Тарасович такой умный человек был, выявляли, в общем, у кого какие способности. Нам в класс пришло три письма, как будто в педучилище нас знают (*усмехается*). В общем, интересно это. И нас приглашают в педучилище учиться. И нам так понравилось, что нас в педучилище знают, значит, зовут туда. Это было в 6 классе. Вот скорей бы семь классов кончить, и такие, как Аля[85], Дуся Ерныхова[86], Лида Молокова[87] и я. *Нас приглашают в педучилище* (*выделяет*). Потом только мы взрослыми знаем, что [это] профориентационная работа, им велели следить, кого можно, значит, послать в Ханты-Мансийск учиться. А мы на готовенькое потом и поехали. Математику сильно любили мы. В общем, это интересно было.

А почему Вы любили математику?

Учителя были там, значит, участник тоже войны… Ой… моментом вылетело, в общем, из головы, у него рука раненая была... И вот так интересно вёл математику, что лучше этого предмета [не было]. Вот и потом эту вот любовь в педучилище принесла. В училище восемь чело-

[84] Информант «забегает вперёд», рассказывает уже об учёбе в Ханты-Мансийском национальном педучилище; Илья Демьянович Петровец – преподаватель математики в этом педучилище с 1950 по 1968 г. – См.: История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 219.

[85] Аля Филатова.

[86] Евдокия Александровна Белявская (Ерныхова). – См.: Белобородов В. К. Белявская (Ерныхова) Евдокия Александровна // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 1. С. 98; Ирина Самсонова. Йидуп хăншэт тывсăт // Хăнты ясăң. 2015. 9 октября. № 19 (3439). С. 7.

[87] Лидия Семёновна Молокова.

век, а в школе у нас полкласса прямо учились по математике хорошо. Русский язык не всем давался. А математика как-то нравилась.

У Вас как с русским языком обстояло дело?

У меня хорошо сразу почему-то, запоминала и правильно писала, всё так получалось. Я уже взрослым человеком разработала лекцию. И даже из-за этой лекции меня Терёшкин[88] звал в аспирантуру. Мы нисколько не отсталые, ни разумом, ничем. А ещё дедушкины слова помнились, дедушка всё время говорил: все люди одинаковые. Стоят в лесу все деревья рядом. Какое дерево хуже? Никто не скажет. Вот.

Я пришла когда из тундры, меня привели, я всё вспомнила *детство своё* (*выделяет*). Для меня это [новое] всё чужое, всё незнакомое, около двери стою, думаю, откуда заходят, откуда выходят? Неизвестно было всё. И вот это действительно унижение было много раз какое-то. Даже ты учишься хорошо, и всё равно кто-нибудь скажет обидное: недоросток… У нас нельзя обзывать такими словами. И вот я лекцию написала, а он [Н. И. Терёшкин] почему заметил-то. На самом деле, это я курсовую работу написала, а курсовую дальше лекцией уже сделала.

В средней школе ведь много предметов…

Я вот ботанику не любила. А зачем, думаю, мне ботаника эта нужна. Вообще не хотела, зачем это учить вообще ботанику. Вроде так вот думала, что я знаю природу. А то зачем учат, в общем. Как ботаника, я ухожу, значит. И один раз меня директор поймал. По всем [предметам] училась хорошо, а ботанику не посещаю. На улице гуляю, директор

[88] Информант вновь «забегает вперёд», рассказывает о времени учёбы в Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена. Николай Иванович Терёшкин – первый хантыйский учёный-лингвист. – См.: Сенгепов А. М. Терёшкин Николай Иванович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 3. С. 184.

увидел, Пётр Кузьмич: а что мы гуляем? В общем, это, говорю: там ботаника.

– А что, ботаника не нужна?

– Нет, в общем, – отвечаю.

Он меня в кабинет повёл и стал беседовать со мной, значит. Как, почему на уроки-то не надо ходить? И начал рассказывать: вот как ты будешь жить без ботаники? Интересные такие примеры приводит. А ещё говорит, из-за того, что ты не ходишь, говорит, на ботанику, тебя и меня могут посадить в тюрьму (*смеётся*). Я так испугалась! Нас посадят в тюрьму.

– Я же, говорит, директор школы – отвечаю за каждого. – Чтоб каждый учился, а ты смотри что делаешь, на ботанику не ходишь. А другие сидят, учатся. Учитель там, говорит, работает.

Думаешь, нас простят? Нет. Если хочешь, чтоб нас с тобой не посадили, на уроки ботаники будешь ходить, говорит, каждый день, как на все уроки.

Ты же у нас хорошо учишься, а почему ботаника?

Я говорю: не надо мне:

– Почему-то всякие листочки, всякие пестики, я их [названия] не запоминаю.

Причём, раз нет желания, думаю, там столько слов, в общем, новых надо учить, да и неинтересно.

А потом стала ходить, а учительница дала все уроки, которые пропустила, задания мне дала, значит, всё это выучить: это выучишь, это выучишь (*смеётся*), это… и давай учить. Вот таким образом. Хулиганка такая. Думаю, зачем она мне нужна, ботаника?

У Вас был иностранный язык в средней школе?

В общем. Это только в педучилище стали. В школе нет, у нас русского… русский язык считался у нас главным. Учить его нужно было.

Вы книжки в школе читали?

Вот книжки стали мы читать, потому что нам интересно было…

Там, значит, в основном сказки были, потом рассказы… нет русские сказки. И хантыйские тогда появляться начали, в общем, выпускали в северном отделении Герцена, вот и оттуда поступали, но мало было… мало. И вот мы несколько раз эти книжки могли почитать (*усмехается*)… Их было мало. Потом учителя сами на себе таскали до Юильска, в общем, эти книжки, шли работать после летнего отдыха, и книжки, значит, они на плечах на своих притаскивали. Почтари иногда приносят книжки. Их мало было.

Опишите обычный день в школе.

Учили уроки… Вот эти слова запоминайте крепко, нам говорили … И задания дают. Строчки, в общем, образец напишут. Учительница: вот пишите все строчки дома, значит, чтоб красиво так же получилось.

Газеты, журналы, вы их в Казыме помните?

Только книги, а журналов… даже газеты вроде как мы видели, а журналов – нет.

Песни какие пели?

В общем, разные песни (*усмехается*). Ага. Мы свои хантыйские песни, конечно, пели. В общем, а ещё русские, иногда не до конца понимая, что значат… Иногда даже из одной песни кусок и [из] второй вместе соединяли, вот иногда на таком уровне.

А потом нас же готовили к праздникам, к выступлениям воспитатели, и пели. В общем, разные песни, вот «Ручей» я помню хорошо:

– Ах, ручей, ручей, ты чей?..

Потом военные. Про Щорса пели: «Шёл отряд по берегу, шёл издалека…». Этих вот военных песен, значит, в интернате много было уже. Концерты готовили, значит. Каждый воспитатель что-то своё. Один будет готовить нас

по акробатике. Этюды показывали. И почему-то мне так пошло, на всю жизнь, в педучилище продолжала. Акробатика, гимнастика – это мои любимые…

А гармонист был в школе, музыка была?

Гармонист… Балалайку где-то брали. Ребята многие хорошо играли, я не играла. Одна балалайка на интернат. Одна гитара на интернат. На гитаре играла Нина Михайловна[89], воспитательница, хорошо она группу ребят выучила, как играть.

Фильмы тех времен.

Надо вот подумать, по-моему, про Чапаева, по-моему фильм был[90]. Ага… Потом ещё какие-то там фильмы. В те времена кино уже привозят, нас коллективно возят в клуб. Дом народов Севера, – называли клуб.

А где он был?

В Казыме, культбаза там, культурная база, ага, интернатских всех водили. Фильм посмотрим. Разные фильмы были.

В клубе были только фильмы?

А вечера ещё были…

Вот, значит, или выступают взрослые уже, культбазовские, значит. Одних обязывали, например, к празднику. Это взрослым человеком я заглянула назад. Оказывается, например, больничный комплекс, больница, медсестры, врачи – один праздник им отдают, вы готовьте для культбазы всей. Другой раз выступает весь учительский коллектив, опять для всех, значит. А потом сельская интеллигенция. В об-

[89] Известна воспитатель Нина Матвеевна Аскарина. – См.: Шевелёва М. М. Из истории Казымской школы [Электронный текст] // Остяко-Вогульск.рф. – URL: http://остяко-вогульск.рф/2019/04/13/iz-istorii-kazymskoj-shkoly/ (дата обращения 10 июня 2019).

[90] Кинофильм братьев Васильевых «Чапаев» вышел на экраны в 1934 г. – См.: 5 ноября 1934 года состоялась премьера фильма «Чапаев» [Электронный текст] // Научная Россия. Этот день в истории науки. – URL: https://scientificrussia.ru/events/5-noyabrya-1934-goda-sostoyalas-premera-filma-chapaev (дата обращения 10 июня 2019).

щем, зоотехники там разные, значит – они делают концерт. Чередовались. Потом стали соединяться. Вот таким образом, значит, концерты были… Мы, дети, значит, тоже включают нас. У кого там, одни ребята хорошо поют, например, их включают. Дети выступают. Стихи рассказывают. У нас одна Зоенька была. Так читала! Я не знаю, в общем, сильно красиво… Соединяли так вот.

Детские разговоры в школе.

О чём только, наверное, не разговаривали. О родителях, обо всём, и о чём, кто прочитал что-нибудь, скажет (*смеётся*), как живой материал, значит, вот в этой книге так-то, то-то написано. Если про там Зою Космодемьянскую прочитали. Не всем же эта книга достанется – и давай рассказывать, что она, значит, выдержала, что такое. Почему-то про военных мы часто рассказывали. Про Чапаева, Чкалова, там, в общем.

Потом тихонько узнали про Сталина, что … И с тех пор вот осталось, где же мы прочитали… в общем, если б Сталина не было, то мы войну бы проиграли, не победили. И это крепко засело в душе. С детства. С детства именно. Ага. Потому что открытки один раз все мы получили, Иосиф Виссарионович как будто поздравляет всех с Победой, каждую семью, каждого человека. Открыточки такие красивые. Всем-всем раздали. И, в общем, мы поверили, что вот …

А Вы с участниками войны встречались в школе?

Встречались, в общем … там они говорят … встречи … кто вернулся, в общем, в интернате каждый вечер что-то такое было всегда. То ли значит в тылу, как он отличился, встречи такие воспитатели умненькие наши устраивали.

И ханты были, и хоть любой национальности… любой, ага, и украинцы были, и русские были, и коми, кто вернулся с фронта. О погибших рассказывали и всё такое.

Русский язык Вы тогда понимали достаточно хорошо?

Уже понимали, уже вот начиная с 6-го класса мы, наверное, вошли в роль. Часть понимаем, часть, может, не понимаем (*смеётся*), хотя учились хорошо, в общем.

Как изменились Ваши представления о мире к концу 7-го класса?

Сильно поменялось, сильно, конечно. Во-первых, вот самое первое даже вот в душе, люди поменялись в том плане, что там чей бы ребёнок ни был, он как родной, и чей бы папа ли, мама … Считай, что этот человек, в общем, поможет, сделает или, в общем, ничего плохого никогда [не сделает]. Такое внимание было. Обязательно чем-то поделятся, обязательно ласковое слово или погладят, в общем. Родители из тундры [чьи-нибудь] придут – значит абсолютно как будто свои, вот. И такое вот отношение. Сейчас, конечно, этого нет. В общем, любой ребёнок, он всё время во внимании старших. Особенно, если отец погиб, они росли одни. На особом прямо счету, как-то вот. Тепла не стало теперь, это сильно большие изменения, конечно.

Как изменились Ваши представления о пространстве края, страны? У Вас была география…

География была, ага. … Всё, уже землю представлять начали, уже знаем, что Москва есть и там другие города, и шли войны, и ещё, в общем, мир уже узнали.

Вы октябрёнком, пионером были?

Октябрёнком… все инстанции прошла.

В октябрята принимают, мы уже знаем, что мы какие-то добрые, хорошие, важные люди. Помогать должны всем. Нашивки нравилось нам носить… Учителя сами из красного материала такие на картонку полосочками…

А звёздочки?

Звёздочек тогда не было. А в Казыме появились звёздочки уже. У пионеров галстуки были.

Пионеры, значит, тоже мы так торжественно, гордились, что нас принимают. Важные мы такие всегда. Отдаём честь всегда, в общем. И первая обязанность – хорошо учиться. Держимся, в общем, чтобы всё это было. Помогать старшим. Тогда было очень модно – бабушкам, дедушкам дрова там притащить, сложить, у них там, в общем, снег убрать. Убирали каждый месяц, в общем, помогали. Ещё у нас сознание, значит, те, которые погибли, их семьи, значит, на особом счету, какое-то такое было почтение. Сейчас тоже нет этого. Ушло как-то.

Комсомол?

Я скрыла, что четырнадцати лет нет ещё, – меня с шести в школу. И в 7-м классе вместе со всеми – в комсомол. Приняли, никто не обратил внимания. А стыдно было, в общем, что я обманываю, в то же время рвусь, и, в общем, приняли, вручили мне комсомольский билет… Я прямо действительно воровски залезла в комсомол.

С кем Вы в школе сидели за партой в Казыме?

(*Улыбается*). За партой (*усмехается*), значит, в средней… там в Казыме? В Казыме, в общем, маленьких вперёд садили. Там был Яша Канев, значит, маленький и я тоже маленькая, таких много маленьких – мы всегда на первом [ряду], я вот всё с этим Яшей и сидела. И Яша всегда спорил, в общем. Один раз учительница рассказывает, значит, что воздух везде – и в воде, и везде. Яша спорит, говорит, нет. В воде, я говорит, пробовал – не мог дышать, в общем – нет воздуха. Учительница: нет, там [рыбы] тоже дышат и так далее.

– Рыба, – говорит, – выскакивает.

В общем, ни за что не соглашается.

Я говорю:

– Яша, не все же выскакивают.

Я на стороне учительницы.

Он говорит:

– Ты дура, – говорит (*смеётся*). Ты пробовала, говорит, в общем, типа нырнуть, можешь там жить? Нету там воздуха. – На весь класс.

Яша хороший человечек был. Потом армию отслужился, после армии что-то он заболел и умер скоро … Яша.

Вы на уроке друг другу помогали?

Подсказывали. И все знали, что друг другу подсказки, в общем, контрольные, было нельзя. А всё равно подсовываем, в общем, друг другу там что-нибудь… Поддерживали… Другие тоже могли подсказать. Хулиганили.

ГТО, Осоавиахим…

Было… Осоавиахим вот не помню, ГТО это было, и так строго было. Послевоенное время… И в Казыме, и в педучилище…

Нормы мы сдавали. Я долго не могла через козла-то прыгнуть – маленькая. Как-то, в общем, становилась и потом смотрю, в общем, как такую высоту взять… Научилась, раз я гимнастка, маленько организм свой знаю, знаю, за счёт чего надо брать высоту, и прочее, вот.

Стреляли?

В Казыме не стреляли… Спортивная, ага, подготовка, расстояние брать. … Значок был… ГТО. Только ГТО. Там, в общем, ГТО всем раздавали, кто сдал нормы…

Ваше отношение к вере как-то поменялось в школе?

В общем, я стала слышать … Вслух не молились, в общем. Вот те, кто прошли через дедушек-бабушек, те далекие времена, и в природе росли, как я, стали уже чётко слышать, что нет бога, нет того… В Казыме уже. Культбаза раз там работает со всеми. Ну, мы своё держали как-то всё. И ханты, наши родители, как медвежьи игрища играли, так продолжали играть, только ночами и скрыто, и знаем, что никому говорить нельзя (*смеётся*).

Мы ходили, с интерната даже удирали в Казыме… удирали, ага.

И даже один случай вот такой был, мы все, значит, медвежьи игрища – идём туда прямо, как на такое важное дело, пол-интерната, наверное, удрали… На одной стороне культбаза – на другой стороне посёлок. Там, значит, игрища шли. Кто-то нам сказал, потому что ребята здесь учатся – в этой же школе. И мы, значит, без спросу удрали туда. Удрали и слушаем песни, смотрим всю программу, потом воспитательница пришла, нас всех взяли, угнали нас.

А я спряталась. В общем, вот такая дикарка. Спряталась, в интернате стали считать – меня нету, она [воспитательница] снова пришла, снова пришла – нашла, хотя и пряталась, нашла и, значит, как-то сердито меня она подталкивать начала, а я раз не привыкшая к таким делам, в общем, разнеженный человек, хотя один раз только ремень получила (*усмехается*), и вот, значит, в общем, урываюсь, не иду, значит, в общем, она меня дёрнет, так дёрнет, в общем, поразному.

В общем, до озера довела, там, значит, около речки, озерко маленькое, потом вниз идти – и Казым, там ещё в интернат надо. В общем, это, я не иду. Она меня стала, у меня волос много было, стала за волосы тянуть, больно – иду, пока за волосы тянет – иду… Потом, значит, в общем, через Казым перевела, на гору – не иду, она меня, в общем, подпинывать начала (*усмехается*). Я не плачу, ничего, а просто сержусь, упираюсь, такая вредная. Довела до интерната и в угол поставила, спать лечь нельзя, ночь уже была, я и стояла, в общем.

Это было, наверное, в 6-м классе. А бабушка в интернате, значит, сразу: ложись, в общем, я потом тебя разбужу (*смеётся*). Я легла, думаю, ага, обманывать можно, значит. И так я благодарна ей, в общем, спать легла. Потом она разбудила, вставай, говорит, скоро придёт [воспитательница].

Я потом взрослым человеком как будто её [воспитательницу] не знаю. Она говорит: не помнишь – в Тюмени в доме отдыха встретились – о, Машенька!

Я думаю: ага, Машенька. Я тебя-то помню. И ни за что не признала. Не помнишь, я ведь воспитательницей работала, – нет, не помню. Зою Павловну, говорю, помню, Нину Михайловну помню, а Вас что-то не помню. Нарочно, вот такая, взрослый человек (*усмехается*).

Ещё какие-то конфликты были в школе?

С детьми. Иногда обзывались. Так мне не нравилось. Меня называют то «кнопка», то как-то… Учусь хорошо, гимнастикой занимаюсь, выступаю… а обзываются… И девочки, и мальчишки тоже. А потом ни в чём не отстаю, думаю, при чём это, в общем. А в книгах где-то выписывала всё, что касается роста, пословицы, в общем. И совсем невпопад отвечаю. Например, вот о каком величии говорить надо: «величие человека не измеряется его ростом», или «мал золотник да дорог», таким образом защищалась. «Большая Федора – да дура», много-много научилась, в общем. Я думала, мальчишки взрослым человеком меня замуж не возьмут. Потому что так. А потом думаю, всё получается у меня так вот по велению Боженьки… всю жизнь.

Конфликтов между взрослыми того времени Вы не помните?

Между взрослыми, наверное, нет. Вот это страшное было [случай с воспитательницей].

Кто из учителей наибольшее влияние на Вас оказал?

Из учителей, значит, мне кажется, в те годы все учителя, как и в школе и педучилище … Очень хорошая была Зинаида Николаевна Кононова. Она географию вела, вот, а на её-то ботанику я и не ходила. На географию хожу, на пятёрки учусь, а на ботанику – не ходила. Потом всё выучила, ботанику потом всё. Почему-то мне ботаника не нравилась.

Школьные мероприятия какие помните?

Много было мероприятий. К праздникам всегда общие мероприятия, выступления физкультурников, выступления танцевальные; разные танцы почему-то тогда учили, наши учителя нас учили: чешские танцы почему-то, русские, вот разные танцы такие… видимо, какие они знали … Девчонки любили плясать, танцевать.

Были среди учащихся дети, которых считали невоспитанными?

Были такие вот. Один мальчишка, Ончар его почему-то звали, Ончар, ненец, он ненец, отец ненец, а мама – ханты. Почему-то он прямо везде, хулиганом не назвать, а вредил всё время, то подтолкнёт, то ещё чего-нибудь нагрубит, в столовой может дёрнуть скатерть, чтоб всё полетело. Вот почему такой...

Были ещё. Л-а у нас был. Мог, значит, тоже подножку поставить, человек полетит. Это в интернате всё так. Мы их боялись как-то …

А потом ещё, в интернате когда были, Казым же большой, длинный такой, часть Казыма называли зырянский край, в общем. И почему-то драчки были между детьми. В школе не дерёмся, и мы, интернатские, хитрые. Старшие нас научили, в общем, делаем снежные комки, ещё мочим в воде – пули готовим. Они бедные – поселковые, воевать идут, но у них на ходу делают всё… Снежки мягкие получаются, а мы – у нас готовы патроны, старшие мальчишки уже готовые пули кидают, и бедных всех отгоняем – у нас (*усмехается*) пули готовые.

И, главное, мы это знаем, что так нельзя делать, нет, раз бой начинается. Ребята старшие дают нам задание: делайте, значит, эти пульки, мы их … Одни, значит, воду принесут, другие пульки делают, замочим, остудим немножко их и готовые в вёдра складываем, те, значит, боевые оружия берут и кидают, ага. И никак не могли понять, почему ин-

тернат всё время побеждает. Это же больно. А те – такие снежинки… А секрет не выдаем.

Активистов, отличников помните?

Отличников было много. Почему-то такое время было, чтобы учиться хорошо… Вот… Раечка Гурьянова была, Лидия Молокова была, в том числе и я с 1-го класса всё время. Но в 7-м классе я уже стала хуже учиться почему-то. Четвёрки пошли. В общем, хотя знала, что это же надо получать, в общем, поступать, нет – половина пятёрок, половина четвёрки стали.

Мальчики учились хуже девочек?

Некоторые хорошо учились… некоторые, ага … Они больше занимаются разными… играми, ага. Тоже больше военных копировали всё время. Война влияла, значит, так …[91]

Отсев был большой?

В общем, тогда до 18, 19 лет даже некоторых держали. Из-за русского языка. Я приехала после педучилища работать, и мои ровесники некоторые, мне 18-й год шёл, они ещё учились в 4-м классе, значит, по 16, 17 лет там были. Вот этот класс новенькой мне дали, мои ровесники ещё вот там, потом после этого уже указ вышел, стали отчислять с 16 лет.

[91] Фактов влияния войны на мирочувствование, умонастроения школьников масса. Вот образчик официоза, совершенно определённо не лишённый доли истины. «… Мысль о том, что надо непременно пробраться на фронт и сражаться с фашистами, так захватила Володю Болтрушевича, что он почти перестал готовить домашние задания. Он приходил в школу, но сидел на уроках равнодушный ко всему тому, что происходило в классе. Он оживлялся только тогда, когда Полина Михайловна читала ребятам эпизоды из боевой жизни (она это делала ежедневно). Глаза мальчика загорались, щеки покрывались румянцем». – Кононенко Е. В одном классе // Учительская газета. 1941. 12 ноября. А вот строки из протокола педсовета Ханты-Мансийского педучилища 4 декабря 1942 г.: «Причина неуспеваемости Л. та, что он постоянно занят военными занятиями. И абсолютно не готовится к уроку по физике». – См.: ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 11. Л. 89 об.

Где было интересно время проводить: дома, с друзьями, в школе?

В Казыме я, наверное, уже неправильно стала думать, важной себя стала считать (*усмехается*) и дома себя так вела, до сих пор перед мамой даже неудобно.

А мама, вдруг я, может, устала, – готовенькое, всё сваренное, покушаю, сажусь за тетрадки, за общественные дела. Я почему-то любила делать доклады такие, не отказывалась. И раз такой интерес у меня – всегда дают [возможность], и такой деловой себя представляю, вот лишний раз бы маме помогла.

И вот, например, когда замуж вышла, там, в Амне, стала жить. И тоже у Павлика мама привыкла, что я такая деловая. Утром рано встаёт, печку затопит. И почему мне бы самой … На готовенькое встаю, чай пью (*усмехается*), такая деловая, опять ухожу, вся общественная. И контора там колхозная была, там стала организовывать, в общем, концерты, чтоб вечером люди могли сходить или какие-то политинформации, привлекать учителей, значит, с культбазы, и слава пошла обо мне как о публичном человеке.

Это начинает проявляться у Вас в Казыме?

В Казыме… с самого детства, когда папа сказал неправильно мне, что я лучше лучших девчонок, всё – для меня границ не было.

Но общественная деятельность у Вас именно в Казыме началась?

В Казыме … Октябрёнком ещё. В общем, почему-то вот так, что…

То есть началось в Юильске?

В Юильске ещё … верховоди́ть, собирать около меня … любили. Чем я привлекала? То, что я лучше лучших мальчишек (*смеётся*), лучше лучших…

Вы 9 мая помните? Или 10 мая, когда дошло известие о Победе?

Дошло, потом, значит, открыток ещё много раздавали … Военного типа, всем – и взрослым, с культбазы поступали, видимо, всякие и раздают …

А в Юильске один раз только получили, в общем … Сталин. А здесь, значит, тоже типа какие-то открытки, с культбазы, видимо, поступили, и всем дают, и детей, значит, посылают по домам. Раздавали и мы, бегали уже раздавали, в общем, это, такое.

2.

Как Вы выбрали себе путь после школы? Вас пригласили…

Пригласили. Такая у них, видимо, это работа была, выпускникам было дано задание и нас выследили, и три человека, мы, приехали. Мы думали, какие мы такие (*смеётся*) оё-ёй …

«Выслеживали»-то Вас учителя школьные?

Учителя школьные. Они – выпускники бывшие, до нас кончили педучилище. Видимо, им дали задание, где они будут работать для педучилища, значит, выследить людей, вот (*смеётся*) из нашего класса три человека. Мы думаем: надо же, нас знают ведь вон где… (*смеётся*). Совсем никуда не выезжали, такие знаменитости (*смеётся*). Хитрости учительские.

Как приехали?

[Здание училища] же было 2-этажное. Мы даже вот когда приехали, в общем, только пристали, уже нам, значит, эти *горы* (*выделяет*) нас просто [удивили], сама пристань вот такая. Там мы везде спрашиваем, как зовут директора школы, у прохожих прямо, людей много, нам показалось, куда-то идут и идут, вот такое впечатление осталось. Если по нашим временам, конечно, немного было, но все с дере-

вень же приехали, [казалось] уйма людей. И вот туда-сюда даже. Когда на берег шли, Дуся[92] даже говорит: переждём, пусть они пройдут, потом мы пойдём (*смеётся*). Постояли – нет, они всё идут и идут (*смеётся*). Потом, значит, тогда машин не было, и мы узнали, как нужно нам в педучилище идти, вот нам показали тропу из Самарово, в общем, горная тропочка была, вокруг *деревья* (*выделяет*) большие такие, *лес* (*выделяет*), шли-шли-шли, значит, а нам не привыкать по лесу ходить, нам так нравится, и спустились, тут тоже лес был, и всё спрашиваем, где педучилище?

И в лесу встречали народ? Или когда уже вышли?

Ага, это когда вышли с парохода, тогда вот, одни садятся, видимо, шли, и другие идут, и столько вроде *народа (тянет)*, и кажется много. Вот, а потом когда мы, в общем, узнали, как идти нам в педучилище, дороги с Самарово до Ханты-Мансийска не было, лес и тропочки. Тропа такая была. Вот это потом уже при нас стали строить дорогу, в общем, всем народом.

Вот, когда в педучилище пришли, видим 2-этажное здание. Нам так *интересно (выделяет)*, что такое огромное здание, здесь мы будем учиться, нам какая-то не то радость – не то [волнение], в общем, надо же, в таком доме мы будем находиться (*смеётся*).

Особенно Дуся у нас старшая была … Мы её всю жизнь в интернате слушались, скажет – сделаем. Так подружились.

Деревья, берёзки около педучилища …

Ну ладно, мы зашли [в педучилище]. Никто нас нигде не останавливает. В общем, спросили, где директор, и отправились на второй этаж. Коридор такой длинный, нам казалось, *большой* (*выделяет*) ... Пришли и сразу говорим: Здравствуйте, Георгий Тарасович! (*смеётся*) …

Три девицы-красавицы.

Величко, Величко [Георгий Тарасович] …

[92] Е. А. Белявская (Ерныхова).

Он украинец, украинец, ага. Участник войны, безногий, одной ноги нету, на костылях… он был безногим, на костылях. Это вообще удивительный человек просто …

Это [увиденное в училище] вообще для нас тоже новое всё было. Георгий Тарасович сразу отправил идти в столовую, а столовая там, где сейчас напротив первой школы одноэтажечка до сих пор стоит. Там была наша столовая[93]. Вот туда, значит, нас отправили, накормили, а так вот, конечно, коридоры, всё удивляло. Спортзал потом уж мы узнали, когда учиться стали. Вот и, значит, мебель … Обыкновенные парты сначала были, а потом нам столы поставили когда-то на 2-м – на 3-м курсе.

Нас хорошо принимали … не слышишь ни грубости, ничего, как будто мы люди, которые встречаются как родные, как семья какая-то… Это не только у меня, у всех такое впечатление [было]. И старшие так настроены были. Старшие: у-у, откуда приехали? Значит, мы рассказываем, рты откроем, не можем закрыть, вот так-то, так-то (*смеётся*), и нас выслушают, похвалят за что-то, неизвестно за что. А ещё говорят, что, ой, вы же учителями будете, учиться будете. А потом только мы узнали, Георгий Тарасович действительно такую установку в ученическом коллективе дал, что старшие должны как братья, старшие люди как братья [младшим], должны помогать. Малышей, значит, и замечать, и помогать. Мы малыши – 1-й, 2-й курс – малыши. Нам это нравилось очень (*смеётся*). Малыши.

Правда, были ребята разновозрастные в училище. И сильно большая разница была – на семь, на вот столько лет. Разницы были. Кто-то решили переучиваться, без специальности где-то работали, в колхозах, или ещё там. В общем, поступали, учились.

[93] В 1955 г. директор училища Г. Т. Величко говорил о необходимости строительства нового здания столовой. – См.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 73. Д. 1283. Л. 13.

Общежитие.

Отдельное здание – вот здесь, 2-этажка была напротив педучилища, через улицу сразу. Одно общежитие было там, где 6-я школа, тоже 2-этажка, причем это далеко уже от нас. Потом там, где 1-я школа, маленькая одноэтажечка у нас была. Мальчишки тоже жили там. Вот в трёх местах мы жили тогда.

Эти общежития … Удобные комнаты, там только места не хватало ещё. Больше 400 человек тогда уже учились. Единственное училище было. Медучилище, педучилище и мореходка[94] была ещё. Мореходку потом в Тобольск перевели. Мореходка там, где через улицу, что там стоит теперь на Ленина, 5-этажка там, что ли, стоит сейчас. А мореходка 2-этажная была. Моряки были…

В общежитиях Вы готовили себе пищу?

Мы иногда варили. В общем, вот картошку-то соберём, запаску тоже сделаем, в общем, раз что-нибудь и сварим. И домой… из дому посылки пошлют. Особенно Кондинский район. Часто им посылки приходили. Посылки, когда кому придёт, значит, в комнате все едим (*смеётся*). Вот такие интересные вещи. В общем, как семьёй какой-то жили, какая-то дружба такая.

В общежитии Вы стирали?

Стирали, гладили, стирали, это всё сами делали. Была комната специальная, могли постирать там, где умывальники все стояли.

Всегда было тепло. Печное отопление. И в училище тепло[95]. Печное всё время отопление. Топили, сами готовили. Дрова сами каждый год готовили (*смеётся*).

---

[94] Ханты-Мансийская рыбопромысловая мореходная школа юнг. – См.: Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 474. Оп. 1. Д. 1-33.

[95] На коллегии Министерства просвещения РСФСР 1955 г. директор училища Г. Т. Величко говорил другое: «Всю зиму температура в здании +4 +8^0, занимаются всё время одетыми <...>. В интернате теплее». – См.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 73. Д. 1283. Л. 34.

Вот так было, значит. Сплавляли лес для всего города. И каждая организация там, в общем, ждала, чтобы вот скоро наши плоты будут педучилищные, медицинские тоже ждали, что вот скоро наши плоты будут. И каждому классу норма была, и каждому человечку. Первокурсникам чуть поменьше, а второкурсникам добавки уже делали, третьим … А четвёртым вообще добавляли как взрослым (*смеётся*). И не выезжали на каникулы до тех пор, пока дрова, свою норму не выполнят.

Мальчишки разбирали *плот* (*тянет*), вытаскивали эти брёвна, а все вместе пилили-пилили, там, значит, опять, кто мог, умеет – кололи-кололи и ставили поленницы. Поленницы отмечали, кого старшим назначают. Никто ни у кого дрова вот всю зиму не крадёт. Тут медучилищные дрова, тут педучилищные, там ещё другого, в общем, школы ещё, в общем, все организации …

Возили на лошадях, машин не было ещё[96].

В общежитии индивидуальной или казенной посудой пользовались?

В общежитии всё казенное было, всё казенное. Сначала в столовой были такие жестяные, все говорили, что это солдатские, жестяные, высоконькие, суп из них ели. Тарелочки были, в общем, потом… менялось, уже как-то получше, получше. Жестяных не стало в конце уже у нас… Нормальные фарфоровые обычные тарелки …

Столовая. Как питались, помните?

В столовой питались, ага. Да, в общем, потому что всегда старались нас кормить, бесплатно, и по расписанию ходили. Утром иногда, значит, зимой, особенно на 1-м курсе, на улице, если холодно, не охота идти… старшие приносят нам прямо в комнату, просто какое-то внимание было, свободно отдают…

[96] О необходимости автомашины для нужд училища не раз говорил директор училища Г. Т. Величко. – См.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 73. Д. 1283. Л. 13.

Кормили чем?

Кормили, значит, мясо всегда было в супиках, конечно, там мало, особенно такая смешинка у нас была – кость просят. Тётя Наташа – повар старший, тёте Наташе: мне кость, а где столько костей взять. Мне косточка, потому что косточка и вкусно, и больше лакомиться, а мяса – совсем маленечко, время послевоенное, время тяжёлое, но нас всегда кормили.

Какие-то блюда нравились в столовой?

Нравились. Да, они все, мне кажется, мне, например, лично всё нравилось. Они старались, ага. Они очень старались. Мне лично, конечно, больше нравилось мясо, как, это, в общем, рыбой тоже кормили, рыбой. Мяско, значит, это …[97]

Было ли что-то, что не нравилось?

Я это не помню. Такого, по-моему, не было, потому что у Георгия Тарасовича задача была нас кормить нормально… исходя из этих условий, которые есть.

Три раза в столовую ходили – утром, обед и ужин. Кормили и детдомовских ребят, сирот, даже если они ходили из дома.

Все по очереди дежурили. Дежурство, значит, мы раздаём, а повар наливает, мы всё: столы сервируем, таскаем, ставим, на каком столе чего нет. Дежурный следит всё это, чтоб у всех всё было.

Раздача, потом со столов убирать, помогать, значит.

И убирать помогали. Со столов, поели, значит, новая скоро смена придёт… быстрей всё делать.

Одна некрасивая история была.

Была в столовой тётя Поля, фамилии не знаю. Она частенько мяса побольше некоторым… сиротам подкладыва-

[97] В 1955 г., когда информант оканчивала обучение в училище, нормы питания в столовой училища не были определены. Выделялось 7 руб. 35 коп. на учащегося, в то время как в селе на учащегося начальной школы – около 8 руб. По оценке директора училища Г. Т. Величко, округ недостаточно обеспечивал училище свежей рыбой. – См.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 73. Д. 1283. Л. 33.

ла. А потом оказалось, что она … домой носила. Её поймали. А мы говорим: надо же, мы её решили защищать, значит.

И один детдомовский, забыла, как звали, он организовал подписи собрать. Мы все в защиту её подписали, что не хотим, чтобы её судили, а тогда строго-строго было, в общем, за малейшее сразу судили. И все расписались, больше ста подписей собрал, как же фамилия? У девчонок потом спрошу.

И нас выстроили всех подписавшихся и [кто-то из администрации] говорит:

– Что за учителя, – говорит, – вот я держу бумагу и, в общем, перечисляет подписи, чтоб каждый шаг вперёд сделал, кто подписался.

Назовёт – и выходим. И вот, всех нас собрали, честных, кто не заступился за неё – таких нет.

– Вот видите, столько человек, вора защищать, и ни один, – говорит, – человек из вас не сказал, что правильно поймали, правильно посадят.

Так он нас отругал, по-человечески.

– Как вы будете работать, кто-то что-то сделает такое, и вы будете защищать, заступаться, чтоб это продолжалось, стало типа хвостом этому человеку и хвостом этому учреждению.

И потом, значит, её всё равно посадили.

– Это всё равно, что вы соучастники, – говорит.

Что-то такое страшное, надолго осталось в памяти, как совсем не повара защищали, на поводу пошли вот у тех ребят, кого она подкармливала. Они узнали, значит. – Тётя Поля же хорошая?

– Да, она хорошая!

– И всё, тогда подписывайтесь.

Мы подписались.

Вот такие глупости …

Начало 50-х. В 1951 г. поступила. Ещё тяжёлые годы были тогда, хлебушка тогда ещё, в общем, [не хватало].

Но уже на 2-м или на 3-м курсе стало свободно – хлеба, ребята, сколько хотите кушать можно… На 2-м или 3-м… забыла этот момент… с хлебом. На стол ставили хлеб просто тарелки. Мы в своё время хватали. Ещё у нас такие спортивки[98] назывались у всех, почему-то модно было. Раз – бах и мы туда толкаем, чтобы, вдруг завтра не будет опять хлеба. Воспитатели по-доброму говорят, что, ребята, сейчас хлебушко будет всегда, значит.

На улице ребятишки спрашивают: хлеб взяли? Если скажешь: взяли, они говорят: дай, хлеб! дай! (*смеётся*). Вот такое…

Вот так это всё перешли, потом старались они нормально кормить нас. Компотики, ягоды давали. Но картошка всегда была. Картошечка.

Вы картошку узнали в Юильске?

Нет, в Юильске этого не было.

Картошка была на культбазе в Казыме. И культбаза всех и вывозила, чтобы умели картошку садить, в общем, как-то приучали. А в этом интернате свой огород, нас приучают, значит, картошку, особенно уборка картофеля колхозного, значит, вот. Мы там маленькие картошку собираем себе лично, значит, зимой печка топится, мы подвариваем картошку себе (*смеётся*).

А в Ханты-Мансийске подсобное хозяйство было?

Было. В педучилище… Там, значит, садили огурцы, как-то нам не нравились они, огурцы. А Кондинского района девчонки, они так любили! Потому что они уже знали, что такое огурец. А нам, кто поливает огурцы, ухаживает, Георгий Тарасович и Анна Семёновна, она биолог, Пелевина Анна Семёновна, она говорит: кто поливает, девчонки, я разрешаю пробовать огурчики. Огурчик скушает, значит, один огурчик разрешает. Мне не понравилось, в общем, девчонки, кто любит, – дай огурчик твой мне (*усмехает-*

[98] Спортивные курточки.

ся). Огурцы, репу садили, турнепс на грядках. Картошку, по-моему, не садили мы… Видимо, взрослые уже картошку [садили]. Или старшие ребята …

В подсобном хозяйстве как часто приходилось работать?

А иногда даже урок биологии там, ботаники проводили, потому что о растениях рассказать [надо], как растёт и что требуется для того, прямо на подсобном хозяйстве уроки, водили нас туда.

Надписи на столах в училище.

Иногда случаи были, в общем, редкие случаи. Обычно мальчишки что-нибудь черкали … Так было заведено. Ругачки какой-то нету, кто сделает, тот сознается. Давай, всё вычисти. Зачем это сделал? Никто не делает, а ты это сделал, вычисти. И ребятишки, в общем, вычищают. Такая была, видимо, установка – не ругать. В хантыйских семьях так и положено, дома нельзя ругать, потому что, когда ругают, ребёнок только ругачку слушает, а что какую-то провинность сделал, этого он не поймёт, он слушает ругачку. Ещё спросят, будешь так ещё делать?

– Нет, конечно, – а механически скажет.

А тут, значит, устрани сам, сделал – устрани. Зачем ты так делаешь? И всё.

Ваш день во время учебы.

Ну, утром вставали… в 7-мь, режим дня же. Нас будили… в общежитии, ага. Зарядка, потом моемся, умывальник. Затем что?

Собираемся, идём в столовую, из столовой идём в училище, в 9-ть занятия начинаются. Потом обед, где-то, по-моему, с часу и какое-то время, потому что разные классы по-разному. Надо успеть всем … У каждого своё время: там 1-й курс во столько-то, 2-й – вот тогда-то, за два часа всех пропускают.

После обеда, у кого какие занятия, значит, в общем …

У меня? Разные… Вот, например, гимнастикой я занималась, так иду, значит, на гимнастику. Если Ольга Александровна[99] сама назначает время. Иногда, значит, после обеда, иногда вечером назначает…

В спортивном зале. Прыжкам учили на улице. Прыжки разные. В общем, чтоб прыгучим быть, значит (*смеётся*). Она потом ещё нас готовила к выступлениям, праздники свои, концерт готовили, гимнастические упражнения обязательно …

Уроки учили… в общежитии. Рабочая комната там была.

Учили по учебникам только … Учебников не хватало [по отдельным предметам]. Пять на класс, на 30 учеников, и они у нас по рукам ходили, пять или семь, назовут нам количество, когда не хватает, а когда хватает, всем давали[100]. Учебники были хорошие, новые, старых не было.

За учителем писать было не принято. А вот в старших классах, где-то в 4-м классе… курсе, ага, говорили, что, ребята, нужно главные моменты конспектировать. И мода такая появилась – кроме учебника по этой теме в библиотеке спросить, что можно ещё прочитать, и поэтому я вот из-за этого правила, в общем, стала держаться. Когда отвечаю на уроке, я дополнительно уже прочла, записала. Поэтому я пошла какой-то хорошисткой, всё время на «четыре»

[99] Ольга Александровна Кремлёва – преподаватель физкультуры в училище (1953–1956). – См.: История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. ред.: О. А. Бывалина, отв. за выпуск: З. Н. Казакова, сост.: З. Н. Казакова, А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 221.

[100] В октябре 1948 г. в справке Минпроса РСФСР в ЦК ВКП(б) отмечалось, что «не обеспечены изданием» более десятка учебников для педучилищ. – ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5563. Л. 3–8. В Минпросе РСФСР нередко критиковалась деятельность Учпедгиза, выпускавшего недостаточное количество учебников. – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 2741. Л. 2; Д. 4417. Л. 50. Дефицит учебников отмечался и в школах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов. – См.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 73. Д. 1283. Л. 7, 10.

или на «пять». Всем, кто так делал, значит, оценки нам добавляли прямо.

Библиотека была большая?

Большая, хорошая библиотека по нашим, по тем временам. *Полки, книжки*… (*тянет*) И вот это мне всё время такое понятие было, что библиотекари – это самые … А я тоже, там, из Казымских времен, думаю, они все эти книги, наверно, *прочитали* (*выделяет*), что я тоже обязана это *знать* (*выделяет*). И вот тогда в педучилище почти заведено было – большинство людей читали всё время книжки.

Георгий Тарасович педагогику вёл, он обязательно называет, что дополнительно нужно читать в книжках таких-то, таких-то … Что-то важное узнаете там, в общем. Вот он это очень ценил, эти моменты. И кто дополнительно при ответе скажет, а в этой книге написано вот так-то, так-то, такой-то большой педагог по этому поводу так высказался, всё – «пятёрка» обеспечена (*смеётся*).

Библиотекаря Вы помните?

Лидия Ивановна… А фамилию вот забыла. Такая *пожилая* (*выделяет)*, в общем, это, и мы нанимались … Знаем, что ей трудно доставать с высокой полки:

– Можно я сегодня с Вами буду работать, Вам помогать буду книжки доставать.

– Можно, можно, вот, если будешь помогать, я тебе запрещённую книжку дам (*усмехается*).

И запрещёнки нам нравились, думаем: чего, зачем запретили, понятия нет, что эти книги запрещённые.

Вот я «Записки вора» всегда сейчас называю.

Ей всё стала помогать хорошо, значит, в общем, и за одно время книжки просматриваю. Надо же, сколько книг. А потом ещё когда она сказала, что это вот – кусочек маленький от общечеловеческой библиотеки... Представьте, я сейчас этот пример всё время ребятам говорю, представьте все города *большие* (*выделяет*), теперь, значит, в городах

столько *библиотек* (*выделяет*), в организациях, университетах, вот эта ценность, значит, общечеловеческая – вот это её слова прямо… её слова…

И нам, конечно, больше знать, значит, захотелось… И действительно, как ума у нас хватило или сил – до утра читаем в классе, в комнате, не гасим свет, нас воспитатели иногда ругают: ребята, спать надо, берегите себя. А книги захватывают, вот читаем[101].

Она мне «Записки вора» дала (*усмехается*), книжку запрещённую, говорит: это запрещённая книга, не числится, я тебе дам, почитай, говорит, очень разумница – книга эта.

А оказалась такая книжка. Вор всю жизнь, значит, наслаждался: укра́дет и наблюдает, как воспримут, в общем, люди, у которых украл он *деньги (тянет)* или ещё какие вещи. Кто-то плачет, кто-то сожалеет, кто-то, в общем, проклинает этого вора. Он подслушивает, что о нём говорят, значит, ему это доставляло удовольствие. Идёт, кого же ещё… кому куда залезть, наблюдает, ищет сначала объект. Найдёт и опять, значит, выжидает момент, когда все уходят. И опять, значит, укра́дет и опять наблюдает за ними.

И последняя, значит, картинка у него такая. Семья … Отчего-то отца не стало. И трое ребятишек, три мальчишки и одна мама. Мама, значит, зарабатывает где-то стиркой, у кого-то где-то помоет, в общем, нанимается к людям. И получает гро́ши и собирает.

[101] Весьма приблизительно позволяет определить круг чтения учащихся второй половины 40-х гг. информация из отчёта училища за 1948/49 уч. г.: «Большинство учащихся прочитали «Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Радугу», «Просто любовь» В. Василевской, «Дни и ночи» Симонова, «Люди с чистой совестью» Вершигоры, «Непокорённые» Горбатова, «Глубокий рейд» Фёдорова, «Два капитана» Каверина, «Униженные и оскорблённые» Достоевского, «Звезду» Казакевича, «Университет» Коновалова, «В окопах Сталинграда» Некрасова, «Кружилиху» и «Спутники» В. Пановой, «Овод» Войнича, «Спартак» Джованиоли, «Дети капитана Гранта» Жюля Верна». – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5688. Л. 78.

Одежды старшего он, значит, поносил, вырос – ему новое купят, если подкопилось что-то хоть или, значит, от старых отцовских, может, перешли, а от старшего – уже к следующему идёт. Следующий поносит – уже опять (*усмехается*) следующему обшивают. И вот такие моменты описаны. И один раз, значит, решили… а девчонка ещё маленькая была четвёртая, три мальчишки и девчонка. И вот тогда, значит, девочке решили ботиночки новые купить, в мальчишечьих она всё время бегала... К именинам, значит, решили купить, со всеми мальчишками переговорила, так и сделали.

Мальчишки стали помогать, значит, постарше стали. Где-то дрова поколют, маленько поработают, и копилка у них, значит, в шкафу на самой верхней полке. А вор наблюдал, в общем, и считал, сколько стало денег. Мать посчитает и говорит: ещё осталось до ботиночек совсем мало.

И вот, когда, значит, ботиночки вот, пойдём и купим, – дети все радуются. А он в это время и украл. Украл, значит, и стал наблюдать, что же они будут делать. Все плачут, мать, мальчишки плачут, значит, уже хотели ей ботинки, а девочка прямо не знает, что делать, навзрыд. И вдруг у вора что-то тронуло, в общем, внутри. Что… что я натворил. Тут первый раз в жизни пришло ему, что он так страшно поступил, что он *не человек* (*выделяет*). И вот, и что же делать, значит, в общем, мне даже, говорит, не положено жить, там это так старались, так старались, а я вот что натворил. И вор в конце, значит, в общем, я не знаю, забыла, что он натворил себе, стал он стараться, значит, и вернул эти деньги, не публично, а положил на место тихо. Все догадались, что надо же, мы, видимо, просмотрели, деньги так и лежат.

И он опять, хотя его не обвинили ни в чём. И это тоже очень горько, значит, внутри у него, в общем. И опять груда слёз у него полилась, что я тоже человек, оказывается. Хорошее сделал, оказывается, могу я плакать тоже. А то он не плакал – наслаждался. В общем, вот такую книгу зачем-

то запретили, я просто всё время думаю, что эту книгу нельзя никому. В те годы какие-то запрещённые книжки были (*усмехается*). Ага, вот такая…[102]

Литература по программе.

Читали. …Кто-то, в общем, халтурил. Вот «Война и мир», и учительница догадалась сказать, что, получив дипломы, вы учителя… «написанные», но морального права у вас не будет, если «Войну и мир» не прочитаете. Вот это сильно подействовало на многих.

А так вот читали почему-то всё, поиски потому что… телевидения не было. Всё мальчишки читали свои любимые книжки, в общем, и главное, потом, значит, друг другу рассказываем, что там прочитали. В общем, Майн Рида почему-то все любили[103], в общем, один хвастанёт, другой идёт, эту книгу берёт, прочитает, вот такие интересные моменты были.

Вам приходилось за что-нибудь платить во время учебы?

Мы ни за что не платили … Нет. Ничего не платили, ничего не платили. Нам, кроме еды, ещё стипешку давали, стипендию ещё давали. Стипендия, значит, в общем, была небольшая, но стипендию каждый получал, а если на четыре – на пять учишься, повышенную стипендию ещё рубля на три больше поучаешь (*смеётся*). Я повышенную всё время получала. … Не знаю, начиная с 11-ти рублей, кажется, в общем, значит, 12-ть и 14-ть даже мог отличник получать.

---

[102] Советская идеология сталинского времени признавала уголовных преступников, «блатных» и т. п. социально близкими, в отличие от социально чуждой «старой интеллигенции», «буржуазных специалистов», духовенства. – См.: Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. Гл. 16 [Электронный текст] // Библиотекарь.ру. – URL: http://bibliotekar.ru/solzhenicin/33.htm (дата обращения 6 апреля 2020).

[103] О природе этой любви к романам Майн Рида см.: Сергей Гуркин. Майн Рид и русский миф об Америке [Электронный текст] // Регнум. 2018. 4 апреля. – URL: https://regnum.ru/news/cultura/2399543.html (дата обращения 20 мая 2019).

Вам приходилось во время учёбы зарабатывать деньги?

Мы только летом вот, когда уезжали домой колхозам помогать, а здесь, значит, на эти, уборочные возили, там ничего нам не платили. В общем, а практику, я рассказала, нас полностью обеспечивали.

А ребята иногда, например, ждут, когда груз придёт в Самарово на пристань, берутся сильные ребята, четвёртый курс, обычно они. В общем, и хвастаются, что хорошо заработали, выгружали груз. Вот эти случаи были…

Деньги по-разному тратили. Мы, девчонки, например, складывались на одну [цель], в общем, на каждом курсе посвоему. На 1-м курсе, чтоб у нас у каждого платья были хорошие, значит, какие мы хотим. Чтоб в мастерской самим заказать по очереди. А вот на 4-м курсе мы все фуфайки себе, пальто не мечтали даже, фуфайки заказали – на работу же надо в новых фуфаечках приехать (*смеётся*). Фуфайки заказывали … Дом быта там был, накопим, сколько стоит, узнаём, значит, тоже все сложимся и выдергиваем, как вот в детстве делали [жребий], кому первым, кому вторым, значит, заказывать. И вот, значит, выдернешь, например, в январе – будет фуфайка … Споров *нет* (*выделяет*), [как] выдернули – тогда и закажешь. И у всех фуфаечки (*смеётся*). … Хорошо как-то это всё было, интересно.

Директор, завуч, учителя…

Георгий Тарасович после войны как-то вот сюда переехал и директором его и поставили…[104]

Здесь его родные места были или нет?

Вот это я не знаю… Потом он на пенсию вышел, в Новосибирск переехал.

[104] Г. Т. Величко приехал в Ханты-Мансийск сразу после окончания в 1938 г. Омского пединститута. – Киселев А. Г., Онина С. В. История Ханты-Мансийского национального педагогического училища: опыт источниковедческого прочтения // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 171–172.

И у него была… Лариса Андреевна – тоже преподаватель, жена его…

Она вела анатомию, в общем, ещё ботанику, помоему[105].

Дети у них были?

Были – два сына. Они учились… не у нас, в школе учились.

Семья Георгия Тарасовича где жила?

Здесь, около педучилища, он дом построил, в общем, ага, построил дом, до этого не знаю, где он, мы приехали, он уже в этом доме жил, сказали, что это его дом.

Огород там был?

Огородик был, ага.

Корова?

Нет, не было…

Напротив первой школы там остановка, вот напротив остановки его дом, вот он там.

Завуча помните?

Завуча, завучем у нас, как же звали? Так… математик она была. Ой-ой, вот память, а? Такая хорошая она, шустренькая… Эх, имя и фамилию совсем не вспомню.

Директору сколько было тогда лет?

Он был послевоенный уже, отслуживший, отвоевавший человек.

А завучу?

Она тоже такой пожилой человечек, полный, в возрасте.

[105] Лариса Андреевна Величко – 1914 г. рожд., в 1939 г. окончила биологический факультет Омского пединститута, имела 4-летний стаж работы в начальной школе, в Ханты-Мансийском педучилище преподавала биологию, вела педпрактику (1939–1966), награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5533. Л. 8; История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. ред.: О. А. Бывалина, отв. за выпуск: З. Н. Казакова, сост.: З. Н. Казакова, А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 215.

Она где жила?

Завуч? Не знаю завуча. Я сейчас про Ларису Андреевну сказала – его жену, она тоже пожилой человек.

А завуч?

Она помоложе намного, шустренькая такая… она русская была… и вела математику. … Завучи потом менялись. Потом завучем была физик – Виктория Николаевна Хомылева, Хомылева Виктория Николаевна… Она молодая, красивая такая, в общем, видная, лет 40-ка, семейный человек[106].

И мне казалось, все учителя красивые почему-то были. Потому [ли] что обязаны были одеваться как можно лучше, как можно, значит, быть примером …

Кто из преподавателей непосредственно вёл занятия с вашей группой, вашим курсом?

Вот Петровец Илья Демьянович – математик… Илья Демьянович Петровец. Отличный прямо человек был[107]. По математике у нас в классе где-то человек восемь, мы меж собой соревновались, в том числе я, в общем, у кого лучше устный счёт …[108]

Только на «пятёрки» хотелось учиться, только на «пять» по математике. У меня такой казус страшный был. Решали контрольную работу, а пример такой сложный даётся … На черновике я получила «минус 156». А когда пере-

[106] Виктория Николаевна Хомылева – 1926 г. рожд., в 1948 г. окончила математический факультет Тюменского пединститута, преподаватель физики в педучилище с 1948 г. – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5533. Л. 8; История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 219. Воспоминания В. Н. Хомылевой (Гершаник) опубликованы: История школы в истории судеб. Сб. документов / сост. Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Екатеринбург: ИД Сократ, 2004. С. 52–54.

[107] И. Д. Петровец фигурирует в воспоминаниях многих выпускников. – См., например: Страницы истории Ханты-Мансийского педагогического колледжа, 1932–2002 гг. Сборник документов / сост. Н. П. Мирошниченко. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. С. 27, 30, 33; ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 232а. Л. 18.

[108] Возможно, информант «смешивает» свои школьные и училищные воспоминания.

писала, «минус» не поставила. А Илья Демьянович очень такой принципиальный был, он закатил мне *большущую* (*выделяет*) единицу!

Я *так рассердилась* (*подчёркивает*), значит, ни слова не говоря, не стала на математику ходить. Он знает, что это мой каприз, никто меня не ругает. В классе, значит, в общем, если там спросит он меня, к доске – не иду, не отвечаю. Он сразу объявляет: ещё «единица», ещё «единица». Я думала, он ставит их (*смеётся*). Вот какая я капризная была.

А домашнее задание мне в тетрадь записывает или передаёт через кого-нибудь. А классное задание я сама уже записываю, дома решаю всё, не отстаю ни в чём. А вот ему не отвечаю.

И потом один раз, значит, ну давай, он через ребят, видимо, узнал, что я всё решаю и ни в чём не отстаю, а просто, в общем, за несправедливость. Очень несправедливо – «минус 156» или «плюс 156» (*смеётся*), разница большая. Думаю, надо же, из-за одного «минуса» единицу закатить, в общем, такая капризная.

Вот, а я такое устроила, и все учителя как-то, в общем, всё понимают, кто как капризничает. И где-то полмесяца, наверное, прошло, он говорит, ну-ка принеси все свои бумажки, я же знаю, ты решаешь. Надо же, знает, или через ребят или просто надеется: ты же знаешь всё, говорит, давай я снова поставлю тебе [отметку], говорит, какую заслужишь – то и поставлю.

Я принесла, всё сдала, значит, уже мир (*улыбается*), он при мне проверяет и ставит, где, значит, «пятёрку», где «минусовку» поставит: а почему тут не поставила знак, значит, строго относился, но справедливо, вот так. Всё. Снова я нормальным человеком стала (*смеётся*). Вот такие капризы, нас почему-то не наказывали.

Другие ребята тоже могли себе позволить такие капризы?

Тоже могли так же, в общем, что-нибудь[109]. Кто закапризничает, он ругаться – не ругается, а, в общем, следит, выучил он – не выучил, делает это – нет, а [обо] мне он как-то всё узнал.

– Я знаю, – говорит, – всё.

Задание ещё больше даёт, что мы успевали в классе и дополнительно получали вот те, которые восемь, ну, может, десять человек, ребята в основном, нас трое девчонок было.

Вот и он дополнительно всегда, классную [работу] пока решаем, мы уже решили, снова нам даёт. Поэтому он мне с гаком и давал домой ещё. Вот. Интересные и хорошие были. … Илья Демьянович очень-очень следил за этим, чтоб мы решали, делали… Мне кажется, училище, как закончила, меня целенаправленно отправили в Ленинград, чтоб я стала на математику, математический факультет. В общем, и Дусю[110] отправили, несколько человек… на математику. Туда по предметам отправляли, кто на что там способный.

А я заболела. В жизни не быть мне математиком (*смеётся*), заболела, в больнице пролежала, обратно приехала и поступила на педагогический факультет в Ленинград.

А ещё кого из преподавателей помните?

Евгения Павловна Епанчинцева вот… такая высокая, красивая такая. Она и классным руководителем одно время была, менялись уже классные руководители. Она вела

[109] Демонстративное нежелание некоторых учащихся отвечать на вопросы преподавателя не раз упоминалось в протоколах педсовета училища. – См., например: ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 11. Л. 120.

[110] Е. А. Белявскую (Ерныхову).

литературу и русский язык[111]. Вот, Виктория Николаевна физику вела, замечательный такой человек. Не Хомленко, а Хомлева! Виктория Николаевна. Очень хороший учитель.

Все как-то старались. У Георгия Тарасовича такой план был, если, значит, учитель видит, что не справляется или не такой, чтоб учителей учить, он их в школу отправлял, поменяет на таких опытных учителей. Это мы уже в старших классах узнали … Уже с третьего, четвёртого знали, что обменяют учителей, потому что молва идёт, почему её не стало…

Какие-то прозвища вы давали учителям?

(*Смеётся*) По-моему, давали. Из класса. … Ой, даже сейчас надо вспомнить, интересный вопрос. Не знаю даже. Мы фамилии сокращали… сокращенная или маленько подходит, в общем, ну так, чтобы такой шуточный какой-то, какой… даже у Ильи Демьяновича вот, нашего математика, Петровец Илья Демьянович… что-то с Петровцом связанное, в общем.

Он модник был. *Морозы* (*тянет*). Он в фетровых валенках, на экскурсию нас водит…

– Ноги у Вас не мёрзнут?

А он:

– Форс морозу не боится (*смеётся*)… Ему лет 30-ть было, женатый был …

Спортивные дела… сильно хорошо были поставлены. Просто с первых дней Сан Саныч Боголюбов – участник войны[112] вёл уроки, а Ольга Александровна занималась

[111] Евгения Павловна Епанчинцева – преподаватель русского языка в педучилище (1950–1953). – См.: История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 219.

[112] Александр Александрович Боголюбов – 1915 г. рожд., окончил 7 классов школы (данные 1949 г.), в разное время преподаватель военного дела, физкультуры, труда в Ханты-Мансийском национальном педучилище (1938–1995). – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5533. Л. 8; История Ханты-Мансийского технолого-

гимнастикой, гимнастику вела … Высокая такая, стройная. И вот она гимнастику, я в школе уже начала гимнастикой заниматься, акробатикой причём. Вот ещё в Юильске. Маленькая, в общем, очень гибкая…

Вот 800 метров я не могла сдать долго. Обязательно ГТО надо сдать, в послевоенное время и в школах, и в училищах строго было. Стометровку в училище все четыре года девчоночную норму я держала, все же соревновались, а мальчишечью [держал] Тарханов Андрей Семёнович[113]. Он *маленький* (*тянет*), щупленький, как я же (*усмехается*). Нас иногда называли «котятки» (*смеётся*). В общем, и в первый раз, значит, сбегали – соревнование общегородское счи-

педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. ред.: О. А. Бывалина, отв. за выпуск: З. Н. Казакова, сост.: З. Н. Казакова, А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 214. Известна статья А. Боголюбова в местной газете: Боголюбов А. Против недооценки физического воспитания школьников // Сталинская трибуна. 1951. 10 апреля. В сентябре 1941 г. был призван в ряды РККА городским военкоматом Ханты-Мансийска. Службу проходил в 632 стрелковом полку 388 стрелковой дивизии 15 армии 2-го Дальневосточного фронта. Приказом командира дивизии 8 августа 1945 г. лейтенант А. А. Боголюбов награждён медалью «За отвагу». В наградном листе читаем: «Тов. Боголюбов в боях за г. Цзямусы показал себя как самый смелый, решительный, храбрый командир. Несмотря на сильный обстрел противника, лично с четырьмя разведчиками разведал район обороны противника, уничтожил 2 огневые точки и обеспечил огнём наступление передовых отрядов наших войск». – URL: http://podvignaroda.ru/?#id=39544779&tab=navDetailManAward (дата обращения 6 апреля 2020). Награждён также медалью «За победу над Германией». – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5533. Л. 8.

[113] Воспоминания А. С. Тарханова о годах учёбы в педучилище см.: ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 68а. Л. 26–27, опубликованы: Из воспоминания Тарханова Андрея Семёновича, выпускника Ханты-Мансийского национального педагогического училища 1956 года // Страницы истории Ханты-Мансийского педагогического колледжа. 1932–2002 годы. Сборник документов / сост. Н. П. Мирошниченко. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. С. 33–34. О А. С. Тарханове см.: Мешков Ю. А. Тарханов Андрей Семёнович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 3. С. 177; Тарханов Андрей Семёнович [Электронный ресурс] // Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. Литературная карта Югры. – URL: https://map.ouipiir.ru/writers/andrey-semenovich-tarkhanov/ (дата обращения 2 апреля 2020).

тается, участвовали в соревнованиях всё время. И медучилище, средняя школа и мы … Стадиончик совсем недалеко, вот он был. И вот стометровка мне досталась, в общем, победила. Мальчишечья – Андрей Семенович взял. Андрюшка его называли, Андрейка (*улыбается*). И потом старшие выдумали: попробуй только, *Маша!* (*с нажимом*) попробуй только стометровку отдать, чтоб она крепко у нас в училище была, стометровка. Андрею Семёновичу тоже говорят: Андрюшка, попробуй отдать, а мы думали, это закон такой. И как стометровка, мы прямо все так в напряжении, откуда эта скорость, значит, появляется, стометровку всё, опять вся пятёрка моя, все четыре года (*смеётся*).

Вот такие интересные… И нам было интересно, что как только соревнования общие, напряжка такая, что нет, не отдам стометровку.

Один раз наши же, Галечка Калымова, я в «б» классе училась, она в «в» классе, наша однокурсница[114], она… уже плечами поравнялись на стометровке, думаю, ну ладно, в училище же стометровка. А потом мне… попробуй хоть кому-нибудь, значит, никому не надо отдавать. И (*усмехается*) откуда силы, в общем, и опять, в общем, стометровка моя.

У Вас на первом курсе возникали сравнения училища со школой Казыма?

Ну, мы радовались, что в училище учимся, здесь учителей учат, учителей… Само здание, само отношение мне нравилось, а у Георгия Тарасовича, это уже после мы узнали, у него вот принцип такой, чтобы раз вы учите учителей, то будьте настоящими учителями. Самый живой пример, значит, вот учитель был. Вот, Виргиния Карловна[115], таких

[114] Явное противоречие. Галина Калымова далее названа учащейся медицинского училища.

[115] Виргиния Карловна Эрлих – немка, выпускница средней школы № 1 Ханты-Мансийска (1940), преподаватель русского языка и литературы (1949–1973). – История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Ко-

учителей, прямо, вот не придумать таких учителей. Как ведут уроки! И огромное желание, значит, быть похожими на них, как-то хорошо знают материал, очень много, чувствуется, начитаны. Примеры живые, вот прямо, как живую книгу, передают уроки свои. На культбазу тоже самых лучших отправляли, чтобы привлечь нас, в общем, таёжных, лесных, всяких.

Такая светлая какая-то нежность, такая доброта от всех шла. Что-то хорошее сделаешь, тебя замечают, в общем, интересно это всё было.

Сколько учащихся сидело в классе?

Весь класс сидел. … 30-32 , где-то больше.

А состав-то был девчачий, мальчиков было немного?

Ребят и девочек на половину примерно было. И парнишек много. А больше некуда было поступать. Их и в армию сразу брали. Им разрешалось отслужить и вернуться на свой курс и учиться дальше.

На занятиях по каким предметам бывало шумно?

Это почему-то заведёно, что не шуметь, и всё. Принцип такой в училище.

Был какой-то преподаватель особенно строгий?

Строгий… Тот же Сан Саныч был строгий, физкультурник наш (*улыбается*). [Дурачимся]. Пока не снимет вот это, дальше урок не ведёт. Вот у нас, мальчишки… Он им: левой! А они нарочно с правой начнут.

Был там *Яша* (*выделяет*), потом *Герман* (*выделяет*), такие ребятишки баловные маленько были, и он, значит, до тех пор, в общем, пока правильно не пойдут, нас, сзади стоящих, останавливает. [Им]: ну-ка покажи, где левая нога,

стерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 219; История школы в истории судеб. Сборник документов / сост. Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Екатеринбург: ИД Сократ, 2004. С. 135. Выпускники педучилища тепло вспоминали её. – См., например: ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 68а. Л. 11, 26; Д. 232а. Л. 10, 14, 18; История школы в истории судеб. Сб. документов / сост. Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Екатеринбург: ИД Сократ, 2004. С. 8.

где правая? Они покажут, потом опять: с левой ноги вперед, шагом марш! А они нарочно опять с правой (*улыбается*). Опять: стой, раз-два и мы опять назад.

Вот такие баловства бывали, а потом, значит, он и шуткой, и строгостью:

– Ещё побалуетесь, я вас выгоню.

А никого не выгоняли. А выгонять тоже не разрешали. Это самый лучший способ, любого человека выгнали – он гуляет, а никогда не выгоняли. И мы твёрдо знали, что нас не выгонят … А он не то что ругался, а доведёт до конца, и если урок сорвётся, не успел – он дополнительно назначит (*смеётся*).

А «мягкие» учителя?

Мягкость, нет, у всех это было. Ко всем хорошо относятся.

Как вас называли в училище: учащиеся – студенты?

Учащиеся… педагогического училища.

Кого из преподавателей любили больше всего?

Были почему-то, вот я не знаю, выделить трудно. Своих классных всегда любили. Антонина Ивановна у нас Вахрушева была, географ… Она русская. А муж её был Вахрушев – манси. По отчеству, как же… Ой. Он историю вел. Новую историю. … Они закончили северное отделение в Ленинграде, получили образование и приехали, видимо, до нас ещё приехали, работали[116].

Нелюбимых преподавателей не было?

Я вот никого не могу назвать, потому что все… никого не могу назвать.

[116] Антонина Ивановна Вахрушева – преподаватель географии училища (1949–1984); Павел Александрович Вахрушев – преподаватель истории и мансийского языка (1949–1979). – См.: История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 219.

Как Вы помните уроки истории?

Историю, в общем, почему-то, раз я хорошо училась всегда, история – это же один из моих любимых предметов был. Как значит… начинается, как жизнь становилась и как мы к сегодняшнему дню [пришли] … Потом про войну, военную тему, они с особым таким преподавали чувством, просто что такое горе случилось, и каждый чувствует, в общем, что вот такое страшное горе было.

Виргиния Карловна один раз вела урок… [про] Пушкина, смерть Пушкина. В общем, когда стала рассказывать. Сама, видим, что чуть не плачет, иногда даже плачет. И когда сказала, что вот рука, в общем, этого поднялась, и выстрелил! И рухнуло тело великого поэта на землю. Мы почему-то все встали со слезами. Вот до чего они глубоко вели. И слова выбирали: «И рухнуло…» – как-то она так сказала, «тело великого поэта». В общем, от его выстрела и *все* (*выделяет*) плачут потом. Постояли:

– Ну, ребятки, садитесь, – говорит, – не вернуть это дело назад. Мы все любим Александр Сергеича, в общем. И вот как [для] ребятишек [для] нас, как в семье, она нашла слова мягкие такие…

Виргиния Карловна… Она была уже взрослый человек … Брат у ней был, он работал в средней школе, а она у нас, они… немцы были. Очень такой нежный, очень глубокий человек. Там, где уроки ведёт, значит, всем хочется её слушать… Это был принцип педучилища – брать именно таких учителей.

Общались ли учащиеся с преподавателями вне учебных занятий?

Общались. Иногда, значит, какие-то дополнительные занятия… Спросите, им охота было, нам, вернее, охота их лишний раз видеть, слышать, в общем, какие-то вопросы придумывать, ой, мы задаём [вопросы], нам на все отвечают как будто, так и надо. На самом деле, охота общаться, с той

же Анной Семёновной[117]. Она вела, в общем, ботанику, потом ещё это на пришкольном участке, где посадки, руководила. И вот мы знаем, что она там будет, и идём… чтобы её увидать. Такое чувство. То ли родителей не хватало нам, шли мы просто к ним встречаться, кого хотим повидать, в общем.

Дома вы у них не бывали?

Не бывали… Не принято в общем.

Общие интересы учащихся и преподавателей, кроме учебных.

Это, наверное… а кроме учебных, не знаю, вот... Вот по музыке. Герман Вениаминович Гауфлер[118] вёл музыку… Немец. Очень, очень-очень хороший человек, просто. О нём тоже отдельно писала в коллективный какой-то сборник. С первых дней как он нас встретил, в общем, сначала голоса наши проверял, потом хор он большой вёл, пел красиво сам и играл на пианино, на инструментах разных. А музыкантов много было, и *пожилые* (*тянет*), в общем, музыканты, кто-то очень красиво играл на мандолинке, на балалаечке, на гитаре – вот таких много из учеников потом превращали в учителей тоже они. 4-й курс иногда самых заядлых они брали потом как учителей уже, многие остались после училища …

[117] Пелевиной.

[118] Герман Вениаминович Гауфлер – 1908 г. рожд., немец, в 1941 г. окончил курс Ленинградской консерватории по классу фортепьяно, стаж работы в педучилище начался с 1942 г., после войны преподаватель пения, музыки в Ханты-Мансийском педучилище (1946–1962). – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5533. Л. 8; Афанасьев А. Призвание // Знамя коммунизма. 1960. 10 января; Гауфлер Г. Концерт воспитанников музыкальной школы // Знамя коммунизма. 1960. 3 апреля; История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 218; Встречи с прекрасным подарил Учитель. Как может измениться мир, когда в него приходит Рыцарь музыки // URL: https://ugra-news.ru/article/10032016/26732 (дата обращения 20 мая 2019); Пунигова Г. А. Рыцарь музыки… [Электронный текст] // Ханты-Мансийский технолого-педагогический колледж. Новости. – URL: https://hmtpk.ru/about-the-college/news/297307/ (дата обращения 20 мая 2020).

И вот первый раз. Голоса нам, в общем, определили, и первый, второй, третий голоса для хора нужны они. Мы думали, первый – это первый, самый хороший голос, как пушнину, первый сорт, значит, звали, а на 1-м [курсе] как раз проверка эта была. Потом вторые, третьи голоса, – мы говорим, ну, мы вторые-третьи – не будем на хор ходить. Решили так, и на весь курс, значит, быстро распространили: зачем нам ходить, значит, второй-третий голос, пусть первый сорт, вернее, пусть первосортные голоса [ходят].

И опять же с нами так поступили, выстроили весь 1-й курс, он на хор раз не стал ходить, никто никого не ругает, выстроили [нас] и Георгий Тарасович выступает.

Вот, ребята, видите, если меня Герман Вениаминович заставит полы на первом, на втором этаже [мыть], коридоры длинные, большие, я, говорит, с одной ногой, но как-то приспособлюсь и вымою. И вверху, и внизу, говорит, вышаркаю, вымою – залюбуетесь. Ну ладно.

А если снег выпадет и тротуары под снегом, Герман Вениаминович мне скажет: Георгий Тарасович, надо снег почистить, как люди будут ходить. Ребята, представляете, я вымою, я вычищу, верней, а если, говорит, Герман Вениаминович скажет: Георгий Тарасович, пой вторым или третьим голосом, я не спою, я не знаю, где эти голоса. А вы владеете этими голосами, вам сказали, сколько вторых голосов. Герман Вениаминович так радовался, а на хор-то почему не ходите. Я бы умел, так я бы стал ходить.

А-а (*тянет*), мы первый раз узнали, что первый голос, он объясняет: поднимает, берёт песню. Второй голос, говорит, вливается, берёт силу, а третий-то голос, думаете что делает, – там платформа. Если нет платформы в доме, нет платформы, на чём что там будет держаться? Всё. Вот видите, вы какие, в общем.

Нам так стыдно стало, что, это, не ходим. И все годы ходили на хор. Хор всегда все обязаны были ходить. И нико-

го не таскали, не ругали, что вы в училище учитесь, почему, вот такие вот (*улыбается*). С тех пор мы знаем, что такое первый голос, второй голос и третий голос (*улыбается*).

Были известны какие-то обстоятельства личной жизни преподавателей?

Это мы… знали… У кого какое несчастье происходит. Все как понимали, вот что, значит. Виктория Николаевна… Хомылева, вот, физик, она такая *симпатичная*, очень нежненько к нам относилась, физику вела. Заболела. Мы даже плакали, что она заболела. Серьёзно болела потом. Не знаю, чем только.

А Георгий Тарасович всё время, как-то мы жалели, что ли, нету у него… В общем, что скажет, так беспрекословно всё делали (*улыбается*), такие.

Был ещё один случай. Преподаватель новенький появился, он был женатый. А приехала педагог, в общем, приняли молодую, забыла, как её звали, она такая *хорошенькая*. У них любовь получилась. Мы всё про эту любовь, все, значит, знаем, все разговариваем, всё шумим там что-то такое про себя в комнатах, везде.

Всё, значит, наблюдали за ним, куда он пойдёт, к ней или домой пройдёт, это вот какой-то у нас… Главная задача. Интерес. И когда вместе увидим, значит, друг другу скажем: вот они там вместе действительно, оказывается.

А потом это дошло, значит, что в училище у них такой непорядок (*улыбается*) в этом смысле, или женитесь, или… В общем… обоих убрал Георгий Тарасович. Уезжайте там, где вам, значит… А она [супруга приехавшего преподавателя] ещё заболела, в общем, ещё плюс заболела, вот почему сильно мы шумели, что как, какой он бессовестный…

То есть вы его осуждали?

Осуждали, ага. А она заболела ещё вдобавок, в общем, и он связался – это мы всё видим, и Георгий Тарасович их обоих, значит, убрал. Такие были случаи (*смеётся*).

Вам что-то было известно о конфликтах в педколлективе?

Вот это никогда, никогда почему-то это всё …

Учащиеся делали подарки преподавателям?

От класса делали подарки, именины им отмечали, что сегодня вот Евгения Павловна именинница[119], всё [что] есть, складывают, рисунки рисовали, кто умеет рисовать что-то, значит, типа духов там, чашечки вот.

Администрация на это как реагировала?

А никто на нас не обращал внимания.

Вспомните о стендах.

Были, ага. А вот, значит, стенгазета общая, училищная. Её выпускали по очереди. Четверокурсники, в общем, каждый должен выпустить стенгазету общешкольную, а до этого в классах у каждого стенгазета, в каждом классе… каждый по очереди выпускал. Учили, чтоб выпускать мы умели газеты.

У меня такой казус был. На 4-м курсе редколлегия, со всех классов входят туда, а главным должен быть четверокурсник, и вот я на 4-м курсе. А ребята, которые *художники* (*выделяет*), там они так красиво *оформляют* (*выделяет*). Вот моя очередь когда наступила, ой (*смеётся*), вообще страшная эта история. И я главная, значит, в общем выпуске и мы, значит, все… все делали, всё писали, как все, в общем, знаем *технологию* (*тянет*), с каждого класса заметка, как *результаты* (*тянет*) [учёбы] и, значит, о ком-то написать выдающемся (*улыбается*) по тем временам … О наших спортсменах, отличившихся.

А ребята украшали газету … Приём такой был – как-то через расчёску (*показывает*), а я эту технологию-то не знаю. И решила, значит, как все, чтобы газета была вот такой – через расчёску, у меня, значит, не получилось это: где-то густо, где-то пусто…

[119] Евгения Павловна Епанчинцева.

Вы имеете в виду украшение?

Через расчёску украшали газету, чтоб… брызгами … краска разная ложилась. У меня это не получилось. Ни разу я этого не делала, но видела, как ребята украшают каждый раз газету. Думаю, наша газета тоже должна быть красивой. И весь материал я испортила этой газеты …

А утром принимал газету Георгий Тарасович, в общем … Срок газеты всем известный. Он мне говорит:

– Что за мазня? Кто тут главный выпускающий?

Ну, мне… я говорю: это *я* (*тихо*).

– В общем, разве так кто будет читать такую? Снимите эту мазню …

Хотя я была такой видный человек в училище, всё … И я только спросила, а что теперь, снова её делать?

– Конечно, делать надо. И к завтрашнему.

И материал … другой стали делать, и решили не брызгать, раз не умею (*смеётся*).

А других не просили, потому что они других редколлегий … И всё, потом провисела. Прошло много лет, когда я стала в редакции работать, он (Г. Т. Величко) приезжал сюда:

– Я помню, как Вы у меня газету сняли.

– Вот тебе урок и был, говорит (*смеётся*).

Интересно. Казусы бывали, самое главное, я всё время говорю: так бы стали ругать меня, всё, а тут «снять эту мазню». Это уже плохо всей редколлегии нашей. И ребята были такие, я же её испортила, никто меня *не ругал*. Всё нормально.

А ещё какие-нибудь стенды были кроме стенгазеты?

Были стенды, значит, снимки, потом произведения выдающихся художников и обязательно где-то всё время … Картинки были тоже выдающихся художников, *Шишкин* (*тянет*), другие, в общем, большие, портреты писателей

могли висеть, в общем, где-то в каком-то классе. И портрет, значит, одного писателя, другой…

Правила внутреннего распорядка висели на стене?

В общежитии висели, а в училище не знаю…

В начале обучения много ощущалось запретов?

В общем, один раз у нас такое было. Приехали, значит, из деревень уже… *Лето* (*тянет*), вернее, осень. Хорошо, нам в комнатах выделили *места* (*тянет*). На кроватях *матрасы, простыни, одеяла* (*тянет*), а мы решили на улице ночевать, всё вытащили в оградку, в общем, постелили, из простыней сшили полог огромный, все умеем шить …

И вот Георгий Тарасович, это уже мы только легли, он значит, видимо, как-то узнал, близко же – через улицу, пришёл и ходит около полога нашего огромного… чувствуем эти его костыли.

– Это кто же у меня тут поселился вокруг общежития (*смеётся*).

Мы затаились, что спим как будто, не слышим, а сами уже знаем, что он пришёл. И вот он потом:

– Немедленно разобрать всё это дело. Вы что, ребята, в деревне ли что ли живете? в лесу ли что ли? Здесь *город* (*выделяет*) … Я сейчас уйду, но через час я приду, чтоб здесь никого и ничего не было.

И мы всё растащили, распороли, постелили.

– Я проверю в общежитии, как вы.

И точно, он прошёлся, одноногий, ходит, глубокая ночь уже. Вот такие казусы у нас были. И опять не ругают, только скажут, ты уже не в деревне, не в лесу (*смеётся*). Интересно прямо всё.

Порядок и беспорядок в училище.

Всяко, видимо, бывало. Когда мы в педучилище поступили, вот на какой-то общей линейке Георгий Тарасович сказал: все будете учиться, но только если кто-то там будет пить, это первое, – пить нельзя. И второе – воровство…

не прощаю, говорит, сразу моментом бросайте училище, и такое слово употребил – и я выгоню, говорит, этого человека из училища.

И вот, значит, у нас тоже такой казус был. Это уже просто даже мы иногда сожалеем, когда с нашими встречаемся. У нас Н. была. На стипендию мы по очереди покупали себе вещи, а ещё домой копили – на подарочки, кому маечку сестрёнкам, братикам, кому там что-нибудь такое, что можем купить. А домой приезжаем… ничё нету, подарки исчезают и всё. И вот, значит, Галя[120] была у нас старостой. Вот-вот уже разъезжаться будем, уже в чемоданчики всё опять *запаковали*, в общем, она к дверям встала:

– Ребята, всё вытащите, – говорит, – из чемоданов. Давайте проверим, а то, как домой приезжаем, так ничего нет.

И одна Н. только не вытаскивает. Она была сирота. Оказывается, у неё трое, после неё ещё братишки и сестрёнка. В общем, она не вытаскивает. Оказывается, она уже опять «почистила» наши все [чемоданы]. И мы, какие нехорошие люди:

– Н., ты делала?

Она молчит.

– Если честно скажешь, то мы тебя Георгию Тарасовичу не будем говорить.

На 4-м курсе учимся. Она, бедная, созналась: да, говорит, я, я это, говорит.

– И ты сейчас нас вычистила… и вытащила всё, что у нас было …

Подарочки – всё у неё там уже.

И последний вопрос, значит, ей задаём:

– Ты почему так делаешь?

Она говорит: братишкам, сестрёнкам подарки, в общем. И мы знали, что она сирота, и [братья и сёстры] дома у ней есть. Потом, значит, как положено, обрабатываем: ну

[120] Галина Ржанова.

почему ты не сказала, мы бы тебе сделали … И, главное, мы обещали, что не скажем Георгию Тарасовичу, а говорим: собирайся сейчас же, пошли – вот предатели. Сами её вынудили сознаться, [обещали], что мы не скажем Георгию Тарасовичу, и повели. И Георгий Тарасович вот, действительно, слово выдержал, говорит: ты Н. – не учительница, всё! Больше не приезжай. Вот что мы сделали. Ужас, прямо. Вот такие случаи, действительно, сказал – и делал, вор и, в общем, пьющий человек не должен находиться…

Наглядные пособия в училище.

О, это всё время заставляли и делали … Сами в том числе, потому что учат и рассказывают, для чего эти наглядные пособия нужно и чем лучше, чем понятнее будет – на то и наглядное пособие, чтоб человек запомнил, знал, связал с теорией и со всем, в общем. Это у нас первое было, без наглядных пособий урок – не урок. Всё время это …

Учебные фильмы? … Нет, это не знаю. … Не было тогда.

Часто преподаватели ставили двойки учащимся?

Вот это интересно тоже, в общем. Иногда, если добросовестно … По-моему, все как-то добросовестно учились… потому что так заведёно было. И всё время какие-то узловые моменты напоминали, без знания, значит, ты не учитель. А всякие случаи тоже бывали, как всегда, особенно мальчишки, прогуляют что-нибудь, в общем, скажут, что забыл, не знал, не записал.

– Как так жить будешь? Не записал.

Его вот так маленько пожурят, то есть всяко бывало.

У Вас двоек не было?

Вот обманные двойки (*смеётся*).

Появились так. Узнала я, что папа у меня, в общем, глаз поранил. Он был оленеводом. Потерявшихся оленéй стоя ищут оленеводы, стоя тихонько ездят, вдруг за кочкой, значит, потерявшийся олень, или пропал, или живой лежит.

И вот в сосняке шишечка полетела в глаз ему. А там ни вертолётов, ни самолётов, весь глаз стал … Увезли его в больницу в Берёзово, сняли всё, вычистили.

А сестрёнка Галя только пошла в нулевой класс. Она решила об этом сообщить. Пишет мне, значит, в общем, *неграмотное* (*выделяет*) письмо, даже заголовок, написано было: «хантыманти тититийск, педутитилище, Вагатова Маня».

И пришло. И надо же, почтальоны принесли «педутитилище» – педучилище, «хантыманты титийск» (*смеётся*) с такой дали. И почтальоны такие. Ну, и потом я прочитала, значит, как могла, у мамы, значит, родился чёрный мальчик, это волосы чёрные, ещё братишка родился Серёжка, а у папы, значит, сняли глаз. А у нас в хантыйской семье я старшая, я должна быть первым помощником, братишек-сестрёнок-то много. Думаю, надо же, папа без глаз… Теперь папа, значит, в тундру не поедет … В Казыме жить мы все будем. В общем, в первую очередь папа сделал на горе там землянку. В Казыме есть такой высокий холм, пока дом там строится.

И я решила, думаю, в общем, пусть меня исключат, так меня не отпустят же. На уроках перестала отвечать – вот какой дурной человек была. И объявят, раз я не отвечаю, опять объявляют двойку ли, единицу ли. А потом вывешивают, а в каждом классе учебный сектор был, они думают, в общем, раз объявили, значит, учебный сектор ставит мне, что я двойку получила, а потом эти сдают, общеучебному… общеучилищному.

А там выписали и поставили мне. Вот с этой стороны [листа] у нас были, в общем, двоечники, а рядом четвёрошники-пятёрошники, а я уже из того списка здесь оказалась.

Вот Георгий Тарасович опять уже увидел это дело, и он пришёл в класс в большую перемену:

– Ребята, освободите-ка класс, а мы с Машей останемся здесь в классе, будем беседовать.

Где сидишь, – меня спрашивает, – я показала, – садись на своё место, села.

Он рядом сел:

– Ну, что случилось?

Больше ничего не спрашивал … Я ему говорю: исключите меня, я же на двойки и единицы учусь, в общем. Он говорит: что случилось? Опять, раза три или четыре только этот вопрос задаёт, больше ничего не спрашивает.

Я тихонько письмо достала, ему отдала, он это неграмотное (*смеётся*) письмо читает, а я говорю:

– Я самая старшая, я буду помогать, папа болеет, потом ещё вот малень… чёрный мальчик родился ещё (*смеётся*).

Он, значит, в общем, это, взял, мне похлопал по плечу, говорит:

– Нашлась помощница, ты же ещё только на 2-м курсе учишься, какая ты помощница.

И сам в коридор пошёл.

– Зайди-ка сюда, – учебному сектору говорит. – Сними то, что там висит и позови главного учебной части… Перепишите вот этих двоечников, Машу вычеркнуть нужно отсюда и записать её вот в эту вторую колонку, где она всегда была.

И всё. Оказывается, учителя мне не ставили. Я думала, мне столько, учебный сектор-то по объявлению, кто получил пять там, кто два… В общем, ошибка здесь, ребята, надо повнимательнее (*улыбается*). Они не виноваты… И всё. Вот такие не только со мной случаи были, с другими – другие случаи, какое-то вот такое отношение и учителей, и Георгия Тарасовича было. А ребята вывесили потом, меня вычеркнули оттуда, потом переписали … Вот как о них не вспоминать и как забыть?

Списки двоечников все-таки были? Значит, и двоечники были?

Были-были.

С двоечниками кто-то работал?

А шефы были… Шефы, ага. Вот кого-то закрепят, значит, в общем.

Кто закреплял?

Классные руководители. А иногда добровольно… кто-то. И часто вот сейчас Евдокия Александровна[121] до сих пор вспоминает, говорит, историю я, говорит, благодаря тебе, говорит, стала [изучать].

А я добровольно, так мне нравилась *история* (*выделяет*), математика, естественно, *география* (*выделяет*) – вот эти предметы нравились. Почему-то ботанику и анатомию мне … Ненужные предметы, мне так казалось. На самом деле, потом уж поняла, что самые нужные, основы из основ (*смеётся*).

Вот и с Дусей по истории, в общем, занялась добровольно, что она там путается. Начала рассказывать про время, столетия, в общем, вот первое, второе и следующие столетия, что там в этом столетии главное было. Она говорит: даты не могу запоминать.

– Запомнишь даты, – откуда-то вот пришла я и так учила.

И потом другие материалы, она говорит:

– Читаю-читаю, ты мне расскажи, – говорит, – всё, как на уроке бы ты рассказала.

И расскажу.

По математике многие ребята помогали друг другу, у кого какой предмет интересный – тот и помогал, так заведёно у нас было.

Классный руководитель заставляет. И почему-то у каждого стремление было, можешь – не можешь – стараться. А через старание тройки… кто-то получит, хвалили, что ты молодец, смотри, какая трудовая тройка… Вот такие интересные.

[121] Евдокия Александровна Белявская (Ерныхова).

Вы изучали историю России или народов России?

История, значит, России и ещё новую историю … История, просто было написано – «история»... Начиная, в общем, от дореволюционного периода, цари, там всё… идёт-идёт со дня основания, наверное, российской республики, так и шло, потом, значит, современные дни, а ещё новую историю, это уже история образования других стран. Почему-то новой историей называлась.

Вы назывались классы или группы?

Классы, а-класс, б-класс…

Вы назывались курсы?

Курсы … были, 1-й курс, это когда все три класса первого курса – это, в общем, это курс: 1-й курс, 2-й курс…

То есть там было по три класса в каждом курсе?

В каждом курсе, ага. Ханты… ханты, так отдельно учились, манси язык отдельно и общий смешанный, а-класс, значит, манси, б-класс – ханты и общий класс, где русские, коми могли учиться, вот такое. А весь курс…

В классах у Вас были классные часы?

Да, были классные часы… Ну, разные вопросы, вот один, значит, вопрос у нас такой интересный был. Одна у нас Н. была. Она хороший человек, но почему-то себя считала самой красивой. И действительно, косы, личико, как прямо действительно игрушечка, но она в детстве болела туберкулезом и всякие лекарства там, жиры… ела, фигурка некрасивая у ней стала, ножки тоненькие, а нас считала… таких маленьких, мы мусор, нехорошие, нелюди мы, маленькие раз.

И мы, значит, её тоже стали обзывать что-то, и дошло до того, что с ней перестали мы разговаривать. Тогда модно было объявить бойкот. И в классе мы этой Н. (*улыбается*) объявили бойкот, значит, хотя она ничего дурного не делала, только вот что она красивая как будто, а мы все такие некрасивые, маленькие. Она ро́стичком нормальная была,

была она из Согома, она одна дочка была, отец председателем колхоза был, это ещё ей тоже придавало что-то такое, что она лучше всех.

И вот тогда, значит, классный час этот на всю жизнь я запомнила. Евгения Павловна, наша классная руководительница, нас собрала, и наши ссоры она разобрала:

– Из-за чего ссоритесь, совсем причины нет никакой, и ребята, запомните, всё, что молодо, – всё красиво. Ещё, чтоб быть красивым, пополняйте свои души добром и светом, чтобы вы светились, не только, значит, молодость, а чтобы было красиво.

Где вы нашли некрасивых, где вы нашли там, в общем, таких-таких, как обзываемся – все наши слова она повторила, выучила (*улыбается*), узнала, как мы друг друга обзывали.

Ну и, в общем, мы тоже такие в кавычках хороши, раз у ней надо придраться к фигуре, а у нас фигуристые – мы все занимаемся, то, что она болела, по несчастью такую фигурку приобрела, нисколько не жалко обзываться нам, мы тоже такие были.

И вот она нас разобрала хорошо, красивенько (*смеётся*) в кавычках и поругала, и говорит, в общем, как можно, вы уж учителя … В общем и в каждом нашла хорошее. В общем, всё такое и всё, что молодо… как формулу я запомнила с этого класса, всё, что молодо – всё красиво. Ещё пополнить до полной красоты душу красотой, значит (*смеётся*). Чтоб человек светился.

Много… Мальчишечьи моменты она вытащила все. Тоже иногда, если скажут даже слово «дура»:

– Чего там прицепилась, дура (*смеётся*).

Такие…

Правда, матершины не было. Тут тоже, что учителя, не должно быть, каждое слово наносит нагрузку, вот это не должно быть. Всё время нам толковали, что слова для

разговора подбирать нужно, чтобы человек воспринял это, дошло до него, и слова должны носить положительный результат этому человеку. И при публичных выступлениях тоже, значит, не допускать небрежности, и тем более детям.

– Вы учителя – всё время нам каждый толковал.

В те времена телефонов не было, мальчишки же влюбляются, в общем, пишут записки, и мы обратной сдачей обзываем их … Или, в общем, «колючку»[122] выпустим, вот, нарисуем этого парнишку, который записки пишет, как будто … Вот такие нехорошие. И «колючку» выпустим. А Евгения Павловна говорит:

– А кто это такой колючий.

И мы говорим:

– Вот он, например, Герман, пишет записки.

Она говорит:

– Так записку прочитайте, если не нужна, так не обращайте внимания и всё.

Вот такие интересные. Молодость (*смеётся*). Крутые были тоже (*смеётся*).

Вы помните читки газет, политинформации?

Это всегда было. Всегда было, политинформации … Каждый учитель должен уметь в будущем делать эти политинформации, следить за событиями в стране, за событиями в своем родном городе, в общем, в округе – это, вот, всегда. И газеты нужно было обязательно читать, чтобы что происходит [знать] …

Как раз назывались рыбокомбинат, лучшие рыбаки округа, чтоб мы их знали. Округ свой знать, учили тоже. Какой же предмет был специальный даже? – Сельское хозяйство. Вот там абсолютно нужно было всё знать про округ, где какие колхозы, совхозы, где промхозы, госпромхозы, чем они отличаются, вот такое всё, специально чтоб учили.

[122] Небольшая сатирическая стенгазета, выпускавшаяся, обычно, по случаю.

Окружные газеты были, и «Правду» читали, и «Комсомольскую правду». Это всё подшивки в библиотеке были, и чтоб все знали, что творится. А политинформатор каждую неделю менялся – по очереди всё. Это было строго как-то.

Встречи с участниками Великой Отечественной войны в училище были?

Это было, всегда тоже было… В училище. И потом с передовиками производства. Рыбокомбинат вот был, потом лучших рыбаков … И, в общем, партийная школа потом появилась, а там, значит, стали люди приезжать, и как-то училище узнавало людей, кто там председатель, чего добились… чтоб жизнь узнать. Встречи бывали всегда с интересными людьми.

Во время учёбы Вы о своих преподавателях знали наверняка, кто из них воевал, а кто нет?

Кто воевал, мы всех знали… всех знали, кто воевал. В общем, это Георгий Тарасович, Сан Саныч, в общем, всё… Герман Вениаминович вот… вот из этого, с Ленинграда он, значит, блокадного Ленинграда. Вот иногда он сам рассказывал, в общем, что там делается.

На уроках?

Нет, после уроков, после уроков, в общем.

У них было желание поделиться?

Поделиться… Или мы спрашиваем, ребята, ага, ребята, кто-то спросят: Герман Вениаминович, Вы откуда приехали. Вот он и рассказывает, а мы все ушки на макушке уже, вот такие вещи (*улыбается*) … Встречи бывали всегда.

Вы уже «Историю вора» назвали, а какие книжки ещё запомнились из училищной поры?

Мы сначала по направлению наших учителей, раз начальная школа – детские книжки… нас заставляли, чтобы все их прочитывали. И даже иногда дают задание. В следующий раз, если время на уроке останется, – вот ты расскажешь, какую книжку ты прочитал из детской литературы.

Мы все детские книги прямо назубок читали: вам с ними работать придётся, в общем, и так далее. Это ваш багаж, – каждый так учитель говорил. Интересно это было.

Детские книжки были на русском языке?

На русском языке … На хантыйском тогда редко-редко, даже и не было почти…

Какие журналы помните?

Журналы, в общем, очень красивые. Я думаю, что «Огонёк», я не знаю, там ли, что ли, уже знали. «Советский Союз» – уже в училище ходил этот журнал. Мы любили, что картинки большие, сам журнал большой (*улыбается*). Потом о природе какой-то журнал был ещё. Забыла, как называется правильно, тоже с картинками, с иллюстрациями, в общем, тоже общее это было.

А газеты … Из-за политинформации приходилось нам [смотреть] все газеты, за политинформацию даже оценки мы получали или правильно сделали или ещё, значит, о чём-то *не рассказали* (*выделяет*).

Окружные газеты выходили на русском или хантыйском?

На хантыйском только вкладыш, туда входили отдельные первые заметки на хантыйском языке. Потом уже вывели, по-моему, [19]54-ый, [19]56-ой отдельно[123] …

Анекдоты.

Это, наверное, среди ребят, ребята из разных мест приезжали и так называли что-то, анекдоты. И насмешить [главное], мы так считали, что насмешить. Вот один анекдот Валечка Елизарова рассказала, что не смеётесь-то, говорит, я же анекдот рассказываю (*улыбается*).

[120] Газета «Ленин пант хуват» вышла 1 ноября 1957 года. – См.: Средства массовой информации // Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – URL: https://gov.admhmao.ru/sredstva-massovoy-informatsii/ (дата обращения 22 марта 2020).

В общем, как будто бы то ли заики, то ли кто, вот забыла, подходят, в общем, к памятнику Пушкина. Вот один не говорил букву «п», а вместо «П» говорил «Кушкин». И, в общем, подошли, говорит:

– Идите сюда, вот Кушкин стоит.

А мы не смеёмся.

– Ну что не смеётесь, раз анекдот, значит, надо всем смеяться (*улыбается*).

А нам не смешно.

– В общем, он с Пушкиным поздоровался, говорит: здравствуй, Кушкин.

И мы опять не смеёмся.

– Анекдот рассказываю, смеяться надо!

Типа такого у нас, в общем. И у каждого анекдот какой-то смешной рассказывают, на самом деле, совсем не смешной, а надо рассказывать смешное.

Политических анекдотов Вы не помните?

Я не помню таких.

Когда в училище Вы освоились, появилось ощущение, что Вы как дома?

Ну, вот как, наверное, начало учебного года, как-то у нас… на 1-м [курсе], потому что так отнеслись все и *воспитатели* (*тянет*), как будто так положено. И такое хорошее отношение и *воспитателей* (*тянет*), и *учителей* (*тянет*), что так надо жить, как-то всё, у каждого своё место есть, есть, где спать, чем заниматься, уже все занятые и как будто, так и надо.

Религиозные праздники тогда отмечали?

Вы знаете, вот это я всю жизнь даже себя ругаю. В общем, в Шапше, там, значит, церковный, видимо, участок такой… в городе-то тогда уже нет, запретили всё это, в общем, а из Шапшы поп иногда появлялся, и, видимо, хотелось как-то занять людей, поговорить ли, что ли. Так мы такие нехорошие – из окна, значит, увидим попа и кричим: *поп! поп!*

пооп! (*растягивает*) Ага, дразнимся. В общем, я всё про себя ругаю, и все делали мы так. Некоторые выскакивают на улицу, чтобы на улице покричать «пооп!», «пооп!», а почему, это как будто позорно, «пооп! пооп! пооп!» И знаем, что из Шапши приехал сюда, пришёл ли, приехал…

А традиционная вера?

Это мы всегда верили … Если совпадает вот такое, мы и деревца угощали, и птиц угощали, в общем, вывешивали цветные, значит, ленточки, что дарим, что мы не забыли тебя. Знали, что каждое дерево имеет дух, это, в общем, сами от себя не скрывали, но и не выдавали себя… что вот это делаем. Что дома делали – всё соблюдаем.

Учителя это знали?

Наверно, знали, потому что не скрывали мы ничего.

Они реагировали на это?

Нет, обычная жизнь.

Вы ели куличи в то время?

Что-то не встречались. Потому что в то время очень строго как-то, в общем, было, к церквам относились[124].

Спиртное как легко было купить тогда в Ханты-Мансийске?

А вот, в общем, когда Георгий Тарасович вот такие условия поставил, редко, но бывали случаи. Один вот мальчик, я забыла, как его фамилия, он втихаря от всех напился и около общежития вот так приткнулся (*показывает*) и лежит, один, ага, и вот его сразу исключили.

Потом, значит, в армию брали ребят, 18-ть лет и сразу в армию. У нас тоже, значит, мальчишек стали брать, в общем, по годам они переростки, уже 18-ть есть.

[124] Вероятно, дело не только во времени, но и в «пространстве». О непростых взаимоотношениях учащихся в связи с церковными праздниками в подмосковной Гжели 50-х гг. см.: Киселев А. Г., Соловьёва С. Н., Батенчук Д. М. Учащиеся Гжельского техникума (1944–1957 гг.). Монография. Гжель: ГГУ, 2016. С. 141–144.

А у нас староста, значит, старосты всегда главные люди у нас были … Старшие своих провожать собираются, уходили в лес, кругом же лес был, город маленький. И вот Галя, наша староста, говорит: сложимся, купим, значит, две чекушечки спирта. И вот, значит, развела в ведре воды вот это, класс большой же, 30 с лишним человек, что могли, значит, приобрели, это самодеятельность, наша самодеятельность … Это 1-й курс и все курсы, от всех курсов же… забирали, а под ноябрь, что ли, в общем, пошли туда в лес, чтоб нас никто не видел.

А вот эту бутылочку-то она поставила пустую в шкафчик… тумбочку, в общем, и учителя нашли. А было-то… из этого ведра, значит, немножко дадут, и мы себе представляем, что мы пьяные, играем уже, а староста наша сказала:

– Чтоб ребятам было весело, надо петь, плясать (*смеётся*)…

И давай там… и у каждого костёр, у старших в одном месте, у нас …

Сейчас примерно где нынешняя водолечебница, мы примерно в этом месте были. Ну и всё, нас всех заметили и, значит, линейку большую собрали. В общем, вот тут нам досталось, что такое, запрещённое, в общем, сейчас всё училище закрыть надо, Георгий Тарасович говорит. А нашу бутылочку нашли, в общем. Мы отнекивались, что мы как будто мы такие нормальные. В самом деле, пьяных-то и не было, а просто играть нужно было. Все, значит, начинают там, в общем, видели же все пьяных людей, под них подстроились...

И потом ещё что сделала Галя.

Она говорит, что ребята же в армию уходят, по росту она разделила нас (*смеётся*):

– Ты, Маша, будешь Борю[125] ждать.

Боря всех меньше он ростичком и я маленькая. Вот – ты будешь ждать Борю.

[125] Борис Ангашупов.

– Я буду ждать Вову Киторова. Ася, будешь Проню[126] ждать (*смеётся*). Мы думали, так и надо, раз провожаем, в общем, мы их с армии домой ждать [должны], значит, потом за них замуж выйти. Вот какие глупости были такие.

Учащиеся, преподаватели курили?

Курили мальчишки. Девчонки никто не курили. Ни разу не видела. Курили втихаря, в общем. Курение, по-моему, запрещалось. Из преподавателей некоторые курили.

Сельхозработы в училище.

Отправляли … В общем, здесь были общественные, видимо, эти… огороды большие, на уборку, ага, уборка …[127]

Дровяные заготовки были. Это уже норма наша была. Печное раз отопление… А всем курсом прямо, всем классом, вернее, норму свою выполнять.

Мальчишкам, конечно, досталось – им надо плоты разобрать и брёвна выкатать… это их, а мы все вместе опять уже пилили, кто умел колоть – кололи, и дрова таскали, складывали это всё …

В училище у Вас был портфель?

У кого что, и тряпичные сумочки были и сами сшивали (*улыбается*). У меня была кожаная [сумка] из школы, которую носила, из оленьей кожи сделанная, я её с собой, какая была, так и взяла. У кого что.

Тетрадки у Вас были?

Тетради, тетради раздавали нам тоже, это всё давали … Нормальные, обыкновенные и клетчатые, в клетку и в линейку. Писали ручками, макали … чернильницы, ручечки. Циркули отдельные были, линеечки …

---

[126] Прокопий Ржанов.

[127] В 50-е гг. отправка учащихся, студентов на сельхозработы санкционировалась постановлениями Совета Министров РСФСР о предоставлении тому или иному совету министров [автономной республики] или облисполкому «права привлекать на уборку сельскохозяйственных культур урожая [такого-то года] учащихся средних школ, техникумов и студентов высших учебных заведений». – См.: ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 763. Л. 4–8 и др.

Как Вы одевались?

По-разному (*смеётся*). Значит, тогда платки были красивые шерстяные; в смысле не то, что красивые, в уголочке там цветочек и всё. Мы из них сшивали себе, в общем, платья.

А так-то нам раздавали формы, в общем, то подойдёт, то не нравится… Формы, значит, – юбочка с кофточкой, в общем, и пиджачок какой-нибудь. Одинаковых не было тогда… Разные, у кого чёрненький, кому синенький достанется, кому коричневенький. И платьишки штапельные, вот появились штапель и платьишки тоже штапельные, в общем … Фабричные уже нам раздавали.

Остальное, в общем, нижнюю одежду всю раздавали тоже … бельё. Фуфайки вот эти мы потом себе сами заказали. Нам первоначально, в общем, давали какие-то толстенькие пиджачки, шитые с подкладочкой, такие тёпленькие. Кому нравилось, кому не нравилось, в общем, так надевали, трудные годы как раз ещё были.

А платья из платков Вы сами в общежитии шили? Машинка у Вас была?

Сами из платков… Нет, мы руками хорошо все шили. А иногда, значит, кто-то, в общем, сдавал в мастерские. Иногда, значит, индивидуальные, где-то бабушка какая-то шьёт, мы узнавали каким-то образом, передавали, с заказами ходили.

Какие платья считались красивыми?

Ещё у нас воспитательница, значит, сильно помогала, чтоб у нас у всех воротнички были вязаные, учили нас *вязать (тянет)*, вязать крючком, цветными нитками, воротнички чтобы всегда были у всех каждый день, меняли мы их, чтобы чистенькие у всех, беленькие были …

А обувь какая была?

Обувь – ботинки в основном. Туфли эти чёрненькие, кожаные, с завязочками были, в этих долго ходили. А потом

ботиночки, кто что мог приобрести, значит, ботиночки, сапог не было почему-то.

Спортом в чём занимались?

Спортом, в общем, в тапочках. Вот эти тапочки, которые матерчатые, этими украшены были… значит, они беленькие сами, а полосочки голубенькие или красненькие, шитые, шитые.

Причёски.

Вот это интересно тоже. В основном косы у нас были. Вот, а раз в город приехали, некоторым ребятам и девчонкам, чтобы походить на русских … решили стричься – за это нам попадало. Георгий Тарасович [говорил], чтобы волосики у всех были.

Он возражал против стрижки?

Против стрижки: девчатки, чтобы волосы были у всех. Мы свои волосы в Ленинграде, вот тогда, в общем, косы длинные свои там оставили. Тоже по глупости.

А в училище ходили с косами?

С косами, ага. Это уже в Ленинграде … Я вот в зеркало посмотрю, и мне кажется, голова у меня большая, и снизу подстригала, чтобы меньше была. А потом они, глупая такая, вырастают. И прямо волосы жёсткенькие были, тут вылупляются, думаю, ну что такое. Снова начну стричь, вместе с другими волосами (*смеётся*). Вот такие дела.

У мальчиков?

Мальчики стриглись, прически… ага, вот эти чёлочки у многих, значит, были… Чубчики… под машинку, тут оставляют вот такие чёлочки, такие модняцкие … Я шучу: модняцкие (*смеётся*). Ну вот, как будто это они так должно быть. Это особенно 1-й, 2-й курс такой, потому что остальные нормально стричься где-то научились. Старшие курсы вообще нормально выглядели.

Косметика.

Ой, с этой косметикой тоже историй много у нас. Как же назывался крем… не то что «Метаморфоза», в тюбиках появился, говорят, что от веснушек. И мы, а я была веснушчатая, как и, в общем, многие в классе, намазались… У всех волдырями лица поднялись, медики с нами занимались. Глупости такие, от веснушек намазались. Классный руководитель нас маленько ругала, что это, говорит, личики портите, так разве можно. Хотели от веснушек освободиться (*улыбается*), вот, потом подлечили нас всех.

Губы не красили. Брови красили, даже дёргали девчонки, ага, в общем, модницы, дёргали брови. Духи тоже где-то мы раздобывали, душились. Типа даже чуть ли не одеколоном каким-то мы брызгали себя (*смеётся*).

Учителя на это как-то реагировали?

Да мы всё в общежитии, в общежитии, ага. Там в общем… скрытые.

Как одевались преподаватели в училище?

Ну, нам казалось, что всегда красиво одеты… Костюмы, платья, вот даже Евгения Павловна, такая высокая, всегда платья идут, расклешённые вниз. Евгения Карловна тоже… Нам казалось, что они очень красиво одеты. [Другие] учителя тоже.

Это была гражданская, невоенная одежда?

Не военная, нет-нет.

Был ли кто-то, кто одевался заметно лучше других?

Учителя, женщины, мне кажется, все красиво одевались, в общем. А ещё было, даже с казымских времён я это помню: учителям, ещё каким-то специалистам, которые работают с людьми, специально, значит, как норму, уже выдавали *ткани (тянет)*. В Казыме точно учителя отдельно получали ткани… Ещё заказы у них брали, какого цвета им

надо. Потому что в магазине свободно не продавалось. В общем, культбаза – так всё время учителям, медикам и другим под заказ им доставляла, они выкупали их за деньги. А здесь, наверное, так же было, потому что все красиво както одеты, у мужчин костюмы…

Здесь шить можно было?

Было, было ателье, ателье даже индивидуально уже, ателье общее было и индивидуальное. Вот мы фуфайки все эти заказали в ателье, и мы тогда не торопили их, потому что пока учимся …

Женщины-преподаватели косметикой пользовались?

Наверно, пользовались, в общем, это точно мы не знаем, какой косметикой.

Вы в театре первый раз побывали когда, где?

Так вот на концерты нас всех водили, какие-то хорошие, если концерты, а в Ленинграде, специально… там, ага. Специально даже для северного отделения, на особом положении, где-то, что-то показать всех, один раз *одни* (*тянет*) идут, другой раз – *другой* (*тянет*), другие, потом, ещё очень много там встреч было с самыми выдающими *артистами* (*выделяет*), и мы всегда в курсе были, с ними *встречи* (*тянет*) ...

А в Ханты-Мансийске были концерты?

А вот организации готовят концерты к каждому празднику, они обязаны… А вот ещё праздники песен проводились, и педучилище участвует в этих концертах, все организации, значит, по сколько номеров дадут – вот столько номеров мы должны принести… Медицинское училище, это, *школы* (*тянет*).

Кино Вы смотрели?

Кино всегда смотрели. В основном военные фильмы, ага… почему-то, а такие фильмы даже не знаю, какие.

Что представляла собой художественная самодеятельность.

Танцы, песни, это всё, музыка. Наши ребятишки педучилищные и отдельные музыкальные номера исполняли: мандолинка, под свою собственную гармошку пели … пляски, танцы, танцы разных народов учили прямо и зарубежных … Вот чешские танцы, румынские зачем-то по книжкам нас учат, в общем, кто любит танцевать, плясать.

Насколько эта художественная самодеятельность была этнической – хантыйской, мансийской, зырянской?

Было, было, ага … Обязательные номера и русские народные тоже исполнялись. Вот сейчас девчонка вот ещё, как говорится, жива, но она сейчас болеет, Кларочка, белорусские народные песни, голос *хороший* и на каждый праздник её выводили, на каждый концерт.

Номеров было больше русских или национальных?

Русскоязычных больше. В общем, чтецы сильно почему-то тоже тогда, в общем, были на виду всегда. … Чтецы, стихотворения читали выразительно, *военные – невоенные* (*тянет*), разные.

Вы сами пели в хоре, а кроме хора где обычно пели?

Я отдельно не пела, а мне почему-то хобби было – всё время выводили с физкультурными этюдами акробатическими. Мне было как-то ещё и неудобно потому, что стеснялась всё время. Хорошие формочки были, только ноги, руки голые... И казалось, что это стыдно.

Но из-за того, что очень такая гибкая была и всё время с самого детства занималась, Ольга Александровна всё усложняла каждый раз номера – на мостике ходить. Или то одну ногу поднять, то руку и чтоб устоять. На мостике разные упражнения, значит, то вниз головой всякие упражнения делать, то движущие, значит, *лягушку* (*тянет*), там разные-разные, чтоб гибкость, красоту показать (*смеётся*).

И нравилось, главное, делать, а стыдно, стыд всегда держала внутри, думаю, вот, а все такие одетые, а я одна такая – сейчас уйду.

В неформальной обстановке Вы же пели, вот провожали ребят в армию, на работах…

Пели, там провожали взрослых людей … Пели, в общем, это, многие ребята с деревень свои *частушки* (*выделяет*) пели …

Частушки русские?

И русские пели, и некоторые там возникли, кто знает, что, в общем, – правильно-неправильно всё *поют* (*выделяет*), и с Конды́ девчонки хорошие певцы были… очень интересные.

Про себя что-то напевали?

У меня (*улыбается*) пусть будет как недостаток или достаток, я с самого детства такая буйная, всё время петь любила, плясать … Получится – не получается, другой вопрос (*улыбается*).

То есть про себя что-то напевали?

Всё время, ага. Что-то надо петь, что-то надо говорить.

Кого из своих товарищей по учёбе Вы помните как хороших активистов-общественников?

Там, наверное, всё время … всё время, наверное, полкласса, может, вот таких … Это тоже как одно из направлений, потому что в деревню приедет самым главным человеком деревни учитель. В общем, чтоб уметь и рассказывать, учили их, значит, как подавать голос, как слова употребить вовремя, значит, так далее, жестикулировать учили, если надо, ну чтоб редко руки поднять, редко руками махать, говорить… направляли. И полкласса, наверное, больше уже как превращали в потребность уже… этим заниматься.

Приходилось ли бывать на соревнованиях в качестве болельщицы?

О, много раз, в общем, например, ребята командные – наши в футбол играют. Стадион-то один на весь город. И было такое, что *все* (*выделяет*) болели за своих. Всё училище выходило. Если, например, лыжники наши соревнуются тоже, чтоб все болельщиками были. Вот, это обязательно условия были, болельщиками. Гимнасты наши выступают – тоже все болельщики. Какой-то вид спорта в городе объявят, стадион один, и ещё праздники песен. Все хоры сливались. Два человека в городе были, Герман Вениаминович и Рудольф Петрович… что ли, как же его фамилия, тоже немец был… в средней школе[128]. Всех нас сливали, все вместе пели разные песни.

Вам приходилось участвовать в охране общественного порядка?

Я-то не была, старшие были ребята, мальчики, ага. Были, специально, значит. 3-й, 4-й курс, в общем, мальчики, уже парни, некоторые вернулись из армии… и снова продолжали учиться.

Отношения со старшекурсниками.

Они наши шефы были.

Конфликтов не было?

Не было, они как-то в общем … Настоящими шефами они были. Иногда даже так помещали, в общем: шефы с подшефными в одной комнате чтоб жили. И вот что делают старшие – мы чтоб умели так же делать, так поступали.

[128] Рудольф Петрович Бурхард (1922–1984) – деятель культуры, композитор. С 1941 г. пианист Дома народов Севера в дер. Ларьяк Нижневартовского района. В 1947 г. создал в Ханты-Мансийске академический хор, который получил звание народного и существовал до 1977 г. – См.: Пакина Л. М. Бурхард Рудольф Петрович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 1. С. 132; Бурхард Рудольф Петрович [Электронный текст] // Электронная антология «Культурное наследие Югры». – URL: http://hmao.kaisa.ru/object/1804861592?lc=ru (дата обращения 7 апреля 2020).

Моя шеф Сайнахова, Анастасия Ильинична[129] (*смеётся*). Анастасия Ильинична.

Отношение к двоечникам и к отличникам у ребят?

У самих ребят просто нет, в общем, если кто-то лентяй – ему самому стыдно, значит, сам начинает пыхтеть, стараться (*смеётся*)… Старается, чтоб не попасть в список двоечников, хотя бы на тройки выйти.

Отличникам не завидовали?

Нет, вроде как, нет, нормально… Между собой такое было соревнование… Что я лучше там других: а ты не столько знаешь … Друг другу укор такой бывает. А ты незаконный отличник, в общем, вот такие … Это какой-то укольчик или [последствия] какой-то ссоры небольшой…

В Вашем классе были более старшие ребята ?

Были, как раз вот те, которых в армию забирали, переростки девочки были, уже вот с работы некоторые, в общем, поступали.

На взаимоотношениях это сказывалось?

Нет, просто они себя считали как старшие и всё.

Ребята в училище держались больше своим классом, национальностью?

Вне зависимости. Вот если занимаются футболом ребята, вот они кучка прямо, как будто они все свои… Общий интерес.

Если лыжники – из разных национальностей, и коми, и ханты, и манси, и русские, тоже как-то больше вместе держались. Вот такое.

[129] Решетникова Р. Г. Сайнахова Анастасия Ильинична // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 3. С. 59–60. В 1958–1962 преподавала в училище русский и мансийский языки. – См.: История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 222.

А земляки держались вместе?

Земляки тоже держались, особенно перед тем, как ехать домой. С транспортом было плохо, все собираются кучечкой *ехать* (*выделяет*). Общую складчину, сахарный мешок уже готовим, чтоб в дороге ехать… Все макали, правила там были, в общем, не мочить хлеб, просто общая макалка… А все старались маленько, значит, во рту подержать кусок, чтоб побольше залепить (*смеётся*). Интересно было.

Вы описываете, как отъезжали?

Ехать-то долго… мы берёзовские… В общем, пока теплоход тут ждём, теплоход, который направится в Салехард, мимо Берёзова. Долго [ждём], теплоходов было мало. «Шлеев»[130], потом ещё какой-то, в общем, пока они *меняются* (*тянет*). Потом… сели, поехали, значит, долго идёт, отопление же тоже чурочное.

До Берёзова *доехали*, выходим. Там ждём-ждём, катер почтовый или другой, где будет свободное место. А транспорта рейсового нет, не было ничего. Опять почтовый караулим, нас потом заберут. А почтовые катера, военные катера, их уже после войны поставили по рекам, *большие* катера… *Берут* (*выделяет*) нас независимо … Такие интересные мы (*улыбается*) … И везут в Казым нас уже. А кого-то на Сосьву по пути, значит, высадят, кого-то ещё по реке, что есть, высадят, а там опять свои деревни или поселки, там опять ждут – попутка будет. …

Влюблялись девочки и мальчики?

Влюблялись (*тянет*) … Любовь … Столько историй интересных. А я думала, что меня, маленькую, если даже мальчишки объяснятся записками… записками получаем, в общем, и думала, что я маленькая – просто насмехаются,

[130] Фотографию теплохода «Пётр Шлеев» см.: Рябов Андрей. Пассажирские пароходы Обь-Иртышья [Электронный текст] // Остяко-Вогульск.рф. – URL: http://остяко-вогульск.рф/2018/06/01/passazhirskie-parohody-ob-irtyshya/ (дата обращения 20 марта 2020).

маленьких не любят как будто бы. [Думала], что я замуж не выйду никогда, и, в общем, протест у меня был такой полностью. Что обманывают, не нравится, в общем, а просто пишут.

А старшие думали, ростом которые гордились, что у них рост есть… А я выписала из книг, много читаем, всякие, в общем, в защиту роста русские пословицы: «Большая фигура – да дура», «Мал золотник – да дорог» или, значит, в общем, «Величие человека не меряется его ростом», в общем, вот такие … Совсем неуместные и не по возрасту: «Величие человека не меряется его ростом…» (*смеётся*), великая нашлась!

Случаи женитьбы учащихся во время учебы.

У нас был случай, в общем, Полиночка, одна из старших классов, в общем, забеременела, а парень-то Вася… я точно не помню [фамилию] … В общем, казалось, что это как преступление нам: *в училище учатся* (*тянет*) и вот такое, какое-то осуждение у нас. Но опять… учителя поступили… дали возможность, её не отчислили, а дали [доучиться] – она была на 3-м курсе. А для всех остальных казалось, что это как преступление (*смеётся*), в общем, ужас. На каком уровне мы находились тогда.

Свободное время.

Было… Мы очень любили в универмаг почему-то ходить. Без денег, без всего, значит, идём как на выставку. Там всякие вещи смотрим, в витринах *долго* (*тянет*) рассматриваем … Ну ещё куда ходили… на какие-то зрелищные … Когда зоопарк небольшой был, тоже, в общем, – смотрим, *туда* (*тянет*) ходим, значит. А просто раз мы из лесных людей, иногда просто идём, значит, в общем. А вот летом, как только закончится училище, баночки у всех есть, раз – в лес, соберём ягоды (улыбается), за ягодами побежали. Вот так свободно как-то это …

Каникулы.

Это дети оленеводов, из очень дальних поселков … Ещё там были посёлочки, им не добраться за лето, пока едешь, все каникулы пройдут. А вот когда зимой дороги останавливаются, разрешали выезд.

А я в Казым ездила летом. Во время каникул сразу мы включаемся в колхозные работы, помогать семьям нашим, в общем, папам, мамам. То косим сено, то, значит, включаемся, чтобы петь, плясать, танцевать перед рыбаками и так далее, вот такие вот, берёмся. За это нам какие-то гроши платили, по тем деньгам маленькие, но всё равно были хорошие денежки.

Медицинская помощь учащимся.

Очень внимательно в отношении медицины было. Кто заболеет – моментально сообщают, быстро всё проверяют, приезжают или приходят, машин-то не было. В отношении этого большое внимание.

Здесь была больница, называлась окружная, она маленькая, одноэтажка долго была. А при училище, по-моему, свой медик у нас даже был. Очень внимательно относились. И так и говорилось, что заболит, если у кого что болит, значит, не молчать. В общем, и поэтому сразу говорим воспитателю, старостам своим, и всё, быстро всё это.

Отчисления по болезни… По-моему, были случаи, потому что уже там туберкулёз или ещё… недопустимо детям. Вот такие случаи точно не назову, но говорили… как и про случай смерти.

Вам известны случаи конфликтов плохих учащихся с преподавателями?

Вот такого почему-то не было, какая-то семейственность, большая такая теплота. Вот это всё из-за Георгия Тарасовича, его подбора учителей, они нас считали, как будто мы свои, ихние.

А хороших учащихся с преподавателями и дирекцией?

Такие случаи бывали… как протест, бывает, знают, но человек получил вместо пятёрки тройку и: больше отвечать не буду. Куда денешься – отвечают учителя всегда. Несколько человек в нашем классе, остальных я не знаю. В том числе (*смеётся*) и я, такой конфликтный человек, как это, из-за минуса, упустила и меняет.

Вы когда поступали в педучилище, Вы уже знали, где Вы будете работать?

На учителей учились. А потом… распределение. У нас было очень торжественно. Чем человек лучше себя в общественной работе проявил, практику государственную хорошо прошёл, чем активнее в жизни – в самые дальние, самые трудные места, и это была как гордость. Мы считали за честь. И вот это было очень приятно. Или учиться отправляют, меня, например, отправили учиться, и при том с такой оговоркой, что будешь преподавателем математики. А я заболела. Я гуманитарник, оказывается …

Были ли в учебном заведении, в посёлке такие места, где Вам не хотелось бы быть? Неприятно было бывать?

В общем, в те годы я не знаю, какие-то страшилки были, что проигрывают людей в карты[131], какие-то, не бандиты их называли, а как-то по-другому, слово такое было, и мы туда не ходили, там, значит, где базар у нас был, торговля… Ещё за универмагом в лесочке – там сборища какие-то бывали. Вот такие были места, что нельзя там собираться. Почему-то цыган боялись, и как же их называли, картёжники, ещё как-то... Такое нехорошее, больное слово прямо.

[131] Вероятно, известный в те времена вид преступления. В 1959 г. на экраны страны вышел фильм В. Жилина «Исправленному верить», один из героев которого стал жертвой проигрыша в карты.

Страшно было и когда темнело. Всё время думали, что вот какие-то есть, это даже и до взрослого состояния было. Темно, на улицах света нет, а все говорят, то картёжники, то ещё какие-то … Это не рассказывают специально, а как-то просто слышим от людей в [случайном] разговоре, что вот там то-то случилось, там проиграли в карты, там какое-то ещё. Были и убийства…

А в универмаге с нами такой случай был. Значит, мы пришли в универмаг, как на экскурсию, там красивые витрины, всё выставляется. В общем, смотрели, денег нет, а смотрим всё, красиво там, и увидели, значит, один лезет в карман... А мы громко закричали, что в ваш карман лезут! А люди нас быстренько спрятали, окружили и в аптеку завели. Нас было трое из педучилища. Оказывается, нас могли поймать – нам объясняют. Не приходите, пока не придут за вами. Аптека рядом была с универмагом. Раз, нас в аптеку увели, а их поймали и увезли. И, в общем, вот такие случаи. Мы не знали, что нельзя громко, надо как-то тихо сообщить. А мы на весь универмаг: эй, к вам лезут в карман, вор лезет. Нас окружили, добрые были, кружочком закрыли. Куда их, куда их? В аптеку – туда уведём. Группа сразу нас в аптеку, там сказали, пусть здесь сидят эти девочки. Таких случаев, наверное, много было. По глупости, в общем.

Действительно, воров почему-то тогда много было. Так нам казалось. Куда идём – что если у нас есть, так прячем, держим крепко. И вот теплоход, когда ездим, почему-то тоже старались, значит, вор чтобы не взял у нас. Что взять-то у нас? Ничего, вот только и было. А так ничего не крали, в дороге у нас всё нормально было.

А были такие места здесь, в которых было хорошо бывать, приятно, вы любили туда ходить, ну, кроме универмага?

Кроме универмага мы друг к другу ходили... В первую школу часто ходили, в шахматы нас там учили играть, в пер-

вой школе. Я не умела играть в шахматы, просто ходы знала. И с девчонкой такой меня посадили, как будто уже соревнование стали проводить. Ходили, ходили, я даже не знала, что мат я ей поставила. Бах, мне руку подняли, значит, что я победила, оказывается. И она не знает, что я ей мат поставила, вот на таком уровне начали, а потом интерес у меня появился к шахматам. Всю жизнь играла. И своих ребятишек всех учила шахматам. А там всё время шахматное, в общем. Парнишки особенно собирались, их много, играют, досок было мало, ждут, очередь занимают. В общем, кто за кем ещё играть будут. Это было интересно.

А в медучилище почему-то гимнастика сильно развита была, у них зал хороший был. И вот мы там смотрим, особенно, кто занимается гимнастикой, как они занимаются, в общем, там как раз Калымова Галенька была. То она занимает первые места, то я занимаю. Красивая. Они почему-то упражнения делали, когда косы у неё длинные, она их не завязывала никогда. Мы-то завязываем. Когда она крутится, у ней коса тоже идёт так красиво, как добавка к упражнению.

Гимнастика. В городе сильно была развита гимнастика почему-то. В медучилище сильно занимались. У нас занимались гимнастикой, и в первой школе тоже. Футбол каждый, команда была везде, у всех свои команды футбольные. А вот болельщиками – как обязанность была, всех отправляли. Видимо, чтобы знать всем нам, как играют. Как учёба. Вот это тоже требование Георгий Тарасовича и Сан Саныча. Ребята вот играть будут, идти всем. Не забывайте. Вот такое. И мы идём.

Какие официальные праздники в учебном заведении Вам больше всего нравились?

Больше Новый год. Всем нравилось. Так-то праздников много проводили для того, что учитель обязан *танцевать* (*тянет*), учить детей чтобы.

Вот такой интересный случай, тоже из моей жизни, у других другие, наверное, истории. Значит, зал освобождали физкультурный, делали, чтобы там проходили танцы. В месяц где-то два раза танцевальные [вечера], наверное, бывали. Независимо от праздников. И вот парнишечка, Усольцев Володя, был маленького росточка, как я, он решил меня на танец пригласить, я не пошла. Не пошла, и Георгий Тарасович увидел, он всё время на этих мероприятиях, директор, как отец какой-то. Он подошёл ко мне и говорит: раз с Володей Усольцевым не пошла танцевать, давай пойдём со мной танцевать. Меня взял за руку и на месте топчется: Николай-Василич-Гоголь – Николай-Василич-Гоголь (*напевает смеясь*). Пока танец шёл, мы с ним вот так. В общем, это, конечно, дрожь меня взяла, что, думаю, что-то неправильно поставила с ним.

Он ничего не говорил сначала. Потом, когда танец кончился, говорит: вот видишь, тебе было интересно со мной танцевать? А я что ему скажу? В общем, типа интересно. Это на 1-м курсе всё это. Он мне говорит: а я думаю, что *неинтересно* (*выделяет*). Видишь, как кружились, а вот учительницей не будешь, пока сама не научишься, никогда танцевать другого не научишь, ты обязана их учить танцевать, красиво ходить. В следующий раз, если откажешься, я снова буду с тобой плясать, говорит (*смеётся*). Вот какой-то он вот такой прям был. Другой бы сразу мораль, что не надо отказываться…

На танцах радиола играла?

Музыки много было. Вживую играли. Баянист. У нас в музыке сильно педучилище развито было. Музыкантов много, с деревень приехали. Ребята на 3-м уже учатся. У нас тут музыкальные инструменты. Они играют, учителя играют.

Под баян танцевали. Иногда несколько музыкантов, как маленький оркестрик, иногда патефон включали. Пла-

стинки разные … Танцы все учили, и краковяки разные, и падеспань, и пляски специально учили. Ещё какие-то танцы были. И мы должны эти танцы все знать хорошо и, значит, понести с собою в жизнь. В общем, всегда так говорили. А на танцах, если позвали, надо идти. А учили, что приглашайте дам, так все по правилам приглашают. Учили учителя, музыкальные работники, наши музыканты. Вот Ольга Александровна вела гимнастику, а почему-то больше танцами занималась. И другие, в общем, иногда совсем не специалисты, а предметники, включаются: танцевать давайте! Ответственными ставили, учителей, со своим классом, значит, заводилами на этих вечерах были.

На танцах были только учащиеся вашего училища в этом спортивном зале?

Только. Гостей никого не приглашали, нас много … И требовалось на любое мероприятие, чтобы были все на месте. Танцуешь, не танцуешь, но чтобы были.

Танцевали в чём? Обувка какая была там, ботиночки вот у нас были. С третьего курса где-то мы на каблучки встали. Во что могли, наряжались. Раз на танцы идти. В общем, уже появлялись, да. Шёлк появился.

Были праздники, которые не нравились?.

Из-за редкости, то ли из-за чего, все праздники нравились.

Если какой праздник объявят, праздник песен, например, летом, все уже на хор готовят[ся]. Вот тогда были праздники песен. Все выезжают на площадь, строят там специальную… платформу. И чтоб все хоры полностью. Медучилища, педучилища, средней школы. Вот. И индивидуальные певцы выходят. Музыканты. Хорошо было.

8-е марта отмечали?

Отмечали (*тянет*) 8-е марта. Открытки, мы друг друга даже женщинами себя как будто считали, открытки друг

другу дарили, учителям, значит, что могли, тоже дарили, поздравляли.

Доска почёта в училище была?

Была доска почёта. Кто попадёт … Смотрим, гордимся, такие.

А где вы проходили учебную практику?

Я проходила в Большом Бору. По Назыму. Учили, прямо класс давали. Ну вот, в общем, тогда условия все создавали. Дорогу оплачивали. Потом, значит, платили учителю, тот, который будет руководить, и нам на питание деньги давали. Чтоб мы там полностью были сыты, нормальные. Нормально всё, просто хорошо было.

Мы на практику решили, значит, рубли-то сэкономить. Знаем, ребята до Кышика на лыжах ходили, 80 километров в выходные. Нам показалось, что и мы можем – 80 рублей и сэкономим, по рублю на километр.

А до Пашкино где-то было 30 километров, решили пойти мы, три девчонки, в общем. А строго запрещалось, пешком чтоб мы не ходили, вдруг замёрзнем. Решили до Пашкино пешком пройти и не сказали никому. И мы чуть не замёрзли, Дуся Ерныхова, Нора Витязева, я.

Значит, нас отправили в Большой Бор, далеко по Назыму. А там всем *задание* (*выделяет*), что где на оленях, чтобы на оленях увезли, а тут на лошадях, значит. И говорим: если пойдём пешком, то 30 рублей у нас в кармане. В общем, большие деньги. И пошли. А одеты были в фуфаечки, чулки тоже обыкновенные, никаких ни брюк, ничего и мы еле-еле. Ещё Дуся у нас старшая была, она говорила, всё подчинялись мы ей. Там избушка была, до сих пор – не так давно убрали. Дуся увидела избушку: пойдёмте в избушку, иначе мы замёрзнем, говорит.

Ни спичек, ничего с собой нет, а в избушке тоже холодно. Там ничего нет, посудки какие-то, а укрыться нечем, правда, без ветра. Мы там побыли и пошли опять дальше,

добрались до Кышика, в общем. Учительница там поняла, что мы на практику идём, деньги экономим (*смеётся*).

Замёрзли. Она нас выпарила, в бане продержала, вымыла, постелила, мы отдохнули, в общем. Один день, говорит, я вас не отпущу. Задержала. Через день её муж увёз нас лошадями бесплатно, мы хотя сказали, что за километр по рублю каждый платит. А он: не надо, ребята, ваши рубли, потом платьишки купите. В общем, так он сказал, отказался, довёз до следующего. Нас так и планировали по цепочке отвезти.

Приехали когда всё, практику прошли мы, хорошо все пошли, я получила за практику пятёрку. Там надо заниматься общественной работой, кто что умеет, выявили, мы тоже, как надо, всё это, выставили, объединение колхозов было при нас, когда мы практику проходили, организовали, значит, концерт с номерами, как нас учили, чтобы общественное дело украсить, чтобы дети выступали и так далее...

Вот для нас подгадали такое объединение колхозов (*усмехается*). Вот, мы ребятишек приготовили, сами все трое выступили, что должно быть в колхозе, как жить и так далее, о политике (*смеётся*), нужно рассказать, куда мы идём, вот.

А пришли [назад]… Мы должны отчитаться перед педучилищем за практику, в общем, такой месяц специальный проводили. Из каждой группы по одному человеку, в общем. И вот мы сообщаемся, говорим: скажем, скажем всё об учительнице, она столько нам сделала, а мы её опять, что у ней в доме эти, иконы. А тогда анти-, в общем, религиозная сильно-сильно, в общем, такая вот. У нас как-то поощряли, что да, никакого бога нет, а сами верим внутри. С детства пришло, всем верующим, что бог есть, бог создал всё.

Решили отличиться – такие атеисты. И ей потом выговор дали, в общем, за то, что… Она объяснилась, бедная учительница, что родители, в общем, старенькие. У вас там

видели практиканты иконы (*смеётся*), класс какой, она объяснила, что родительские иконы, в общем, и так далее, что она не верит в это.

И ещё случай тоже был. С учительницей, у которой практику проходили. Приехал к нам проверяющий этот. Он работал музыкальным работником, в общем, а у него не было жены, и он связался с нашей учительницей. Нам было, в общем, и стыдно за него, что заметили, что они вместе спят (*смеётся*), хулиганят, одним словом. И вот этот случай мы тоже опять же выдали, такие прямо нехорошие люди.

Такие случаи, потом не знаю, как они разобрались, что вот приехал нас проверять, связался с учительницей. А она одиночка была почему-то. Потом мы говорим, мы же не понимали, какие связи у них были, *женился* (*выделяет*)… и уехал (*смеётся*). Вот такой дурачок, на таком уровне понимали. Другие случаи такие бывают, слышим, что вот те, которые рассказывала, пару-то выставил Георгий Тарасович, такая жизнь.

Комсомольские собрания помните?

У нас Нина Максимовна[132] была – освобождённый комсомольский секретарь. В каждом классе свой комсорг, потом на каждом курсе комсомольский комитетик, потом от них образовывается общешкольный комитет, общепедучилищный. Комсомольская работа сильная такая была.

Что было интересного на собраниях?

Разные вопросы были, в зависимости от вопроса. Один раз у нас бурное комсомольское собрание было. Рядом мореходка была и надо, наши парнишки сами, не училищное решение, [решили] чтоб наши девчонки с мореходкой не дружили, только, значит, со своими, потому что парней было много, половина, наверное, на половину.

Одна, значит, наша с родственником пошла, а он в мореходке был, в кино пошла. Зафиксировали, внесли и потре-

[132] Нина Максимовна Кузнецова.

бовали комсомольское собрание. Это совершенно не касающийся вопрос, так её, значит, все выступают, почему против всех пошла, запретили, они вот скоро типа обманут, скоро в море уйдут, останется, такая-то тут с ними, какие отношения. Вот на таком уровне у нас (*смеётся*).

Интересных вопросов много было, и когда обсуждение книги, в общем, там военные же книги выходили, обсуждали всенародно книжку, героев главных обсуждали, тоже нравилось, сразу видно, кто прочитал, кто не прочитал. Комсомольское собрание. Перед спортом [соревнованием] иногда какое-то собрание вынесут, чтобы, в общем, на уровне. И почему-то первое место чтобы заняло именно педучилище… и вот так и получалось. По большинству видов спорта всё время педучилище наше. Лыжники наши. Сан Санычу такая задача.

Секретаря партийной организации в училище помните?

Нет. А комсомольского секретаря помню – Нина Максимовна. Она, видимо, здешняя. Может быть, из округа. Всю жизнь в педагогическом училище была, потом здесь, так и она осталась.

Противоправные действия.

Ну, иногда драчки были. А самое главное, почему-то так заведёно было, не знаю, в других местах, в других городах как, у нас часто ребятишки дрались, на них ни милиция, никто, в общем, не обращали внимания. Заранее слышно, готовятся драться: вот сегодня пойдём вот с теми драться, и встречаются, и дерутся. То ли, значит, с городскими, то ли ещё с кем-то, место на место называли больше так, и училище не называли, что с педучилищем будем драться.

И Георгий Тарасович в курсе был, и почему-то никого не наказывали, подерутся ребята сами и возвращаются. Заранее говорят, что вот сегодня будем с теми драться, не знаю почему.

Сколько получали учителя, сколько будете получать Вы после окончания училища, было известно?

Нет. Не знаю, никому почему-то в голову не приходило. Знали, что у учителя будет зарплата, что подъёмные нам дадут, нам дали подъёмные.

Потом я свои подъёмные отдала вору, человеку (*смеётся*). Готовились мы к августóвской конференции, в общем, в Берёзово состоится, я в Казыме, и учителей всех отправляют в Берёзово. А нужно было на почтовых, там два полуглиссера ходили почтовые, всё по разным направлениям. Решили эти два полуглиссера отправить в Берёзово, и утром рано велели прийти нам всем, поедем в Берёзово. Я пришла рано, смотрю, ещё женщинка одна стоит, плачет. А подъёмные нам выдали. Все получили, радостные, едем с деньгами, я хотела папе с мамой купить одеяло, такое красного чтоб цвета было. Зеркало в большую комнату куплю им. Стою, значит, она плачет, я потом решила подойти, ну что человек плачет? Я говорю:

– Что Вы плачете?

– В Тюмени у меня мама умерла, а почта закрыта, деньги у меня там, в общем, без денег еду.

Думаю – такое горе, в следующий раз куплю родителям, и говорю: у меня есть деньги, я вам дам. Думаю, казымская, деньги у ней заберу там, раз почта закрыта. А она и пропала. Всё, оказывается. Я сначала всплакнула, жалко, ничего не купила, значит, семья у нас большая, думала, мама с папой *обрадуются* (*тянет*), а потом, значит, с годами всё это ушло. А оказывается, так. Обдурила.

Были такие, кто не поехал по распределению?

Это не знаю, потому что все разъехались, не знаю.

За время Вашей учёбы Ханты-Мансийск как-то менялся?

Менялся тихонько, спокойно, вот, например, была тропа только от Ханты-Мансийска до этого… Домики та-

кие, в общем, двухэтажные были вот только общежития наши, педучилище, медучилище, средняя школа, а потом тротуарчики стали появляться. Заработала камнедробилка, на стройке нового здания училища начали использовать камень. Сначала всё равняли, рыли такой ров, под стены, где стены проведут, трамбовали камни, ребята всё возили, помогали все педучилищем. Камнями занимались. Бесплатно это. Там потому что стипендию нам давали, кормили бесплатно, трудочасы были, значит, такие.

Менялось. Видим, там построится, тут построится, универмаг хороший, красивый был уже. Дом культуры старый стоял, в общем, там, где Дом дружбы.

В Казыме и Ханты-Мансийске люди внешне как выглядели?

Мне кажется, одинаково. Женщины всегда носят, в общем, платья какие-то такие, серьёзненькие, цвета могут разные, от чёрного до красного, жёлтого, синего, малиновый там цвета. Шерсть появилась, шерсти долго не было в магазинах. Учителям по разнарядке выдавали ткань, выкупали. В общем, большой человек, значит, идёт четыре метра или три, поменьше, значит, меньше. Забота была, чтобы одеть учителей, медиков, в первую очередь там специалистов, которые перед людьми стоят.

Материальное положение в семье ваших родителей как изменилось за десятилетие?

Конечно, менялось … Оленеводам жилось как-то более-менее. Вот большая семья, папа говорил это часто, когда маме начинает говорить, в общем, друг друга подхваливают. Вот папа хвалит мамины руки, а мама отцовские руки. У нас детей много было, но голодающих, голодных не было, и без одежды у нас не было, все были одеты, все были накормлены.

– Это твоя заслуга, – скажет.

– Какая моя, – твоя заслуга, – отвечает.

Олени всегда были, и, в общем, когда отцу, как другим словом, повезло или не повезло, он всегда на дальние расстояния ходил. Во время войны под бронью его отправляли как знатока природы, знатока дорог, как-то всё папа у нас на таком счету. Под бронью особенно оставляли сильных людей, несколько человек, и вот такого особо, чтоб голода такого, в общем, что делили хлебушки, я там всё время это вот помню, хотели мы кушать хлеб ли или что-то, сахар тоже делили, макали, только макнуть. Сладкого чаю.

Насколько знания, которые вы получили в училище, оказались достаточными?

Почему-то каждый себя считал, что он уже такой знаток, получили мы учительское образование, ещё учителя очень серьёзно как-то учили. Конечно, опыта, может быть, мало было, и там ещё учились на месте. Тогда вообще и в школах учителя серьёзные какие-то были, директора школ отборные такие люди.

Училище как-то сильно взаимодействовало со школами, учителя сами училище прошли, они на месте встречали нас. Тоже какие-то шефы были у нас, в общем, годика два держали нас под шефами, под старшими учителями.

3.

И вот Вы закончили училище…

Когда мы заканчивали [педучилище], вот в то время я говорила, что очень торжественное распределение бывает вообще. Распределили нас, митинг прошёл, в общем, самые лучшие дальние точки получают, а ещё и подбирают для учёбы дальнейшей. Я попала в ту группу учиться, в общем, в Ленинград, и с таким намерением, чтоб я раз практику на пять сдала, училась все годы хорошо...

Но я там заболела. Заболела, два месяца проучилась и заболела. А причина заболевания то, что мы в педучилище тригонометрию не проходили, а там в математике везде три-

гонометрия нужна[133]. И я стала тригонометрию самостоятельно изучать, и не знаю, в общем, перенапряжение.

И климат, оказывается, такой. Два месяца в больнице пролежала. Спасибо, что они ложат северян в институт Штернберга[134], там, где военных лечат. В общем, очень внимательно относились к нам. И потом после этого Карельский перешеек, значит (*смеётся*), воздухом одним лечили, лечили, и профессор, врач, сказал: совершенно здорова, можешь учиться, но я рекомендую покинуть это место … Климат, значит. Я уехала отсюда.

В Ленинграде, в северном отделении, в общем, другое слово не скажешь, баловали прямо, всё, что хорошее, старались показать. Встречи с писателями, артистами великими, киноартистами, такими певцами, в общем, всех мы там увидели …

Нас пачечками пропускали через театры, бесплатно всё. Один раз одна группа идёт, другой раз – другая группа. В общем, произведения оперы, и так далее, вот это просто какая-то особая забота. Ну и особой заботой было продолжение, как в педучилище, чтобы у каждого свой вид спорта был тоже в Ленинграде.

И, мне казалось, учителя тоже подобные были, так внимательно относились к северянам, как будто мы какие-то особые. В отдалении от родных мест, от родных людей, это мы чувствовали, что к нам такое отношение, материнское, доброе. Там очень много интересных таких случаев.

---

[133] В действительности лёгочные болезни северян в Ленинграде были распространённым явлением. – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 5193. Л. 64.

[134] Имеется в виду Ленинградский институт туберкулёза, одним из основателей которого был А. Я. Штернберг. – См.: История Института туберкулёза в послевоенный период [Электронный текст] // Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт фтизиопульмонологии Министерства здравоохранения Российской Федерации. – URL: https://spbniif.ru/about/istoriya-instituta-tuberkuleza-v-poslevoennyy-period.php (дата обращения 23 марта 2020).

Студенты с разных мест приехали, в общем, начиная с Камчатки, и со всего, в общем, Севера, все национальности. Смешные анекдотики … пошли. То, значит, куда-то поехали там, в Москву, вот один такой. Приехали в Москву, значит, сели на такси, и таксиста спрашивают: сколько?

– Три пятьдесят, –отвечает … Три пятьдесят.

И когда приехали, три денежки по пятьдесят, по пятьдесят рублей отдают таксисту: раз пятьдесят, два пятьдесят, три пятьдесят (*смеётся*).

Студенческие разговоры.

В комнаты мы все с разных мест попадаем. И нивхи, и якуты, и ханты, в общем, там не по территориям делят, а по курсам, куда попали, и вот тут вот как раз разговариваем о всех. Об одежде, в общем, разговор, чем одежда отличается, вот тоже, почему-то с Камчатки, с Сахалина приезжают, у них волосы длиннее, для нас был вопрос.

Мы сами в Ленинграде решили свои волосы косистые, приезжали с косами, там приспосабливались к тем условиям, [обрезать] – все кудрятся, волосы кудрявые делают. Наше училище которые окончили раньше, там учатся, тоже [остриглись]. И мы трое остались с длинными волосами из приезжих, остальные все переделали.

И вот Дуся Ерныхова и Катя Наривлич с Сахалина, у ней косы аж до пят прямо, такие длиннущие. У нас такие шикарные косы. И она, Дуся, говорит:

– Мы одни старомодные остались, пойдём, говорит, кудри делать.

И мы трое пошли. Парикмахер не берётся за нас, говорит:

– Девочки, у меня, – говорит, – рука не поднимется такие косы резать. А Дуся говорит:

– Ничего, ничего, режьте, нам не жалко (*смеётся*).

– Ну не жалко, так что поделать, значит, ваше желание.

Нам косы обрезали, кудри сделать надо. Понятия нет, какие, спрашивает, вам сделать, паровые или химические? А нам всё равно, нам только кудри, понятия не было никакого. А потом когда сделали, сосульками встали у нас наши волосики, спрашивает: укладки делать? Нет, говорим, расчесать сами можем, сами сделаем. А оказывается, ещё на бигуди же надо. Пришли в общежитие – не можем их, значит, привести в порядок. Мы прямо как... Не знаю как… Мы такие страшные, комические стали. Как шапка стоячая волосы. Старшие говорят:

– А почему, девочки, не укладываете?

А мы говорим:

– Мы мыли их, и, в общем, не укладываются.

Одна наша, Ниночка Вахрушева, раньше нас кончила, на втором курсе училась: девчонки, не так укладывать надо, пойдёмте ко мне. Взяла нас, сбегала, заняла у девчонок бигуди, всех нас (*смеётся*) привела в порядок. Мы так обрадовались. А до этого ещё плакать стали, ну зачем действительно волосы… Ведь человек говорил, что не надо… Поплакали, что мы натворили с своими головами.

И вот пошли на занятия, а мы все маленькие, на первом ряду, значит, а ведёт Гаврил Никандрович Никулин – зав. северным отделением[135]. И мы вот тут сидим, как чучела такие (*смеётся*). Он потом, значит, увидел, пара прошла, к нам подошёл, говорит:

– Вагатова, Наривлич и Ерныхова, ко мне в кабинет.

Мы слышим, голос какой-то, в общем, не отцовский, а что-то такой встревоженный, и маленько там сердитка,

[135] Г. Н. Никулин упомянут, в частности: Людмила Гурьева. Ма ай кэртєм хурӆам хуща вэӆ [Электронный текст] // Хӑнты ясӑӈ. 2018. № 23 (3515). 6 декабря. С. 5; Иван Омрувье. Она с легкой иронией называла меня «месье» // Крайний Север. 2019. 26 апреля. – URL: https://www.ks87.ru/21/94/9858.html (дата обращения 7 апреля 2020); Лыскова Нина Алексеевна. Библиографический указатель литературы / сост. Е. Г. Громова, ред. Н. И. Смирнова. Ханты-Мансийск: НИЦ ЮГУ, 2009. С. 4.

значит, слышится. Пошли в приёмную, он говорит: сидите вот здесь. А в приёмной девушке сказал: тащите зеркало, да и побольше, чтоб зеркало это было. И потом зеркало притащили, он нам прям вот так: ну смотри, нравишься? нравишься? (*смеётся*).

Так он поиграл с нами и говорит:

– Чучела и только, какие, – говорит, – приезжали северные олени, с рогами красивыми, с косами, где они? Как вы теперь будете ходить, как на вас смотреть?

По-отцовски нас пожурил, а мы думали, правда, что теперь, в общем, как мы такие? Ну ладно, он говорит, завтра же чтобы были такими, какие были. Опять Дуся отвечает: ладно. И мы на его уроке все назад прятались весь год (*смеётся*). Вот такие вот… Другой бы зачем, сделали-сделали, а вот такое хорошее отцовское отношение вот какое-то было.

Помню, уже потом, здесь работала, продолжала стричь волосы, кудриться, значит, приехала домой, мама говорит:

– Зачем, ты же не маленькая, понимаешь, почему волосы стрижёшь, – говорит, – нельзя.

И я с тех пор не стригу…

А платок в Ленинграде Вы носили?

Платки мы там не носили … Почему-то мода на береточки была. Все носили береточки.

Платки, в общем, мы знали, что когда замуж выйдешь… Тогда обязательно… Хоть на плечах носить. Сначала делают замечание, в основном молодое поколение, не будем же в платках закрываться от родственников. Уже это, значит, делали нам замечание старшие женщины … Любые могли … А потом это была общественная борьба, и не мы занимались сами, а культбаза, собирали женщин всех и говорили, что не надо закрываться, зачем закрываться. В общем, переделка прошла такая. Жалко платки, далеко ушли эти обычаи, вот такой одену на плечики. Как будто я и замужем

не была, как будто у меня детей не было, как будто у меня внуков нет. Как погоны они, как честь женщины – платок …

А Гаврил Никандрович, когда я заболела, когда он узнал, что мне предложили ехать обратно, он говорит: жаль, говорит, девочка, жаль, а это он ещё меня почти не знает, как я учиться должна была, в общем, – ну что поделаешь, у нас многие так, в общем, не получается с климатом. Так вот как-то по-доброму. Вот когда соберёшься ехать, мы, говорит, купим билетики тебе … Нежность какая-то. И баловали и культурой, и заботой. Там нас и кормили, и одежду раздавали, одежда тоже была бесплатная. Все учителя были внимательны почему-то, отбор какой-то что ли был? Воспитатели были…

Ещё случай такой был у нас, тоже казусный по незнанию: у нас воспитательница Анна Ивановна, а фамилию забыла, и она нас повела, значит, парки смотреть, на экскурсию. А там парк, в ЦПКИО, в общем, в парке пруд есть хороший. Она сказала, что это не естественный, а искусственный. Она думает, с грамотными людьми разговаривает (*смеётся*), и, говорит, купаться можно. А было лето раз, жарко. И мы решили купаться, как в природе, мальчишки особенно. Прыг прямо с берега, в общем, летят, и один, Саша К., из Ямало-Ненецкого округа, шею поломал, прыгнул. Её за это сняли с работы, в общем, какие мы такие, нехорошие, в общем. Его в больницу положили, шея поломалась, в общем. Ведь там всё объяснила, осторожно купаться, искусственный, значит, пруд искусственный среди парка, а мы вот такие.

Или по дорожкам, переходы, говорит, вот те отмечены, только по ним переходите, мы думали, что наступать только на отметинки можно, прыг, прыг. Ребята, осторожно переходите, не надо прыгать. А мы не поняли: как не надо прыгать, если расстояние между отметками (*смеётся*)... Вот такие неграмотные учителя же, закончили, а городских пе-

ремен не знали. Но внимание было очень большое, каждый старался.

Ваши впечатления от города.

Город, в общем, по истории мы знали, что Пётр Первый, в Зимний дворец несколько раз водили – это как чудо было, на экскурсии по историческим местам, в Петропавловскую крепость нас водили … Исторические места, памятники, дворцы, в общем, что нам показывали всё время, каждое воскресенье, каждое, в общем, такое время свободное. Щедро, прямо щедро знакомили с городом. Было такое, что, в общем, это, когда дни каникул, отдыха, а далеко ехать некогда – на Финский залив нас водили, там были места отдыха.

Конечно, удивлялись… Бесконечный поток людей, идут, идут… И мы, значит, в общем, с проездов-то вышли, и вот, значит, думаем: пусть пройдут люди, потом мы пойдём (*смеётся*). Решили ждать, когда пройдут. Потом смотрим, никогда не пройдут … бесконечное движение. Это нам, в общем, как-то интересно было. И к кому-то мы обратились, спрашиваем: когда эти люди пройдут? – Никогда не пройдут, в общем, это всегда так будет, обычное такое движение[136]. Ладно, мы решили, значит, давайте спрашивать, в общем, как нам добраться до Герцена. И в одном месте в киоске стали спрашивать…

Вот какой честный город, я оставила свою сумку, что-то у меня в руках ещё было, мы же с вещами. Приехали, у меня никаких документов. Нашли ведь, абсолютно послали нам всё, Ленинград же это, для нас это тоже было очень удивительно.

Я, конечно, заплакала, что теперь всё уже. Старшая Дуся у нас была, я, говорит, запомнила где, как мы шли, там рядами такое, такое ещё. Старшая, всё запоминает. И вот

[136] Явная перекличка с сюжетом о первом прибытии в Ханты-Мансийск.

на месте – прямо кассирша из киоска этого, подобрала всё. И принесла.

– Вот, девочки, это вот ваше.

Такие моменты были.

Ну, конечно, удивительные дворцы, Зимний мы много раз [смотрели], потому что огромный он, и когда говорят, что здесь Пётр Первый и там другие цари, и так далее. А вот картина, где царь своего сына[137], значит, прямо кровь на картинке, кажется, настолько подлинно смотришь, и кровь сейчас течёт прямо. До испуга вот эти картинки. А потом нас успокаивают и говорят: ну картина, ребята, вы что? Как будто только что случилось. Сильнейшее впечатление от этой картины.

Сама река Нева, часто ходили мы к Неве … Всегда старались чем-то, в общем, удивить нас. Катание на трамвайчиках… типа больших катеров. В общем, два катера стояли, они свободно нас катали. В Петропавловской крепости очень много такого, уникального, про узников конкретно рассказывали, кто где сидел, за что, в общем, страшно даже (*смеётся*). Как строился город, рассказывают. Особая экскурсия, почему выбрал это место Пётр Первый, интересно было.

Потом блокада, вот эта тема тоже, опасная, страшная… Конкретно они, экскурсоводы, знают, где, значит, какой случай произошёл и как подбирали трупы …

4.

И так было хорошо, что я потом, когда уехала домой-то, мне не хотелось никуда поступать, в Тюмени же, в Москве – хоть куда поступай, как-то была на счету я, в общем, и знания были, и не боялась ни экзаменов, ничего, сдам, ду-

[137] Возможно, картина И. Е. Репина, находящаяся в Третьяковской галерее, демонстрировалась в Ленинграде.

маю. А решила снова поступить прямо в Ленинград, но заочно, это было такое дело.

Учителя тогда по всему Северу, кто отличается в работе, как поощрение, посылали на годичные курсы переподготовки именно в Ленинград. Это было как награда. И я попала в это число …

Но это уже в 60-х годах было…

Отправили на годичные курсы, я решила подготовиться и на общих основаниях поступить на педфак, выбрала себе педагогику – психологию, сдала, там конкурс был, три с половиной человека на одно место. И вот с одной девочкой мы одинаково баллы набрали, такая справедливость опять, значит, затребовали характеристики с работы … И вот на меня такую хорошую характеристику зав. районо написала, и той девочке тоже, но у меня преимущество, в общем, там какую-то указали общественную работу, и только это выручило.

Но это потом. А тогда, первый раз из Ленинграда приехала и сразу прошла к Георгию Тарасовичу в педучилище, почему-то такая обязанность: что вот мне не повезло, Вы меня отправляли. Вот расскажи [ему], почему, как будто он не знает, да всё он знает. Я пришла и сказала, что я заболела, что, в общем, так-то и так-то, а теперь, говорю, школу надо найти. Он говорит: найдём. И он сам три места нашёл: вот три места, но я рекомендую в Казым.

А я говорю: я согласна домой поехать, в общем. Вот, и я потом стала в Казыме работать. Меня там приняли …

Первый год дали класс такой, в общем, переростков. Некоторых я по интернату ещё Казымскому помнила. Тогда их не исключали из-за того, что мы русский язык совсем же не знали, без всякого приходили, исключать не разрешали, закон такой был. Им по 16-ть, по 17-ть лет, а мне 18-19-ть лет, 18-ть полных, 19-ый идёт. И класс большой, 4-ый класс,

значит, он из рук в руки переходил, специально мне дали, что я новый человек.

Рассчитывали, что, может быть, что им поможет мой пример – что я вот уже учительница. Ну и вот стала учить я с большим желанием, раз на это училась и знаю как, в общем, легче с ними вникнуть в жизнь …

И сразу казус.

Я пришла в школу в новом платье, думала, пойдёт такой тёмный мелкий цветочек. Пришла, а меня даже с уроков сняли, отправили одеться по-учительски. Завуч, в общем, говорит:

– Тут не на праздник, на работу пришла, ты учительница.

Я говорю:

Красивое...

А она:

– Да, красивое, но не учительское. Длинное, нормальное, с поясочком, рукава короткие, в общем. Учительское надо платье. Отправили домой.

В магазине я всё время тёмный, коричневый, тёмно-малиновый заказывала. А почему тёмный всё время? Я не знаю. Такая общественная забота была какая-то вот. Чтоб мы были одеты красиво.

…

И вот, значит, смотрю, по русскому языку уйма ошибок. Оценивали по количеству ошибок – одна ошибка, можно четвёрку ставить, даже пятёрку – смотря какая ошибка[138]; две-три ошибки – это значит … А там до десяти ошибок!

Я решила заниматься после уроков с теми, которые совсем [плохо успевают]. Получается, у меня две смены, и на одном из педсоветов директор школы, он, оказывается, обо мне заботился, а я думала, меня ругают, в общем: вот

[138] Согласно инструкции Минпроса РСФСР отметка «отлично» выставлялась за работу без единой ошибки. – См.: ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.

устраивает Мария Кузьминишна две смены, в общем, не жалея ни детей, ни себя.

Я поняла, что ругачка. Думаю, всё, я работать не буду учителем, так старалась, теперь не буду. Всё собрала, там документики, ещё планы, и утром рано, пока учителя не пришли, думаю, рано директор бывает, пойду, я могу, в общем, и в чуме работать, умею шитьём заниматься, не буду учителем, раз у меня не получается.

Принесла [заявление], говорит: что такое?

– Я не буду работать, вы же меня ругали (*смеётся*).

– Не ругал я, не ругал, ты замечательный человек, замечательный учитель, я вот на уроках-то у Вас сидел, говорит, по математике, никто в жизни прибаутки при устном счёте не использовал, сколько ушей у двух мышей. Таблицу умножения проверяли – сколько ножек у пяти стульев, сколько лапок у семи кошек?

Вот такие [вопросы] никто не придумывал. В общем, ты учитель настоящий, да никуда я не отпущу, а тут, говорит, разве можно вторую смену, я, говорит, жалел – молодая такая, ты же болела – так ещё можешь заболеть, вот о чём, вот о ком я забочусь.

Так он мне говорил. Бекетов Дмитрий Николаевич[139], русский, участник тоже войны, в общем, и вот, такой: я о тебе забочусь – «о Вас», вернее, он же на «Вы» всё время.

Я быстренько, уже без спросу, то, что принесла, схватила и ушла, и давай, радостная такая, работать! Думаю: а, вон в чём дело, вторую смену нельзя, нужно заниматься дополнительно, но не целую смену устраивать (*смеётся*).

А во второй смене по три урока иногда, диктант напишем – разберём, потом ещё словарный запас пополняем,

[139] Дмитрий Николаевич Бекетов – директор Казымской школы. – См.: Шевелёва М. М. Из истории Казымской школы [Электронный текст] // Остяко-Вогульск.ру. – URL: http://остяко-вогульск.рф/2019/04/13/iz-istorii-kazymskoj-shkoly/ (дата обращения 20 мая 2020).

какие слова неправильно произносят, звуки – всё выучим. Он ещё объяснил, говорит: разве так можно – две смены, а ещё планы составлять. Тогда строго требовали, каждый урок запланировать, законспектировать, что, о чём, значит, рассказывать и что есть дополнительный материал, чтоб всё видно было, на каком уровне урок пройдёт. Вот такие вещи.

В классе сидели только ханты?

Нет, разные, там были ненцы и ханты, манси у нас почему-то не было тогда вообще. Русские классы в школе отдельно были.

В школе кто был главный? Директор или педсовет? Или, может быть, секретарь парткома?

Партийная организация была, а я комсомолка была. Комсомольская организация не школьная, а всего села.

Мы директора почему-то всё время считали главным. Вот, а педсовет это как собрание считали. Вот, и тот же педсовет, когда мне замечание делали – делали при всех – это как наказание считал каждый, когда похвалили – поощрение. В общем, вот как-то это соблюдали, почему-то действует на людей сильно, при народном… В эту неделю такой-то такой отличился. Такое мероприятие красивое было или, наоборот, не получилось то-то…

В пятидесятые годы, когда вы работали учителем, сколько Вы получали?

По тем временам вроде учителя считались высокооплачиваемыми, медики тоже. Четыреста восемьдесят – в школе. В совете у секретаря было триста двадцать.

…

Как обстояли дела дома, когда Вы вернулись?

Домашних дел, в общем, как-то в меру всё. И я сейчас часто возвращаюсь и думаю – надо было больше делать, я в школе работаю, ещё общественница, участник художественной самодеятельности, пропагандист, в общем, всё это. Мама утром раньше всех встаёт, я уже на готовенькое,

поела и ушла в школу. Прихожу – опять готовенькое, и, значит, опять поем, что надо, помогу, сделаю. А казалось, что мамы не устают. Когда замуж вышла, опять – его мама, тоже утром печечку железную истопит, значит, чай вскипятит, я встаю, поела и в школу через речку.

В чём заключалась Ваша общественная работа?

Мне она нравилась с самых прямо школьных лет, то звеньевым выбирали, то ещё, и даже в интернате, когда первый раз в Казым приехала, стали выбирать старосту, в общем, я какая тут? Даже никаким делом не подходила бы для старосты. А тяну руку, что вот я буду старостой, раз там была верховой … В чуме, в тундре росла, вольность какая-то у меня. И вот, значит, тут. Так хотелось старостой быть, в общем, в интернате, я же была … Полоски всякие носила[140], знаю, что такое начальство (*смеётся*).

Они мою руку даже и не заметили, тянула, тянула, и так обидно, думаю, надо же, не меня избирают, в общем, учусь хорошо и желание есть (*смеётся*). Вот такие интересные моменты.

В школе, когда учителем работала, меня депутатом избрали сельского совета. Потом вот такой случай был тоже, я работала в школе, в общем, а в совете, значит, новые выборы прошли, грамотных было очень мало, чтоб вести военный стол и так далее, и там перебирали всех депутатов, которые прошли во время выборов. Не могли из них найти секретаря. И решили остановиться на мне, и, в общем, стали хлопотать, чтобы я перешла, значит, в совет работать, а я не хотела, категорически прямо, что я не училась на секретаря совета, я учительница. Они написали бумагу на районо, и потом, значит, районо прислало… чтобы приказом отправить меня работать на советскую работу. Я не знаю, я прямо думаю, нигде, ни там, ни тут работать не буду, так

[140] В организации октябрят полоски – нашивки: у звеньевого – одна, у отрядного – две и у общешкольного – три полоски. – Примечание М. К. Волдиной.

не хотела в совет идти. И зарплата, значит, у нас, учителей, выше была, четыреста восемьдесят, а там триста двадцать у секретаря. Думаю, ничего себе наказание, и, в общем, такое они придумали условие, что кто-нибудь выбудет из депутатов, изберём конкретно уже, с таким расчётом.

Я полгода там работала в совете секретарём, тоже интересно, военный стол надо вести, военным столом называется, в общем, участников войны, отслуживших людей, значит, и кто готов уже идти, в общем, эти списки чтоб все были проверенными и подлинными, вот такая ещё работа, кроме всего остального.

Один раз такая смешинка, такая глупая опять [случилась]. На электростанции работал Б., хороший человек, отслуживший, а вдруг напился и везде вырубил свет, в общем, во всём посёлке. А в это время председатель совета на курсы поехал. Обязанности я выполняла. И пришли с вот такой жалобой, жалуются, в общем, свет вырубил пьяный Б., заперся и грозится, [не] подходите, стрелять буду.

А я, как начальник военного стола, знала отслуживших со званием офицеров. По списку их выписала, они сумеют разрулить и, в общем, взять этого (*смеётся*). И вот я их подняла, в общем, человек пять что ли (*смеётся*)… Они все собрались, конечно, невооруженные, значит, чтоб несчастья не было. Пошли и со всех сторон его атаковали. Там темнота, в общем, свет же надо посёлку, большой посёлок, культбаза тем более.

И вот, значит (*смеётся*), атаковали его и приказали бросить оружие. Он выкинул, в общем, и начал то-то, то-то… Он бросил, а там в темноте взяли что-то через ткань и отдали мне. Я в сейф закрыла, завтра будем разбираться. Нерушева главным ещё назначила, такой грамотный руководитель (*смеётся*). Он говорит: завтра будем разбираться. Б. взяли и отвели домой, у него жена Наталья была, всё, свет

включили, мужчины знают, как это делать, всё – мы победили.

На следующий день пришла я, в общем, они договорились – во столько-то соберёмся, и пришли, разворачиваю – а там деревянный детский (*смеётся*). Он вообще. Из дерева детишки делали, а мы его арестовали. Вот такие смешинки вот. Всё. Я не знаю, как по-другому, раз он грозится... Выкинула оружие-то, выкинула. Так кончилась эта вот история.

В художественной самодеятельности участвовали?

Участвовала. Меня напоследок от школы в поселковый… художественный совет избрали. Со всех организаций сюда входили. Школы, больницы, зоотехнический, детские садики, от всех организаций. Мы должны были для праздника приготовить общешкольный номер, силами учителей и учеников. Значит, я докладываю директору, что это надо, директор говорит, что это делать будем, и всё, из других организаций точно так же, отшлифовали общий концерт для посёлка. А внутри школы учителя, каждый знает, что, в общем, должен готовить для общешкольного концерта номера. Такие речёвки были в моде, маршировки были ещё в послевоенные годы в моде, кто красиво марширует и в каких костюмах пройдут. Вот так, интересно как-то было работать.

Как Вы вышли замуж?

Это опять же казус такой был. Ну, решила выйти замуж, а с [детства] думала, маленьких не любят. В общем, через реку он жил – Павлик этот. Из амнинских он. И когда, видимо, у него первые такие увлечения личные появились, если я с кем-то другими мальчишками играю, он в меня кидал чем-нибудь, чтоб я не играла: а чего ты там с Проней Ерныховым играешь? И всё, не придавала значения, думала, вот какой мальчишка, кидает в меня, то палку кинет, то даже может камешек кинуть. Когда где-то иду, он подножку поставит, значит, чтоб внимание, видимо, на себя обратить.

И вот медвежьи игрища всегда в Амне проходили, а мы из интерната убегали без спросу на медвежьи игрища. Смотрю, он, этот парень, всё время на меня смотрит, смотрит, я глаза-то иногда прячу, в общем, думаю, что он глазеет так вот, ещё я девочкам говорю: вот Паша Тарлин, говорю, всё на меня смотрит. А они говорят: ну пусть смотрит, чего тебе? А у меня крепкое понятие, что маленьких не любит никто, в общем, и любить не будет, мужа не будет, детей не будет, ничего не будет. Это у меня длилось до педучилища даже. Телефонов нет, записки мальчишки пишут иногда, в общем, «в кино куплю билеты, пойдём в кино сегодня». Ага, думаю, пойду я в кино, как будто без него в кино не могу ходить.

И когда объясняются, думаю, неправда это, абсолютно. И вот когда я приехала тогда после болезни в Казым, смотрю, он в армии отслужил три года. Его родители жили, в общем, в верховьях Амни. А он приехал, значит, дома у него никого нет, и зачем-то к нам пришёл. К нам пришёл, а папа всё время хвастал перед нами. Говорит:

– Из армии возвращаются, говорит, в первую очередь ко мне идут.

Он мастерил то лодку, то нарты делал, там место особое у него во дворе было, он там трудился.

А мама говорит:

– Ты что, не понимаешь, девчонки же выросли, они на девчонок смотрят, с тобой, говорит, находятся, а глазеют на девчонок.

После меня Катюша тоже педучилище закончила, и вот мы… На девчонок пялятся, в общем. И потом мне как раз-таки он сильно понравился, но, думаю, это не правда, он обманет, маленьких не любят, почему-то такое крепкое было внутри меня. Вот так, значит, продолжилось как-то, а он охотник такой заядлый, о нём в газетах писали, «прославленный охотник Казыма» и так далее. Красавец такой,

волосы вьющиеся, в общем, и любил красиво одеваться, так понравился, в общем.

Одевался по-городскому?

По-нормальному, как все стали одеваться. Рубашки, тогда модно было много пуговичек, кармашки, в общем, такие, и всё это выбиралось синее… Это уже не по-национальному – по-русски одевались[141].

Вот так, значит, думаю, вроде как понравился. И стал, в общем, записки писать, ещё и говорить, что я тебя никому не отдам. Как это, думаю, меня не отдаст? Ты, говорит, самая красивая... А у меня действительно гимнастическая фигурка, я любила тоже из того времени, что есть, в общем, чтоб всё мне подходило.

Прошло время, значит, уже объяснился он, и решили жениться, а как быть, меня какой-то вот стыд забирал, думаю, зачем это, в школе узнают, что я замуж выхожу, и так далее. Я ему говорю:

– Как так, в школе и родители узнают, что я замуж выхожу.

А он говорит:

– А пусть узнают, все же так делают.

И мы решили в устье Амни уехать, он с охоты приехал, в общем, и говорит: поедем в устье Амни, говорит, в общем. Родители его там, на вершине Амни они жили, а мы в устье Амни поехали, там рыбацкая избушка тоже их-няя, родительская, его родителей избушка. Думаю, ну всё, меня с работы, наверное, уволят теперь, без спросу, ни родителям, никому не сказали, на оленях поехали в устье и там неделю прожили сами собой.

[141] Судя по наблюдениям 1962 г. З. П. Соколовой, у северных ханты основные элементы «русской», «современной», одежды быстрее перенимались, во-первых, в приобских посёлках (Азово, Шурышкары, Горки, Кушеват), а, во-вторых, мужчинами, нежели женщинами (в Мужах). – Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. Полевые материалы, докладные записки и отчёты. Ч. 1. Северные ханты. 2-е изд-е. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 64, 129–130.

Вернулись, в общем, мама, папа, значит, всё, что лучшее, вытащили, варят, парят, жарят, в его доме то же самое, в общем, нас ждали, где мы находимся – точно никто не знал. А на работе подарки накупили, в общем, сюрприз целый … Появились тогда ткани, разного цвета ткани (*смеётся*), подарки, вот так закончилось. Вот такие смешные истории. Сильно-сильно стеснялась что-то, выходить замуж.

Как, когда Вы начали сочинять?

Вот это тоже интересно, это, наверное, с детских лет, а я скрывала, в общем, какие-то иногда частушечки на хантыйском языке. Спрашивают: кто? Я говорю: вон та бабушка, бабушку же не будут спрашивать. В школе, когда работала, частушки к праздникам готовили или к концерту.

Частушки на русском языке и на хантыйском языке.

И на русском, и на хантыйском. Там, значит, одна была, тётя Дуся называли, такая песенница, частушки всё время поёт, и вот я по её образам на хантыйском языке стала сочинять … Мелодию её использую.

По Казыму ходить –
Грязи по колено,
А казымских любить –
Надо брать полено (*смеётся*).

Это всем так понравилось, ни тротуаров, ничего нет, а потом тротуары начали строить, Казым, культбаза раз. Не совсем я тогда понимала смысл этих слов: «Грязи по колено». Зато скоро поняла, что можно сочинять, оказывается, самой о чём-нибудь спеть. Личных песен очень много у хантов, у каждого они, значит, всю свою жизнь [о своей жизни поют], потом песни-плачи, а я раз около дедушек и бабушек всё время находилась, я их часто слышу, вот, значит, по подобию …

Такая образность появилась, иногда сравнения с природой … Учителя как раз народные. Когда открыли тетрад-

ку – Володя Волдин, за него когда вышла, тетрадка училищного времени была, а он:

– Ой, говорит, тут стихи, кто пишет такие? Хорошие, – говорит, – стихи.

Я говорю:

– Разве это стихи, это я писала, и там ещё казымских времён.

Он берёт рукопись и Лазареву[142], редактору национальной газеты, понёс, и вот стали публиковать. И на русском языке, на русский стала переводить, почему-то русский язык нелегко давался, начиная с первого класса, спасибо таблицам этим, Горцевского, такие разумные таблички. Вот такие вещи (*смеётся*). И всё мне смешно, потому что знания новой жизни.

[142] Лазарев Григорий Дмитриевич (1917–1979) – выпускник Остяко-Вогульского педагогического техникума (1938), заместитель редактора окружной газеты «Ленинская правда», первый редактор окружной газеты «Ленин пант хуват». Участник Великой Отечественной войны. – См.: Подвиг народа [Электронный ресурс]. – URL: 1) http://podvignaroda.mil.ru/?#id=25836278&tab=navDetailDocument; 2) http://podvignaroda.mil.ru/?#id=44894948&tab=navDetailDocument (дата обращения 7 апреля 2020).

Евдокия Андреевна Нёмысова

Евдокия Андреевна Нёмысова родилась 4 мая 1936 г. в селе Полноват Берёзовского района Остяко-Вогульского национального округа, в семье хантыйского рыбака-охотника Андрея Васильевича и Анастасии Ивановны Нёмысовых.

Окончила курс Ханты-Мансийского педагогического училища (1956), Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (1961), аспирантуру при кафедре Языков народов Крайнего Севера названного института (1965), кандидат педагогических наук (1990).

После окончания аспирантуры – учитель русского языка и литературы 5–9 классов в посёлках Ванзеват Березовского района и Шеркалы Октябрьского района, преподаватель хантыйского языка и литературы в Ханты-Мансийском педучилище.

Впоследствии методист по хантыйскому языку в окружном институте усовершенствования учителей, научный сотрудник института национальных школ Министерства просвещения РСФСР/РФ, директор Научно-исследовательского института социально-экономического и национально-культурного возрождения обско-угорских народов.

Е. А. Нёмысовой опубликовано 8 учебников и более 40 научных трудов, это учёный с мировым именем, её работы известны специалистам в Германии, Венгрии, Финляндии.

Евдокия Андреевна активный общественный деятель Югры.

Литература: Нёмысова Евдокия Андреевна // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 2. С. 247.

Воспоминания Е. А. Нёмысовой записаны 17 февраля, 23 марта 2019 г. А. Г. Киселёвым в кабинете Доме народного творчества. Текст разбит на три части: детство и отрочество (до поступления в педучилище), юность (училищный и «ленинградский» периоды).

1.

Расскажите о своём детстве, дошкольном детстве. Что Вы помните самое-самое раннее?

Вот сейчас я то, что мне мама рассказывала, стала записывать, записывать небольшими рассказами, делать выводы в связи с тем, что я родословной занялась.

Почему же я продолжаю жизнь женщины… которая была левша? Я о ней ничего не знаю. Но мама мне рассказывала, что когда я иголку взяла в руки, а в каком возрасте, я не помню, [она] видела, я левой рукой шью, она взяла, передала в правую, отвернулась – я снова в левую. Так она несколько раз сделала и стала задумываться, почему моя дочь шьёт левой рукой. Я правой шью, отец – правой работает. Стала жаловаться своим… подругам. Вот говорит, моя дочь почему-то левой шьёт.

– Да отстань от неё. – Им всё известно. – Она продолжает жизнь женщины, которая была левша.

Больше я об этой женщине ничего не знаю. Я сейчас сопоставляю, вспоминаю. Вот стоит Зоя Тасьманова (*показывает на фото*). Она меня называет ‘*ай ангкангки*’. ‘*Ай ангканги*’, – обращается ко мне[143]. Я на неё посмотрю, говорю: ‘*ай ангканги ух*’. Мамина… моей мамы мама, – она ко мне обращается. Я ей говорю: … Потому, что я маленькая бабушка. Чтобы спросить, кто такая была твоя ‘*ай ангканг-*

[143] *Аңкаңки* – ‘бабушка по материнской линии’. Вероятно, в шутку, ласково: ай аңкаңки ‘маленькая бабушка (по материнской линии)’ (ай ‘младший, маленький’ + аңкаңки ‘бабушка по материнской линии’).

кен’ … ‘*ай ангкангки*’, ‘*ай ангкангка*’ обращается ко мне. И я как на неё посмотрю, ‘*ай ангкангки ух*’[144].

Моей мамы мама, она ко мне обращается. Я ей говорю … потому что я маленькая бабушка, чтобы спросить, кто была твоя такая ‘*ай ангк анки*’ бабушка. Ума не хватало. Нас учили обычно, сам додумывайся до определённых [выводов], до истины. Однажды говорят, принеси вон платок, висит. Я подошла, не достаю. Не достаю, говорю. А ты сядь на колени. Попала впросак. Они, ха-ха-ха. Я заплакала. Ну, вот дальше думай, думай, ну почему не спросила, почему не знала об этом. Вот сейчас я этот рассказ тоже буду писать.

А работая в тобольском архиве, мы искали материалы по хантыйскому исследователю, немецкому исследователю хантыйской культуры Штейницу[145]. Ничего не можем найти, а я наткнулась на полноватскую церковь, материалы полноватской церкви … о! сколько знакомых, сколько знакомых фамилий! И добралась до брачного обыска[146] моего деда. Вот он, там висит (*показывает портрет*). Я до этого не знала даже его отчества, знаю, что Васька, Василий. Оказывается, Василий Фёдорович.

А у деда ещё была сестра, Нёмысова Екатерина Фёдоровна. И её брачный обыск нашла. Вот только два брачных обыска я нашла. Она вышла замуж в 23 года, её выдали или

[144] *Ай аӈкаӈки нӧх* – скорее эллиптированная конструкция в детской речи ‘подними меня наверх/вверх (на руки)’; букв. ай аӈкаӈки ‘маленькая бабушка ’ (ай ‘младший, маленький’ + аӈкаӈки ‘бабушка по материнской линии’ + нӧх ‘наверх/вверх’).

[145] Вольфганг Штейниц (1905–1967) – немецкий лингвист, этнограф, фольклорист, исследователь обско-угорских языков, прежде всего, хантыйского языка. – См.: Винклер Р.-Л. Штейниц Вольфганг // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 3. С. 332–333.

[146] Письменный акт, содержащий определённые сведения о людях, собирающихся венчаться в церкви, и устанавливающий отсутствие препятствий к совершению их брака. – См.: Пакшина Н. А., Колесова Л. П. Брачные обыски в дореволюционной России // Приволжский научный вестник. 2015. № 12-3 (52). С. 140–146.

она вышла замуж за мазямского инородца, там написано, Полченова, сейчас имени не вспомню, ему 58 лет.

И больше опять о ней ничего не знаю. А сейчас её маму представляю, она была какая-то такая необыкновенная. Не нашего рода… вышла за Тасьманова Иосифа, глухого Иосифа, и вот часто приходила к нам, разговорчивая, она даже как-то слово «Байкал» знала. А много чего я не расспросила, только:

– О, Байкал, вы слово Байкал знаете!

Ну и вот, а сейчас я сопоставила. Раз я '*ай ангки*', значит, «её мамы мама я». Значит, эта Екатерина Фёдоровна – женщина, которую я продолжаю в этой жизни. Т. е. по-хантыйски, я плюнула на неё. Так говорят. Реинкарнация[147] в хантыйском языке…

Человек умирает и воскресает в другом родственнике, по отцовской линии в основном. Вот. По одному тому, что я шью левой рукой, вот такой вывод сделала. Только вот в этом году до этого дошла… когда нашла обыск.

Ну ладно, об этом тут же написала. Мама мне говорила, что моя голова принадлежит '*Калтась ангки*', хантыйской божественной матери, половина головы. А вторая половина принадлежит домашнему богу. Как он назывался, я не знаю.

Ну вот, почему-то у всех один бог, Еремей Данилович[148] называет «бог-охранитель», который охраняет наши жизни.

---

[147] О реинкарнации в представлениях народа ханты см.: исследование Э. Рутткаи-Миклиан в книге: Сынские ханты / Г. А. Аксянова, А. В. Буало, Е. В. Перевалова, Э. Рутткаи-Миклиан, З. П. Соколова, Н. И. Талигина, Н. В. Фёдорова. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2005. С. 99–112, а также монографию Т. В. Волдиной: Волдина Т. В. «Долгой жизни вековечный танец»: реинкарнация в контексте мифоритуальных традиций обских угров. Часть 1. Тюмень: Формат, 2016. 206 с.

[148] Еремей Данилович Айпин – известный хантыйский писатель и общественный деятель. – См.: Лагунова О. К. Айпин Еремей Данилович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1. С. 56; Айпин Еремей Данилович [Электронный ресурс] // Обско-

Значит, у всех один бог-охранитель, а у меня почему-то два. Ничего не понимаю. И вот тоже недавно дошло до меня, я у мамы первая дочь, а у первенцев в семье всегда богом-охранителем всегда является ‘*Калтась ангки’*.

Я первая у мамы, у отца я шестая. Это тоже мне мама рассказывала. У него была первая семья. Остался один ребёнок, жена умерла. Остальные дети все умерли. Он женился на моей маме…

Два года я тонула. Вот мне что-нибудь новенькое купят, а я люблю забредать в воду на берегу, в обуви или не в обуви. И также мне новые ботиночки купили, с ребятами на берегу играю, а берег близко, мама там, около дома, ребят много, я так забрела-забрела, а осень. А там уже глубоко стало. И упала в воду. А все моего возраста [дети], 2 года, 3 года, ничего не понимают.

– *А-а*! (*тянет*) Дуня наша плывёт!

А была Маша Тополева, ей было 8 лет. Она увидела, испугалась, побежала к моей маме. Говорит: в воду упала твоя дочь. Ну, дальше можно рассказывать, у меня это записано на хантыйском языке, я ещё не перевела на русский язык.

А перед этим наши мужчины уехали за Обь, священное место на жертвоприношение. Ну вот, когда вернулись, а меня выловили, я один глоток воды выплеснула, ожила, в общем. И меня всё время спрашивали, так ты помнишь, что ты тонула? Помню. А почему помню, потому что мне всё рассказывали. Поэтому я помню. Приехали они когда с жертвоприношения, рассказывали, вот у нас чуть не случилось. Они пошаманили, погадали и говорят, я эти вещи всё сопоставляю. И говорят, перед тем как уехать, мы не поставили домашним богам чашу. А моя голова им принадле-

угорский институт прикладных исследований и разработок. Литературная карта Югры. – URL: https://map.ouipiir.ru/writers/eremey-danilovich-aypin/works/402/ (дата обращения 27 марта 2020).

жит. За это и наказать хотели, и меня в воду потянуло. Домашний бог.

В общем, таких моментов, что мне мама рассказывала, достаточно много. Я сейчас стараюсь записывать. Вот у меня здесь крыло лебедя, где вееры сделаны (*показывает*). Или чаша вот, потому что меня охраняет. А лебедь – это небесная ипостась хантыйской богини, божественной матери '*Калтась ангки*'. Недавно из Полноватa привезла крыло, оттуда, где я родилась. У племянника увидела, крылья лежат.

– Вот это крыло, дай мне.

– Так они кровяные.

– Я вымою, вычищу.

И я написала рассказ от имени внучки. Почему у моей '*ай ангки*', бабушки по материнской линии, висят крылья лебедя. И на хантыйском я написала, и на русском языке… на одну страницу.

Следующая легенда, значит, Нёмысовых называли, об этом всегда говорили, '*карынг Нёмыс*', '*химынг Нёмыс*'. Такая '*карынг*' кора. Користые, шершавые нёмысы. И '*химынг*', вот эти косточки на спине, которые, '*хин*', с косточками нёмысы.

Я и в родословной написала, что *(поёт)* вот об этих нёмысах пою, рассказываю, в общем, у меня написано. Интересно, почему '*карынг Нёмыс*', '*химынг Нёмыс*'? Приезжаю в Ванзеват, что-то рассказываю, говорю, а потом дошло до меня, что осётр для нас является священной рыбой. Нам его нельзя, с детства знаю, нельзя сырым есть, только варёным, и нельзя женщинам резать. А вот помалосолить и поесть можно – уже слабинку себе дают. Ага, женщины такие, тоже хотят сырым есть. Сейчас уже сырым едим, потому что времена меняются, и потому что уже это далеко ушло …

Задумываюсь, когда сырым ем. В Ванзеват приезжаю, *а-а* (*тянет*) нам нельзя осетра сырым есть. И резать нель-

зя. *А-а* (*тянет*), вот почему вас называют ‘*карынг Нёмыс*’ – они мне…

Вот, после этих утверждений я уже начинаю думать по-настоящему, что это наша родовая рыба. У кого-то налим, у кого-то щука, наверное, у кого-то нельма, потому что говорит ‘*вуш аки*’, уже хантыйское слово, мы одно слово ‘*вуш аки*’. Кто такой ‘*вуш аки*’? А-а, это нельма-мужчина. Кому-то нельма. Т. е. нам ‘*вуш аки*’ является дядей[149]. Аки. Вот интересно, говорю *(смеётся),* мысли вот такие.

Когда мой отец в [19]42-м году вернулся с фронта тяжелобольным и умер через несколько месяцев, его старшие братья меня стали брать иногда на рыбную ловлю. Ну, рыбу дадут, если на берегу окажусь, два муксуна, если хорошо наловили, одного я на пальчик вешаю и иду. И хвосты тянутся по земле. Вот такая я была.

И однажды дядя Петя, ‘*ай Петр акен*’[150], взял меня на плав, плавными сетями ловить рыбу, у нас там хорошо ловили. Съездили мы, поймали осетра, приехали, он и говорит, вот она у нас удачливая. Другим родственникам говорит, в следующий раз вы её тоже возьмите на плав. Вы тоже добудете осетра. В детстве помню, такое рассказывали.

Потом, когда в [19]52-м году я заканчивала семь классов и надо ехать учиться, всё я часто сопоставляю, все едут в командировку, т. е. их направляют, дорогу оплачивают, а меня никто не направляет. А я надумала в Ханты-Мансийск ехать сначала, думала, ну там всего два заведения – педучилище и медучилище. В педучилище 4 года, в медучилище 3 года. Надо ж скорее специальность получить. Наверное, пойду в медучилище. Через какое-то время… Нет, не пойду я в медучилище, я пойду в педучилище. Пусть будет 4 года. А чтобы поехать, нужны деньги. И я на плавных

[149] *‘Вуш ики’* – ‘нельма-мужчина’, *‘вуш аки’* – ‘нельма-дядя’.

[150] *‘Айпетракен’ – ай Петр аки* (*ай* ‘маленький/младший’ + Петр ‘Пётр’ + аки ‘дядя’) < *ай Петр акен* ‘твой младший дядя Пётр’. Речь идёт о Петре Васильевиче Нёмысове.

сетях с кем-то стала рыбачить. Сутками целыми гребёшь, гребёшь с кем-то. Потом сдаёшь рыбу, какая-то деньга.

Это после седьмого класса?

Да. Целые сутки. Моторов-то не было. Значит, проплыли, вынули сети, едешь туда, обратно опять, иногда ветер сильный. Домой приедешь, засыпаешь, тебя вот так качает, как будто целые сутки [не спал]. Ну, вот я устроилась туда ловить. Иногда мне разрешали вытягивать сеть. Я вытягиваю, вытягиваю, и два осетра попадает. Я тяну, тяну, один вильнёт хвостом, они же носом только в сети, и ушёл. Второго я уже тяну, тихонечко-тихонечко, багром… ох! Значит, удача ко мне приходит. Это второй случай.

Но рассказывают, 100 рублей заработала. Поехала учиться, на берег приходим, у меня, оказывается, сахара с собой нет. Побежали в магазин, на 2 рубля купили сахара. 98 остаётся. В Берёзово долго ждали, долго, целую неделю пароход туда до Салехарда ходит, когда вернётся... И у кого-то мы живём, у Маши, у зырянина, Маша Канева она была. Мы у зырян живём, сходим, булку хлеба купим, значит, рыба солёная с собой. Приезжаем сюда, у меня осталось уже 2 рубля. Ой, как я домой поеду, вдруг не поступлю. 2 рубля, кому я теперь… во что бы то ни стало надо поступить. Учились так, наша культура, язык. Рассказывать, трудно рассказывать, пересказывать особенно мне было трудно. Ну, на три, на четыре училась. А тут не поступлю, не сдам вдруг какой-нибудь экзамен. А экзаменов много, прям целая куча – и конституция СССР, и математика, и литература, и русский язык. Я учу, учу, учу, чтобы сдать, а в этом году, когда я поступала, уже подготовительное отделение закрыли. Значит, если я не сдам… До свидания.

Вот это ещё я знала *(вздыхает)*. И от страха я все экзамены сдала на четыре и пять. Говорю, от страха я сдала, а сама, конечно, сидела и зубрила. Литература, я помню «Буревестник» попался: тра-та-та-та-та-та-та!

– Иди!

Я говорю, ну всё, наверное, а я протараторила «Буревестника» этого без этого… Ну вот это связано с осетром …

Воспитывали Вас папа, мама, оба?

Нет, папа в [19]42-м году умер, мне 6 лет было.

Мама, в основном мама, поэтому я нёмысовскую сторону очень плохо знаю. Родню не знаю, потому что мама [не] говорила, если о родне мама не расскажет, то кто расскажет? Поэтому она о своей родне рассказывала, чему-то меня учила, напоминала. И когда я из школы уже прихожу, с ней по-русски разговариваю, она же не может сказать: что ты по-русски говоришь?! Нет, она говорит: русская девочка пришла из школы, по-русски говорит.

Она говорила это с грустью?

С сожалением… Я почувствовала, думаю, ага, с мамой надо говорить на родном языке. Как бы она мне этой репликой подала знак, с тех пор я … У меня сознательное отношение к родному языку.

Воспитание было словесным, деловым?

Деловым. Делай, как я. Что ты спрашиваешь? Что, на бумагу будешь записывать? Ты смотри и слушай, и учись … Вот та школа, которая у нас была родительская, материнская школа, это была отличная школа. Она непосредственная, ты узнавал, вот у Айпина сейчас читаешь «Я слушаю землю»[151]. Он ребёнком захотел с отцом на берег идти. И ему родственники и сёстры говорят:

– Что пойдёт просто так, пузу понесёт. Пусть весло возьмёт и несёт.

И вот он идёт, весло несёт, поставит к дереву и смотрит. Ага, дерево держит весло, значит, оно живое …

[151] «Я слушаю землю» – цикл рассказов Е. Д. Айпина (1983), написанных по воспоминаниям детства. – См.: Сязи В. Л. Образ родного дома/земли в повести «У гаснущего очага» // Вестник угроведения. 2015. № 2 (21). С. 82–87.

Мама мужскую работу делала, раз осталась одна?

Да, дрова заготовляла. Сено ставила, чтоб коровушку держать. Долго жила одна, потом в 46-м или в 47-м вышла замуж за родственника. Тасьманова[152]. Он охотник, он только мужскую работу делает, пойдёт охотиться, рыбачить, а корова и дрова – это её забота.

У Вас были братья и сёстры?

Вот они, два брата (*показывает фотографию*). Третий был братик. Четверо их детей было, девочка умерла, когда я в училище поступила. Один братик утонул, младший из них.

У остальных тоже не сложилась судьба. Их нет уже в живых …

Когда Вы расстались с куклами?

Ну, я, наверное, рано рассталась, потому что школа. И я сама не шила куклы, я вот этим делом не занималась, я только видела, как мама шьёт… Мама шьёт постоянно, только она мне давала вязать чулки или рукавицы, даст мне и говорит, повяжи моё начатое. Я повяжу, когда она берёт снова, продолжает. Смотрит. Распустит… Только скажет: туго очень связала.

Игла у Вас рано в руках оказалась?

Ну вот, наверное, что-то шила. Где-нибудь что-то зашить, какую-нибудь дыру… Платья шить я начала поздно… в 70-е годы …

У Вас был и огород?

Да, конечно. Картошку только садили.

Русские рядом, у нас уже было много русских. Они садили морковку, лук. Картошку, я помню…

А у дяди Пети жена говорила: фу, я не буду эти конские головёшки кушать *(смеётся)*. До этого картошки у нас не было, в 30-е годы начала только появляться.

Русские чем занимались? В совете работали, в торговле работали… коров держали, лошадей держали тоже. Рыбу

[152] Иван Егорович Тасьманов.

ловили. Охотой меньше занимались, наверное. Наши шили им вот эти наши кисы…

Вот карта есть. Значит здесь течёт Обь, здесь Полноватка … А вот здесь Союмка… И вот в глубине они не селились. На берегу сначала. Потом за Союмкой.

Союмка, она хорошо заполнялась водой, и вот, помню, дедушка меня привозит ближе к дому, к Союмке, и там мы развешивали сети, сушили. Мы дальше были от берега. Вдоль берега всякие уже ходили теплоходы, всякие посудины. Неудобно было.

Как мама кормила Вас?

Всё, что, как я, когда мой сын родился, спрашивала у медсестры, чем кормить мне ребёнка, как кашу сварить. Она говорит, что Вы сами кушаете, то и ребёнок *(смеётся)*. Так и… тут.

Конечно, вкусные ножки утиные. Сначала ребёнок, когда не умел жевать, просто сосал их. И самая вкусная часть – желудочек, сердце… разрезали пополам, маме и себе. И у меня в семье так продолжалось *(улыбается)*, это вкусное, давайте разрежем. Надо заботиться и о старших, и о младших, одинаково. Вот.

Коровушка у нас была, молочко у нас было. Молоко надо было продавать… Было кому – калмыков привезли, на рыбозаводе уже целое поселение было. Мне надо было туда ходить с молочком. Это я в школе уже училась.

Молочка немножко, корова много не давала, ну вот так, средненько. Выделяли, чтобы уже на полученные деньги, они же работают, они деньги получают, у мамы трудодни, трудодень стоит 3 рубля. Вот, приходилось.

Значит, мама отправляет меня в магазин пораньше, ей некогда, чтобы я очередь заняла. Она говорит, ты скажи: кто последний? Я запоминаю это, «кто последний», «кто последний» *(смеётся)*. Русский язык так осваивала… Говорили-то по-хантыйски. Мама совсем немного знала. Когда я уже

в школе стала учиться, домой придут кто-нибудь русские, что-то спрашивают, мама меня просит: ты скажи по-русски, а то я не умею. Сама-то она понимала, говорить трудно было.

Одевались Вы как?

В хантэйском. В школе начала учиться, иногда нам из интерната какие-то платьюшки давали. А так всё в своей одежде.

Вспомните школу.

Я пошла в школу уже в 8 лет. До этого брали с 8 лет, а потом стали брать с 7 лет[153]. И мама решила, не отдам с 7 лет. Когда пришли записывать, а я играла, какой-то платок на себя натянула, как будто легла спать. А я ростом высокая, так бы, может, они меня и не заметили. Спрашивают, сколько лет девочке, записывают. Она говорит, лет 6. А мне уже было… Я радуюсь, что меня взяли в 8 лет. Что немножечко здоровье окрепло, лучше стала, наверное, понимать жизнь, вот.

Окрепнуть ребёнок должен, набраться ума-разума. Для этого, конечно, заниматься кое-чем [надо], так как наши мамы занимались. То сделай, другое сделай, так сосчитай, там достань, принеси, свари, вот я ушла, ты свари. Вот там мука, когда закипит, вот так берём муку и ложечкой помешиваем тихонечко …

Воду носила. Мы на конце Союмки жили, а из Союмки нельзя воду пить, она плохая, мы на реку уходили. И надо вёдрами воду уносить. А вёдра появились 10–15 литров, железные, маленьких вёдер нет, так мама сшила мне берестяное ведёрко. Я иду и с берестяными ведёрками, несу на коромыслах. Мама мне жалела мои руки всегда, чтобы я не переутруждалась.

[153] Наркомпрос РСФСР принял соответствующее решение в сентябре 1942 года. – См.: Народное образование в РСФСР / под ред. М. П. Кашина, Е. М. Чехарина. М.: Просвещение, 1970. С. 258.

Если на покосе копны, как подвозить к стогу, две балки туда, самую длинную сторону балок мне отдаст, а сама самую тяжёлую. Моя мама меня берегла.

Расскажите о школьных учителях.

Первая учительница моя была ханты, Проскурякова Ираида Калистратовна[154]. Но я её потом долго не видела, во втором классе нас уже другие учили.

Молодая, высокая. Потом один раз она в педучилище приезжала. Я с ней встречалась, не помню, разговаривала, не разговаривала и больше я её не видела.

А 1 сентября меня сестра привела, втолкнула в класс, где должна сидеть, Ираида Калистратовна спрашивает, сосчитай до десяти … Молчу. Ну, сосчитай по-хантыйски. Я говорю *(считает по-хантыйски)*. Потом помню уроки её, мы буквы изучали. Звуки, буквы русского языка, по букварю. Помню, букву … «д». Она говорит: д – дом, д – дом. Я запомнила, что д – дом. А когда забывала, я сразу вспоминала «дом» и выделяла эту букву.

Во втором классе Валентина Николаевна Смердева учила. Она полноватская, русская, долго там жила и работала.

Потом какое-то время во втором классе нас отдали Софье Андреевне Поповой, а мужа её звали Евдоким. Детей Гена и Владик. Они в русском классе учились, я – в хантыйском.

В третьем классе меня учила жена моего дяди по материнской линии – Рукина, Ульяна Яковлевна. Она ханты была. Из Октябрьского района …

Потом помню учительницу 4-го класса, Ефросинья Петровна. Фамилию уж не помню. Ефросинья Петровна.

[154] В 1946 г. И. К. Проскурякова была награждена медалью «За доблестный труд». – см.: Молодёжь Югры. – URL: http://molod-ugra.ru/index.php/deyatelnost/patriot/proekty/93-kniga-pamyati/oni-kovali-pobedu/dannye-gosudarstvennogo-arkhiva-yugry (дата обращения 1 апреля 2020).

Она очень красиво пела, пела песни такие, про Ленинград, русские песни …

Вы обучались в первом классе на хантыйском языке?

Нет, на русском, у нас хантыйского даже предмета не было[155].

А хантыйский класс отдельно, потому что нам трудно было учить русский язык.

Мне не повезло, я хантыйский, свой, язык в школе не учила. До меня учили и какое-то время после того, как я окончила. А я помню только немецкий язык… Но это уже в 5-м классе …

Сестра моя, она 1940-го года, учила хантыйский. Говорит: ничего не понимала, хотя по-хантыйски говорила. Одни колы ей ставили. Потому что требовали перевода на русский язык. А это очень трудно.

Не совсем ещё владели методикой преподавания, потом диалекты не учитывали – сама Ульяна Яковлевна была среднеобская, а мы казымские.

Помню, писали на каких-то бумагах… книг не было… В 3 классе одна книга для чтения [на всех]. Чтение-то надо читать. И однажды мне эту книгу, моя очередь, что ли, пришла, дали домой, и я её читала, читала, читала, читала. Прихожу в класс, оказывается, я не тот текст читала *(смеётся)*. И вот так я промучилась. А учила нас Ульяна Яковлевна и как-то не всё у неё удавалось. В 4-й класс перевела [меня], я сижу, все учатся, учатся, учатся, а я ничего не понимаю.

[155] На заседании Коллегии Минпроса РССР в 1950 г., рассматривавшей вопрос о народном образовании в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском национальных округах, отмечалось, что «в ненецких, хантыйских, мансийских и селькупских школах и отдельных национальных классах, смешанных по национальному составу учащихся школ, преподавание ведётся, как правило, на русском языке, хотя дети и приходят в школу, не владея русским языком». Участник заседания Д. П. Корж «самым больным вопросом» назвал организацию обучения на родном языке учащихся. – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 558. Л. 6, 38. См. также: Киселев А. Г., Онина С. В. Национальная – нерусская – русская: школа Югры в 40–50-х годах XX века // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 577–587.

В 3-м у неё ничему не научилась. И вот в 4-м меня оставили на второй год.

А вот когда второй год стала учиться, мне всё понятно стало. Я ожила и ждала, когда в 5-й класс пойду учиться. Уже с нетерпением ждала, уже школу полюбила. Мы жили своей жизнью и не хватали звёзд с небес, но… усваивали жизнь.

В 5-м классе немецкий язык появился, так интересно, ой! Вот так по-русски, вот так по-хантыйски … а вот так по-немецки. Учительница … Петровна, Петровна, сейчас уже немножко забыла, помнила всё время. Вот. Зою, Зою Афанасьевну Багишеву помню – географию преподавала. Математику не помню – наверное, всё нормально было. А в 6-м классе помню – Валентина Николаевна Климова. Она математику преподавала, алгебру преподавала, геометрию преподавала… Я сначала алгебру никак не могла понять… никак не могла. Четверть целую не ходила, тройки были, потом уже, когда я поняла эти символы, тогда у меня уже четвёрки пошли. Вот.

Завучем в старших классах был Архангельский Василий Александрович[156], отец Николая Архангельского[157], вот

[156] Василий Алексеевич Архангельский, в разное время директор Полноватской, Казымской, Шурышкарской и Октябрьской школ Ханты-Мансийского округа. – См.: Архангельский Николай Васильевич [Электронный текст] // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Архангельский,_Николай_Васильевич (дата обращения 27 марта 2020). Деятельность В. А. Архангельского не раз освещалась в местной печати. – См.: Савин И. Агитатор В. А. Архангельский // Путь к коммунизму. 1956. 1 апреля; Щепина Г. 38 лет в школе // Путь к коммунизму. 1958. 6 апреля; Щепина Г. Любимый учитель // Ленинская правда. 1958. 5 мая.

[157] Николай Васильевич Архангельский (1921–1945) – военный лётчик, Герой Советского Союза, 14 января 1945 г. повторивший подвиг Николая Гастелло. – См.: Герой Советского Союза Архангельский Николай Васильевич [Электронный текст] // Архивы Югры. – URL: https://arhivugra.admhmao.ru/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-arkhivnykh-dokumentakh/materialy-posvyashchennye-velikoy-otechestvennoy-voyne/geroi-sovetskogo-soyuza/geroy-sovetskogo-soyuza-arkhangelskiy-nikolay-vasilevich/ (дата обращения 27 марта 2020).

этого героя. Вероятно, он до Полноватa работал в Мужах, школу назвали именем Николая Архангельского. Он был высокий, худощавый, мы его очень хорошо запомнили. Директор – Картавенко… Картавенко Анатолий или Анатольевич, Алексей Анатольевич или Анатолий Алексеевич.

Русский язык преподавал Михаил Иванович Воронецкий. В 7-м классе помню… рассказ Салтыкова-Щедрина, как два мужика прокормили … *(смеётся)*. Вышла отвечать и запнулась, и не знаю, кушать хотят ли, есть ли хотят… Сказала.

– Так не говорят.

И до сих пор не знаю, кушать или есть…

Физкультура была интересная, Валентин… Валентин… потом он был… сейчас немножко уже стали забываться. Валентин Иванович. Потом он в Ванзевате работал. Вот так.

Училась ровно, более и менее. Где тройки, где четвёрки немножечко. Не знаю, про двойки не помню *(смеётся)*.

У нас же интернат ещё был, а я деревенская… Там с девочками дружили … пионервожатой была Зоя Ивановна… тоже ханты.

Вы были октябрёнком?

В октябрятах я не была почему-то. А вот в 5-м классе меня в пионеры принимали. Такая торжественная обстановка. Впервые я запомнила, что у меня щёки горели. От волнения, наверное, когда повязывали галстук. Я почему-то в 5-м классе считала себя переростком. С 8-ми лет пошла, да ещё и в 5-м классе.

Помню… ёлку новогоднюю в школе. У нас в лесу был кедрач, ёлок не было близко, и ставили вместо ёлки кедр. И украшали. И даже помню, в каком классе стояла эта ёлка… а что там делали, не помню уже.

Помню случай … Я однажды сидела в классе, где вот эта ёлка была. Сидела за партой почему-то одна. Около до-

ски расписание. На столе лежал букварь, я букварь листаю, первую страницу открыла, форзац. Первый вот титульный лист открыла, смотрю, там, на титульном листе, рисунки всякие, и среди них нарисована тетрадь. И на тетради написано «*тетрадь*» *(тянет)*, я читаю, «*ученика*» *(тянет)*, «*1-го класса*» (*тянет*), «*Нё-му-со-ва Петра*» *(фамилию по слогам)*. Подумала, интересно, почему [моего] дяди имя здесь написано[158]. Это рисунок. А сама мысленно рассуждала, почему интересно? Его имя и здесь в рисунке.

Ну ладно, пошла к доске, подглядываю на расписание, написано «Арифметика», там ещё что-то, наверное, «Ч-тение», ч-тение. Почему неправильно написали… *(смеётся)*. Уже вот меня интересовали эти слова. «Арифметика» нормально написано, «чтение» неправильно написано – у нас в хантыйском языке нет в первом слоге стечения согласных. А нас сильно расспрашивать не учили, говорили, глаза есть, уши есть, слушай, смотри, запоминай. И делай, как мы.

Я до сих пор сильно не спрашиваю … Что расспрашивают всё … прямо расспрашивают, есть такое слово. Что на бумагу напишут ‘*нэпек хоштаӆ*’[159]. Так даже не любили тех, которые сильно… спрашивают. Я вот такая вот выросла, вот я вопросов не задаю, пытаюсь понять со всего окружающего, как люди говорят.

---

[158] Евдокия Андреевна объясняет это так: в середине 30-х годов в округ приезжали исследователи Севера Н. Ф. Прыткова и В. Штейниц, записывавшие в округе легенды, песни, сказки. П. Нёмысов был одним из их информантов. Вероятно, кто-то из них и предложил использовать его имя при оформлении школьных тетрадей для северян.

[159] *Нэпек хоштаӆ* (*нэпек* ‘бумага’ + *хоштаӆ* ‘умеет (он/она)’ > ср.: *нэпек хошты* (*нэпек* ‘бумага’ + *хошты* ‘уметь’), т. е. образованный: умеющий читать, писать: т. е. грамотный.

Вы уже рассказывали, как Вы оказались в Ханты-Мансийске, но давайте один момент уточним. Почему Вы решили продолжать учёбу после окончания семилетки?

Ну, едут учиться и ездили учиться, уже грамотные, я уже слышала.

Поехали учиться, денег нет, вернулись, дальше ехать невозможно, потому что денег нет. Поэтому надо заработать.

Семь классов я закончила, у нас многие кончили, потом многие не уехали, со мной уехал Гришкин Герасим.

Или я должна ехать в Берёзово, 7–8-й, 9-й, 10-й класс учиться, или я должна …

Ну, мама моя говорила, ты бы поехала в Берёзово, я к тебе бы приезжала, там близко, я бы привозила тебе чего-нибудь покушать *(смеётся)*. Я думала-думала, значит, узнали, что в Ханты-Мансийске есть медицинское училище и педагогическое училище. В медицинском учиться 3 года, надо поскорей получить специальность и работать, в педучилище 4 года, *у-у* (*тянет*), долго. Пойду, наверное, в медучилище. Остановилась – в медучилище, потом, наверное, ещё думала-думала, думала, *нет (резко)*! Пойду я в педучилище.

Пусть будет 4 года, но в педучилище пойду. Такое решение пришло. Ну, вот выбрала я, отправила документы, это самое, мне обратно ответ приходит: свидетельство об образовании, пришлите подлинник. А я копию прислала. Слова «копия» я не знаю. А мне кто-то говорил, что подлинник не делайте. А копировать тогда нечем было, я от руки всё переписывала. Я, значит, подумала-подумала и опять отправила копию *(смеётся)*. Снова мне приходит: мы же писали, подлинник отправьте, директор Величко говорит.

Я всё копию, копию. Так значит. Ну и дальше, заявление отправила, письмо получили, где-то адрес взяла, наверное. Потом надо деньги на дорогу.

О том, что кого-то там везли, наборы делали, приезжали, согласовывали, им потом дорогу оплачивали, этого я не знала. Поэтому думала, как я поеду, надо деньги мне на дорогу, вот я работала, плавными сетями ловила рыбу, моторных лодок не было. Целые сутки надо было работать. Вечером уедешь, до следующего вечера… Мне было тогда 16 лет. Сто рублей заработала, всё, теперь могу ехать. Вот.

Собралась… Мне сестра какие-то ботинки нашла, такие вот, как Ваши *(смеётся)*. Я пришла сюда, походила-походила и у меня отвалилась подошва. Больше не в чем ходить.

В педучилище, за 1-й школой, за старым зданием, наша столовая была. Я однажды утром пошла босиком. Не утром, в обед, по-моему. Тепло, тротуары тёплые, август месяц… конец августа, наверное, да. Смотрю, иду, что-то на меня оглядываются, что я босиком. На всех посмотрю, все в обуви. Ну, наверное, потом кто-то из воспитателей заметил, мне какую-то обувь выдали. А платье, платье, по-моему, было уже русское.

У меня есть фотография, где я в 7-м классе в хантыйской одежде вся, и чулки, и белый халат, и стою, и вот так моя голова даже не вошла, я стою среди них [одноклассников] самая высокая. А почему я самая высокая, мамин отец, его так и звали Высокий Ванька, ‘*Карсь Ванька’,* Высокий Ванька[160], так я в него пошла. И у него младшая сестра, мамина, тоже высокая была …

2.

Ваше первое впечатление о Ханты-Мансийске.

Мы приехали, очень долго ехали. Поехали мы с Каневой Машей, она в Полноватe не училась, зырянка полноватская … Мы с ней познакомились, с ней поехали. В Берё-

[160] Карсь Ванька – карщ Ванька ‘карщ ‘высокий’ + Ванька’. Речь идёт об Иване Дмитриевиче Лельхове.

зово где-то остановились у её знакомых, зыряне везде есть, а у меня не было знакомых.

Сюда приехали, она в «в» классе училась, где манси, а я в «а» классе. Ну и так закончили педучилище обе. Приехали, на берегу меня встречает знакомая полноватская женщина. Она в колхозной школе училась. Она меня повела туда, а Маша куда-то к своим знакомым …

Это была, наверное, суббота. В воскресенье я сходила, поискала, где улица Комсомольская, посмотрела, чтобы завтра мне туда пойти. Знать, куда пойти *(смеётся)*. Вот.

Ну и когда мы приехали, осталось от этих ста рублей два рубля. Очень долго в Берёзово ждали, буквально, хлеб, рыба какая-то, наверно, солёная была, чай. Рыбу ели. И это… все думают, как я, я, наверное, рассказывала уже, как я с двумя рублями обратно-то [поеду], если не поступлю. И первый год, это был 1952 год, первый год, когда подготовительное отделение закрылось. Если бы [оно работало], может быть, опустила бы руки, ладно. На подготовительное отделение поступила бы. А тут надо было учиться, надо было готовиться к экзамену. *А экзаменов* (*тянет*)… прямо вот такая длинная куча. Я всё время говорю, от страха я сдала все экзамены, четыре и пять *(смеётся)*. Вот.

Пришла в училище – двухэтажное здание … Нашли директора, прямо к нему в кабинет зашли, вот он мне и говорит: «Я же говорил тебе, писали мы Вам, что надо подлинник отправить». Но не прогнал, талоны дал на питание, определил в общежитие, – иди.

Общежитие – вот сейчас, где первая школа, угол Комсомольской и Энгельса. Вот так, вот здесь Комсомольская, а здесь Энгельса. Ой, нет, Дзержинского. Вот педучилище стоит, и вот так на уголок там общежитие.

Новое в этом, в [19]52-м году его только построили, двухэтажное, а рядом одноэтажное было. Вот нам там определили. Мы первый год спали вдвоём, девочки.

Народу много было. Даже двухэтажное вот новое построили, всё равно мы вдвоём. А на второй год уже большая комната была, 17 человек, но по одному уже спали.

Уборку сами делали в комнатах. Дежурили. Внизу был умывальник – можно было и постирать. Рядом – баня. Раз в неделю, наверное, ходили.

Ну, у нас сразу всё, всю одежду, были такие обжарки, горячий воздух туда запускали, всю одежду, значит… дезинфицировали.

Когда я поехала… я русское платье нашла. А на ноги… сестра нашла какие-то туфли, принесла мне, я одела.

В училище кто-то мог сшить себе платьишко, мы платьишки шили. Такие сарафанчики, с такими лямками широкими. Шили сами. На четвёртом курсе кто-то портнихе заказывал. К выпускному [вечеру] какое-то цветное платье шили уже. На стипендию покупали. Поэтому старались учиться на стипендию. Вот я все годы училась, и не было так, чтобы я стипендию не получала.

Верхняя одежда.

Нам потом кое-какую одежду выдавали, в фуфайках в основном ходили. Чёрных. И только на четвёртом курсе мы сшили свои фуфайки, чтоб поехать работать, салатного цвета, как солдатские.

Ну, правда, я ещё сшила пальто демисезонное, последний год. Не последний, на третьем, наверное [курсе], и весь последний четвёртый курс я ходила в этом демисезонном пальто зимой… Шубки у нас какие-то появлялись с подвязками *(смеётся)*.

Шапок не было, нам платки выдавали... Шали. Валенки так шаркали, что эти места протирались *(смеётся)*.

Столовая.

Наедались. Правда, иногда борщи были жирные. Кто-нибудь скажет: фу, жирный борщ! Я уж и не ем, потому что он жирный. А с другой стороны, я сейчас очень рада, у нас

питание было… систематическое – завтрак – обед – ужин. И это в течение всех девяти лет, училищных и институтских. Это очень хорошо.

С другой стороны, не переедали, иногда, конечно, может быть, и хотели есть. А кто спать хотел, тот мог на завтрак не пойти. Помню, Рая Прасина… мы уже с завтрака пришли, кто-нибудь принесёт ей кусочек.

А в институте, кто на завтраки – там, через Мойку, тоже недалеко – не ходил в воскресенье, например, тому потом в обед булочки давали.

Учёба.

Ну, я мечтала ещё дома, думаю, поеду учиться и буду учить, дома-то некогда, то дрова, то с ребятишками, то воду носить надо. Вот, а там я буду учиться. Я первые два года сидела, зубрила. Рабочая комната была, я туда уйду, в рабочей комнате читаю несколько раз, мне было очень трудно рассказывать пересказывать вот эти [тексты]. А математику и русский язык я как-то [легче осваивала], там меньше говорить надо было.

Проще. А вот пересказывать мне было трудно[161].

Какие предметы в училище нравились больше всего?

Самый хороший предмет – это хантыйский язык *(смеётся)*.

Почему? Потому что я там всё знаю.

Но Вы же знали его как носитель языка, а не как преподаватель.

Русский язык носители тоже изучают, но часто не любят его.

[161] В училище подобные затруднения были типичны, прежде всего, для учащихся, родными языками которых были хантыйский и мансийский. «Национальный состав учащихся не успевает по тем предметам, где нужна связная устная речь, где нужен полный рассказ или пересказ содержания того или другого произведения», – говорил на заседании педсовета 14 ноября 1945 г. Г. Т. Величко. – См.: ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 15. Л. 69 об. В дальнейшем ситуация менялась медленно.

Я к языку так относилась. Некоторые говорили, я знаю, я не буду ходить на хантэйский[162]. А я учила и думала, нам же среднеобской диалект преподавали, не наш. Рассказывают, вот говорят, эти слова запомнить надо. Я думаю, эти слова так же, как у нас, говорят, а вот это отличается, это я запомню. А грамматические особенности сопоставляешь со знанием языка.

Грамматические особенности Вы уже, исходя из своего знания русского языка, сопоставляли?

Русского… Где прилагательное, где существительное, глагол. Спряжение чем отличается, мы уже только особенности выделяли. Вот *(тихо)*. Я бы не сказала, что я любила язык, но занималась с удовольствием. И мама… Я тот раз рассказывала, приду к ней из школы и говорю с ней по-русски, потому что меня учили. А она мне: русская девочка пришла, на русском языке разговаривает.

Я учила, сидела, письма там писала, маме письма пишешь, слёзы текут *(смеётся)*. Скучала. Но так, чтобы сильно, не было, ну.

Мама читала письма сама или ей кто-то читал?

Ей читали.

Вы ей писали по-хантыйски?

Нет, на русском языке… А нам писали [не родители], а кто более грамотный, того просили, ему диктовали, что написать. Писали и там с ошибками, а мне было приятно читать даже с ошибками письма. Потому что от родителей *(улыбается)*. Из дома пришло [письмо]. Целый год ведь, на каникулы не ездили домой.

…

В школе мы учились, мы знали своих хантов, а в педучилище узнали, что есть омские ханты, сургутские ханты, язык у них отличается, ваховские ханты. И из Омска у нас

[162] Более «мягкий» вариант того же настроения: «Тетрадей по родному языку не веду, так как язык знаю». – См.: ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 15. Л. 69 об.

человек 6-ть или 5-ть училось. Вот Клавдия Васильевна Вогулькина, Нина Пычкина, Нагина, Начагина …

Вот они рассказывают о своих, говорим по-хантэйски, друг друга не понимаем, узнали, что у нас есть такие диалекты. Но диалекты ближние мы знали, вот среднеобской, что у них язык отличается. Оказывается, есть ещё дальние такие…

А, в общем, я все предметы шла ровно. Математику, уверенно, хотя не все задачи могла решить. В институт когда пошла, я хотела быть математиком.

Русский язык мне труднее давался. Потому что лексика, подбор таких выразительных средств. Русский язык мы не знали с рождения. Это самое трудное. Литература. Надо было много читать. Мы не так уж много читали. Только необходимое читали. Вот.

История трудно, потому что надо рассказывать, а я с трудом рассказываю. Сейчас я выступаю иногда *(смеётся)*, волнуюсь. Вот.

Немецкий, который в школе нравился, в педучилище не учили.

Преподаватели.

Анна Семёновна химию преподавала. Анна Семёновна, фамилия куда-то ушла. Химию, биологию, ботанику преподавала[163]. Химию я почему-то учила на пять. А сейчас ничего не помню *(смеётся)*. Вот она … Пришкольный участок тут был за педучилищем. Мы туда ходили, там работали. Это самое. Потом физику преподавала Виктория… Виктория… отчество уже забыла[164]. Её свёкор ещё в лаборатории работал. По-моему, свёкор. Тоже такой известный, я не помню его фамилию совершенно. Выветрилось.

[163] Анна Семёновна Пелевина.

[164] Виктория Николаевна Хомылева.

А русский язык преподавала… Епанчинцева… имя исчезло[165].

Преподаватель физкультуры, часто его вспоминаю, Сан Саныч Боголюбов. Тоже его все обожали. *Э-э* (*тянет*). Участник Великой Отечественной войны. Задорный, девушек хлопнет так тихонько, это самое, игриво. Вот. [Такая]… жизнь была.

Потом такая очень хорошая учительница была, все до сих пор помнят её, Виргиния Карловна Эрлих. К нам она только иногда приходила, преподавала. Потом я с ней работала в педучилище. Она меня учила методику русского языка преподавать. Уроки, которые ученики дают, разбирать я на методику к ней ходила, наверно, полсеместра.

– Евдокия Андреевна, когда перестанете ходить? *(смеётся)* Очень сильная учительница была.

Математику преподавала Слинкина, Лидия Фёдоровна[166], она до сих пор жива. Постоянно работала с нами. Ну, там много математики, наверное, алгебры, геометрии.

Ещё любимым математиком был Пётр Демьянович[167]. Ох, шутник такой!

Классным руководителем первым, на первом курсе у нас была П., она и хантэйский язык преподавала. Она ханты из Сургутского района … Молодая, только что закончила Институт народов Севера, вместе с мужем приехала…

Но вот к концу года [она] заболела тяжело. Я всё время думала, что это такое? Мы так её любили. А он тоже [что-то] преподавал и ходил так – танцевальными движениями прямо. Мы их ещё копировали в перерывах и распевали:

Ах, Самара-городок,
Беспокойная я …

[165] Евгения Павловна Епанчинцева.

[166] Лидия Фёдоровна Слинкина – преподаватель математики (1952–1981). – История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 220.

[167] Петр Демьянович Петровец.

И вот она заболела, а у них сын уже был. А он – влюбился в другую преподавательницу, фамилию забыла. Мы весной пошли, написали ей [«другой»] письмо, собрались – наш класс, что Вы не замените сыну маму, что наша классная [руководительница] хорошая женщина, хорошая учительница, и пошли…

Откуда Вы это знали?

Все уже, всё педучилище говорило. Она преподавала-то на всех курсах. Мы написали. А адреса точно не знали, пошли прямо к дому, где они жили, прямо в почтовый ящик. И вот она к нам пришла, к классу: нет, это самое, не будем мы, я не буду, оправдывалась. Мы уехали на лето на каникулы, вернулись, а ни её, ни нашей классной, ни её супруга нет. Больше они у нас не работали.

А нашу классную много позже я увидела на своих курсах повышения квалификации. *Я вся заволновалась (с придыханием)*, что я… учитель мой сидит, а я тут… это самое… преподаю. Что-то разговариваю. Потом ещё немного встречались…

Ну, вот это любовь или нелюбовь? Мы тогда не дружили, ой, мы так… Мы вообще, ханты, не любим словами говорить, что любили того или другого, а вот хотели делом показать. Вот, такие были у нас интересные учителя.

Вот такие у нас преподаватели. Но самый главный преподаватель, отец педучилища, это Величко, Георгий Тарасович. Он заменял нам не доживших до… нашего отрочества наших отцов, потому что была война, наши отцы умерли, погибли братья. Вот, и он это, талоны, одеваться, ну не совсем … мы ещё и со стипендии своей одевались. Ну, чтобы мы не мёрзли, не голодали. Общежитие, питание. Следил за нашей учёбой.

Придёт, наругает:

– Что молчите?! У вас рыбья кровь течёт *(смеётся)*! Холодные такие!

Мы же молчим, нас ругают… Каждый родитель будет ругать. Сейчас одно слово сказали или там шлёпнули, всё. Нельзя меня! А мы так да. Родство принимали. Вот *(тихо)*.

И преподавательницу одну хантыйского языка, она сошлась со студентом колхозной школы, ребёнка ждала, а он окончил учёбу, домой собрался, а её не берёт. Поплакалась Георгию Тарасовичу. Он молодого человека к себе вызвал:

– Отец ты? Почему не женишься? Забирай её с собой!

И вот, семья получилась хорошая.

Вам не приходилось записывать за преподавателями?

Это только в институте.

Почерк я вырабатывала на уроках русского языка. Я же левша… Писать меня сразу научили правой, поэтому у меня почерк был не очень. А вот на уроках русского языка, там же пока объясняют, пока что, я сижу, то, что надо на уроке написать, я аккуратненько вывожу, у нас чистописание было с нажимом. Вот с этим нажимом и выработала я немножко почерк, а в институте я его опять испортила, потому что надо было быстро.

Так что я пишу так. Туда-сюда, не такой красивый почерк, как у Еремей Даниловича [Айпина] *(смеётся)*…

Русский язык или методика преподавания языка, арифметика или методика преподавания арифметики – какие предметы легче давались?

Методику надо усвоить, как ученикам рассказывать. Нас очень хорошо методике учили в педучилище. Так, как в педучилище учили, нигде не учили. Нам всё объясняли, что такое развитие речи, что такое обучение произношению, что такое чёткая речь и т. д.

Когда мы шли на урок, мы готовили план урока. Потом мы писали конспект урока, мы его заучивали. И друг другу рассказывали ещё, прежде чем …

Здесь вот, где мастерская Райшева, там была базовая школа. У меня даже фотография есть. Я там первый свой самостоятельный урок от страха за 20-ть минут провела *(смеётся)*. А потом не знала, что делать. Ну всё-таки вышла из положения, стала повторять… рассказывать …

А когда в институт пришли, мы такие грамотные, мы педагогику знаем, психологию учили уже, хотя это продолжение. Методику мы знаем. По сравнению с десятиклассниками мы вообще специалисты. Знания, данные по методикам и математики, и русского языка, и по остальным предметам для начальных классов, такие вот хорошие были.

Практика.

Сначала мы уроки давали в базовой школе в Ханты-Мансийске. Население здесь было русское. Ни одного ханты в национальной одежде я здесь не видела. И в базовой школе учились русские дети. По хантыйскому языку практика не проводилась. Начали её уже после нас. Ездили в национальные школы и там они преподавали язык[168]. Вот *(тихо)*.

А у нас целая неделя [первой] практики была [посвящена] первому дню ребёнка в школе. В течение недели мы смотрели, как учитель работает с учениками первую неделю, первые дни. Как знакомится, как учит сидеть, отвечать, какие [первые] темы по изучению грамоты, какие уроки по математике. Это интересная практика была.

Потом мы давали, не знаю, в каждом, наверное, классе, по уроку. Все ученики, учащиеся педучилища должны были пройти такую практику, пробные уроки, называются. А потом сплошная практика – это на месяц в школу отправляют.

[168] В докладной инспектора школ Е. А. Кузаковой начальнику отдела педучилищ Минпроса РСФСР от 19 июня 1959 г. читаем: «Педпрактика учащихся педучилища проводится только в русских школах (базовая школа – начальная русская). Для выезда учащихся в национальные районы местные фин. органы денег не дают». – См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 73. Д. 2802. Л. 42.

[Сплошную] практику я проходила… около Цингалов, Черемухово, была деревня, мы там месяц преподавали в начальной школе … С подружкой я была, она в параллельном классе.

Урок один запомнила, учительница меня похвалила. С учениками разговариваю, тема была какая-то близкая к ним, спрашиваю: а у вас есть коровы дома? а у вас собачка есть? И вот это ей очень понравилось, что я так непосредственно разговариваю со своими учениками. Не по учебнику, не по рассказу, который я им читала и спрашивала …

Оттуда мы последние возвращались весной, март месяц, все уже приехали. А распутица [наступила], уже снег рыхлый, и мы едем от деревни к деревне. Приехали в Батово, а там нас оставили, там ищем другую лошадь, запрягают и нас дальше везут. Или ночуем и дальше едем. Я после института уже, [когда] меня проверять практику студентов педучилища направляли – по этой же дороге ехала …

Приехали мы когда с практики, Георгий Тарасович волнуется, что вы так долго? Вот, говорим, там нет лошади, там дорога плохая …

Легче учиться или легче на практике работать?

Учиться так легко… Сиди, слушай, пиши… А работать, это мне кажется сейчас, а работать очень трудно, потому что каждый раз придумываешь что-то новое, чтобы ученики поняли, отвечаешь за их знания. А там за себя отвечаешь. Выучил, получил оценку. Хорошо, пять.

Коллеги некоторые говорили, правда, наоборот. Но я не думаю, чтобы им легче работать было. Они, наверное, не думали о том, как работать лучше, и не думали [о том, какие] знания получат ученики.

Я всегда говорила, учиться легче. А работать, нет. Учишься одной специальности, а приходится быть и директором, и учителем, и воспитателем… А о том, как быть ру-

ководителем, часов было очень мало в педагогическом институте. Поэтому работать, конечно, труднее.

По хантыйскому языку не было учебников[169], по русскому языку в чём-то был не уверен. Потом мы как-то, пока ты хорошо, жёстко не знаешь предмет, мы, коренные, не высказываемся. Мы сначала думаем, если ты уверен, ты уже «алё» кричишь, а если ты не уверен, то будешь сидеть и думать, а вдруг ошибаюсь.

Если честно, как быть, не знаю. Или мы будем решать проблему – должны быть активными. А начнёшь активничать, тебя, это самое, одёрнут. Или не то сказала, или не так предложила. В общем, всю жизнь трудно. Не знаю, кому-то, может, легко.

А практика – это великая вещь! Поэтому в институт мы уже почти готовые учителя поступили.

…

Учились не только в училище, на практике, но и в общежитии. Вышивали, учились вышивать. В комнате сидим все, вышиваем крестиком, гладью, вяжем крючком, вот у меня уроки тех лет.

Учились этому – остального у нас не было, никто нам не преподавал, не говорил, что у нас что-то своё, а своего материала у нас не было, я не шила и не вязала.

Комсомольская жизнь.

В педучилище где-то комсоргом была. На первом курсе уже в феврале меня приняли в комсомол. А до этого, кто комсомольцы, они оставались на собрания, а мы должны были домой уйти. И нас почему-то таких мало было.

А мне так интересно. А что они, о чём они там говорят, что они там делают. Почему я не комсомолка? Меня не приняли в комсомол. И вот в феврале меня приняли. И когда я пошла получать комсомольский билет, а это было… Гор-

[169] Онина С. В., Киселев А. Г., Дука Н. А. Хантыйский язык в Ханты-Мансийском национальном педагогическом училище, 1945–1950 годы // Вестник угроведения. 2020. № 2. С. 383–384.

ком комсомола или что, райком комсомола, как назывался, не помню. Самарово, на улице Свободы, в старом… здании администрации было. Вот я туда пришла, подхожу – флаги приспущенные… Сижу. А это 5-е марта было, день смерти Сталина, [19]53-й год. Вот там я узнала, что умер Сталин. Мне выдали комсомольский билет, он у меня дома. А пришли в педучилище, уже во второй половине дня был митинг. Все плакали, что ушёл, вот это самое. Все, все перипетии его не знали, человек умер… Ну а потом школьная жизнь, где-то и комсоргом была. Ну не сильно активно, какие-то дела мы делали… в соревнованиях участвовали, в спортивных.

Лыжные соревнования, помню, были. И стометровку надо было. Остальное, наверное, надо… Через брусья прыгали, через коня. Не прыгали, а упражнения делали. Лыжные, где вот этот «Октябрь» стоит, сейчас Музей Природы и Человека стоит, там деревья были чуть выше нас ростом… Там лыжня прокладывалась, шла по этой стороне Мира, потом заворачивала и где-то возвращалась. Мы бежали 3 километра, кто не мог – по дороге сходились, там прятались, сидели *(смеётся)*.

Когда мы появлялись... часто этот известный безрукий спортсмен[170] бегал.

…

В общем, комсомольской так яркой жизни у меня не было, потому что, наверное, другими делами занималась. В институте я больше старостой была. Вот.

Потом мы ездили, мы ездили ещё картошку убирать в деревне. Дважды – на 3-м и на 4-м курсе. На третьем курсе

[170] Виктор Яковлевич Башмаков (1924–2018) – ветеран Великой Отечественной войны, народный судья, заведующий отдела культуры, председатель районного Комитета культуры, член Ханты-Мансийского окружного суда, активный пропагандист физкультуры и спорта. – См.: Подвиг народа [Электронный портал]. – URL: http://podvignaroda.ru/?#id=25850104&tab=navDetailManAward (дата обращения 28 марта 2020).

мы в Сытомино ездили, и с нами был Владимир Тимофеевич Павлов. Он был красивый, недавно закончил педучилище. Это самое, мы его любили. Он музыку преподавал, он у нас ничего не преподавал, но у нас отношение такое уважительное было. Однажды с картошки на обед придём, пообедали, полежали. А он уснул… *потихонечку… (шёпотом)*… все ушли, его оставили *(смеётся)*.

– Что это вы меня не разбудили?

Он музыкант, хорошо играл на мандолине.

А на 4-м курсе мы новое здание [педучилища] строили. Только фундамент чтобы построить, надо было много земли вывезти. И мы носилками вытаскивали землю. У меня фотография была даже, я потом музею отдавала. А музей что-то… Наверное, где-то в архиве лежит. А когда через 5 лет я приехала, уже здание было, я там работала. Такое здание… Оно напоминало Ленинград, такое настоящее здание, большое. Остальные все деревяшки были.

Каникулы.

Каждый год ездила… И из Ханты-Мансийска, и позднее из Ленинграда.

А некоторые не ездили.

Кто летом не мог домой ехать – у них специальный был лагерь в Вырице. Я так эту Вырицу и не видела. Вот всегда в Вырице лагерь для северян был. Летний. Ну, там, наверное, они тоже чем-то занимались, на произвол судьбы не бросали.

Не ездила [домой] Рая Прасина. Мы с ней в педучилище учились 4 года, потом в Ленинграде 5 лет – 9 лет. Она из Корликов, очень далеко. До Нижневартовска доедешь, а там кто её будет кормить? И она всё время оставалась. Она ваховская ханты, хорошо знала язык… 9 лет не ездила. С мамой не встречалась. Как-то мне, это самое, не по себе …

Мне тут недавно Евдокия Александровна Ерныхова (Белявская) рассказывает: я не ездила домой. Я говорю: ты

что… я в Полновате, она в Казыме, Казым и Полноват недалеко друг от друга. Я говорю: ты почему не ездила?

– Денег не было.

– Как денег не было, когда мы учились, мы стипендию копили и ехали домой.

А дома я опять работала, опять плавала [неводила], чтобы вернуться.

Я боялась, я уже знала до поездки в педучилище, что многие девочки, многие, кто уезжал, обратно не поехали учиться, потому что у них денег не было. Эта задача передо мной стояла. Первая.

А вторая задача. Когда я педучилище закончила… потом институт… у меня ещё одна задача была… Как бы… справиться с работой. Работает-работает учителем, и вдруг… убирают с учительского места. Значит, не справился. Это мне было очень страшно.

И третье. Мы очень же пили. Как бы не спиться. Потому что иногда сидишь, выпьешь вот 2–3 рюмки, уже чувствуешь себя так вот… Всё, надо останавливаться.

У Вас эта мысль о том, что надо останавливаться, когда в первый раз появилась?

Это, наверное… после института. Когда стали эти компании, праздники отмечать… среди учителей, ну иногда побольше попадало, или в гости пошёл. А у меня родственники, приедешь к ним: на! пей! чего не пьёшь?! Мы тебя сейчас выгоним, сёстры говорят.

– Ну, выгоняйте, я всё равно к вам приду *(смеётся)*. Выгоните… я не буду всё равно пить.

В училище? Нет… У одной сокурсницы нашей родители приехали сюда. А мы к ним постоянно ходили. И вот однажды мы там… бражку пили.

А второй раз мы у Галины Начагиной, она познакомилась с парнями, и мы к ним стали ходить. Вот эти два раза я помню.

Разновозрастные учащиеся были?

Примерно одного, год, два, три [разницы], может быть.

Девушки стригли волосы?

Стригли… и косы носили.

Кто-нибудь из девочек косметикой пользовался?

Да… «Снежинка» – крем. Я как-то намазала, ну для жирной кожи, оказывается, всё стянуло, с тех пор я вообще ни в педучилище, ни в институте не мазалась, до 30 лет не пользовалась. Губная помада? Девчонки не сильно красились. Помады особой не было. Чем-то мы… карандашом, что ли, ногти красили.

Танцы.

На танцы ходили, девчонки ходили и в другие училища. Я только на 4-м курсе однажды заходила. Школа юнг. А так у себя танцевали … Ну, вот Аренхов дружил с нашей Софьей Кечумовой, беленькой. А, это самое, отношения… ну, как всегда, были. Я вот только это помню… Мальчиков у нас мало было. Ну, они там куда-то ходили. Сюда, куда-то в Самарово, клуб речников, вот где я теперь живу, там клуб речников был. Я сильно не ходила…

[Девчонки] гуляли, прогуливались с мальчишками, свои приезжали, ребята учились в колхозной школе, в разных школах… Парни деревенские писали в педучилище письма с армии. Так что видно было, где красивый почерк…

А своих ребят в училище провожали в армию?

Нет *(тихо)*. Некоторые парни исчезали… Наверное, не стали учиться.

…

Танцы потом в этом саду … Победы[171]. Я там ни разу не танцевала.

Девчонки, случалось, опаздывали [вечером], у нас сторож была – мама нашей Ангелины Коневой, так та не пускала их, если они опаздывали. Они договаривались. Журила

[171] Тогда сад имени Пушкина.

ли, рассказывала ли кому-то, я то не видела. Всё, я уже спала, никуда не ходила. Не знаю, почему, меня не тянуло. Танцевать не умела, разговаривать, наверное, тоже не умела.

Семейных пар у вас не сложилось?

Среди учащихся нет. Одна у нас на 4-м курсе с кем-то познакомилась, замуж вышла. Замуж … – удивительно было! Удивительно, что замуж вышла на 4-м курсе!

3.

Вы окончили курс педучилища, а дальше что?

Отправили меня на работу. Я [по направлению] приехала в Берёзово, сходили в районо, нам сказали, езжайте домой до 15 августа, мы потом вам сообщим, где вы будете работать. Итак, вот в неведении отдыхаем до 15 августа, и мне в это лето приходит письмо от Георгия Тарасовича Величко, не письмо, а телеграмма, приезжайте, мы вас оформляем учиться в Ленинград, герценовский институт.

Мы [ещё в училище] подавали заявление поехать на учёбу, но выбрали одну сироту – Пакину Ренату и Раису Фёдоровну Прасину, о которой я уже говорила. Она из ваховских, ваховский диалект знает. У ваховского диалекта до сих пор проблемы, очень мало людей, которые бы знали письменный ваховский и изучали бы [его], и вот она одна из первых была[172]. Ну, двоих выбрали, остальные с мест со стажем работы. Но чьё-то место освободилось, какой-то парень недостойно себя повёл, и его отстранили, и вот на это место сразу вызывает [меня] Георгий Тарасович. Я приехала … И вот, направились в Ленинград. 8-го августа мы уже были там.

[172] В 30–50-е гг. ваховский диалект был менее других изучен, не обеспечен учебной литературой, не разработана была методика преподавания. – См.: Ишбаев М. М. Выход в свет: становление национальной школы в Ларьякском районе. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского пед. ин-та, 1998. С. 27–33.

Раньше Вам приходилось уезжать так далеко?

Я ездила только до Свердловска в [19]50-м году со школой на экскурсию, а туда я впервые. И мы едем в поезде, лежим на верхней полке, и нас спрашивают:

– Вы, девочка, откуда? Я говорю: из Ханты-Мансийска.

– Что, из Сан-Франциско?!

– Нет, с Тюменской области.

И больше мы Ханты-Мансийск не произносили, потому что никто не знал. Приехали, пока здоровье там наше проверяли, и начали учиться. Ну, правда, я попала в больницу, раз здоровье у меня проверили, я до 5-го ноября пролежала в больнице. Если бы я ещё дольше пролежала, то меня бы обратно отправили, такая судьба. А я, значит, полсеместра пролежала в больнице, ноябрь, декабрь я училась, осваивала, а в январе сессия. Ой, как я переживала, как я что-то старалась выучить, но сдала, два предмета было на хорошо и [два] – на удовлетворительно. Это даже лучше тех, кто постоянно учился.

Так начала. А у меня заведующий был Никулин, Гавриил Никандрович, говорил: если бы ещё дольше пролежала, мы бы тебя обратно отправили. Ну, я хотела на математический. Предметы в среднем все давались на удовлетворительно и хорошо, а не было любимого. Русский язык, конечно, трудный был, математика тоже трудная. Трудный предмет. А мне говорят, ну раз я полсеместра уже не училась, на математическом факультете трудно будет, давай, ты хорошо язык знаешь, поступай на филологический. Так мне определили судьбу моего родного языка и лингвистическое образование, филологическое, я получила.

А о Ленинграде мы мечтали ещё с начальных классов. Это учительница пела песню, ой, сейчас не вспомню, такую песню, связанную с войной … Нам много рассказывали, и в педагогическом училище рассказывали, что это такой

город, город революции. В общем, многое мы знали. У нас такие впечатления о городе были, приехали мы туда, город чёрный, здания чёрные, тёмные. Это был 1956 год. Послевоенный. Только 10 лет прошло. И только стали восстанавливать к 250-летию Ленинграда[173]. Невский причесали, пригладили, покрасили, и он стал преобразовываться. Преподаватели ходили в таких костюмчиках, пиджачок, юбочка. – У нас [в Ханты-Мансийске] преподаватели-женщины намного лучше одевались.

Мы смотрим и думаем, бедненькие. Но зато народ такой гостеприимный, каждый тебе, если спросишь, куда пройти, объяснит. Такой чистый, всё всегда убирали, дороги, улицы чистились, снег увозили. Мы не понимали, зачем снег собирать в машины и куда-то увозить. Я маме пишу домой письмо, мне надо что-то ей сообщать, я и пишу, что снег выпадет, машина соберёт и увозит куда-то.

Нас кормили, кое-что давали из одежды, старались и получали стипендию. Уже стипендия на расходы, на дополнительную одежду какую-то, мы уже такие обеспеченные. Питание у нас 3 раза в день. Очень хорошо. Поэтому это очень-очень помогло нам выжить. Там же приезжают люди, многие заболевают туберкулёзом. Климат влажный, северяне не выдерживают и многие возвращаются. Так вернулась Мария Кузьминична, заболела. Потом она заочно заканчивала. И меня на подозрении держали очень долго. Два с половиной, наверное, года. Постоянно давали лекарство, постоянно проверяли. Ну, мне помогло то, что я попала в больницу и два с половиной месяца пролежала, и мне хорошо укрепили моё здоровье. Я думаю, что это помогло. Если бы не попала я в больницу, мне бы, наверное, трудно было бы. Вот. За здоровьем следили, питание нормальное было, одевали. Нам оставалось только посещать лекции. У нас лекции были с 10-ти утра до 4-х. Ну, мы высыпались.

[173] То есть к 1953 году.

А у математиков с 8-ми до 2-х. Им, конечно, труднее к восьми вставать, многие пропускали первые часы.

Жили мы через Невский… сейчас Большая Конюшенная[174]. Переходили Невский – на Мойку. И в институт пешком. Потом нас перевели дальше. Мы изучили всё вокруг, в центре жили, и любимое Марсово поле, и Пушкинский сад … И Дворцовую площадь, и Набережную Невы, гуляли, знакомились, и Эрмитаж.

И первый раз, когда вышла из больницы, экскурсии в Эрмитаж, я скорее со своей группой побежала, и в Эрмитаже я встретила Светлану Пантелеймоновну Чейметову. Я её схватила: Света, ты?! Она из Полновата, оказывается, в нашей группе учится. Вот такие интересные… красивые, конечно.

Посещали лекции замечательные. У нас русский язык практический курс был. Постоянно мы писали диктанты, грамотность повышали, ну я была среди таких хорошистов. Крепкая по русскому языку. Не отличница, а хорошистка, писала диктант более или менее нормально. Учили, учили, учили. Языкознание, старославянский изучали. Старославянский труднее давался, языкознание, надо было в науку углубляться, я так сильно и не углубилась в языкознание. Виталий Иванович Кодухов[175] нам преподавал, потом он в аспирантуре со мной занимался по языкознанию.

Так что у нас были замечательные преподаватели. Они как-то по-человечески, по-доброму к нам относились, старались, скажем, поработать.

[174] В советские годы улица Андрея Желябова. – См.: Большая Конюшенная улица (Санкт-Петербург) // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Большая_Конюшенная_улица_(Санкт-Петербург) (дата обращения 8 апреля 2020).

[175] Известный отечественный языковед, доктор филологических наук, профессор Виталий Иванович Кодухов, четверть века работавший в ЛГПИ (РГПУ) им. А. И. Герцена. – См.: Куликова И. С., Салмина Д. В. Виталий Иванович Кодухов // UNIVERSUM: Вестник Герценовского Университета. 2009. С. 49–52. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vitaliy-ivanovich-koduhov-k-90-letiyu-so-dnya-rozhdeniya/viewer (дата обращения 8 апреля 2020).

Русский и литература. Литература, вроде, это самое, надо было много-много-много читать. Я больше боялась литературы, чем русского языка, ну, правда, в государственных экзаменах русский я удовлетворительно сдала, так это самое… а литературу не знаю. Не помню. Печально мне было, что я не получила хорошую оценку.

Изучали все предметы. Первый курс, первый-второй курс у нас общее – общеобразовательные предметы, мы слушали большим потоком, большой аудиторией, занимались в публичной библиотеке в главном корпусе.

Всё у нас было под рукой, только учись, ходи. Так потихонечку приобщались к русской культуре, может, чуть-чуть [к] мировой культуре, осваивали, зарубежную литературу читали.

Ну и ещё тогда первые писатели наши стали появляться в институте, это Юван Шесталов[176] учился в это время, появился Микуль Шульгин[177], Прокопий Салтыков[178].

---

[176] Юван Николаевич Шесталов (1937–2011) – мансийский поэт и общественный деятель. – См.: Шесталов Юван Николаевич [Электронный ресурс] // Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. Литературная карта Югры. – URL: https://map.ouipiir.ru/writers/yuvan-nikolaevich-shestalov/ (дата обращения 2 апреля 2020); Мешков Ю. А. Шесталов Юван Николаевич // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 3. С. 328.

[177] Микуль (Иван) Иванович Шульгин (1940–2007) – известный хантыйский поэт, собиратель фольклора. – См.: Лагунова О. К., Нёмысова Е. А. Шульгин Микуль (Иван) Иванович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 3. С. 334; Шульгин Микуль Иванович // Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. Литературная карта Югры. – URL: https://map.ouipiir.ru/writers/shulgin-mikul-ivanovich/ (дата обращения 1 апреля 2020).

[178] Прокопий Ермолаевич Салтыков (1934–1994) – известный хантыйский поэт, корреспондент, редактор, ведущий радиопередач на хантыйском языке в Ямало-Ненецком автономном округе // Хорей. Литературная карта Ямала. – URL: http://lit89.ru/persona/index2.php?ELEMENT_ID=1487 (дата обращения 28 марта 2020).

Помню, мы пошли в ресторан «Кавказский» на Невском[179], рядом с нашим общежитием. Прокопий Салтыков читал на хантыйском языке «Лебеди», и на русском языке, я как на хантыйском услышала, так хорошо, близко, а на русском языке не то, не так перевели. Вот такие уже радовались.

Выступали они в театрах, со сцены каждый выступает, каждому многое хочется сказать. Литераторы, они словоохотливые, любят стихи свои прочитать. И каждый сам за кулисами стоит, чуть не за хвост тянут их со сцены, чтобы следующему выступить.

Было «Северное сияние», ансамбль, и до сих пор есть. Работала [с ним] Татьяна Фёдоровна Петрова-Бытова[180]. Туда немножко ходили. Значит, у меня не всё получалось тогда и с движениями, и с песнями, потому что я не песенный человек, может быть. Ну, выступала с ними. Помню, в 1961 году в марте месяце был первый съезд писателей-северян. И мы на сцене дома литераторов им. Маяковского выступали в «Северном сиянии». У меня этот хантыйский халат был с собой, красный, я его одевала, и сверху платок этот самый, мои Иосиф Салтыков и Дарья Покачёва… они в стилизованных халатах, мы после концерта пошли, сфотографировались. В ансамбле я не очень регулярно, но занималась немножечко.

Ещё занималась гимнастикой. Ой, как хорошо гимнастикой заниматься, весь подтянешься, но и любовь там была, все проблемы любви забываешь, все проблемы учёбы, я по второму разряду гимнастикой занималась. И вот тут у нас нивх Люда, Лида Садюль, она по мастерам занималась. Худенькая, маленькая такая. У нас ещё, мы уже око-

[179] По определению современного питерского блогера, «одно из «культовых» ленинградских мест». – URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5d976e4efbe6e700b099e9a6/glavnye-leningradskie-zavedeniia-nevskogo-prospekta-5daaa8bb7cccba00adeac829 (дата обращения 28 марта 2020).

[180] Бурцева Р. Х. Татьяна Фёдоровна Петрова-Бытова как теоретик и практик северного танца // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (3). С. 79–83.

стенели немножечко, ну мне было очень трудно на кольцах. Однажды я с колец упала, меня тренер схватила снова, чтобы я страх не испытывала. А почему, потому что у меня ещё расположенность к этой болезни была… руки очень слабые.

Насыщенная жизнь была.

Девушки замуж не вышли… во время учёбы?

Вышли. Между собой женились. Салтыков женился на ненке с Ямало-Ненецкого округа, она до сих пор работает, дети у неё выросли, ну, правда, недолго прожил, умер. Я с ними встречалась, девчонки его, дочери, работают учителями в Лемпинской школе.

Была у меня любовь, но он был женат уже, я переживала из-за этого. В конце концов, сказала, что нет: ты должен жить с семьёй. Он: ты такая правильная! Любовь свою не защитила.

А я всё время буду, если что-то он будет делать, я его буду всё время упрекать, что у тебя дети есть, иди туда …

Никто не пытался остаться в Ленинграде?

Оставались. Люда Филиппова, она была коми из Салехарда, она замуж вышла и осталась. Светлана Павловна (Пантелеймоновна) Чейметова, вышла…

На нас сильно никто не смотрел, мы только об учёбе думали. Выходили замуж за чукчан, уезжали туда, я знала Чейметову Марию, которая вышла за чукчу и там она заслуженным учителем стала, всё. За Григория Ходжера вышла наша ханты … сейчас забыла имя её …

Некоторые наши выходили, например, за эвенков, Тамара Васильевна Диадорова. Диадоров эвенк, а она уехала с ним туда, пожила – там такие горы, а она на горы смотреть не может, ей нужен простор, обские наши низменные места, и вот она привезла его сюда …

Так что по-разному было, кто куда уезжал, кто на север, кто на юг. Меня тянуло к своим. Со мной после первого курса, 1-го мая, хотел познакомиться один парнишка

эскимос. Студент. После вечера какого-то подаёт мне пальто, чтобы одеть, всё это он уже с этикетом европейским. Я схватила, одела сама, но он ко мне долго ходил. Я: не надо мне. Я из-за этого этикета его невзлюбила, хотя я понимала, что это по-европейски.

Вот такие моменты были в студенческой жизни. У нас танцы всегда были, мы все праздники танцевали, на баяне играли наши же студенты, красивые песни, и мы там танцевали вальс, фокстрот, польку (польку ещё в школе), танцевали молдовеняску, венгерку (эти ещё в училище), медленный танец называется. Мы там танцевали.

И вот Рая Прасина влюбилась с Ненецкого округа в ненца, забыла, как его звать, он так играл хорошо. Танцевали они, такие парни, это самое, притопы, как они, эти танцы, назывались?

Такие красивые танцы! … Любовались …

Приглашали юноши девушек или девушки юношей?

Юношей у нас было мало… Мы друг с другом девчонки танцевали, иногда парни приглашали, иногда мы белый танец объявляли, сами приглашали. Я была скромная, мне было стыдно приглашать.

Одевались специально на такие вечера?

Да, у нас специального ничего не было, но чтобы было аккуратненько. В педучилище мы ходили в синих кедах. В Ленинграде – в белых. Туфельки какие-то появились. Придёшь в магазин, смотришь, туфли стоят 42 рубля. Смеёмся, два рубля есть, сорока нету. Что-то [носили праздничное], что-то было повседневным, лишней одежды у нас не было.

В Ленинграде у всех студенток были короткие причёски?

Были и косы. У меня кожное заболевание было, поэтому я 1-й курс ходила в косыночке. У меня здесь всё выле-

чили, каждый волосок выдергали на голове и боялись, вырастут – не вырастут. К 1-му мая волосики появились хорошие, и я сняла косынку… Ну, дальше, больше, чем до плеч, у меня [волос] не было. В детстве, в школе, в педучилище мы остригали, чтобы не появлялись какие-нибудь насекомые.

В Ленинграде у Лиды Садюль, которая занималась гимнастикой по мастерам, длинные волосы были.

Мода. Модничание.

Ну, были модницы у нас, конечно, девчонки сами шили, заказывали, кто побогаче, тот это сам доставал. Шили сами всё на руках. Машинки появились, мы на машинках строчили, старались. Ну, если по одежде смотреть, то, может быть, что-то увидим (*смотрит на фотографию группы*).

Старались, вся группа. Вот это Лида Садюль. Вахрушева Лида, когда же она замуж вышла? Вот воротнички сами делали, где-то находили. Видите, украшения какие у преподавателей. Эта ненецкий язык преподавала, это Мария, которая русский язык практически нам осваивала. Какие-то свитерки покупали, которые могли… В педучилище мы больше шили. В Ленинграде больше уже находили. Стипендия была 130, в [19]60-м году стала 130 рублей. В те годы старалась на стипендию учиться. Тоже стимул.

Стипендию, как и в педучилище, платили всем успевающим.

В общежитии ЛГПИ воспитатели были?

Были. И медсестра была.

Помню, дежурства распределяли – освобождали на этот день от учёбы. Мы должны были уборку большую делать. Большая уборка каждый день.

Так случилось однажды, Юлия Николаевна Русская[181] пришла к нам на занятия, а я как раз на таком дежурстве была. А она: Нёмысова Евдокия – она из Полновата. Мне передали, откуда она знает? Она, оказывается, в Полноватe директором была. Она преподавала сколько-то здесь, потом в Мулигорте, она же с заданием поехала, изучить хантыйский язык, поэтому она то появлялась, то исчезала. В книге Павла Животикова она редактор, но она делала там очень много, она могла быть соавтором[182]. По ней учились в [19]40-е, 50-е, 60-е, 70-е годы. Только в [19]88-м году мой учебник вышел в педучилище. Хорошая книга, больше не было. Среднеобской… через него мы осваивали другие диалекты, сопоставляли, говорили, что у нас так.

Комсомол в ЛГПИ.

Ну, мы были комсомольцами, я была старостой, у нас комсорги были, профорги были. Вот, комсорг, профорг, староста, ещё кто-то, четыре угла какие-то. Вот, это там фотография есть у меня. Мы когда заканчивали институт, то специально ходили, фотографировались, чтобы нашу общественную деятельность показать. Вот комсомольское собрание, мы ездили на картошку в Тихвинский район, а на 1-м курсе всех отправили на целину. Меня не отправили из-за здоровья, из-за того, что у меня подозревали. И позже в Ленинграде, в Удельном, мы перебирали картошку. Вот это самые такие большие комсомольские мероприятия.

[181] Юлия Николаевна Русская (1917–1986) – известный деятель национальной школы народов Крайнего Севера, автор, редактор ряда учебных изданий по хантыйскому и мансийскому языкам. – См.: Юлия Николаевна Русская / Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. – URL: https://ouipiir.ru/%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B/%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D1%8E-%D0%BD (дата обращения 28 марта 2020).

[182] Речь идёт об учебном пособии: Животиков П. К. Очерк грамматики хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 1942.

Какие-то большие события периода Вашей учёбы в Ленинграде помните?

…

[19]57-й год. Мы на берегу стояли, где-то услышали, по радио: спутник! А в [19]61-м году я помню, Гагарин летал …

Я сижу в библиотеке, корплю, читаю, пишу что-то. Люди туда-сюда бегают-бегают, мне говорят: ещё не прилетел. Кто не прилетел? Я выхожу из библиотеки, мне говорят: космонавт полетел! А вечером – демонстрация на Дворцовой площади, все мы туда. Один плакат я запомнила, написано: «Ух ты!».

А из библиотеки вышла, через Невский перешла, прихожу в общежитие, а там все к телевизору прилипли. И вот тогда мне говорят: ещё не прилетел. Кто не прилетел, куда не прилетел? Ну и там я узнала, телевизор один в комнате был, и там все сидим, сидели, смотрели. Гагарин был, герой наш! Я его не видела.

Хрущёва видела позже. Он ехал с Фиделем Кастро[183], где наш 5-й корпус заканчивается. Здесь Невский проспект, а там Дзержинского, улица Дзержинского. Сейчас она, не помню, как она сейчас называется. И вот на том углу мы стояли, и они проехали на машине открытой. Хрущёв такой маленький, а он с той стороны такой громадный, Фидель Кастро. В общем, да, следили за событиями. Куба. Так. Больше учёбе уделяли. Ездили за город.

Институт Вы закончили в 1961 году. Что потом?

Направление пришло в Нижненарыкарскую школу, я туда все свои книги отправила, поехала через Ханты-Мансийск, ну не смогла не зайти в педучилище. Зашла к Георгию Тарасовичу, я говорю, здравствуйте, всё. Он меня стал уговаривать, чтобы я осталась в педучилище. О-о! Страшно, со своими преподавателями работать, не знаю.

[183] Фидель Кастро приезжал в СССР в 1963 году. Евдокия Андреевна в это время училась в аспирантуре при ЛГПИ им. А. И. Герцена.

– Ну что ты волнуешься, уже 15-ть выпускников работает … И я согласилась. Год проработала.

Преподавала русский и родной.

В училище тогда было три преподавателя хантыйского языка: я, Георгий Иванович Лазарев[184] и Алексей Михайлович Сенгепов[185]. Каждый в своей группе преподавал русский и хантыйский язык, среднеобской диалект.

Год проработала, поехала в Сочи через Ленинград. Конечно, туда тянет. Такой город. Замечательный. Устроились в нашем общежитие безо всякого. Встретились с преподавателями, и меня уговаривают поступать в аспирантуру.

Я съездила, отдохнула, приехала, Георгию Тарасовичу говорю: меня приглашают в аспирантуру. Но что, говорит, делать, преподаватели есть, поэтому если я сейчас скажу нет, ты меня всю жизнь будешь проклинать. Конечно, я скажу да. Вот так я собралась и поехала в аспирантуру учиться. Это был уже 1962-й год …

[184] Георгий Иванович Лазарев (1932–1992) – известный деятель народного образования Ханты-Мансийского автономного округа, выпускник (1954) и преподаватель Ханты-Мансийского национального педагогического училища (1959–1962). – См.: Мазуров Б. Ф. Лазарев Георгий Иванович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 2. С. 106; Волдина А. Он был душой коллектива // Обские дали. Сборник очерков и рассказов. Вып. 1 / ред.-сост. Г. И. Макарова. Пгт. Октябрьское, 2007. С. 102–104; История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 222.

[185] Алексей Михайлович Сенгепов (1932–2004) – известный хантыйский поэт, деятель народного образования Ханты-Мансийского автономного округа, преподаватель Ханты-Мансийского национального педагогического училища (1957–1967). – См.: Пуртова Т. В. Сенгепов Алексей Михайлович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 3. С 94; История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 222; Сенгепов Алексей Михайлович // Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. Литературная карта Югры. – URL: https://map.ouipiir.ru/writers/sengepov-aleksey-mikhaylovich/ (дата обращения 9 апреля 2020).

Руфина Михайловна Новопашина (Алычева)

Руфина Михайловна Новопашина (Алычева) родилась в Берёзово 1 января 1937 г. в семье служащих. Отец – ханты, Михаил Георгиевич Алычев, был председателем сельсовета, мать – русская, Пантафлюк Евдокия Яковлевна (1917 г. рожд.), банковский работник.

В 1941 г. отец Руфины Михайловны умер. Руфину, её старшую сестру Маргариту и брата Валентина воспитывала мать.

В 1943 г., когда семья проживала в Берёзово, Руфина Михайловна пошла в школу. В 1945 г., в связи с переездом в Ханты-Мансийск, куда по службе перевели её мать, она продолжила обучение в Ханты-Мансийской средней школе № 1.

В 1950 г., после окончания 6 класса, Руфина Михайловна поступила в Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище, курс которого завершила в 1955 г. В 1960–1961 гг. училась на курсах повышения квалификации в педагогическом институте им. Герцена в г. Ленинграде.

Всю «взрослую» жизнь Руфина Михайловна проработала учителем начальных классов: вначале в школе пос. Горный Ханты-Мансийского района, с 1963 по 1980 г. в п. Луговской Ханты-Мансийского района, а затем в Ханты-Мансийской средней школе № 3.

За добросовестный труд, общественную работу награждена медалью «Ветеран труда», многочисленными грамотами и благодарностями.

Руфина Михайловна вырастила 3 детей. Имеет 7 внуков и 7 правнуков.

Более 20 лет Руфина Михайловна активный участник народного ансамбля «Второе дыхание»[186].

Интервью с Р. М. Новопашиной записано в помещении библиотеки Обско-угорского института прикладных исследований и разработок 18 июля 2018 г., переведено на бумагу, отредактировано А. Г. Киселевым.

– Мои родители … мама, Пантафлюк Евдокия Яковлевна, мы родились в Берёзово, [там] мама работала, а потом её перевели в Ханты-Мансийск, в окружной банк. Было это сразу после войны в 1945 году.

В в [19]45-м году на пароходе «Шлеев», был такой пароход[187], мы приехали в Ханты-Мансийск. Была у меня бабушка, Ямзина Неонила Николаевна. Неграмотная, очень умная бабушка. Она мне очень много рассказывала. Родилась в Берёзово знаменитом, туда же Меншиков Александр Данилович был сослан[188]. И вот… и вот, значит, как сказать, она мне даже показывала то место, где он вырыл себе землянку, обложил её медвежьими шкурами и там жил какое-то времся. Он построил церковь в Берёзово белую, я в этой церкви была, и школу, и в этой школе я училась в первом классе. А потом уже мы переехали в Ханты-Мансийск, и я стала учиться в 1-ой школе Ханты-Мансийска.

Ваши самые первые детские воспоминания.

– Детские воспоминания … Я родилась в [19]37-м году, в [19]41-м началась война, и я помню раннее утро, 4 часа где-то, мои дяди – дядя Петя, дядя Ваня, другой дядя

[186] Биографические данные Р. М. Новопашиной уточнены её дочерью Любовью.

[187] Фотографию теплохода «Пётр Шлеев» см.: Рябов Андрей. Пассажирские пароходы Обь-Иртышья [Электронный текст] // Остяко-Вогульск.рф. – URL: http://остяко-вогульск.рф/2018/06/01/passazhirskie-parohody-ob-irtyshya/ (дата обращения 20 марта 2020).

[188] Александр Данилович Меншиков – известный русский государственный и военный деятель, петровский фаворит, был сослан в Берёзово в 1727 году.

Петя подошли ко мне попрощаться … Утром ранним… их забирали на фронт (вздыхает) … и они пропали без вести … До сих пор я не знаю, где бы их найти. Ямзин Пётр Георгиевич, Ямзин Иван Георгиевич… Иван Георгиевич, он был кавалеристом. Была фотография, сейчас не могу её найти – на белом коне. Писал письмо, и последние слова его были – «иду в бой, командую взводом».

Вот, а другой дядя Петя был сержантом. А третий, он самый младший был, ему бы ещё и не надо было идти на фронт, но он всё равно пошёл. Вот, все без вести пропавшие. У меня до сих пор мечта, чтобы их как-нибудь отыскать … их следы, где-нибудь. Даже кто уезжает *на юг* (*тянет*), там же есть памятники погибшим, я всё время говорю: посмотрите фамилию Ямзин… Петя. Ямзин Пётр Яковлевич[189]. Ямзин Иван Яковлевич[190]. Ямзин Георгий Яковле-

[189] По данным портала «Память народа» Пётр (младший) Яковлевич Ямзин, 1925 г. рожд., был призван в РККА Берёзовским РВК Ханты-Мансийского национального округа. Телефонист, с 1943 г. проходил службу в 310 гв. сп 110 гв. сд 57 ск 37 А СтепФ, 2 УкрФ. 3 октября 1943 г. был тяжело ранен на поле боя, но продолжал поддерживать связь. Эвакуирован в госпиталь, награждён орденом Отечественной войны I степени. – См.: Ямзин Пётр Яковлевич, гвардии красноармеец // Память народа [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie18338835/ (дата обращения 9 апреля 2020); По данным окружного сайта Центра подготовки граждан к военной службе. Пётр (старший) Яковлевич Ямзин, 1910 г. рожд., пропал без вести в феврале 1942 г. – См.: Помним всех поимённо [Электронный ресурс] // Центр подготовки граждан к военной службе. – URL: http://kp.cpgvs.ru/index.php/pomnim-vsekh-poimenno/pvp-ya (дата обращения 9 апреля 2020).

[190] По данным портала «Память народа» Иван Яковлевич Ямзин, 1920 г. рожд., был призван в РККА в сентябре 1939 г. Ханты-Мансийским ОВК и пропал без вести в феврале 1942 г. – См.: Ямзин Иван Яковлевич, сержант // Память народа [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie65061063/ (дата обращения 9 апреля 2020). Несколько иную информацию находим на окружном сайте Центра подготовки граждан к военной службе. Иван Яковлевич Ямзин, 1924 г. рожд., пропал без вести в ноябре 1943 г. – См.: Помним всех поимённо [Электронный ресурс] // Центр подготовки граждан к военной службе. – URL: http://kp.cpgvs.ru/index.php/pomnim-vsekh-poimenno/pvp-ya (дата обращения 9 апреля 2020).

вич[191]. Ну, Георгий, он был женатым. О нём тоже ничего не знаю.

А моя бабушка, она всё время сидела у окна. Мы раньше жили на улице Пионерской. Это где был пивзавод. Это в стороне 6-ой школы. Вот и бабушка всё время сидела у окна и смотрела на дорогу.

– Бабушка, ты почему смотришь на дорогу?

– Я жду.

Она всю жизнь ждала. И я считаю, что вот это как бы дело чести моей, чтобы как там следы найти, где и что они, где воевали, где погибли.

Ваш детский день опишите.

– Ребёнком? Мы жили в Берёзово в то время. И у нас был свой дом и ограда, а за оградой был высокий-высокий забор с колючей проволокой. Я спрашиваю бабушку, что это такое, она говорит: это тюрьма. И в этой тюрьме… туда сажали политических ссыльных. И вот я однажды бегаю по ограде и мужской голос позвал:

– Девочка, подойди сюда.

Я подошла:

– Что? – говорю.

– Принеси кусочек хлеба.

Я побежала домой, отрезала хлеб, там ещё что-то. Он там подкопал дырочку – и передала туда. Ну вот тогда мне было… ну сколько… лет пять, может, шесть. Вот если бы постарше, я бы хоть спросила: кто вы, кто вы и что-то передать кому-то что-то, но тогда ничего не спросила. А сейчас вот хожу в ансамбль «Второе дыхание», и там у нас есть Нина Васильевна … Оказывается, её отец вот тоже был, видимо, в этой тюрьме, на севере. Она сказала «на севере»,

[191] По данным портала «Память народа», Георгий Яковлевич Ямзин (род. 27 марта 1907 г. в Берёзово) 30 мая 1942 г. попал в плен и погиб в лагере. – См.: Ямзин Георгий Яковлевич // Память народа [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen91623476/ (дата обращения 9 апреля 2020).

а я знаю, что это вот в Берёзово было. Она тоже ничего не знает о своем отце.

Несветлые воспоминания… И детская жизнь какая-то была, играли с кем, занимались чем?

– Несветлые воспоминания, да …

Играли. У меня напротив двухэтажный дом был в Берёзово [тогда] единственный, и там жила подружка моя, Перевозкина сейчас она, тогда была Корепанова Галина Макаровна. И вот мы всё время играли вместе, ещё сестра Маргарита была, и у неё сестра, я забыла, как её звали (*вздыхает*), вот мы всё время играли вместе. Где-то ссоримся, где-то миримся. Бабушка никогда не встревала, всегда говорила: как поссорились, так и помиритесь. Сейчас эта Галина Макаровна живёт в Самарово, мы с ней дружим. Вот она – подруга детства. Она – подруга детства. Мария Кузьминична – подруга юности, и ещё есть одна, Альбина Петровна Колтаева – учительница третьей школы, она уже подруга зрелости. Вот такие дела.

Играли… Обыкновенно, обыкновенно, какие тогда игры были? В мяч там гоняли, как мальчишки (*смеётся*)… Бегали – там в Берёзово яр такой огромный – бегали везде… Какие игры были? И потом уже играли в лапту и всякие более или менее игры. Это уже в Ханты-Мансийске.

Сколько раз Вы кушали днем, что Вы ели?

– Ой. Мы там всё время перекусывали, даже не помню, чтобы … На бегу. Но я помню, такой обычай был у нас. У бабушки был дедушка Яков, он был очень строгий. Ну и когда садились. Большой стол такой, садились за стол, ну и как бы калташиху[192] такую ставили, там с супом или с чем, и я однажды потянулась… это, налить себе, дедушка раз меня по лбу ложкой! (*смеётся*) Такой строгий был вообще.

[192] Калташиха – большой чугунный котёл, казан. – См.: Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1994. С. 79.

Всё – сначала он, по старшинству, потом уже мы (*смеётся*). Вот этот случай я помню.

А дедушка был ямщиком. Он ездил, возил почту, тогда же не было ни самолётов, ничего, он возил почту на лошадях. И у нас, помню, колокола были всякие – большие, маленькие, а он на лошадях ездил и эти колокольца́ так звенели, когда звенят – сейчас дедушка приехал!

Но строгий был. У них тогда с бабушкой каморка своя была и стоял такой ящик. Мне всё хотелось зайти, посмотреть и что там есть, но дедушка как-то не пускал. Бабушка общительная, неграмотная была. У неё образования вообще никакого не было. Но она самоучкой научилась писать, писала крупно так и… и такая она умная просто была, много знала, это всё рассказывала, и её я так запомнила.

Рассказывала о Берёзово, Меншикове …

Мама работала в банке. Её перевели в банк, хотя образование у неё было вообще 4 класса, ну такая умненькая была. Её перевели в окружной банк[193], она всю жизнь потом там проработала. И, кстати, дети у меня пошли тоже по её стопам… Вот… а по моим стопам никто не пошёл (*смеётся*).

Вы бывали в этой церкви в Берёзово? А отношение Вашей мамы …

Тогда же церковь-то запрещали. А бабушка мне так говорила. Церковь запрещали, но она так говорила: всегда в душе верь! В душе. Чтобы это было в душе. В душе верь. Мне от бабушки досталась иконка, осталась иконка старин-

[193] Имеется в виду Ханты-Мансийская окружная контора Госбанка СССР Омской областной конторы Госбанка СССР. – См.: Расчётно-кассовый центр (РКЦ) г. Ханты-Мансийска Главного управления Центрального банка Российской Федерации по Тюменской области, г. Ханты-Мансийск [Электронный текст]. – URL: http://www.gahmao.ru/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=1146 (дата обращения 24 апреля 2020). В газете «Сталинская трибуна» за 14 января 1944 г. есть информация о приёме «бухгалтера отделения Госбанка Пантафлюк» кандидатом в члены ВКП(б).

ная-старинная, старинная вообще. Там изображение Богородицы …

В церковь запрещено было ходить, но всё равно ходили все. Бабушка, она верила, она ходила, и вот нам она и говорила:

– Ну там какие бы обстоятельства ни были, в душе-то верь, в душе-то кто тебе что [запретит], в душе верь.

А вот мама ходила ли – не помню.

В чём заключалось родительское воспитание в детстве?

Они воспитывали своим отношением ко всему – к работе, к жизни… ну, в общем, вот такое воспитание, не то что специально там что-то, а своим поведением воспитывали, особо такого, чтобы воспитания, я не помню... Своим примером, как говорится.

У меня сестра старшая была – Маргарита – давным-давно умерла, а брат до сих пор живой – Валентин. Его жена работала в окроно.

Детские отношения с братом и сестрой.

Нормальные. Тогда не было детских садов и брат у меня, сколько я помню, бегал всё время, колесо такое вот катал, и однажды он у нас потерялся. Потерялся. Мама пришла с работы – брата нет: где, ищи! Мы, значит, с сестрой там-сям, везде бегаем-ищем, нигде не можем найти. А мы жили, вот где завод раньше был, там, где 5-ый магазин по Пионерской улице, мы в общежитии… жили. И вот я что-то двери… дверь открыта была, ну мы туда-сюда бегаем в коридоре, чтобы дверью не хлопать. Я за дверь-то заглянула, смотрю – брат там спит на полу, в уголочке (*смеётся*) залёг и спит. А мама нас чуть не кончила, чтобы мы его нашли. И вот теперь иной раз вспоминаем, какой он был. Сейчас он здесь живёт, брат мой.

Расскажите, как Вы пошли в школу? Кто был учитель? Что Вы помните?

В школу. Первый класс я закончила там [в Берёзово], а во второй класс мы приехали в Ханты-Мансийск, и я пошла в 1-ю школу, в 1-ю школу пошла… Учила учительница, вот я ведь всё время её помнила… ай, забыла, пожилая учительница, очень хорошая. Она, значит, учила нас – это же было после войны – и я как сейчас помню: нам на завтрак там давали кусочек хлеба и кусочек сахара, это как бы подкармливали нас. Кусочек хлеба, кусочек сахара. Вот… и… и что ещё… И она, когда я закончила шесть классов, она пришла к нам домой и сказала маме: что … ну мама одна нас ро́стила, отец у нас умер. Отец умер. Отец был председатель сельсовета в Берёзово, а умер – у него случился приступ аппендицита, его повезли в Омск на операцию. Операцию сделали. А хирург какой-то там был молодой, что ли, он пинцет или что, как называется, скальпель, которым делал операцию, оставил в ране. И вот отец ночью, ночью, значит, у него жар случился, он соскочил, швы порвал и умер. Его повезли в Омск, думали, может, там спасут, не спасли, и вот так он у нас в Омске умер. И мне было в то время, наверное, два года или даже год, я даже отца не помню. Так без отца и выросли.

А учительница пришла домой, маме сказала, что она, то есть я, помогаю всем там … Кто-то не понял что-то – объяснит, такая добродушная, доброжелательная, и отдайте её в педучилище. Пришла она уже перед сентябрём самым, мама, значит, мне говорит, мы собрались и побежали. Побежали в это педучилище и всё объяснили-объяснили, и меня приняли. Приняли в подготовительный курс. В школе шесть классов, а там седьмой класс, и там мы с Машей[194] познакомились.

[194] Марией Кузьминичной Вагатовой (Волдиной).

Школа первая старая была. Учились нормально. Учительница хорошая была. Таисия Родионовна, вспомнила. Таисия Родионовна учительница очень хорошая была, и друзья-товарищи все. Потом я поступила в педучилище.

За партой с кем Вы в школе сидели?

– За партой … помню – Звягина Наина Ивановна, она, по-моему, здесь живёт, и вот где-то тут рядышком все сидели … С девчонками.

Как Вы одевались в школьные годы?

– У нас было коричневое платье и белый фартук – это на выход, а чёрный фартучек был для постоянной носки. Была форма. Это теперь кто как, а тогда пионерский галстук, кстати, он у меня до сих пор сохранился, пионерский галстук. Вот, и октябрятами были, и пионерами, и в комсомол вступали.

В комсомол Вы, наверное, вступили уже в училище?

– В училище, ага. И мне тогда не было 14 лет, а принимали с 14 лет. Всех принимают, а меня… ну как бы тоже хотели, и сказали: нет, подожди немного. Так я помню, ревела даже. Что меня не принимают. Не из-за чего-то не принимают, не принимаем потому, что «Вам лет ещё не исполнилось 14-ть». Я помню, такая радость была, когда принимали. Вот октябрята, пионеры, комсомольцы. Я когда работала, тоже дети, у меня даже все фотографии сохранились: приём в октябрята, приём в пионеры и в комсомол, работа в лагере пионерском. В общем, жизнь насыщенная была.

В педучилище Вы решили пойти потому, что посоветовала учительница?

– Да, посоветовала учительница, и мы уже с мамой пришли *в последние* (*подчеркивает*) дни буквально, последние дни пришли и это… приняли. На подготовительный курс.

Когда в школе учились, Вы кино смотрели?

Кино?.. Ой, я как-то не помню. Я помню кино, когда я… в Луговом, уже потом работала в Луговской школе, и там у меня брат, Копыльцов Юрий[195], он был киномехаником, и он показывал кино – вот это помню.

Ваши первые впечатления от училища.

По поводу училища… В училище у нас была такая хорошая жизнь, можно сказать. Когда все были дружные. Конечно, были всякие казусы, там были. Даже сейчас вот с Машей вспоминаем … но в общем были дружные. И мы очень уважали Георгия Тарасовича Величко. Он был такой нам всем, нам всем был как отец. Потому что у меня отец умер, когда мне был год, наверное, год, всё. Потому что он всегда по-отцовски подходил. Однажды позвал в кабинет, а мы все тряслись, боялись, когда директор вызывал в кабинет. Ой, думаю, что натворила. Давай быстренько вспоминать, что натворила, по-моему, это было на 3-м курсе. А он говорит:

– За хорошую учёбу и примерное поведение Вас награждаем поездкой на экскурсию в Москву (*смеётся*)!

Радостное время было. И вот нас человек двадцать повезли в Москву. И вот тогда-то [19]53-й где-то год, я первый раз посмотрела Москву.

Помню, мы там, нас возил Конев Иван Михайлович[196], я помню его до сих пор. Мы приехали на пляж и давай купаться в Москве-реке, а я плавать не умела. Мы на лодке плыли, я плавать не умею, потрогала воду – такая тёпленькая водичка – бултых в воду (*смеётся*). Сейчас вспоминаю,

[195] Двоюродный брат информанта.

[196] Иван Михайлович Конев – 1916 г. рожд., окончил два курса Ленинградской академии художеств, преподаватель рисования в училище. См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 5533. Л. 8. В справочнике «История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа» ошибочно указано время его работы 1945–1946. В действительности он трудился в училище до середины 50-х годов. – См.: История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 217.

думаю, ну это что за такое, бултых в воду. А Иван Михайлович стоял на берегу (*смеётся*). Они увидели, девчонки и он увидели, он в два прыжка очутился в воде, поймал меня (*смеётся*), вытащил на берег. Я вся такая мокрая, и побежал – тут ларёк стоял, там пиво продавали, побежал в ларёк, такие огромные кружки были стеклянные с ручкой, купил полную пива – даёт мне пить. Я говорю:

– Да я первый раз, никогда этого не пила.

– Пей!

Он видит, что я дрожу, чтобы стресс снять и всё, и я помню, попила этого, потом, когда стали учиться, я говорю ему:

– Иван Михайлович, Вы как отец, Вы спасли меня.

И все потом стали говорить: ну расскажи, как Иван Михайлович, как отец тебя спас (*смеётся*) … Потом я не знаю, как он, что-то потерялась судьба, куда он делся? Он у нас учитель черчения, рисования был. Интересно всё рассказывал.

Какие предметы нравились больше других?

– Какие больше? Вот Маша[197], например, и Дуся Ерныхова, им нравилась математика. А мне, мы всё спорили, что математика – царица наук, – они мне доказывали, а мне нравились предметы …

Нас учила Антонина Семёновна, по-моему, не помню, нет: Величко Лариса Андреевна, директора жена нас учила, она нас водила на экскурсии, вот, парк вот этот, в парке деревья – это мы всё сажали. Эти деревья в парке сажали. По улицам вот, по улицам деревья. Это тоже мы всё сажали, с ней ходили. И вот мне это всё нравилось. Она вела биологию, ботанику …

Вот, и сейчас иду в ДК и смотрю на эти деревья в парке. И мы садили. Привязывали верёвочки, которые дерево [поддерживают]. В общем, мы тогда занимались полезными

[197] М. К. Волдина (Вагатова).

делами. Садили возле электростанции деревья, там вот насажены – тоже мы садили. Ну и по улице Ленина садили деревья. Везде. И я эту любовь передала детям. У меня обе дочери, они тоже любят, я сама всё садила, сейчас уже плохо вижу, так ничего не сажу. А дочери у меня тоже всё… выращивают, ро́стят, садят.

Кого из преподавателей училища Вы ещё помните?

Я запомнила Викторию Николаевну, Виктория Николаевна, забыла фамилию, она вела физику[198]. Она мне нравилась, не столько то, что физику ведёт, а сколько её внешний облик. У неё волосы так красиво загибались, когда прическу делала. Сама такая аккуратная, симпатичная, и я и физику любила (*смеётся*). Вот. Ну и Павел Александрович Вахрушев. Он преподавал историю. Его жена, Антонина Ивановна. Она преподавала… ну вот… нет, это Лариса преподавала биологию[199], а она преподавала географию, а Вахрушев, он историю преподавал.

Он такой строгий был… хороший, требовательный. Он не поставит лишний раз, не повысит оценку. Преподавал историю СССР. Интеллигентный такой.

Этот предмет Вам нравился?

Конечно. Учитель был такой, рассказывал интересно, очень интересно рассказывал, и все слушали, затаив дыхание, можно сказать.

Всем им надо было, чтобы знания были. Преподаватели все отличные были. Нам повезло – учителя хорошие были. Интеллигентные, умные, в меру строгие и понимающие. Педучилище вспоминаю вообще с теплотой.

В общем, годы, проведённые в училище, это, ну… ну, как сказать, это всё. Прекрасные учителя, студенты, мы все дружные были. Конечно, и у нас всякое встречалось, но в основном были дружные.

[198] Виктория Николаевна Хомылева.
[199] Л. А. Величко.

Там у нас В. училась. Но она, правда … мы в «б» классе, она – в «а» классе. Влюбилась в учителя П. Ну там, конечно, инциденты были. Вот, в общем, всё было. Как обычно в жизни, всякое бывает. Как говорится … чего только не бывает.

Прозвища у преподавателей были?

Не помню.

О личной жизни преподавателей Вы что-то знали? Кроме этого случая с П.

Нет.

Нас ещё по физкультуре учил Боголюбов Сан Саныч. Ой, отличный. Он жил по улице Коминтерна, а я жила по Пионерской. И вот мы всегда ходили домой вместе. И всё рассказываем интересное там, в общем, всегда провожали. Он когда умер, мы ходили … Сан Саныч – отличный был. Но он никогда не повысит оценку, всегда, что заработал, – то получи. Через козла прыгали, брусья … Справедливые учителя были.

Вы знали, кто из Ваших преподавателей воевал на фронте?

– Тогда не знали. Не знаю, может быть, Маша знала.

А встречи с участниками войны в училище проводились?

– Не помню тоже.

Когда в школу ходили, в училище, у Вас портфель был?

– Какой портфель? Бабушка сшила из материала какую-то сумку с ручкой, и мы с этой сумкой ходили, и с этой сумкой с горы катались (*смеётся*). Идёшь по дороге из школы, раз на сумку – и покатился с горы!

С учебниками как обстояло дело в училище?

– С учебниками. Я не помню что-то. Нам всё выдавали. Всё вроде.

Мы даже питались в столовой.

Дома, когда готовились к занятиям, использовали только книжки или в училище Вы ещё что-то и записывали на занятиях?

– Записывали, конечно. Да.

Вы называли себя учащимися или студентами?

– Студенты. В педучилище когда, студенты, ага.

В училище правила внутреннего распорядка какие-то существовали?

Всё существовало, всё строго выполнялось… Не бегать там, по этажам. Директор сразу на костылях идёт, Георгий Тарасович (*улыбается*), и сразу все тихонько-тихонько…

То есть его как бы побаивались немножко?

Да … Он человечный был, очень, но в то же время строгий. Он войну прошёл. Потом вот, потом, когда уже я не училась, закончила, всё, он уехал куда-то, не помню. Приезжал – была встреча. Потом у меня была где-то фотография, не могу найти её, встреча выпускников с Георгием Тарасовичем. Вообще здорово было …[200]

Комсомол помните как-то училищный?

Да, комсомол, я говорила, меня не принимали, принимали всех к празднику 7 ноября, а у меня только в январе – 1-го января день рождения. Так я даже ревела (*смеётся*). Так хотела, чтобы меня тоже. Мне объясняли: не из-за того, не из-за чего-то, а из-за того, что годы не подошли. И потом, когда подошли годы, приняли в комсомол. И я, помню, была пионервожатой, нет, пионервожатой я была, когда летом лагеря были школьные, я работала в школьном лагере, вот была и воспитателем, и пионервожатой, и всё. Помню, как возила ребятишек купаться. Купались, помню. Везде на экскурсию по городу ходили…

[200] Около 1967 г. Г. Т. Величко уехал в г. Новосибирск, где и проживал до своей кончины в 1980 г.

Как Вы питались в педучилище?

В педучилище, я по национальности … У меня мама русская, отец – ханты, я записана «ханты», и нас кормили бесплатно. Нас кормили бесплатно …

Сколько раз в день?

Ну, вот три раза в день, но сначала так покормили, потом мама говорит, Маша-то, она жила в общежитии, ей там близко, а я жила по Пионерской улице, мне далеко. Мама говорит:

– Ты спроси, может быть, дадут питание на месяц домой.

Я спросила, сказали: вполне можно. Ну и выдавали питание на месяц. Я питалась дома, и вот ко мне приходила Маша, я её всё время звала. Она приходила ко мне и тоже, всегда бабушка гостеприимная очень была, и без чаю никогда не уходила. Маша вот теперь вспоминает, что это вот так вот было. А мы, говорит, в столовой попитаемся в 6-ть вечера, а сидели же долго, готовились там, учили, всё, есть захочется. Я ей: приходи ко мне. Приходила, и мы, это, вместе готовились и ужинали чем было.

В училище был секретарь парткома?

А я не помню.

А секретарь комсомольский был в училище?

Что-то тоже не очень-то…

Комсомольские собрания какие-нибудь помните?

Были, были собрания. Да, я вот уже про В. … Она подружилась с учителем… Её разбирали на собрании… Это вообще! Её обвиняли, конечно. Её обвиняли. Обвиняли очень. Собрание было общее... в группе.

Из взрослых кто-то был?

Классный руководитель… Так, подождите, кто же был классный руководитель, ведь хорошо помнила… Евгения Епанчинцева, Евгения Павловна. Она вела предмет, ой, дай Бог вспомнить… Не могу вспомнить, какой предмет. Она

такая строгая, симпатичная, такая *вообще* (*подчёркивает*), за всем, всё чтоб было в порядке, такая… Да, Епанчинцева Евгения Павловна.

Какие конфликты в преподавательском коллективе, между учителями и учащимися Вам были известны?

Никогда не слышала. Между учащимися? Не помню, всё дружно было. У нас семь парней было, остальные девушки все, как-то не знаю, дружно жили.

Вам приходилось во время учёбы в училище ходить на хозработы?

Да, мы ходили. Вот стадион был, стадион. Мы там, значит, прибирали всё, там деревья срубали, мы всё подбирали ходили. В общем, на такие работы мы всё время ходили.

В подсобном хозяйстве бывали?

Да, в подсобном хозяйстве были тоже. Там капусту срезали, помню, в колхозе. Вот, и потом когда новое педучилище строили, маленько тут тоже принимали участие.

Во время таких работ разделение труда между юношами и девушками было?

Нет, все вместе. Все вместе.

Как Вы, как другие девочки одевались в педучилище?

Как одевались? Не очень помню, как одевались. Я только помню, что на выпускной вечер мне мама сшила… какой-то поплин[201] тогда был, платье … такая голубенькая с цветочками. И она считала, что вообще это и говорила:

– Ой, какая ты нарядная!

[201] Поплин – двухсторонняя, одноцветная или узорчатая шёлковая ткань, образованная сочетанием тонкой плотной основы с более грубым и редким поперечным утко́м, образующим мелкий рубчик. Традиционно из него изготавливают постельное белье, женские платья, мужские сорочки, скатерти, полотенца и другие изделия. – См.: Поплин [Электронный текст] // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BF%D0%BB%D0%B8%D0%BD (дата обращения 9 апреля 2020).

Сейчас в нём даже дома ходить, наверное, не будешь. А тогда считалась такая нарядная, голубенькая, светленькая. А в основном мама из своего перешивала. И у неё как-то, помню, были хорошие вещи, вот манто тогда называлось, вот доха, и вот она многие платья перешивала из своих вещей.

Другие девочки так же одевались, как Вы?

Всяко тоже разно. Они в общежитии жили только.

В национальной одежде кто-то ходил?

Не помню.

Мальчики как одевались?

Обыкновенно тоже. Никаких изысков не было … Не помню. В чём они были. Я с Борей сидела. В чём [он ходил]? Просто брючки, рубашка.

Девочки причёски заводили, нет?

Причёски? Тогда не очень. Не до причесок было. Обыкновенные.

Помаду, косметику использовали?

Не помню. Мне кажется, если бы кто и накосметился, наверное, это было нельзя как бы. Всё скромно было.

То есть какой-то негласный запрет существовал?

Да.

Как стриглись мальчики?

Обыкновенная стрижка. Конечно, лохматый никто не ходил. Где-то была фотография, у нас в классе было семь парней – вот так все выстроились в ряд.

Мальчики курили?

Мальчики, не помню, нет. Не помню, чтобы курили. Даже вообще. У нас был… там баянист был, забыла, как его, Проня. Я же недавно ещё всех фамилии помнила. Баянист. Фотография была. Не знаю, сейчас она есть или нет. Он сидит, на баяне играет, и мы все сидим … На 2-м или 3-м курсе фотографировались, все вместе.

Разновозрастные или одновозрастные были учащиеся?

Разновозрастные были.

Какие-то особенности во взаимоотношениях между старшими и младшими?

Нормально было, я не помню, чтобы где-то ссорились или ругались.

Отношения между младшими курсами и старшими курсами.

Тоже нормальные, вот. У нас такой директор был строгий, что не забалуешь. Он как бы всё видел, всё знал, и это, ну очень справедливый был, конечно. Мы все его обожали. Я уже говорила, как он пригласил-то меня, пригласил в кабинет как-то, я дрожу, думаю: ну зачем, зачем, вроде в учёбе нормально так, нормально, понятия не имею, зачем. Захожу, а он:

– За хорошую учёбу, примерное поведение премируетесь поездкой на экскурсию в Москву.

Ха-ха, чуть не до потолка подпрыгнула (*смеётся*).

Вот. Ну а потом уже работала всё, потом работала в глухой деревне, за Кедровым…

Были ли исключения из училища?

Исключали… У нас на курсе не было. А так, наверное, были. Потому что строго тогда было. Тогда не было такого, чтобы где-то пил или курил, тоже не помню вообще.

То есть Вы не знаете случаев, когда учащиеся пили водку?

Да, я не помню такого. В нашем курсе я не помню. Я-то жила у себя дома, а они все в интернате. Как там, что было… Может, где-то что-то и было… строгость была.

Кто оказывал учащимся медицинскую помощь?

Медицинскую помощь? Про это вообще не помню … Как-то всё закаленные были, дети босиком бегали, помню, по ограде.

Тогдашние праздники помните?

Праздники? … 7-го ноября. Ходили на демонстрацию …

7-е ноября Вам нравилось из-за демонстрации?

Ну вообще, это же … Всё это на высоком уровне. Праздники революционные отмечали всегда там. День пионерии всегда отмечали.

Торжественные мероприятия в училище проводились?

Да, были, торжественные… Собрание было. Докладывали. Учителя докладывали. В общем, всё было … И воспитание было, я так скажу, можно сказать, строгое. Не забалуешь особо. Я не помню особо таких каких-то случаев, чтобы … Может, кто-то жил в общежитии, они … Там другая жизнь, ага.

Сколько примерно процентов учащихся в общежитии жило?

Да почти весь класс. Приезжие все. Фаина Александровна Тюльпанова, она жила дома, я жила дома и не помню, ещё кто. Наверное, человека три, так. Остальные все в общежитии жили.

О практиках расскажите.

Практика в школах… Я особо так хорошо не помню. Но знаю, что ходили на уроки… к учителям. В Ханты-Мансийске.

А сами когда стали первые уроки вести? Не здесь, не в Ханты-Мансийске?

Нет, я работала в поселке Горный…

Нет, это Вы уже работали после училища.

На практике… Подождите, где я была на практике? Ой, что-то я…

О распределении расскажите.

О распределении? Ну, меня сначала отправили учителем …

Я сказала, что я туда не поеду, потому что у меня мама болела, и я говорю: я должна быть всё время тут близко в городе или близко к городу. Тогда мне дали направление – поедете работать воспитателем в детский сад рыбоконсервного комбината? Я говорю: ну это, конечно, близко, но я на воспитателя как бы не училась. И я тоже отказалась. Я говорю: я поеду куда-то в близлежащее место. И тогда мне предложили посёлок Горный. Посёлок Горный предложили, но сказали в гороно: там учительница пожилая работает. До сих пор запомнила, Плутова Нона Филимоновна. Она в посёлке царь и бог. Кого там не пошлют – никто с ней сработаться не может *(смеётся)*.

– И как это Вы? А я говорю:

– А я поеду.

Такие глаза у всех:

– Как это Вы? Там разве сможете?

Я говорю:

– Я постараюсь, наверное, смогу.

Я подумала так, что я до этого была послана в Ленинград на курсы переподготовки учителей годичные. Я там год училась в Институте Герцена, и ходили на практику в школу, везде, всё. И багаж знаний у меня был. Так что я подумала, ну и что, Нона Филимоновна, она пожилая, она уже там всё, а я приеду с новыми методиками, всё, молодой учитель. Ну, так и получилось.

Приехала. Она безо всяких приняла меня. Я даже жила у ней на квартире, школа стояла на берегу. Она тут жила. Был коридор, стол огромный. Дети в перемену там играли во всякие игры. А класс учили: я пошла учить 1-3-ий малокомплектной школы, она – 2-4-ый. Вот. Ну и это… Я её заменяла на таких предметах, как ИЗО, даже физкультура – не поедет же она зимой на лыжах. А я, значит, зимой её класс беру, свой класс, а в классе там, предположим, один человек. У меня был один третий, один человек, два человека – 1-ый

класс и 3-ий класс – там человека 3–4. И у ней так же. Так что я одевала лыжи и шла со своими и с её … Физкультура. И уроки ИЗО, пения – тоже все вела. Но так как я жила у неё, я даже стала вспоминать, как оплата, я даже не могла вспомнить, как что. Жила на её питании, на её квартире, на всем её, так что… Ну, всё нормально было. И все потом удивились – мы с ней сработались. Ну а я говорю, я же всё-таки после Ленинграда, с новыми методиками, со всем, и потом, она же пожилой учитель, я молодой, старалась не перечить ни в чём, вот так вот мы с ней ужились, нормально.

И долго Вы так работали?

Мы работали, наверное, лет пять так. Потом у ней сын, по-моему, из армии пришёл, и дочь уехала в Омск, и она тоже – её перевезли туда. И я осталась ещё одна, поработала немного и тоже переехала в Луговое. У меня сноха работала в окроно. Она меня это … Место в Луговом – в школе. И вот я в школе где-то 17 лет, наверное, проработала. А потом, а потом переехала в город тоже. Сноха меня устроила в город.

Какие книжки Вы читали в училище?

Ну многое читала … Всё подряд читала. «Угрюм-реку» помню.

Взаимоотношения юношей и девушек.

Да это было, но я лично ни с кем… не дружила.

Ухаживания в чём проявлялись?

Дружили, встречались, но такого не было, как сейчас. Отношения такие, нормальные. Если бы такое какое-то, как сейчас, было бы ЧП вообще.

А вечера, танцы, вы ходили на танцы в училище?

Да, на танцы мы ходили в училище.

Там были только свои?

Не помню. По-моему, там всякие были.

А что Вы танцевали?

Всякие вальсы танцевали, падеспань, краковяк, всякие такие танцы.

Девочки красились?

Я не помню, лично я не красилась.

А из учителей кто был красивее всех одет?

Виктория Николаевна Хомылева, она, у неё такая причёска, сама такая вообще, Павел Александрович Вахрушев, он такой, его жена тоже.

Мужчины одевались в костюмы?

В костюмы.

Полувоенного, военного, цивильного образца?

Нет, обыкновенные костюмы.

В магазинах эту одежду можно было купить?

В магазинах? Наверное, можно было. Мы лично жили без отца, так мама перешивала. Я помню даже на выпускной пошла, платьице такое, в котором сейчас вот дома ходят. Голубенькое со цветочками. Пришла.

– Ой, какая ты нарядная! (*смеётся*)

То есть понятие моды у Вас появилось позднее?

Да, позднее. Тогда как-то на первом месте была учёба, вот, потом работа, и как-то не особо модничали.

В Ханты-Мансийске в те времена были такие места, в которых неприятно было бывать?

Не знаю. Я помню, мы с подружками [с Фаиной Александровной Рыжих] в ДК ходили, в клуб рыбников ездили, даже не ездили, а пешком ходили 5-ть километров, я помню. Когда ни автобусов особо, ни дорог – ничего не было. Мы были молодые… Танцы были.

Девчонки ещё и в медтехникум ходили, я не ходила.

Школа юнг была. Туда девчонки ходили, я тоже не ходила. Мимо знаю, что ходила, а туда – нет. Я у бабушки, у мамы – воспитание такое строгое, не забалуешь.

Когда Вы вышли замуж? В каком году?

Мне было 26-ть лет. Я в это время работала в Луговом. И мне, главное, интересно было. Я за него выходила замуж, и в это время приехала комиссия с проверкой. Женщина. Ну не комиссия – женщина приехала проверять. Приехала проверять, значит, или в этот день, или накануне мы собрались, человек так семь-восемь. И я, значит, выхожу замуж, а она мне потом уже говорит: а почему вы меня не позвали. Я говорю, да как-то, теперь я бы позвала, а тогда думаю, как это? Она приехала проверять – она инспектор, а я как бы подлизываться буду. И я её не позвала. А она даже мне лет пять назад, наверное, когда мы встречались во второй школе, отмечали праздники, она меня подозвала и ещё сказала, что вот так, я тогда обиделась, а я говорю: а я постеснялась…

Эмма Михайловна Сивкова (Рогулина)

Эмма Михайловна Сивкова (Рогулина) родилась в 1937 г. в Сургуте. Отец, Михаил Васильевич Рогулин, из ленинградских рабочих, выдвинутых на руководящую работу и командированных на север, – умер в 1940 г. Эмму, её сестру и брата воспитывала мама, Надежда Петровна Рогулина (Погодаева), происходившая из крестьян Курганской области.

Ещё при жизни отца семья перебралась в Ханты-Мансийск, где М. В. Рогулин получил назначение в окрисполкоме. Здесь уже во время войны Эмма Михайловна пошла в школу, вначале это была 7-летняя школа № 3, затем 10-летка № 1.

В 1956–1959 гг. Эмма Михайловна обучалась в Ханты-Мансийском медицинском училище, на фельдшерском отделении. Была секретарём комсомольской организации училища.

По окончании учёбы работала фельдшером в окружной больнице, на скорой помощи, заведующей врачучастком в Зенково, фельдшером в Черемухово. В 1962 г. вернулась в Ханты-Мансийск, получив должность фельдшера ЦРМ (Сельхозтехника). В городе возглавляла комитет Красного Креста.

Эмма Михайловна удостоена почётных званий «Отличник здравоохранения» и «Отличник санитарной обороны», награждена медалями Красного Креста и «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».

Воспоминания Э. М. Рогулиной записаны А. Г. Киселевым 13 марта 2019 г. в помещении библиотеки Обско-угорского института прикладных исследований и разработок.

Представьтесь, пожалуйста.

Я, Сивкова Эмма Михайловна, по-девичьи – Рогулина, родилась в Сургуте, родилась в 1937 году, и в 1937 году сюда папу перевели работать, я с 1937 года здесь [в Ханты-Мансийском округе] и живу. Всё время. Закончила 10-летку, среднюю школу № 1, потом закончила медучилище, и вот работала фельдшером до [19]70-го… Вот, когда мне 70 лет исполнилось, тогда только вышла на пенсию. Стаж 50 лет.

Что Вы помните из своего детства?

Из детства помню, конечно, военное время. Потому что родилась в 1937 году, и вот такие … И в детстве, в [19]40-м году, у меня папа умер. Вот и всю жизнь я потом прожила без мужчины. Не было ни отчима, никого. Вот. Нас было трое детей. Ну и, конечно, мы голодали. Если где-то в семье у нас тут был мужчина, то они хоть на рыбалку ходили. У нас и этого не было. Дело в том, что я с [19]37-го года, а брат один у меня с [19]30-го года, а другой с [19]33-го года. Вот такие мы подростки были. Росли с мамой.

Жили мы в семье без мужчины, и была у нас не красноармейская семья. Поэтому когда льготы какие-то были, то давали в первую очередь красноармейской семье. Вот если сокращали на работе, то маму сокращали в первую очередь, потому что не красноармейская семья. Ну, мы всё равно все выросли, как бы ни было. Братья у меня, конечно, образования не получили. Один окончил [школу], после 12 лет поступил в школу юнг. Здесь была школа юнг. Он окончил школу юнг. А второй брат у меня, старший который, тот закончил ФЗУ, фабрично-заводское училище …

[19]37-й год – год Вашего рождения, а отец умер в [19]40-м…

Дело в том, что он был ленинградец, участвовал в финской войне, вот, а потом его направили, я не знаю, по какой линии направили, но я, как вот сейчас предполагаю, что это было, когда там с заводов Питера отправляли на поднятие

сельского хозяйства или что-то. Вот он, видимо, так попал сюда на Север. Отправили-то в Омскую область, ну и потом из Омской области отправили сюда. Он и умер-то 37-ми лет всего, вот. Работал он … Как мама была неграмотная у меня, поэтому с её слов я понимаю, что он работал в окрисполкоме и ездил по командировкам, вот, по командировкам ездил, заразился туберкулёзом и умер … Лечения туберкулёза тогда, знаете, не было. Вот, а мы вот так вот и жили. Ну, трудно жили. Но выжили все.

У Вас игрушки были в детстве?

Мама делала сама. Сама делала игрушки. Парни потом стали подрастать, так они делали кораблики, машинки там какие-то из дерева, а мама работала… Вот я не принесла ту фотографию… Она работала в детских яслях швеёй. В то время детей в яслях переодевали в казённое. Детской одежды не было, поэтому, чтобы домой уйти сухим, их переодевали там. Вот. Она шила для детей… спецодежду, как по-русски сказать. Вот. И вот какие там тряпочки оставались, то вот из этих тряпочек она мне шила куколок там. Или я сама шила. И раз она была швеёй, тут были эвакуированные дети, и маме принесли чёрный материал и защитного цвета такой, ну… брезент ни брезент, я в то время не понимала, что такое, ну что-то защитное. И вот она шила парням, значит, костюмчики, а девочкам-школьницам шила юбочки такие. И вот что остатки остались, она мне сшила юбку. Ну это были остатки – там одни только швы. И вот я выйду на улицу, и она так, ну такая ткань была, как брезент, она так колóм стоит. Выйду, а девчонки меня дразнят:

– Что нарядилась… в юбку, думаешь, красиво? Она что на тебе, как на коле стоит (*смеётся*).

Вот, вот так вот мы и жили… Когда брат учился в школе юнг, мы… мама из его шинели сшила мне пальто. Вот, из его шинели. Но это было тоже, как сейчас вспоминаю, так шинелька была, карманы – так, всё. А потом однажды

он пришёл уже в увольнение. И у него была бескозырка. На бескозырке – ленточки. Он куда-то вышел, я эти ленточки отчекрыжила, наплела бантики и … Ну вот. Он, конечно, когда увидел это, отпинал меня, и увольнения его потом лишали на целый месяц за эти ленточки. Вот так. А таких игрушек у нас, конечно, не было.

Подружки?

Подружки все были … У одной был отец, он болел туберкулёзом. [Но] они жили как-то всё равно с мужчиной в семье. А у двух подружек были на фронте, ну и погибли. Вот. И мы вот, такие вот, безотцовщина, и бегали пять человек. Дружны очень были. А потом постарше когда стали, то эвакуированные тут, которые приехали, остались. Как прижились тут, так прижились. И потом я помню, что у нас была половинка дома. Сначала большой дом был, папа нача́л строить, но когда он умер, маме пришлось сменять дом на половинку дома, в придачу дали корову. Раз корову дали – мы с молоком были. Вот это очень хорошо. И… вот и мысль потеряла, что же я хотела сказать-то … И корову. И мы должны были ещё, корова отелится, ходить сдавать молоко. И вот мы, я, когда корове телиться, я была самая младшая, те были уже при деле, я ходила, молоко таскала всё время, молоко сдавать надо было.

Куда Вы его сдавали?

А была какая-то, называли мы тогда молоканка.

Далеко от Вас?

Нет, недалеко, на этой же улице. Вот Пионерская улица. Мы тут жили на Пионерской улице. И потом по карточкам, когда давали хлеб, то тоже меня отправляли, мороз – не мороз, меня закутают-закутают – я ходила, получала. Там давали на семью булку хлеба такую небольшую и ещё привесочек. Я, конечно, этот привесочек дорогой съедала. А домой приходила – братья на меня нападали, говорили: где привесок, а что, тебе только булку дали?

– Нет, мне дали ещё перевесок.

И вот меня долгое время звали «перевеском». Так, ради смеха …

Игры с подружками.

Мы бегали на улице, [на] стадион, как таковой, мы не ходили, поменьше были, но мы играли посредине улицы – тут домá и тут домá. Нас родители сильно не держали. Мы могли бегать и до 12-ти ночи, и до часу ночи, но играли так, что нас потом выгоняли, потому что мы очень шумели. Мы играли в лапту, бей – бежать … И там ещё вот такие подвижные игры. А как таковых игрушек, кукол у нас не было. У меня вот у одной были, так я потом дарила их кому-то, возвращали … И ходили на речку купаться. Речка была недалеко, и мы ходили туда, ну как уйдём с утра – так до вечера. Мы знаем, что родители придут с работы, а они давали нам задание, мы бегом бежали, чтобы сделать. Или снег почистить, или в огороде поковыряться, полоть. Работали дома. Ещё до школы …

Дело в том, что наших родителей отправляли то на покос с ночевой, то, значит, это самое, на заготовку дров отправляли, где они работали. И мы должны были что-то дома делать.

Была у нас и корова. Доить я, конечно, не могла и не умела, у меня доили братья. Но однажды меня брат отправил – иди корову дои, ну я пошла … Сидела под ней сидела, он пришёл, видит, что [у меня] ничего не получается, отпинал меня и сам подоил. Так вот учились мы жить сами.

Кроме коровы…

Курицы были. Огород был небольшой. Всё было. Картошка была. Дело в том, что огород у нас был нормальный, как у всех. Но потом как… я говорю, что не красноармейская семья, у нас половину огорода отрезали, пустили какую-то женщину там. Она там садила. Мы садили морковку, кар-

тошку, горох обязательно, бобы. И почему-то мы всегда любили калегу или турнепс. Такая большая, как редька белая.

У меня брат работал на электростанции, поступил [работать] 14-ти лет, был учеником машиниста нашей городской электростанции, ему, конечно, еды не хватало. Вот он придёт на обед, поест что-то, а потом берёт с собой большой турнепс и, пока идёт до работы, – его весь съест. Вот так мы выживали.

А Вы в школе, потом в училище как питались?

В школе мы питались как все. А в училище нас кормили очень хорошо. Мы были на полном государственном обеспечении. Вот я жила в Хантах, а [в училище] приезжие были. Я жила в Хантах, а всё равно ела там [в училище]. Что им давали ботинки – то и мне давали ботинки. Что им давали на платье ткань, то и мне давали, хотя я жила при доме, при маме.

Что кушали? Как все – первое и второе. Супы всякие были. У нас очень хорошие повара были. Мы наедимся, время ужина – 6 часов – мы уже к дверям прибегаем, тарабаним в двери: открывайте, задержались!

Кормили очень вкусно. В праздники нам даже стряпали торты. Такая у нас повар была. На второе у нас была котлетка какая-то, и пюре было там или гарнир какой-то был. И всегда из сухофруктов компоты были. Молоко. Кормили очень хорошо. Дома я так не питалась.

Школа.

Я сначала училась в 3-й школе, 7-летка она была, а потом 1-ю школу окончила.

Первая учительница была … Я не помню её фамилию, Татьяна Прокопьевна, я очень хорошо её запомнила почему? Нам в школе, как голодающим, давали кусочек – четвертинка – хлеба, четвертинку хлеба и чайную ложку сахара. И вот мы, значит, на парте делали из бумажек такие, как картоночки какие-то, какая-то ёмкость, в общем. Ну и вот,

я положила этот сахар [в картоночку]. А она идёт по партам и так всем по чайной ложечке сахар ложит, а впереди меня мальчик сидел, оглянулся и говорит: какая у тебя хорошенькая [ёмкость] – и сахар высыпался! Я, конечно, в рёв. И вот Татьяна Прокопьевна (*сквозь слёзы*) свой сахар отдала мне. А у ней двое детей тоже дома голодные – город ведь небольшой, все знали. Я, конечно, съела, не отказалась.

А где она жила, знаете?

Нет, не знаю, где она жила.

Но это до 4-го класса, потом уже другие учителя.

А потом у нас была Колнер Галина Антоновна, я потом по мужу не знаю, какая [у неё] фамилия была. Она историю у нас преподавала. Очень хороший человек, очень внимательный, *строгий* (*подчёркивает*) такой.

И по ней мы снимали моды, когда стали подрастать. Она элегантно очень одевалась в то время. Даже из ничего, но сделает так, что загляденье было прямо … И потом, когда мы стали подростками, в старших классах уже, она уже у нас не преподавала, но делали, старались по её шаблонам.

История Вам нравилась … сама по себе или из-за преподавателя?

И нравилась как человек, и нравилось, как она… Понимали мы, как она преподаёт, как она преподносит всё это. После её рассказа можно было историю не учить, только запоминай даты.

А ещё какие предметы нравились в школе?

У нас была ещё литература. Дело в том, что я писала сочинение очень много [длинные], но ошибок было полно. И мне всегда говорили: пиши меньше – пиши меньше, сокращай. Потому что у нас была Цехнова Валентина Степановна[202]. Она уже была в годах, у ней было два сына, и она

[202] Валентина Степановна Цехнова – 1915 г. рожд., в 1940 г. окончила Омский пединститут, в 1946–1949 гг. работала преподавателем русского языка и литературы в Ханты-Мансийском национальном педучилище. – См.: ГАРФ.

так нас учила … Вот сейчас я смотрю, что они [современные учащиеся] … Литература на столе лежит, учебники стоят… а у нас она учила все цитаты, все наизусть.

Вот «Войну и мир»… так мы этого Болконского, вот как он шёл, как она смотрела … Всё это мы учили наизусть. И так же и Пушкина. Она всё требовала, чтобы мы запоминали. Поэтому, когда мы писали сочинение, у нас в голове был сумбур такой, столько много, что мы не успевали за урок писать. Ну, нравилась литература. Писали. Ну я говорю, что я сочинения писала … Потом у меня сын учился – я ему сочинение писала … Но дело в том, что ошибок было полно. За это мне хороших-то оценок по литературе не было … Писали образ какой-то, эпоху какую-то …

Школьные подружки.

Занимались очень много. Ну, во-первых, мы спортом занимались все. Призовых мест мы не занимали, ну и в хвосте не плелись. Лёгкая атлетика, лыжи. Это как закон у всех был. Кроме того, мы ещё ходили… Вот я сначала на балет ходила, потом ходили в рукодельный кружок при Доме пионеров, у нас время было занято всё время.

Почему медучилище?

Мы не знали, куда идти. Нам то нравилось, другое … Мы пришли в педучилище, там был Величко Тарас[203] … Не помню уже. Он говорит: девочки, ну, после 10-летки пришли вообще-то, уже со знанием дела-то, ехать нам куда-то по каким-то причинам нельзя было… из города, или не хватало ресурсов, чтобы нас выучили родители или

Ф. А-2306. П. 71. Д. 5533. Л. 8; История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. С. 218. См. также воспоминания Г. М. Захарова, учившегося у В. С. Цехновой в средней школе № 1 Ханты-Мансийска. – История школы в истории судеб. Сб. документов / сост. Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Екатеринбург: ИД Сократ, 2004. С. 93.

[203] Георгий Тарасович Величко.

что-то … Ну, в общем, пришли. Он человек опытный, внимательно на нас посмотрел, говорит:

– Ладно, девочки, пока заявления у вас брать не буду, а вы подумайте дня два и приходите.

Два дня прошло. И мы прочитали в газете: принимаются в медучилище с 10-леткой без экзаменов. О! Всё. Мы туда и пошли. У нас лето будет свободно. Мы экзаменов сдавать не будем, а потом уже очень понравилось мне…

Со мной пошла Рая Бондарева или Перцева, она в школе вместе со мной училась и там училась. Но я была на фельдшерском, её взяли попоздней немножко, на акушерское взяли. А потом Элла Чалукова… Она после 10-летки поступила куда-то в авиационный техникум, не знаю что, потом у неё что-то не пошло, поэтому позднее на год она поступила, опять к нам приехала.

Вы День Победы помните?

Ой, ещё как!

День Победы… Это, знаете, забежала мама, схватила – у нас была наволочка – красная и в *чёрный мелкий горошек* (*тянет*) – разорвала эту наволочку, помню, значит, и это самое, какую-то палку ей сын приготовил, и вот она сделала из неё флаг и повесила на дом. И все побежали – тут у нас площадь, где был универмаг вот тут, гастроном, площадь, кинотеатр был, и там стоял шест какой-то, на нём чёрное радио такое, тарелка такая была. И все стояли на площади и слушали. И мы между ними стояли и слушали тоже. А потом там балкон был. Кинотеатр-то с балконом. Тоже вывесили флаги, и представители Дома Советов выступали там. Вот так вот мы и слушали.

Смерть Сталина помните?

О, ещё как! Мы все плакали, мы все рыдали. Мы учились в 3-й школе и сюда же на площадь прибежали. Вот историческая Галина Антоновна … По радио-то мы слышали там, что состояние такое… потом, ну, говорим:

– Может, умер или что… поправился?

Галина Антоновна говорит:

– Ну, вообще-то вывешивают флаги с чёрной каймой… может, что-то. И мы побежали раздетые в марте на площадь. Пришли и все на площади стояли. Площадь вся была забита народом, полностью вся вот эта наша площадь.

Люди сами пришли или их привели?

Нет (*выделяет*), сами прибежали, и школьников много было. Все пришли и все рыдали. Вот, ну а потом уже когда было объявление, что он умер, то мы собрались в класс, Галина Антоновна собрала нас всех, и мы слушали по радио пóхороны, и все мы стоя стояли. Стояли по стойке смирно, слушали. Там тем более, когда музыка играла и всё … репортаж мы слушали.

Книги, фильмы времён учёбы в старших классах и медицинском училище.

Ой, да нет, наверное, я не помню. Не сильно в кино-то бегали. Не было денег, чтобы бегать. Какие [фильмы], я сейчас не помню. Ну, кроме комсомольских … «Молодая гвардия» в то время шла[204], про Зою Космодемьянскую[205], «Неоконченная повесть»[206] … Дальше было какое-то «сердце»… настоящее [сердце] было[207], про лётчиков … Вот эти фильмы я помню.

[Водили?] Нет, в училище нас не водили в кино.

---

[204] Первая редакция фильма С. Герасимова «Молодая гвардия» была выпущена в прокат в 1948 году. – См.: Молодая гвардия // Кинопоиск. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/46682/ord/rating/status/neutral/

[205] Фильм Л. Арнштама «Зоя» был выпущен в 1944 году. – См.: Молодая гвардия // Кинопоиск. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/45403/

[206] Фильм Ф. Эрмлера с Элиной Быстрицкой и Сергеем Бондарчуком в главных ролях вышел на экраны в 1955 году. – См.: Неоконченная повесть // KinoCCCP [Электронный ресурс]. – URL: https://kinocccp.net/411-neokonchennaja-povest.html (дата обращения 24 апреля 2019).

[207] Речь идёт о фильме А. Столпера «Наше сердце». – См.: Наше сердце [Электронный текст] // Кино-театр.ру. – URL: https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/4292/annot (дата обращения 24 апреля 2019).

…Индийские фильмы… В училище стали учиться – стали ходить на индийские фильмы... Русские фильмы были в основном. На индийские фильмы ходили ради любопытства. Экзотика.

Газеты вы когда начали читать?

Где-то в училище, наверное. Потому что там надо было политинформацию готовить, там надо было международное положение обсуждать. А когда уж пошла работать – там мы учили… партию (*смеётся*). Ой, господи (*улыбается*), всё 14-ю главу я учила. «История партии». Да, на 3-м курсе мы её изучали. Но там так, знаете, мимоходом. Политинформация когда была какая-то, мы политинформацию делали… еженедельно, по очереди – один эту неделю, другой – другую. Поэтому газеты всё равно… Потом, кто-то сделает доклад, надо было дополнять. Всё равно пришлось газеты читать.

Стенгазета была в училище?

Обязательно. У нас редколлегия была, выборная. Газета была училищная. Большая газета была. Там и успеваемость была, и времяпровождение было, и работа какая-то… Всё было. Это были тексты. Фотографий не было. В наше время же не было фотоаппарата. Рисунки были, но такие, знаете, комические, вроде «Крокодила»[208].

«Колючка»? Ну, выпускали отдельные курсы. Ну, что-то маленько повыпускают, потом разругаются, что ты не так [сделал]: – а ты что лучше? И ты такой же … и всё, больше прекращали.

Секретарём партийной организации кто был?

Организация была, но я не помню.

[208] Популярный советский и российский литературно-художественный иллюстрированный сатирический журнал. – См.: Стыкалин С., Кременская И. История журнала «Крокодил» [Электронный текст] // История пропаганды. – URL: https://propagandahistory.ru/743/Istoriya-zhurnala-Krokodil/ (дата обращения 30 марта 2020).

Классный руководитель в медицинском училище.

Это была терапевт Шарапова[209] … Она у нас терапию вела и классным руководителем у нас была.

Такие же собрания были, как все, как в школе, в школе точно так же, тут так же …

Во время учёбы в училище какие-то стесняющие, ограничивающие правила поведения существовали?

Чувствовали [запреты].

За нарушения следовали наказания?

Следовали. Поставят по стойке смирно, отчитают и всё.

В школе вот был такой случай. В мае, мы уже выпускники были, экзамены сдавали, идём и все наломали черёмухи. Идёт директор школы Ильиных:

– Так, до экзаменов не допускаем.

Оттого что мы деревья наломали. Мы, конечно, в слёзы. Вот, ну как «не допускаем»? Аттестат зрелости. Ну вот. А потом учительница подошла, говорит:

– Да не расстраивайтесь, это попугал он, попугал.

А вот на хор почему-то не пришли. Тоже нас: неделю в школу не ходите! Но этого же тоже не было. Пугали так вот нас. Боялись мы. Ревели, если так вот [говорили].

Вы были комсомолкой?

Да, я была комсомолкой, вступила в комсомол в школе, в училище была секретарём комсомольской организации. Я была после 10-летки, а там были из периферии, из деревень, большинство – 7-летки, но были и 10-классники, конечно. Почему-то все меня слушались. Вот, если ездили на уборочную, то старшим всегда была я. И у нас был руководитель, который с нами ездил, например, Иван Семё-

[209] Известна Маргарита Дмитриевна Шарапова – зам. главного врача по лечебной работе Ревматологического центра Тюменской ОКБ. – См.: Фадиенко Г. Р. Тюменскому областному Ревматологическому центру 20 лет // Научно-практическая ревматология. 2005. № 5. С. 91–93.

нович – физрук. Когда не мог нас уложить никак [спать], он говорил: давай, Эмма, чего-нибудь … И я вот рассказывала какую-нибудь книгу или кино какое-то рассказывала – и все потихоньку замолкали-замолкали и засыпали.

Однажды… значит, мы копаем картошку, ну на уборочную в деревню приехали, а, это самое, колхозники у себя не копают, потом вообще ушли. А мы в дождь копаем. Девчонки говорят:

– Что это такое, в дождь копать картошку, все ушли, колхозники все ушли домой.

Я говорю:

– Ну, давайте мы не будем.

А одна говорит:

– И есть не будем, а то Иван Семёнович нас отругает (*смеётся*).

Ну и мы поварихе:

– Не вари, мы есть не будем.

Вот. А он там, в деревне, что-то бегает … Потом приходит:

– Что не копаете?

Мы говорим:

– Так дождь, у нас всё мокрое, переодеваться же нечего.

А Альбина у нас была, говорит:

– А ты чего не сварила?

– Они сказали, что есть не будут, так мы не стали …

– Вари сейчас же!

Она [повариха] сварила. Ну, нам пришлось поесть, конечно. Но самое главное, что когда мы, у нас там был ещё парень, он после армии с нами учился, и с Иван Семёновичем очень дружил, потом он говорит, когда мы стали подъезжать к Хантам, он говорит:

– Девчонки, вы нигде не рассказывайте, что у нас там такой бунт был.

– Да ладно, не расскажем, нам же тоже попадёт.

Ну и знаем, что Иван Семёновичу бы попало. Ну, в общем, это прошло между нами, никто ничего не узнал.

А почему вы отказались есть?

Кто не работает – тот не ест. По тому [принципу] и жили …

Художественная самодеятельность.

Всякие песни пели. Сейчас я уж и не помню. Пели, но такие песни… не классические, молодёжные песни, комсомольские. Кто сами, где услышат. От старшекурсников, по радио, потом кто-то дома в компании, обезьянничали – даже индийские песни пели (*смеётся*).

Хор был. Там были другие песни. Преподаватель был очень хороший. Что в школе был – Гауфлер – ленинградец … Потом мы ездили в Питер на экскурсию, так мы встречались … Это мы присоседились к поездке педучилища. Педучилище с ним связь держало. Они ему позвонили ли, сообщали телеграммой – и он пришёл нас на вокзал, встретил. Мы с ним общались на вокзале. [В школе] он у нас хор вёл, и хор вёл такой, знаете, не просто хор – песня, а он арии какие-то с нами учил, какие-то оперетты. В школе у нас были учителя, мы были выпускниками, а они приехали к нам первогодки после института. Они были молодые, здоровые, все были спортсмены, все занимались художественной самодеятельностью – он с ними-то и разучивал всякие арии, ну а мы уж там присоседивались.

И пьесы, драмкружок был, так тоже и по классике шли, и так шли. У нас была Леонтина Константиновна, она очень хороший голос имела. Она и арии учила.

Учащиеся медицинского училища.

Группа была около 30 человек.

Вы учили только специальные дисциплины, а те, кто после 7-го класса, «доучивал» и общеобразовательные предметы?

[Общеобразовательные предметы мы проходили как бы второй раз, вместе с 7-летками]. Нам [10-классникам] тоже давали оценки. Но дело в том, что я, когда сидела, я успевала контрольные решить соседке, другой соседке и себе … Я даже на экзамены пришла, а мне тычет тут [соседка], я свою-то задачу уже написала на доске, решила и пример, и задачу. У неё посмотрела условия, свой ответ стёрла и её написала. А учитель:

– Ты что, неправильно?

Я говорю:

– Да, одна ошибка была.

Так что не в тягость, что я там была второй раз. И уже аттестат зрелости они давали, всё равно все дисциплины там были указаны.

На занятиях было шумно?

Нет. У всех [преподавателей]. В школе у нас были молодые преподаватели, они с нами где-то и в шутку, и всерьёз… разницы в возрасте большой не было.

Ну а в училище, там были врачи, как мы будем шуметь? И дисциплины новые такие.

Девчонки с девчонками, мальчишки с мальчишками водились в училище?

Да всяко. И пары у нас были. Да и общие [дела] были. [Специфически мальчиковых, девичьих дел не было].

Может, 7-классники с 7-классниками, а 10-классники со своими?

Нет. Разницы не было никакой. Мы не различали, кто 7-летка, кто 10-летка.

Среди учащихся были ханты, манси, ненцы?

Мы считали их просто националами, а кто ненцы или ханты, или манси – этого мы не понимали.

Можно сказать, что учащиеся водились друг с другом по национальному признаку?

Нет. Они держались, только когда едут домой на каникулы, то тогда они на один теплоход садятся. И приезжают оттуда тоже [вместе]. Ну и детдомовские тоже держались вместе, когда едут в детдом на каникулы.

Они внешне как-то отличались?

Нет, я же объясняла – мы были на полном государственном обеспечении. Не отличались.

Они в деревню ездили на каникулы. И там, значит, дома, они ходили в национальном… – они рассказывали. А к нам приезжали в училище, они приезжали уже обрусевшие, они одевали то, что носили в училище.

Они, если приехали оттуда на 1-ый курс в кисах, то здесь кисы они уже никогда не одевали, и они даже презирали их. Им не нравилось, когда им говорили: одевай свои кисы. Нам давали валенки, валенки давали, кирзовые сапожки.

Хантыйскую, мансийскую речь в училище Вы слышали?

Не слышали. Никто … Они никогда не разговаривали. Нам неинтересно было, а они… не хотели, наверное. Они по-русски все говорили. Но и по-русски-то плохо говорили, поэтому им интересно было по-русски разговаривать.

Учащиеся «водились» только со своими или и из других групп тоже?

Из всех групп. Вот я когда пришла учиться, то Кирсанов – вот после армии парень, он был секретарём комсомольской организации. Я была в комитете у него. Я была первокурсница, но я уже имела влияние и на 3-й курс, и на 2-й. Я если приходила к ним в группу, то меня уже слушали, что

я представитель комитета. А потом, когда Кирсанов ушёл, его [не] переизбрали – меня выбрали, то у меня уже комитет был из 3-го курса – вот Кирсанов этот был и с 1-го курса были девочки.

Каждая группа выбирала своих представителей … У нас назывался секретарь. Всё приходилось. И за успеваемостью следили мы, у нас в комитете каждый отвечал, кто-то – за успеваемость, кто-то – за столовую, кто-то отвечал за практику, кто-то … Потому что эти вот деревья, которые сейчас растут, вот эти деревья все садили мы, 300 с чем-то саженцев берёзовых посадили … Лопаты, тачки, носилки, всё это, всё это была моя работа, чтобы всё было …

А завхоз?

Завхоз был. Но он какое отношение имеет к комсомольским делам? Он отвечал за общежитие, за инвентарь, за мебель… А то, что мы – комсомольцы делали, – то никакого отношения.

Вот этот аэропорт строили – мы тоже ходили там[210]. Дело в том, что кто-то рубил деревья, кто-то пилил деревья, а сучья-то надо было собирать, сжигать. Студенты ходили.

Вы считали себя студентами или учащимися?

Учащимися… Мы называли себя… считали студентами… ради шутки. Но у нас была директор Мария Ивановна[211], она всегда называла «учащиеся». И даже поправку нам делала – «учащиеся».

---

[210] Строительство аэропорта А. Т. Ерёмин описывает как подлинно народную стройку. – См.: Ерёмин А. Т. Военными и мирными дорогами. М.: ИКАР, 1995. С. 182.

[211] Мария Ивановна Воскресенская (1902–1981) – директор Ханты-Мансийской фельдшерско-акушерской школы / медицинского училища (1948–1963). – См.: Воскресенская Мария Ивановна // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1. С. 186–187. В 1946 г. награждена медалью «За доблестный труд». – См.: Молодёжь Югры [Электронный ресурс]. – URL: http://molod-ugra.ru/index.php/oni-kovali-pobedu/dannye-gosudarstvennogo-arkhiva-yugry/okp-v (дата обращения 10 апреля 2020). Известна как активный лектор Российского общества Красного Креста. – См.:

Преподаватели обращались к Вам по имени, по фамилии?

И так, и так. На собраниях? Имя и фамилия сразу назывались.

Слово «товарищ» использовалось?

Нет. Взрослые общались по имени-отчеству. Но «товарищ» никогда не было.

Двоечники у вас были?

Да, конечно. Со мной шла на практику в паре Р. – она хантеечка была. Она после 7-летки, хантеечка, из глухой деревни, вот она воткнула иголку … Дело в том, что у нас муляжей не было. Мы же учились всё делать на себе. Все уколы, все процедуры, всё учились делать на себе. И вот она мне иголку воткнула и стоит, плачет. Вот ревёт, слёзы вытирает. Так вот, выдернула [иголку] и отругала её, конечно. Ну, мне больно было. Во-первых, неумелая рука, во-вторых, неизвестно чего там, как. Ну и вот. А та не стала учиться. Не стала учиться…

Потом по службе меня отправили в командировку, когда я уже работала в Согоме. Хантэйская маленькая деревня. Я приехала – она там живёт. Я её встретила. Она маленькая ростиком, пухленькая такая. Мы с ней обнялись, поцеловались, всё. Она меня чаем попоила. Она там работала начальником отделения связи. Вот так. А потом приехала ещё раз в эту деревню, хотела её увидеть, а мне говорят: а Вы ничего не знаете? Она спилась и замёрзла. Понимаете, вот такие судьбы.

Девчонок было больше, чем парней, процентов на 70. В основном после 7-го класса. У нас учился такой знаменитый

Милосердие / ред.-сост. Л. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2015. С. 117 (на с. 140, 343 книги – фотографии М. В. Воскресенской). См. также статью М. И. Воскресенской, посвященную юбилею школы: Воскресенская М. Знаменательный юбилей // Ленинская правда. 1958. 28 июня.

Тогушаков[212], он выучился потом на врача и стал… ведущим травматологом у нас. Потом у нас учился Макаров[213] – он психиатром стал. Соколков[214] вот с нами учился, на одной парте со мной сидел. Списывали ли мы друг у друга? Нет.

[Парень] такой длинный [у нас] был, сидит – ноги за партой высунулись (*улыбается*). А жарко же, обувь-то плохая, он разуется. Мария Ивановна зайдёт в класс: И., ты опять разулся! (*смеётся*). Он потом наркологом стал… Белкин Гурий был, тот выучился на врача в Омском институте, работал в кожно-венерическом… Парни у нас все стали врачами. Кто-то пошёл учиться сразу, кто-то поработал год-два, женился, а потом пошёл учиться [на врача].

Двоечникам кто-то помогал или они сами справлялись?

Специально никто, а так свои же однокурсники помогали. Они сами – кто-то попросил: помоги мне, и помогали. Кто-то сам просил, а кто-то сам предложил свою помощь.

Преподаватели.

Преподавали у нас все, кто работали в Окружной больнице врачами, – те у нас и преподавали. Были у нас даже участники войны, такие как Фёдоров, Михаил Антонович[215], хирургию преподавал, потом поехал в Тюмень[216]

[212] Тогушаков Юрий Исакович – выпускник Ханты-Мансийского медучилища 1959 г., Омского мединститута (1969), хирург, известный в Ханты-Мансийском национальном округе доктор. – См.: Кузьмичёв Д. Е., Кузьмичёва Т. Г. Есть такие люди – хирурги. Хирург Тогушаков Юрий Исакович // Здравоохранение Югры. Опыт и инновации. 2015. № 1. С. 61–63.

[213] Владислав Макаров. По другим сведениям, работал медбратом и через несколько лет уехал из округа.

[214] Анатолий Иванович Соколков.

[215] Михаил Антонович Фёдоров – См.: Фёдоров Михаил Антонович [Электронный текст] // Департамент здравоохранения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. О Департаменте. Летопись. – URL: https://www.dzhmao.ru/company/letopis/500/ (дата обращения 30 марта 2020); Фёдоров Михаил Антонович, 1918 г. р. [Электронный текст] // Подвиг народа. – URL: http://podvignaroda.ru/?#id=1102972304&tab=navDetailManCard (дата обращения 30 марта 2020); http://podvignaroda.ru/?#id=1561556891&tab=navDetailManAward (дата обращения 30 марта 2020).

[216] В 1964 году.

и был там ведущим хирургом. Иванов Павел …[217] – он у нас тоже хирургию преподавал. Тот помоложе был, а Иванов постарше. Участники войны были у нас… Гоняли нас по-военному. Мы на практику придём, чтобы всё знали, чтобы всё сами делали, чтобы всё умели.

С ветеранами войны были встречи в школе. Был Пуртов – Герой Советского Союза[218]. Потом приходил какой-то лётчик, но я не знаю его фамилии. Это в школе всё было, в училище [встреч] с ветеранами не было.

Конфликты между преподавателями и учащимися Вам известны?

Нет, не помню я такого …

Всегда ведь дерзили-то. Но это как-то проходило текуче, забывалось. Потом ведь дерзили, не как сейчас вот дерзят, я сужу по своим внукам, тогда такого не было ведь. Тогда учителей-то уважали. Учителей тогда уважали и боялись. Наказания боялись.

Вам знакомо такое понятие, как правила внутреннего распорядка?

Да, конечно. В школе было. И в училище, когда мы поступали, нам сразу всё это преподнесли… сразу в аудиторию нашу и вот, пожалуйста, вот такие у нас порядки.

---

[217] Павел Михайлович Иванов. – См.: Пуртов. Славный трудовой путь // Знамя коммунизма. 1957. 23 июня; Лаптев З. Большой души человек // Ленинская правда. 1958. 5 мая; Карабанова Л. Хирург, учитель, человек! // Тюменская правда. 1960. 2 сентября; Желейко А. И. Иванов Павел Михайлович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 1. С. 357–358; Струсь Л. В., Корба Н. С. Окружная клиническая больница – 85 лет. Время мудрости. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. С. 109–118 (на с. 118 – фотография П. М. Иванова); Иванов Павел Михайлович, 1908 г. р. [Электронный текст] // Подвиг народа. – URL: http://podvignaroda.ru/?#id=33972932&tab=navDetailManAward (дата обращения 30 марта 2020).

[218] Фёдор Петрович Пуртов – Герой Советского Союза – см.: Пуртов Фёдор Петрович // Место рождения Тюменский край [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rodinatyumen.ru/person/soldaty-pobedy/purtov-fedor-petrovich/ (дата обращения 24 апреля 2019).

Когда Вас спрашивал учитель в школе, Вы обязаны были вставать?

Да, встать. [Руки держать по швам], конечно.

Когда закончился ответ, мы садились [не ждали разрешения учителя].

А в училище?

Да. Обязательно. На всех курсах вставать перед преподавателем.

Модничанье началось в школе, а в училище?

Всё равно завидовали. Всё равно приглядывали, кто как одевается. У нас там была одна учительница… Мы осуждали её, что вот, не так одевается. Не стремится… Она очень посредственно, как все, одевалась. А у нас были, которые одевались изысканно, мы на них смотрели. Мужчины? Нет. Хирурги ходили в обыкновенных пиджаках, обыкновенных костюмах. Может, они куда-то ходили – галстук одевали, но в училище нет.

Причёски.

В основном косички… Да не в основном – все в косичках ходили. И в школе, и в училище. У нас была директор Воскресенская Мария Ивановна. Муж у неё хирургом был. Она увидит если кудрю, она… Размочит её, расчешет и не даст!

У нас была Вера Черемных, у неё брови были как нарисованные. Она [Мария Ивановна] идёт:

– Так, Черемных, умывайся.

– Чего я пойду умываться-то?

– Иди, смывай брови.

– Чего смывать, они у меня такие есть.

Она так голову поднимает:

– Надо же, как тебя природа разрисовала!

Строго было так в училище.

Косметикой вы не пользовались?

Нет. Во-первых, это [было бы] осуждено, во-вторых, мы как-то… тогда ещё у нас у всех своё было... Не додумались бы даже.

На танцы никак специально не прибирались?

На танцы прибирались как? Вот была зима, в туфлях ходить нельзя было. Валенки надо было сдавать в раздевалку. Поэтому мы зимой ходили всё равно в резиновых сапогах, чтобы нам танцевать можно было. И потом в раздевалке пальто схватили и бежали в училище из Дома культуры в сапогах резиновых. Мальчики? Кто в чём ходил – тот в том и пришёл. В тёплое время в туфлях ходили, конечно. Как на улице бегаешь – так и танцевать пошёл.

У нас ведь было полное государственное обеспечение. У нас были платья у всех одного… ну, фасон, кто какой, но ткань была одна и та же. Вот эти платьица одевали и *резиновые сапоги* (*выделяет, улыбается*). В резиновых сапогах танцевали.

Танцы.

Ну, вальс танцевали. Что ещё? Я уж не помню. Вальсы, кружились, любили очень. Приглашали? Мальчики, конечно. Ну, когда объявляли белый танец, тогда, конечно, приглашали девочки. У нас было больше девчонок, мы больше танцевали девчонка с девчонкой. Музыка? Радиола. Пластинки. Всякие пластинки были. Песни были. Танцевали под песни. А баяна у нас не было.

Из ребят никто не играл?

Девочки некоторые играли на гитаре, а парни никто не играли.

Как мальчики ухаживали?

Да никак не ухаживали. Пары были. Но ведь они не при нас были. Мы не знаем, как они ухаживали... Дружили они, дружили, учились. Вместе уроки учили. Вместе на экзамен бегали и всё.

Учащиеся курили?

Нет, ни в училище, ни в школе. Преподаватели курили.

Отношения с алкоголем.

В школе никакого [алкоголя]. Мы не знали, что это такое. А в училище, ну, Новый год, мы, конечно, в комнатах по бутылке выпивали в общежитии. Общежитие тут же было. Тут училище, тут столовая, тут общежитие парней и тут девчоночье. Ну, это знаете, бутылка на всю комнату красного вина. На картошке? На картошке этого не было.

Обсценная лексика.

В школе не было совсем, а в училище иногда попадалась. Этих уже разбирали. [Это была бравада]. О невоспитанности нельзя говорить, потому что многие стеснялись, приехали которые в училище, боялись и стеснялись. Так просто не кидали слова.

Конфликты между учащимися, насилие, драки.

Не было у нас конфликтов.

Какие места в городе Вам нравились?

Да, конечно, тогда нравились и потом нравились. Вот я писала письмо в Тюмень подружке, с которой мы тут учились: у нас строится город, очень большой, очень красивый, но мне… жалко, что нет этого универмага, потому что универмаг у нас был, гастроном рядом, мы туда ходили с карточками за хлебом. Вот нет этого кинотеатра, [куда] мы начали только со школьной скамьи ходить туда. И дружили с парнями, только вначале же, тоже в кинотеатре встречались. Нет этого дома – Дом культуры был, ДК. Построили «Октябрь», а тот снесли. Эти-то места очень жалко, конечно. Вот. Ну и нет этого медучилища.

А тут по улице, по улице этой, которая тут милиция стоит, у нас были бараки юнговские, и была школа юнг. Мы туда на танцы тоже ходили, жалко, что этого нет.

Неприятные места в городе? Да, нет, таких мест, наверное, не было.

Ну, дело в том, что у меня в школе… одноклассники были репрессированные, спецпереселенцы[219] с Перековки. И девчонки учились в одной школе. В этой школе учились и эвакуированные из Ленинграда которые, и репрессированные, которые были тут… вместе все. И особо мы не отличали, что он из спецпереселенцев, а это, что из Питера эвакуированные дети. Дело в том, что там ведь много было эвакуированных детей. Вот их потом отправили в Нялинский детдом. Сначала в Хантах был приёмник, а потом их отправляли в Нялинский детдом[220].

Дело в том, что у нас эвакуированные поляки были. У нас, например, на квартире жили поляки, эвакуированные, сосланные сюда[221]. Польская пара жила и мужчина жил тут. Ну, я ничего плохого о них не могу сказать. Они нам помогали по возможности. Сами-то они бедствовали. Но они нам тоже помогали... А потом, когда им разрешили уехать, они, конечно, уехали. И мы плакали, и они плакали, что уезжают.

---

[219] О спецпереселенцах в Остяко-Вогульском/Ханты-Мансийском округе защищены две диссертационные работы: Загороднюк Н. И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь 1929–1940 гг. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 1999. 21 с.; Мошкин В. В. Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский Север, 1930–1933 гг. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Тобольск, 2008. 27 с. См. также: Лазарева С., Дружинина Ю. Кулацкая ссылка в Остяко-Вогульском национальном округе // Наша общая горькая правда. Историко-краеведческий сборник / ред.-сост. Л. В. Царегородская. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2004. С. 8–25; Киселёв А. Г. Спецпереселенцы севера Западной Сибири, 1930–1954 годы // Жизнь в ссылке. Воспоминания, письма, фотографии, документы / отв. ред., автор и сост. О. И. Приступа; авт. А. Г. Киселёв; сост. Д. В. Филипчук. Ханты-Мансийск – Екатеринбург: Баско, 2013. С. 3–42.

[220] Алексеева Л. В., Букренёва К. Г. Размещение ленинградских детских домов в период эвакуации на территории Ханты-Мансийского национального округа // Клио. 2014. № 7 (91). С. 85–87.

[221] Тюлина С. В. Вклад жителей Югры в победу в Великой Отечественной войне // Архивы Югры [Электронный ресурс]. – URL: https://arhivugra.admhmao.ru/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-arkhivnykh-dokumentakh/materialy-posvyashchennye-velikoy-otechestvennoy-voyne/okrug-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/395359/vklad-zhiteley-yugry-v-pobedu-v-velikoy-otechestvennoy-voyne (дата обращения 20 мая 2018).

Эти темы обсуждались вами в школе, в училище?

Нет. Тогда даже слова «спецпереселенец» не говорили. Называли это место «перековкой»[222]. Даже кладбище у них своё было. Но понимаете … они у всех на виду у нас показали труд, как можно трудиться. Им дали землю с лесом. Они вырубили этот лес, сделали себе домишки, сделали себе баньки, и мы в этих баньках все вместе мылись. И дружили все вот.

Практика.

Практика у меня, видите как, раз я была секретарём комсомольской организации, то меня на практику в деревню не отправили. Я осталась в городе. Тут потому что были выборы, и я была в избирательной комиссии ещё. Меня оставили в городе. Поэтому я практику проходила по всем отделениям – вот хирургия, потом акушерство, потом терапия, вот так вот.

[Делала] всё, что делают медсёстры. Мы так же уколы делали, назначения, листы назначения уже разносили больным, таблетки, заполняли историю болезни, принимали больного – то, что делает медсестра, то и делали мы.

А остальные ездили в деревню по ФАПам – фельдшерско-акушерские пункты. Там они работали с фельдшером и выполняли работу фельдшера или акушерки.

Ну а мы, раз в городе были, у нас самостоятельной работы не было, только под контролем.

[222] «Перековка» [Электронный текст] // Служба по делам архивов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – URL: https://archivesl.admhmao.ru/Dokumentalnyefilmy/957101/Perekovka (дата обращения 30 марта 2020); Вклад спецпереселенцев. Новые точки на карте [Электронный текст] // Виртуальный музей «История ссылки и спецпереселений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. 1920–1950-е гг. – URL: http://hesr.ugramuseum.ru/vklad/points.html (дата обращения 30 марта 2020).

Когда Вы учились в училище, вам было известно, сколько зарабатывает фельдшер, акушерка?

Знали, знали, сколько зарабатывает. Тогда все так зарабатывали. Заработная плата была для нас не главная… Не колебала она нас. Не волновала. Потому что у меня мама работала – столько же зарабатывала. Она работала в пошивочной мастерской, она столько же зарабатывала. Братья мои работали. Вот старший был с 14-ти лет помощник машиниста, он столько же зарабатывал. А второй брат плавал на пароходе после юнгов – тоже столько же зарабатывал. Да особо как, мы и не интересовались.

После училища Вы куда пошли работать?

Да куда направят. Меня сначала направили на скорую помощь, я на скорой помощи сколько-то проработала, не помню сколько, сколько-то месяцев, меня поставили потом фельдшером сразу. А потом отправили в деревню, там уже мне приходилось и роды принимать – заведующей врачучастком в деревню Зенково. Там было 12 коек, больные лежали. Плюс была корова, была лошадь и 12 больных, вот, лежали. Надо было приём вести. Вот. Ну и когда с акушеркой менялись, акушерка если уйдёт куда-нибудь, на больничный или на выходной, то принимала, если получатся роды, то и роды приходилось. А, кроме того, надо было заготовить сено для коровы и для лошади и ещё в колхозе отработать. Ну вот, сколько-то там.

А я однажды взяла и доярке дала больничный лист. Ну было такое заболевание, что необходимо было дать больничный лист, председатель колхоза зво́нит мне:

– Ты зачем дала больничный лист?!

– Так она же не может работать. И, кроме того, с молоком нельзя, гной на пальце.

– Вот завтра вставай (*смеётся*) в 5 часов и иди, дои коров!

И матом на меня.

Вот такое было.

Там отработала. Потом меня перевели в другую деревню, там деревня совсем маленькая была, там уже не было коек. И ни коровы, ни телёнка не было. А потом перевели меня в город работать. В городе стала работать фельдшером на предприятии.

Когда Вы почувствовали себя уверенно в профессиональном отношении?

Когда в город перевели.

… И я могла сказать что-то. Дело в том, что когда я работала в городе, я была ещё председателем общества Красного Креста[223]. У меня было 11 санитарных дружин и 20 санитарных постов. Все эти посты надо было обучить, оснастить, и… как сказать, и отстоять.

Для того, чтобы с предприятия снять 20 человек, это же очень много значит. Были всякие препятствия, и я уже научилась разговаривать и отстаивать, и получать[224].

Выручали, конечно, специалисты. Диктовали, хирурги, например, там, ну, химический очаг – терапевт, бактериологический – эпидемиологи. А практику опять же фельдшера проводили, обучали, как забинтовать, как шину наложить, как перевезти, как правильно в машину погрузить – это уже надо было всё знать фельдшерам. Вот мы этому всему обучали.

---

[223] О работе Красного Креста (РОКК) в Ханты-Мансийске и округе см.: Милосердие / ред.-сост. Л. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2015. С. 122–155.

[224] Л. Ф. Струсь – сам активный деятель РОКК, приводит краткую характеристику деятельности Э. М. Сивковой, данную коллегой Т. А, Гайворонской: «У нас в Президиуме окружного общества было до 17 человек, и всех их вспомнить очень приятно. Я многих вспоминаю благодарно. Мне особенно запомнились Сивкова Эмма Михайловна, председатель Ханты-Мансийского городского комитета – замечательный организатор. Сколько мы с ней вместе поездили по командировкам». – См.: Милосердие / ред.-сост. Л. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2015. С. 153.

Ну а приказом от горисполкома, санитарные дружины, ну как сказать, имели право на предприятиях снять этих людей.

Почему Вы не пошли учиться дальше?

Работала и работала. Нравилось мне. Ну, я отличник здравоохранения, отличник санитарной обороны. Медаль Красного Креста. Медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».

Фаина Николаевна Поступинских (Зубарева)

Фаина Николаевна Поступинских (Зубарева) родилась в 1940 г. в пос. Андра Октябрьского района Ханты-Мансийского округа. Отец – Николай Фёдорович Зубарев (1915–1944), русский, происходил из крестьян, семья которых была выслана на север во время коллективизации из-под Челябинска. Мать, Анна Яковлевна Куклина (1919–1969), манси по отцу, была фельдшером.

В школу Фаина Николаевна пошла в 1948 г. в пос. Большой Атлым, а по окончании 4-х классов училась в 7-летке пос. Подгорное.

В 1956–1959 гг. обучалась на фельдшерском отделении Ханты-Мансийского медучилища.

После окончания училища вместе с супругом, Владимиром Ивановичем Поступинских, работала медицинской сестрой в пос. Карым Кондинского района, затем в Ларьякском районе в пос. Колекъёган и Охтеурье.

С 1962 по 1989 г. трудилась в пос. Заречный Октябрьского района, а затем в течение 10 лет в пос. Малый Атлым.

Фаине Николаевне присвоено почётное звание «Ветеран труда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

Воспоминания Ф. Н. Зубаревой записаны А. Г. Киселевым 10 июня 2019 г. в помещении архива Ханты-Мансийской окружной психиатрической больницы.

Когда и где Вы родились?

Я родилась в 1940 году в посёлке Андра. Раньше был там колхоз, как маму туда послали, а отец был как сосланный, с Челябинской области.

Он из крестьян?

Ой, я даже не знаю, вот. С мамой-то никогда не разговаривала. И потом там мама вышла замуж, я с [19]40-го года, его уже в [19]42-м, наверное, взяли, потому что я на фотографии уже года полтора сижу на руках. Мама потом как похоронку получила, потом уже так. В [19]47-м году её перевели в Малый Атлым на работу, и вот уже там Заречное, Малый Атлым да Заречное, я уже там в школу пошла.

То ли вот у родителей ума не было, а до нас ещё не доходило. Вот, например, что-то спросить даже об отце, например, или о семье, что, откуда родом, откуда Вы пошли. Ведь этого не было. Родители никогда не рассказывали, а мы и не знали, так и живём.

И дедушка не пытался Вам рассказывать?

Нет, никто, никто не рассказывал. Даже похоронку вот от отца я уже здесь [недавно] ходила, просила похоронку. Почему вот мама не рассказывала. Только запомнила, что вот книжечка была, ну где-то, наверное, с ладошку, такого бежевого цвета и полоска красненькая была – пенсию мама на меня получала. Вот это я запомнила. И то ведь даже мама мне ни слова не говорила.

Пенсию она на Вас получала за погибшего отца?

Да, за погибшего отца.

Вот даже разговоров не было, мама чтобы сказала, знаешь, мама из Конды, что из Ильичёвки. Больше я не знаю. Мама родственников некоторых упоминала из Конды, но кто они, откуда взялись, – даже разговору не было.

Фамилия девичья у мамы была Куклина. А потом уже Антипина она – по отчиму, с отчимом зарегистрировалась.

Я уже позднее узнала, что отец – их семья была сосланная. Из Челябинска… оттуда откуда-то. Потому что у него здесь дядька в Хантах работал, Зубарев Евгений Фёдорович, это в рыбкоопе в Самарово[225], а сестра у него жила в Тюмени.

А вот я-то где жила в посёлке Заречное, там действительно люди были сосланные. Вот они уже … Кто-то какое-то недоверие, финны были, немцы были. Но когда разрешение пришло, первые калмыки уехали, финны, вот они… У нас двое только финнов остались. Они были младенцами привезённые, так они здесь вот в Малом Атлыме и остались жить.

А посёлок был из сосланных, у кого-то вот, одна санитарочка рассказывала, жили они в Рязанской области и, говорит, ну что, по 17-ть лет, рыли окопы и самолёты летают, ну и сбежали, поймали их и вот сослали. Всё. И вот они прожили всю жизнь.

Кто-то в бога сильно веровал. Вот одна семья была, они тоже из Рязанской области, где-то были, сильно веровали[226]. Их тоже сослали. Это вот они как сами рассказывали[227].

---

[225] Видимо, речь идёт о Ханты-Мансийском городском рыболовецком потребительском обществе Ханты-Мансийского окружного рыболовпотребсоюза. – См.: http://www.gahmao.ru/component/content/article/2-uncategorised/1156-kooperatsiya (дата обращения 10 апреля 2020).

[226] Политические репрессии 1930–1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа. Сб. док-тов / сост. Е. М. Брагина, Ю. В. Лазарева, Л. В. Набокова. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. С. 145; Наша общая горькая правда. Историко-краеведческий сборник / ред.-сост. Л. В. Царегородская. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2004. С. 62, 67–68; Красильников С. А., Сарнова В. В. Спецпереселенцы // Историческая энциклопедия Сибири. В 3-х тт. Новосибирск: ИД Историческое наследие Сибири, 2010. Т. 3. С. 168.

[227] Очевидно, здесь представлены более поздние знания и впечатления Поступинских.

Мама была фельдшером?

Мама была фельдшером, окончила училище в Ханты-Мансийске в 1939 году. В Большой Атлым её перевели. Все посёлки перепутали в Большом Атлыме, там она уже замуж вышла, он как раз с войны пришёл. Отчим. И вот воспитывалась. Потом у нас вторая, у мамы родилась дочь…

В детстве Вас воспитывала мама?

Мама. Мама воспитывала и вот. Потом мама вышла [замуж], с отчимом, но был, правда, любитель выпить, но трудолюбивый был и не обижал. Что не обижал, то не обижал. Вот.

В чём заключалось мамино воспитание?

Я, например, то обижаюсь, что вот мама у нас умела и вязать, и шить, умелица была, но почему-то вот она, вот меня и младшую сестру она не приучила к тому. Я уже вязать начала, когда работала … То ли вот они на работе. Придут с работы – огороды, да ещё и отчим тоже любил выпить, нас хорошо гонял. Может быть, из-за этого. В жизни своей такого удовлетворения у неё не было. Может быть, и на нас что-то зло срывалось. Вот это вот. Вот то, что не приучили вот. Даже вот корову я доить поздно уже начала. Уже взрослой. Где-то лет 16–15-ть, наверное. В детстве я не доила корову… И на кухне… Всё делала мама.

Как Вас кормили дома?

У нас скотина была, мы всю жизнь, курицы были. Корова была. Поросёнок был. Теперь вот, значит, дедушка старый у меня, вот мамин отец, он всегда охотился. Ягод было – вот так вот! Собирали строго. Например, если он привезёт целую такую… бочонок брусники, то мы даже не перебирали. Она раз вовремя созревшая собранная была, придёшь зимой, зачерпнёшь ковшик, всё. А летом мы, например, всегда родители как-то работали много, мы всё с пацанами бегали за черникой. С корзиночками придёшь домой, раз чернику с молоком поели, дальше побежали.

Рыбы вот так водилось! Ой. У меня дед, никаких этих рыбнадзоров не было. Например, чебака каждый день вёдер 12-ть. Куда эту рыбу девали? Посылки не посылали, родственников не было. Не знаю. Но, правда, сушили. Вот вялили, сушили. Те же чебаки зимой раз, уху из чебаков сушёных сварят. Я сама? Нет, я не рыбачила. Мальчишки удили и сетки ставили. Вот наша речка, через сор – Обь, и почему-то мы о хорошей рыбе не слышали. То ли сетей, может быть, не было, а может, мозгов не хватало. У нас щука, язь, чебак, даже леща в то время тоже не было.

Отчим не рыбачил, пока не переехали в Атлым. Там на рыбоучастке он, конечно, уже рыбачил.

Дед у меня рыбак и охотник был[228]. Он из Кондинского района, из Ильичёвки, у него жена рано умерла. Вот осталась мама и её сестра. А третья сестра умерла, маленькая. А… уже в [19]49-м году деда мы уже перевезли из Конды. Он выжил, раз один его ещё медведь маленько поранил. Он раз охотник был и стал через лещину… перелазить. И перелез прямо к медведю. И вот у него глаз был вот так маленько покорябанный и черепушку ему медведь снёс, но он ещё на обласке[229] сам приехал в посёлок. Там ему помощь оказывали, вот. Он охотник был хороший.

Вы мансийский язык знаете?

Нет, я не знала, у меня мама не знала, мама была уже у меня … Дед – манси, а мама была наполовину. У ней мать была русская, мама уже не знала [языка]. И я тоже не знала. И мансийских праздников тоже. Хоть национальный посёлок считался Большой Атлым, но там жили в основном уже… обрусевшие. А ханты жили километров в 30-ти, Моима был, там вот. Но там они приезжали… особенно запом-

[228] Куклин Яков Константинович.

[229] Облас, обласок – лодка, выдолбленная из цельного дерева, челнок. – См.: Дунин-Горкавич А. А. Приложения к книге «Тобольский Север» // Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерия, 1995. С. 76.

нилось в детстве, на выбора́ когда приезжали. Все на оленях, такие разукрашенные, шали цветные, в клубе так весело было.

Ваша мама была верующей?

А вот нет, я даже у мамы не спросила. Крещёная, не крещёная, но только вечером мы [когда] с сестрой ложились спать, мама всегда говорила: Господи, благослови, с нами Бог, спите, чтоб всё у вас было нормально. А так нет.

А вот колядовать мы бегали… попрошайки.

Куличи делала, яйца красила?

Нет. Нет-нет-нет, у нас даже в деревне не было, чтобы, например, яйцо также красили.

Свою стряпню [мама] делала каждую субботу на воскресенье, русскую печь топит …

Запомнила, что компании были хорошие, собирались люди вместе.

А мы вот – любители, железка была в прихожке, картошку сыру нарежешь и с боков и на эту железку. Облепленная картошкой, такие пятна, придёшь домой, мама придёт, отругает… Печёнки всё время жарили на костре, все чумазые ходили.

Что в детстве-то весело было, не различали, кто бедный. Ну, вот я, например, жила, у меня какая-то обувка более и менее была, а у подружек это, например, пусть даже которые девочки в 4-м классе ходили в таких кожаных оленьих чулочках, завязывали на шнурочки. Скользкие были, не в чем ходить.

Расскажите о школе.

Ой, да, школу, конечно, с 7 лет … Ну, сумка была матерчатая через плечо... Училась я так, неважно. Два, три, четыре, всё.

Зато бегала, играла, катались на санках. Как спустишься в речку, в Атлымку, переедешь чуть ли не на ту сторону. Ещё была почта-верёвочка. Мы через весь сор прицепимся

к саням, уедем, обратно идём пешком. Пешком, зато весело было, у кого-то нарточки хантэйские были, у кого санки деревянные, у кого ледяшки. У кого из навоза такие были сделаны застывшие, чтоб не выпасть, седушки. Все катались… Мальчишки, девчонки.

С мальчишками дрались?

Ну, как-то было, конечно. Уже в Октябрьское маму перевели работать, так там заведующая райно … ну, да, райно, она жила рядом с нами, у неё стога сена были, привезут воз сена, свалят, а между стогами проходы, вот мы всё время лазили по этим проходам, в снегу везде рылись, всякие ямки, играли.

Вечерами играли... Вот, например, когда луна взойдёт, светло, вся деревня, ребятишки высыпаются. А так-то с фонарём-то ходить… идёшь с фонарём куда-нибудь. Кому-то надо сходить, отправятся родители. Всё, фонарь в руки и пошёл. Лампы всё кругом были у нас.

Самое яркое впечатление детства.

(*Улыбается*). Я запомнила только то, что вот когда луна взойдёт, мы все – вся деревня катаемся с горы. И всё лето в воде купались. Почему-то и лошадей было в колхозе много, а воду носили на себе.

Отчим на работе, мама на работе. И вот мы раз сходим по́ воду – окунёмся, раз сходим – окунёмся … Никто нас на речке не караулил.

…

И потом вот ещё, нас в деревне, между прочим, до того было, когда вот лето наступает, даже вот мальчишки – два класса там окончили, *ни одного не найдёшь* (*выделяет*).

Председатель совета приезжал Борисенко и всех на покос, например, собирали. Кто на лошади вот умел сидеть, и мальчишки ездили копны возили, верёвочку кругом – и копны возили. Вот это вот всех почему-то собирали. В деревне если только скажут, что Борисенко приедет, – всё,

тишина в деревне (*улыбается)*. Никого ребятишек не найдёшь. Всё. Обязательно.

Даже, это, корчевать ходили. Например, вот трактором всё уберут, всё поле, а сучки-то всё равно остаются. И вот обязательно всех, в школе мы, нас собирали. Взрослая женщина с нами ходила.

Картошку тоже полоть, копать водили. Такой, например, ряд картошки дадут прополоть. Сидишь – пыхтишь. Там не смотрели, что, вот, например, эти дети из бедных семей, из средних, таких, как я бы вот относилась, и что у меня отец там бригадиром был в колхозе, мама фельдшером. Всем одинаково утром техничка колхозная стучит в окошко: на картошку полоть! Всё. Идёшь на картошку полоть – это как закон был.

Или собирали, например, на покос, тоже так же всех. А на гребях ещё ездили-то, моторов-то не было ещё. Большие неводники, вместе с мужчинами.

Опять, вот даже и плохо, говорят, жили, а в начальной школе стол накроют – та же картошка, капуста и… конфеты кругленькие в коробочках. Карамельки круглые, жёлтенькие там, красненькие, розовенькие… Всё.

У нас конфеты, даже в те годы, были разные в магазине, про шоколадки – не помню, а конфеты вот на вкус были очень хорошие. И придёшь, например, вот за хлебом, и подаёшь там не только на булочку хлеба, а подаёшь, на 5 рублей, например, хлеба и вот до такого кусочка (*показывает маленький размер*) всё взвешают. Вот это вот запомнилось.

А так-то, конечно, в детстве интересно было. Ну почему-то вот некоторые, вот даже вот мама за которого вот отчима вышла замуж, у них семья такая была… Ну, скота не держали. Интересно, не знаю, почему. Мы жили в Кеушках. Мама одна жила, мы и то привезли корову в Большой Атлым. А вот табак помню вот у них. Около палисадника

вот такой табак ростили. Всё курили из газет закрутки. Вот это вот помню.

Ну, неплохо мы в детстве, мы весело жили. Хорошо.

Парни уже взрослые, когда свободные, как уж они наработаются, всё время в лапту играли. А мы, ребятишки, тут неподалёку, из круга выжигать.

Из круга выжигать?

А вот, мячик кидали, кто поймает там, в середине, и надо будет убежать, чтобы в тебя мячик не попал. Попал – значит, ты вылетаешь. Или ты галишь. Вот это играли.

В лунки играли. Тоже мячик катали. Что за игра была. В какого-то чижика играли – тоже в лунки щепку какую-то кидали – в лунку попасть. На скакалке скакали. Это уж как обычно. Делали себе классики такие и скакали на скакалке.

И ещё. Мячиков же не было. Вот уже, например, наступает тепло. Вот начинают коровы линять. И вот руку намылишь. Вокруг коровы ходишь, гладишь-гладишь – и скатывается вот такой мячик. Тоже сами делали.

Масло сбивали, помню. Ну, это, конечно, работа такая… рогулька деревянная и чтоб без перерыва, вот сидишь и мешаешь-мешаешь – вот такой комочек, больше, больше…

Всё сами же делали. Крахмал сами делали. Ту же картошку мыли, тёрли и крахмал делали. И ещё вот, когда весной откроют ямы с картошкой, картошка в ямах, она же сладкая. Всё, – мы, ребятишки, сладкую картошку грызём. Мы не знали, что такое яблоки.

А опять осенью, когда в колхозе урожай снимут, на трудодни давали. Например, привезут целую телегу капусты и вот мы начинаем, в школе, наверное, техничка так замучилась, всё кругом с капустой. Все идут и капусту жуют (*смеётся*). Это было, конечно… Но было… *хорошо* (*выделяет*). Где-то и не хватало материалу, может быть, где-то и обувка не такая модная была…

Запомнилось, мама как депутатом была, в Малый Атлым поехала, там 18-ть километров и говорит: вот сейчас баржа́ придёт, и обязательно стой в очереди и купи резиновые сапоги, уже лакированные стали… Купи. А нога у всех маленькая. 35-й размер. Ну, я встала, конечно, пока очередь дошла – не хватило. Но 39-й я купила (*смеётся*). Пришла, мама меня наругала. И не помню, куда эти сапоги делись. Кому-то отдали, наверное. Такие красивые, казалось…

И ёлочные игрушки тоже привозили. Уже стали привозить вот в коробках и *разные* (*тянет*), шары уже стали вот такие вот привозить.

Ёлка всё время была. Вот даже цепи мы, например, делали, вырезали эти бумажечки, красили и цепи делали, из соломки, например, такая соломка, кругляшок из бумажки, шарики мотали, склеим. Всё, это шарики ватные мотали на ёлку. Игрушки тоже – то в школу, сколько там привезут, кому-то достанется, кому-то нет.

Таким образом с баржи много вещей покупалось?

Ну обязательно привозили… Сначала были кровати с пружиной, потом стали привозить как с панцирной сеткой[230]. Ну, привезут-то немного. Ну, три штуки там, пусть до пятка. Кто купит, успеет, тот купит.

Вёдра тоже вот делали… Привезут, например, в магазин джем, в таких вот банках (*показывает большой размер*), тоже очередь у продавца, как освободится, так тому дают, ведёрки делали. Потом уже стали вот вёдра привозить, продавать цинковые эти.

А так, что привозили, – то и брали. Уже и на работу приехала – такая же музыка была. Если что привезут, ну,

[230] Кровати с панцирной сеткой в СССР стали повсеместным явлением в середине XX века. – См.: Койка [Электронный текст] // Лидский историко-художественный музей. – URL: https://lixmuseum.by/ru/nashi-proekty/muzejno-obraznyj-zal-hrushhevka-60-yh/kojka/ (дата обращения 29 марта 2020).

например, вот пять халатов. Конечно, кто вперёд, тот и купит …

Старшие детей шлёпали?

Ну, в угол ставили. Ставили. Провинишься, так ставили в угол. Например, и меня шлёпали. Мама одна меня ростила, но раз она фельдшером работала, ещё мы в Кеушках жили. Например, сошьёт какое-нибудь ситцевое платье. Я запомнила ситцевое платье жёлтенькое, и вышила вишенки кругом. Ну, конечно, [я] в таком платье играть пошла. Пришла чумазая. Попало. Отлупили и в угол поставили. Мама сама. Всё было.

Вы поступили в медицинское училище после 7-го класса?

После 8-го.

Выбор был осознанным?

Так а знаете, что мама сказала, то и мама сама … То и было. Всё, поехала.

Жить в Ханты-Мансийске без мамы было трудно?

Я как-то не ощущала, всё с девчонками вместе.

Плохо было, что зимой мы не ездили. На каникулы. Потом маленький трамвайчик стал ходить. Теплоходы ходили. Вот на теплоходе, потом трамвайчики стали вот маленькие ходить.

Здание медицинского училища отличалось от здания школы, в которой Вы учились дома?

Конечно, деревенские там школы. Заметно отличались. Это было двухэтажное здание у нас. Ограда вон какая хорошая была. Рядом столовая. Сзади прачечная. И во второй половине ещё дом стоял, где Маргарита Дмитриевна жила. И вот где Поступинская Галина с Граховской тут жили ещё. Чисто было. Но дороги, конечно, пыльные были, дождик пройдёт – грязь.

Что больше всего запомнилось из жизни в медицинском училище?

Ездили мы, например, с удовольствием ездили на уборочную в Конду, картошку копали … Нас там кормили. А потому, что там, знаете, как много было в те годы помидоров, огурцов, у нас-то здесь [их] ещё не было. Нас там так хорошо кормили. И, во-первых, картошку копали, вот, например, картошку копаем, а через поле лес. У них такая брусника в Конде, и вот ягод было – вот так вот! Хорошо там нас кормили. А вот когда мы в Елизарово ездили… Эмма Рагулина была, Вера Дзюба была с нами там. Павлик Кирсанов… и Кыня какая-то. Там и снопы вязали, рожь, снопы вязали. Работали…

Садили мы, где горсад сейчас в городе, берёзы. Не хватило же ума, чтобы бутылку написать, что это мы садили, закопать. А вот, где училище старое было, некоторые берёзы ещё до сих пор стоят. – Это вот, когда моя мама училась, садили. И вот они садили ещё берёзы, вокруг училища были которые, вот старые берёзы. Почему-то берёзы у нас были всегда, а вот там, где водолечебница сейчас, – черёмуха, всё цвело черёмухой.

Леса вокруг было много, Вы туда ходили?

Нет, не ходили. Как-то надо было всё пешком ходить. Не ходили …

Дрова сами заготовляли. Я помню – по 3 кубика нам задание было, прежде чем на каникулы на летние нас отпустят. Мальчишки, девчонки, все. Мальчишки, например, пилят, колют, мы, например, в поленницы слаживаем. Возили нас на плашкоуте.

Но всё равно весело было.

Подшучивали сами над собой. Вот тогда хлористый кальций в бутылках ещё был. Вот, значит, придёшь в аптеку, купим, в графин нальём, раз кто придёт попозднее, как

попьёт, всё одна горечь! Тоже проказы были... Шутили как-нибудь. Зато весело было …

Все были разные. Вот моя подружка, она любила утром поспать (*улыбается*), а в комнате жили же помногу. По 8 человек, по 12 человек. Вот Ольга спит. А девчонки встали, она ещё скажет: радио не включайте! Перед ней, перед койкой было (*улыбается*). Мы разозлимся – вместе с койкой, в коридор – на улицу выставим! Это летом. *Кричит* (*тянет*) потом (*улыбается*). Всё, – в простынь завернётся, придёт.

А вот ещё, была у нас потешная такая – Г. – такая интересная была. Завхоз [у нас] был, он уже в возрасте был… ходил медленно по коридору. Его слышно было, что это идёт завхоз, комендант ли, как его звали. И вот эта вот Г. до того насмешила, идёт однажды этот по коридору, дверь не закрытая – слышно, а Г. и говорит: вот как буду работать, как только у меня появится больной с геморроем – я поставлю [диагноз] «комендант»… [потому] что он медленно идёт (*смеётся*).

Встретились с ней случайно через год после выпуска, она рассказывает: бабулька одна на приём пришла и геморрой у неё. [Она] ей сказала: вставь свечку и подожги. Бабуля уже в двери выходить…

– Да не вздумай, правда, поджечь.

Это вот шутили вот так вот, такая интересная была. Она из Ягурьяха была.

И парни наши… На улице у нас грязно после дождя. И вот Толя Киселёв, маленький был, вот однажды Гурка Белкин ему: тащи меня через дорогу. А Толька же маленький был, а Гурка коренастый такой. Он потащил, а силы не хватило – так его через дорогу в грязь поставил (*смеётся*). Смеются, дурят …

Всякие были случаи.

Вечера были в училище каждую субботу, всегда политинформация сначала, а потом уже там вечера, танцы

и прочее. Всегда кто-то из преподавателей дежурит. Ну, тут такого пьянства не было нигде. Не пили. Мальчишки курили… втихаря. Если Марья Ивановна где-то увидит – то головомойка. Девчонки нет. Меня сейчас удивляет, что почему курят-то девчонки? У нас этого не было … Нет, так хорошо было. Хулиганства у нас не было.

На фильмы все, наверное, любили ходить. Потому что из-за чего? Вот, например фильм какой-нибудь будет через неделю, уже реклама в фойе, что все фотографии этого фильма. И три, три баяниста сидело, три цыгана. Всегда, когда заходишь в фойе, когда билет уже проверят, музыка была, что три цыгана играли, баян или аккордеон, что у них было? В рекламе читали, какой фильм, какие артисты будут выступать, какие песни пропоют, и у нас уже этот фильм, песни, вернее, из этого фильма поют девчонки.

Стипендия.

Да там 8-мь что ли, 13-ть, 8-мь ли рублей.

За общежитие платили?

Нет, ни за общежитие, ни за учёбу, ни за столовую.

Столовая.

На кухне дежурили, помогали, картошки же много надо было почистить. Обязательно дежурство. Приходишь, как положено, чистишь картошку. Вот это делали мы. Накрывали на стол.

Нас, знаете, в столовой хорошо кормили… Придёшь, всё, покушаем, а на вечер утащим ломтика два таких кусочка хлеба, намажем горчицей и это… были голландки, голландки – печки такие круглые, а вьюшка круглая была, и мы, значит, туда поставим на вьюшку, и хлеб запечётся, такой вкусный.

Ещё морозили, мороженый хлеб ели. Вместо чего, не знаю. А в детстве не было же мороженого, молоко морозили, молоко мороженое ели. От удовольствия, что ли, сосульки сосали. Для чего?

В Ханты-Мансийске в магазины ходили, баранки любили покупать.

В гости к учащимся, проживавшим в Ханты-Мансийске, не ходили домой?

Я – нет. Кто, может, с кем-то городскими. Вот Люда Форманюк, например, с Рогулиной Эммой – точно Людмила ходила к ней. А Нина[231], не знаю, она местная, кто к ней ходил. Вот не знаю. А Юра Ходырев был, вот к нему мы ходили. Но и то уже мы ходили уже на 3-м курсе, уже я вот с Владимиром ходила, где-то маленько… выпить вина. Маленько. Но это редко. А так нет, всё в училище. Весело было в училище.

Вы комсомолкой были?

Маленько … за двойки. То не принимали, то включали. Комсорг? Не помню. Ничего особенного не было. Никаких таких собраний.

А Вам что трудно давалось?

Ой, да я лентяй была.

Встречи с ветеранами войны в медицинском училище устраивали?

Нет, не помню. И преподавателей, которые воевали … тоже не знала, не знаю. Об этом не говорили.

С Вами учились ребята, девчонки, у которых отцы погибли на войне?

Ну, это мы как-то не интересовались. Кто у кого погиб, где там родители. Даже вот я жила на 3-м курсе с детдомовскими девочками. Никогда не интересовалась, где ваши родители, почему вы в детском доме? Такого вопроса даже не стояло. Девочки из детского дома – из детского дома.

А в военном, полувоенном костюме в Ханты-Мансийске, может, в школе, кто-нибудь ходил в то время?

Ну, вот у нас какой-то был преподаватель физкультуры. Он как офицер был, военный. Вот он ещё ходил, комен-

[231] Нина Семёновна Попова (Кузнецова).

дант общежития, старенький такой – тоже в гимнастёрке, а так у нас все ходили [в цивильном]… Галифе у него было и гимнастёрка.

В общежитии было радио?

Обязательно. В каждой комнате. Выключали? Ну, часов где-то в 10-ть. Оно само выключалось. И утром в 6-ть часов само включалось. А свет включали-выключали сами.

Директор, преподаватели училища.

[Директор] Хорошая была, строгая, во-первых, всегда проверит всех, и вечера были. Главное – то, что пьянок не было у нас, чтоб… ну курили мальчишки, курили, а вот девчонки у нас никогда. Чтоб хоть одну-то заметили, чтоб девочки курили, этого никогда не было.

Вот воскресенье … Мы в общежитии… Вот бы поспать, полежать, нет, уже слышим: вставайте быстрей! Мария Ивановна начинает обход. Всё уже – как штык. Как солдатики. Мария Ивановна сейчас зайдёт. И придёт, всё посмотрит, что как, порядок [или] нет в комнате. Обязательно.

Вот кино было раньше с 6-ти часов, сеансы в 8-мь и в 10-ть. Нам с 6-ти часов не разрешали, потому что то ли занятия, то ли там что-то. В 8-мь часов только. А в 10-ть часов, если ты опоздаешь, всё – Мария Ивановна проверку делает, чтоб все были на местах. Строго было. Чтоб не нарушался режим. Всё. Опоздания, конечно, бывали. Ну, проходили так, втихаря.

Я сама была, если, например, придёт там со мной – рядом общежитие, Владимир придёт ко мне. Вот где котёл, где умывальник окошечко. Обязательно стоим. Разговариваем. Придёт там нянечка или кто, разгонит. Всё было.

Это когда воспитатель уходила – оставалась нянечка, тоже же смотрела. Чтоб лишних там всяких событий не было. Ни пожаров, ничего, всё же.

Августа Афанасьевна[232] у нас была завучем, Глафира Фёдоровна была воспитателем. Зинаида Ивановна, помоему, химию преподавала… Ой, была очень хорошая у нас Маргарита Дмитриевна Шарапова. У нас классы назывались. Она была у нас как куратором, классным руководителем. Она терапию вела. А муж у неё рентгенолог, что ли, был? Но он у нас не преподавал. Врач был. Очень хорошая была. Знаю, что Мария Ивановна инфекционист была.

Рудольф Петрович[233], кажется, или как ли – по музыке. Я запомнила и физкультурника. Иван Семёнович, по физкультуре-то преподавал, военный у нас. А потом по физкультуре … в Елизарово с нами на уборочную как руководитель ездил. Он потом женился, Галина-то была, русский язык преподавала, симпатичненькая, молоденькая.

Взаимоотношения старших и младших в медицинском училище.

Равные … Но у старших курсов, почему-то, какая-то привилегия была, что вот они уже на старших курсах. Какое-то уважение, даже к девчонкам, что они постарше. А парни интересно, вот они обязательно, вот старшекурсники, на первый курс на девчонок клевали. Ухаживали за девочками.

Отношения между акушерами и фельдшерами?

Одинаковое. Все дружили. И в комнатах жили, что акушерочка, что кто на фельдшера учится, одинаково, вперемежку. Только на занятия ходили в разные классы.

Национальность учащихся.

Ханты. Манси. Все там были. Ненцы.

---

[232] Августа Афанасьевна Вторушина – завуч Ханты-Мансийской фельдшерско-акушерской школы школы / медицинского училища, в 1946 г. награждена медалью «За доблестный труд». – См.: Молодёжь Югры [Электронный ресурс]. – URL: http://molod-ugra.ru/index.php/oni-kovali-pobedu/dannye-gosudarstvennogo-arkhiva-yugry/okp-v (дата обращения 2 апреля 2020). Известна статья А. Вторушиной, посвященная работе медицинского училища. – См.: Вторушина А. В дружной семье народов // Сталинская трибуна. 1955. 4 декабря.

[233] Рудольф Петрович Бурхард.

Можно сказать, что парни держались вместе, девушки – вместе или ханты держались с хантами, русские – с русскими?

Нет, такого не было. Что русские, что ханты, и ходят вместе. Все одинаковы. Никаких конфликтов, мне кажется, у нас не было. Что, например, я, например, манси, а муж у меня русский, из Согома. Никаких у нас, чтоб мы спорили. Из Берёзово были. Девочки никогда никто ни с кем не спорил, таких не было. Правда, ведь никогда таких конфликтов у нас не было, чтоб мы ханты там, русские питались в столовой, все одинаково, всех нас кормили, всех одинаково одевали, что хант, что русский.

Ребята на языке говорили между собой?

Ну, кто-то и говорил, кто из национальной деревни.

В национальной одежде кто-то ходил?

Нет-нет-нет. Нет, не было.

…Запомнились девчонки из Берёзово, из Няксимволя была одна девочка, она потом не стала учиться, уехала … Скучала по дому очень. Вот… В., девочка из Корликов была, она тоже уехала, не стала, скучала по своему месту … по родителям. Утонула потом. Ну, девчонки вот национальные … Л. такая симпатичная девочка, спилась. А вот Оля Гындыбина, она как вот будто из скалы была вырублена, очень хорошая была, очень, хорошая, работящая. А вот Д. … она с Ниной Кузнецовой сидела, она по пьяни утонула – это когда уже работала, на вызов поехала.

А вообще одевались как?

Ну, одевались как все, одинаково, приехали вот, например, фуфайка, сапоги кирзовые, в училище перейти через дорогу, кирзачи эти отмыть нельзя. Приехала тоже ещё в мамином платье. То ли материала не было, что ли, в деревне… Шили, конечно, когда что и завезут, то и покупали.

Вот из Сургута ещё девчонки, что они такие модненькие были. Что Тамара, что Зоя Першина. Они какие-то мод-

ненькие были. А мы-то из деревень-то, простенькие были. А которые городские учились, их родителям в городе тоже трудновато было. По-простому жили.

А вот Майка-то Прокудина – с Марии Ивановны всё время пример брала, всё время. И кровь сдавала, чтоб купить что-нибудь. Пальто у неё было… как у Марьи Ивановны. А мы из окошка смотрим и, правда… смеялись… это я ей самой говорю …

Нет, не подражала … Просто … модная всё время, вот. Вот перчатки… по локоть. На танцы пойдёт, в Дом культуры[234] …

Просто наряжалась. Посмотрит в городе что-нибудь новенькое и обязательно на себя … Всё простенькое, я помню, однажды белое платьишко сшила… белое платьишко… с воротником, потом… платье с вышивкой.

Все одевались в платочек. Что есть, то и одевали.

Помню, мы Людке[235] слаживались деньгами, босоножки ей жёлтенькие купили.

Девочки носили косы или стриглись?

Даже вот с кудрями, например, у нас однажды Тамара Щепёткина из Сургута, и сидела-то она как раз на среднем ряду, перед столом преподавателя, и завила шестимесячную завивку, как баранчик кудрявый сидит. Как зашла Марья Ивановна… как увидела …

– Немедленно! Чтоб волосы вымыла и все кудри обрезала! Всё, чтоб больше я тебя не видела!

Даже брови нельзя было покрасить.

---

[234] «Городская молодёжь предпочитала отдыхать в Доме рыбаков. Привлекало, видимо, наличие духового оркестра, кинозала, буфета. Да и само здание было намного лучше [чем Дома народов Севера]», – вспоминал 1949–1950 годы А. М. Романчук. – См.: Моя судьба в истории Югры. История развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в воспоминаниях его жителей, 1930–2005 гг. Сб. док-тов / сост.: Е.М. Брагина, Л. В. Набокова. Тюмень: Тюменский дом печати, 2005. С. 292.

[235] Форманюк.

[Никакой косметики]. Если девочка, там стрижечка. А какая стрижка там была, я не помню. Даже хвостиков у нас не было. Косичка.

Были косички. Это мы так из посёлка приехали … Потом после зачисления, как в общежитие переселиться, нас ещё в санпропускник.

Там всю одежду обработают, ты вымоешься, выходишь, работанную одежду одеваешь, и потом заселяют тебя в общежитие. Также и нянечки были, пол мыли, воспитатель хорошая была, что всё соблюдали. Было чисто. В коридоре котел был, всегда была горячая вода. Там и умывальник был.

В комнате убирались сами.

Прачечная была у нас за училищем, с другой стороны. Чистое бельё выдавали – простыни, пододеяльник, наволочки, меняли постоянно. А такое по мелочи мы сами стирали. Там всё было.

Спорт.

Нет. На лыжах мальчишки кто-то бегали …Соколков бегал.

На танцы к вам на вечера ребята из других мест ходили?

Из педучилища. Они как-то менялись. Из педучилища к нам, мы в педучилище, вот так вот.

А ребята, которые учились с Вами в училище, они Вам не запрещали ходить на танцы в другие учебные заведения?

Нет, у меня вот был из училища. А у нас все парнишечки … Вот Тогушаков сейчас остался живой один и Соколков Толя, остальные все уже умерли.

Отношения с ребятами у Вас как складывались в то время?

Ой, нормально. Почему-то вот И. у нас был, так он такой какой-то, что к девчонкам относился… не стесняясь, он

придёт к нам в комнату, мы могли переодеться при нём, хоть бы хны. Он-то всё улыбался.

Были и романтические случаи.

Коуртаева Надя была высокая, статная девочка, коса у неё была хорошая. А парень, который ей нравился, был курсом старше – со своего курса увлекался девочками и всё.

А Ходырев Юра… Вера Черемных… Я не знаю почему. В одном классе учились … Может быть, они между собой дружили, но потом что-то раздружились, кто их знает. Может, не эта причина.

Ребята за девушками ухаживали?

Ну как, конечно, девчонки с мальчишками дружили. Вот я со своим училась … Кто-то влюблялся… Кто как. Кто компаниями может сходить погулять, кто дружили, когда мальчишки с девчонками и вдвоём могут уйти. Дарили… нет, не дарили ничего. Просто гуляли и всё, разговаривали. И подружки были…

О чём обычно разговаривали друг с другом?

Ой, да обо всём … Что на ум придёт. Разговаривали. То свои секреты скажут, кто-то влюбился в кого-то.

Нас в комнате жило много тогда, по 12 человек. По 8 человек жили. Каждый уже знал о каждой, куда кто пошёл, зачем пошёл, с кем пошёл.

В школе Вам приходилось сталкиваться с ненормативной лексикой?

Ну как, парни всё равно матерились. Втихаря они и между собой какие-то проблемы решали. А вот девчонки-то – нет.

А у парней какие могли быть проблемы?

Ой, да где-нибудь выпьют … Из-за какой-нибудь девчонки спорят, может быть. Кто кого любит, кто кого не любит. А так-то нет.

До драк дело не доходило?

Ну, я не знаю, попробуй, у нас Мария Ивановна сразу тут голову снесёт.

Когда Вы учились, Вы знали зарплату медицинской сестры, фельдшера?

Нет, не знали. Даже никогда не спрашивали. Даже никогда никто не говорил, кто сколько зарабатывает.

Вот приехали, например, у нас 60 рублей было по тем деньгам, 60 рублей. 5 лет отработаешь – 5 рублей надбавка. И так всё время через 5 лет всё набегало-набегало-набегало. Сколько получали – столько получали. Добавили – добавили. Деньги менялись – мы тоже не знали. Пропали – пропали.

Во время учебы в медицинском училище Вам приходилось какие-то справки получать?

Когда поступали в училище, писали же автобиографию свою.

За время учёбы в медицинском училище Вы за пределами округа бывали?

В то время нет. Направляли? Нет, никого не направляли, я не слышала.

Распределение.

Было распределение. Должны были отработать 3 года. Не по распределению? Кто замуж выходил, девчонки… Специально некоторые выходили замуж, вот например, Т. – она в Луговской вышла замуж. Она раз с парнем дружила, они успели расписаться, чтоб ей попасть туда на работу. Вот О. тоже так же замуж вышла, чтобы остаться в Ханты-Мансийске. Многие так же делали.

А ребята ваши когда в армию уходили?

Мой супруг окончил два курса в медицинском, а потом его взяли в армию, он три года служил в Германии. И потом он восстановился на 3-й курс. Но других ребят, которые бы так же восстанавливались после армии, я не помню.

Знания, полученные в медицинском училище, пригодились в работе?

Да-да, конечно. Какие-то навыки были с училища само собой, нас на практику отправляли, показывали, как там внутривенно, подкожно делать, как …

Капельницы первое время трудные были, потому что капельницы собирать было тяжело. Это сейчас одноразовые. Раз и соберёшь. А там две трубки идёт, резинка идёт и надо вставить во флаконы и… мы боялись, что воздух может попасть. Каждый пузырёк смотрели.

Потом я всё Марию Ивановну вспоминаю, как она на инфекции говорила, как-то однажды какого-то больного отправили что ли с дизентерией на вертолёте, и она нам: чтоб ваши дизентерийные больные на вертолётах не летали! Нельзя было такого больного отправлять, надо было на месте лечить. Это же не острый такой больной, чтобы отправить его.

Ну, раз я вот такая была, вертихвостка, мне, конечно, повезло, что я работала с медсёстрами, которые имели уже большой стаж. Потом я уже пришла в больницу, мне 22 года было, когда уже в Заречное приехали, а потом оказалась самой старшей, что все эти на пенсию ушли, что я самая старшая осталась. Владимир фельдшером работал, места не было больше, поэтому я начинала медсестрой.

Досталось нам в ночные дежурства. Подменять в деревне *некому было* (*подчёркиваем*). Прибежишь, у нас уже семья была, дома – хозяйство … У меня девчонки вот такие вот [маленькие] и на покос ездили. Отец сделал им грабельки такие, лопаты, скажет – вот, апрель месяц, чтобы дрова у нас были распилены, он колет, мы вот, девчонки такие, таскаем эти дрова, чтоб прибрать всё на улице.

Нина Семёновна Попова (Кузнецова)

Нина Семёновна Попова (Кузнецова) родилась в семье русских крестьян, сосланных во время «Великого перелома» на Север, недалеко от Ханты-Мансийска – в Добрино в 1940 г. Отец – Семён Михайлович Кузнецов (1914–1943), в 1943 г. пропал без вести на войне. Нину Семёновну и её сестру воспитывали мама Наталья Трофимовна (1921–1971) и бабушка.

В 1947 г., когда семья жила в Луговском, она пошла в школу. Образование продолжалось в Ханты-Мансийске, в начальной школе в Перековке, а потом в 7-летней школе № 3.

В 1956–1959 гг. Нина Семёновна обучалась на фельдшерском отделении медицинского училища Ханты-Мансийска.

Трудовая деятельность Нины Семёновны целиком связана с Ханты-Мансийской психиатрической больницей (вначале отделением при окружной больнице). Медсестра с 1959 по 1980 г., старшая медсестра – 1980–2002 гг., работник архива медучреждения – с 2002 г. по настоящее время. Коллегам Нина Семёновна хорошо известна и как профорг, руководивший профсоюзной организацией на протяжении 16 лет.

Профессиональный и добросовестный труд Нины Семёновны Поповой отмечен медалью «За доблестный труд», значками «Ветеран труда» и «Отличник здравоохранения».

Воспоминания Н. С. Поповой записаны А. Г. Киселевым 13 марта 2019 г. в помещении архива Ханты-Мансийской клинической психиатрической больницы.

Когда и где Вы родились?

Я родилась в Добрино, Самаровский район тогда был, сейчас Ханты-Мансийский район.

Добрино. Вот здесь были у меня родители. Значит, мама и папа. Были сосланные. Работали на лесозаготовках здесь по округу, в деревнях. Рубили лес, в общем, строили дома. Их же когда привезли – здесь же ничего не было, голимый лес только сплошной. И им пришлось своё жильё вот строить, вот таким способом. Была работа очень трудная. Значит, продуктов, как мама рассказывала, ничего не было. Они питались даже порой травой и мохом. В лесу что было – тем вот они и питались.

Я родилась в [19]40-м году. Они ездили ещё в посёлок Заречный, Лабытнанги, в общем, тут вот по округу они ездили и всё строили.

В 1941 году, когда началась война, ну ещё сестрёнка в [19]41-м родилась, в [19]43-м отца забрали на фронт. Ну и так он больше к нам и не вернулся. Он попал в без вести пропавшие. Сосед, который вместе с ним был, потом приехал в Луговое – вот здесь, в Луговской посёлок, переехали в Луговской и они вдвоём с соседом ушли на фронт. Когда, значит, в [19]43-м году, где-то в начале [19]44-го года приходит похоронка матери его. Мы жили с бабушкой – его матерью, мама была дояркой в этом Луговском посёлке, целыми днями вся была в работе. А мы жили с бабушкой в основном. Бабушка за нами ходила. Две сестрёнки мы были. Похоронка пришла – без вести пропавший. И так больше ничего мы о нём не узнали.

Когда пришёл сосед Анатолий Квашнин. Он пришёл, ну хоть нездоровый, пришёл человек с войны. Он был в лагере, его захватили, он был в лагере, убежал из лагеря и приехал в свою деревню (*плачет*) …

Ну, бабушка, конечно, с ним повстречалась и сказала, говорит: нам объясняют, что вот пришёл Анатолий, рас-

сказывает: Сеню[236] видел, когда был большой артобстрел, только вот последний раз я его тогда и видел, больше его не видел.

Ну, всё. Он забрал семью. Двое детей, тоже две девочки у них, и он забрал семью и уехал в другой город, в совсем другой город – Норильск называется. Больше мы ни о чём не знаем – ни об отце не знали ничего и о них тоже не знали. Квашнины фамилия ихняя.

Ну, так мы здесь, когда вода большая была в Луговском посёлке, мы вечно тонули, потому что по всей деревне были мостки. И в магазин ездили на лодке. Бабушка ездила на лодке в магазин.

Кончилась война и бабушка нам всё хлеба, мы её бабой Катей звали, и вот она нам всё время хлеба приносила, там кусочками резали во время войны. Кончилась война, она поехала в магазин и привозит хлеба булку, чёрную булку хлеба. И сахара, я помню. Вот это я помню. Это мне, знаете, было сколько, наверное, лет шесть уже было. Около шести, даже чуть, наверное, поменьше. Приносит булку чёрного хлеба и сахара в мешочке, песка. Отрезает нам полный вот так вот этот пласт хлеба и подаёт, посыпала сахаром и подаёт. И вот я до сих пор, знаете, знаю вкус вот этого хлеба чёрного с сахаром. До сих пор для меня …

Ещё помню, как нас баба возила на лодке в церковь в Шапшу, по воде на лодке, они вдвоём были, вот баба была и ещё женщина ей помогала. И мы сидели, две сестрёнки, в лодке. Вода была тихая, помню, всё было залито водой. И мы вот ездили в эту Шапшу, в церковь. Батюшка что с нами там … ну, крестил, наверное, я так поняла. Не помню, но потом, как обратно едем вот в этой лодке, и всё смотрим на эту Шапшу, смотрим – видим эту церковь, видим всё, и пока доехали до своей деревни, и вот всё это тоже в памяти у меня осталось.

[236] С. М. Кузнецова

И потом, значит, я пошла в школу, в первый класс. Началась учёба.

Учительницу помните свою?

Ту учительницу не помню.

А вот здесь помню учительницу, когда мы сюда переехали, мама нас перевезла сюда в 1948 году. Было наводнение. Тогда были моторки. И большие неводники. На этих неводниках они ездили, доили коров – деревни затопляло, и они коров весной вывозили на высокие луга. И там ездили, доили. И вот она, значит, подогнала моторку вот эту, мотолодка называлась, небольшая мотолодка и вот этот неводник. Выставили окно, мы жили в половинке с соседями, дом был на две половины. И вот окно выставили, неводник она, значит, в окно носом туда ввела и мы через окно вылезли, всего вещей у нас было – вот такой мешочек (*показывает*). И привезли нас вот в этот город Ханты-Мансийск.

Тут раньше был колхоз большой. Председатель был колхоза Шаврин, Павел Андреевич[237], по-моему. Он взял её [маму], он знал уже её, он тоже жил когда-то в Луговом, знал, он взял её дояркой вот в этот колхоз. И сразу нам дали комнатку. Комнатку нам дали … вот здесь сейчас где Перековка, детский дом. Вот здесь был… детдом назывался, только для ребят – маленьких детей. И здесь нам дали комнату. Мама была также дояркой, целый день она на работе, а мы с сестрой вот где-то выйдем, чуть-чуть вот побегаем и опять обратно в свою комнату. Ни крючков, ничего у нас не было тогда. Как-то так и жили.

Бабушка осталась в деревне, у ней сын пришёл из армии. Тогда у ней три сына ушли в армию – вот мой отец,

[237] Павел Андреевич Шаврин – один из организаторов советского сельского хозяйства в Ханты-Мансийском округе, с 1934 г. в Луговом руководил колхозом «Равнина», с 1942 по 1955 г. – колхозом им. Чкалова в г. Ханты-Мансийске. – См.: 110 лет со дня рождения Шаврина Павла Васильевича (1910–1978), организатора сельского хозяйства в округе. – URL: http://okrlib.ru/history-events/490?page=2 (дата обращения 10 апреля 2020).

дядя Володя и дядя Коля. Двое пришли из армии живые, а вот только наш отец погиб в армии. И вот она осталась там, конечно.

Мы что? Сноха и внучки. А там у ней два сына. Один сын – дядя Коля, он приезжал только сюда, а жить он здесь не стал, он приехал в город Тулу, под Москвой, и там поступил учиться … институт он кончил по электрике. И работали там. Там он женился, и жили там некоторое время. Потом его отправили, как специалиста, на Украину, и там они жили долго. Он всё говорил, писал нам письма, что тут живут в Украинах город … только одни бандеры живут, бандеры, говорит, такие злые, вредные. И он нам часто писал письма, потому что он был моим крёстным …

Давайте вернёмся к Вашей учёбе в школе.

В школу я пошла в 1-й класс … И год прошёл. Мама вот нас вывезла в [19]48-м году, и я здесь пошла в школу. Там, где был Дом ребёнка, недалеко была школа на Перековке – начальная школа. Евдокия Романовна у нас была, фамилию я теперь её не помню, а Евдокия Романовна была учительница... была у нас классным руководителем.

Она была в годах. И вот при ней я уже закончила 4 класса здесь, училась, конечно, неплохо, хорошо училась. Это были годы после войны. Беднота, холод, нечего было одеть, обуть, мы были нищие. Человек 20-ть нас было в классе. Ссыльные они были или нет, я не могу сказать. Ссыльных было больше всего в деревнях. А в городе уже было такое население, более городское, и какие-то были местные жители в городе, приезжие были… Хантов и манси здесь было совсем мало, совсем было мало по тем годам …

Город был маленький, а мы думали: это как большая деревня. И вот мы здесь вот прожили, я здесь окончила 4 класса.

Вам нравилось учиться?

Учиться нравилось.

Какая-то была беднота, потом, значит, что нужно учиться было, я поняла сразу, что нужно было учиться, чтобы в дальнейшем как-то что-то приобрести. Нам внушали это и в школе, что вы должны выучиться и должны быть какими-то потом типа специалистами, работниками, которые нужны были, работа нужна была для вас, а вы – нужны были как бы для государства. Вот такая у нас была направленная вся система.

Я была октябрёнком, а дальше я уже не была ничем. В пионеры я, не принимали меня, а сама не хотела. Не знаю, почему-то вот было плохо развито пионерство в то время, совсем было плохо развито. И были единичные случаи у нас. В основном у нас пионеров было очень мало. И в комсомол я тоже потом не пошла.

Какие предметы нравились в школе?

Предметы, мне нравилась математика, русский язык – вот эти хорошие предметы были для меня.

Любовь к этим предметам появилась в начальной школе?

Да, в начальной школе. Книг тогда было мало. И мы, значит, книги, рисунки, картинки, а мы в детстве, когда жили, ничего не видели этого. Ничего не было. А тут красочная была вся вот такая вот фотография. Нам нравилось. Вот как начали мы учиться, там по слогам буквы все складывали, всё это как-то прилежно мы учились. Нам бегать некуда было. И всё вот это мы всё учёбе своей отдавали и дома, и в школе.

Детские игры.

Игры были у нас в школе, детских игр я вот не помню, знаете. Помню только большую ёлку зимой. Делали зимой большую ёлку на улице. Игрушек не было. Мы сидим и клеим из бумаги игрушки: фонарики, цепочки клеили. Потом какая-то была гуашь цветная, нам маленькие посудинки да-

вали учителя – морозьте. Ниточки туда заложим и заморозим, а потом, значит, когда вытащим – и вешали на ёлку.

И у нас такая ёлка была большая во дворе школы, красивая такая ёлка, и мы всё это сами наряжали. И цепи такие бумажные навешаем. Красиво – нам нравилось всё это.

А в доме ёлку не ставили. И комнатка была маленькая, да и не было заведено этого. Игрушек не было.

Подарки… Сначала никаких не было подарков. Не было, не из чего было подарки-то делать. Бедно всё было. А потом я и не помню даже, когда я там четыре класса здесь-то кончила, тоже никаких не было подарков. А в деревне, когда мы жили, так бегали с девчонками по дороге, везут там сено, сено возили на дровнях, на лошадях – мы цеплялись, цеплялись – вот только этим [развлекались]. Бегали в деревне там, кому-то что-то помогали, если нужно было. Когда-то что-то нас попросят, сделайте вот это, значит, помогали.

Когда сюда переехали, тут у нас уже другая жизнь была. Тут типа как город. И мы тут только знали свою комнатку, люди все были незнакомые для нас. В деревне-то все знакомые. Так только немножко, маленький круг был у нас тут только знакомых и всё.

Кукол у Вас не было?

Кукол не было. И мы их не делали. И не из чего было делать. Этим мы не занимались.

Когда Вы переехали в Ханты-Мансийск, мама устроилась на работу, кто кормил Вас с сестрой дома?

Мама готовила. У нас была комнатка, у нас была там печка какая-то, помню, печка. Что за еда была, какая там? Лето – так она по грибы ходила, ягод принесёт с этими, которые в этом в колхозе были тоже доярки. Она с ними, потом уже привыкла с ними, лес-то незнакомый был, и с ними она ходила после работы, лето есть лето, светло долго – они пойдут и грибов наберут. Принесут грибов по ведёрку. Гри-

бы, значит эти, то варили, то жарили, то солили, чего-нибудь делали. Вот этим жили.

Потом, значит, что ещё у нас было? Картошку не знаю, не помню, где мы её брали, картошку. Были колхозные поля здесь, вот оттуда давали, видимо, какие-то были нормы тогда, маленько давали вот нам картошки.

Рыбу Вы не ели?

Рыбу в то время мы не ели. У нас не было даже, знаете, никого, кто бы мог нам дать её, продать-то – денег не было у нас, чтобы купить, а кто-то мог дать – не было такого, вот здесь не заведено было. Хотя река была вот так вот недалёко.

Потом, значит, мы переехали из этого, из этой комнаты переехали, у нас тут мамины родители жили. Жили сосланные тоже мамины родители, их семья была 7-мь человек детей, и дедушка, и бабушка были, жили вот по Гагарина. Их сюда сослали тоже. Они вот здесь обосновались, себе домик построили и ещё были, когда можно было им по силе возможностей, держали хозяйство. Корова была у них и был огород, приусадебный участок. Вот тут они садили, тут, я помню, они нас кормили, молока нам давали, и придём когда, они какую-то скотинку заколют ещё сами, так бабушка нас кормила пирогами. Такие вкусные пироги …

У них ещё печка дома, такая была сковородка, но не алюминиевая, а чугунная сковородка. Может, они оттуда привезли, когда их везли, может, что, и вот она в этой сковородке разогреет сало, говяжье сало, вот, пока горячее, она нам наклонит сковородку и мы мочим пирожки-то, мочим, вкусно нам казалось сильно.

А тётя работала в консервном комбинате, это сестра мамина, вот там консервный комбинат тогда славился рыбой уже. И вот оттуда она приносила, там покупала, такие банки были с томатной пастой, такие железные банки (*показывает большой размер*). И вот она нам принесёт эту банку – и нам давала, и сами они ели, ну, покупали они там,

может, где подешевле, может, как-то всё, и какой-нибудь рыбы принесёт дедушке и бабушке своим, принесёт родителям своим, и мы тут маленько попитаемся. Вот так вот она долго там, в комбинате, работала.

Вы до́сыта ели?

Это потом, когда мы уже жили в своём доме. Дедушка нам помог построить домик … Это в [19]48-м мы переехали. Года три-четыре мы жили в этой комнате, а потом купили землянку. Дедушка нам помог купить землянку, и мы жили в этой землянке. Вот натуральная землянка, там ни пола, ничего, а земля. И мы вот спали… Вот такой матрасик был и больше ничего не было.

Это улица Мира. Это где нынешний арбитражный суд примерно. Вот тут потом построил дедушка нам домик, помог. А рядом было болото. И мы из этого болота брали воду. И пили вот эту воду. Корни там такие… Ну, не мы одни там пили уже. Корни, так мы пойдём с ведёрком, начерпаем эту воду и домой принесём.

Потом у нас появилась… купили мы телёночка, раз мама была дояркой с хозяйством, значит, купили телёночка, а может, и дед нам дал телёночка, я уж теперь не помню. Но помню, что вот это, у нас появился отчим. А отчим появился как, потому что мама, когда уехала из деревни, не было у ней паспорта. Паспорта не было, а когда нас поселили в эту комнату, милиция… Как вечер – милиция к нам. Сапоги вот такие у милиционеров, молодые, знаете, а крючков не было – он заходит к нам и с мамой, значит, разговаривает:

– Паспорт, – говорит.

А паспорта нет.

– Паспорта нет – делайте паспорт.

А как паспорт делать? Никак, никак. Она сбежала из колхоза. Никак не дают. А сбежала из-за того, что мы там тонули. Вот не могли там, бабушка нас схватит за пла-

тьишко, вытащит из воды. Она смотрела-смотрела и вот нас вывезла. А он как вечер – опять идёт к нам. Мы уж стали бояться с сестрой.

– Я у вас её заберу. Посадим мы её.

Вот так. Милиционер-то. Мы за неё зацепимся, не отдадим! (*плачет*).

Вот так вот, знаете, ей пришлось вот замуж выйти. Вышла она замуж, когда узнали, что папа у нас умер и всё, и вот тогда они, значит, дедушка нам помог строить домик. Вот по этой улице, по Мира, она тогда была 30 лет Советской власти, эта улица, вот улица Мира и Доронина, вот здесь сейчас этот домик и стоит, и мы вот в нём жили.

Огород был свой у нас, мы уже повзрослее стали, мне уже было 14-15-ть лет, у нас появилось хозяйство, корова появилась, потом овцы у нас появились, потом отчим купил коня.

Да мы ещё, тут большая была деревня, много очень скота у каждого, жить-то не на что было, все люди скот приобретали, хозяйство, было большое стадо, [отчим] нанялся там пастухом работать, а сам уйдёт, а нас оставит с сестрой – пастухом. Мы коров-то день и пасём, пасли коров вдвоём с сестрой.

И одеть-то, обуть-то нечего было, чуть не босиком ходили по лесу. И вот уводим их на луга, а там уже дальше-то потом… вот сейчас где дорога объездная, там и сейчас море воды бывает, и тогда было море воды.

И вот они уйдут у нас на другую гриву, коровы-то, даже вот знаете, неудобно рассказывать, но надо, наверное, рассказывать, уйдут на другую гриву-то, а мы что – вот такие вот [маленькие] – нам переплыть, а мы плавать не умеем. Как нам их дальше-то, обратно? Так вот зацепимся с сестрой, потом навадились – вот едет по речке лодка, значит:

– Перевезите нас, – мы просим, – перевезите, скот у нас там.

А они нам машут:

– Вон там перекат, там и переходите.

Вот мы переходим-переходим, а вода вот так вот уже нам (*по горло – показывает*), и перейдём как-нибудь. А потом [обратно] корове за хвост схватимся и плывём за коровой. Вот как мы жили по тем годам (*сквозь слёзы*).

Кончила я 7 классов. В 3-й школе я училась, тут была 3-я школа – сразу за 1-й. Это сейчас Энгельса, наверное. Нет, не Энгельса … Но, по-моему, сейчас её нет. Её уже снесли. А по Калинина была 5-я школа.

У Вас подружки, друзья в школе были?

Были. У меня были четыре подружки. Мы вот жили в одном месте все. И в школу ходили вместе. И обратно идём вместе. Нас было четверо. Вот две Людмилы было и одна … Галина, по-моему. Из одного класса. Жили вместе и в одном классе учились. С подружками общались, разговаривали, дружили мы, всё, что-нибудь о школе говорили, болтали что-нибудь, кто что прочитает, делились вот какими-нибудь… сказки были тогда всё всякие разные. Всё вот так вот мы жили дружно и ходили все вместе, провожали. Одна у нас подружка жила, где сейчас АТП, вот улица-то была, домов редко, мало, четыре-пять домов – дальше лес был всё. Когда темно, мы её провожали. А обратно сами бежим уже, мы тут трое в одном почти месте жили, а вот одна, Люда Стрелкова.

Потом, когда стали учиться [в училище], разъехались все и связь потеряли.

Кончила 7 классов я, и надо было идти учиться куда-то. Я первый год не подумала ни о чём и устроилась работать в медицинское училище техничкой. Раз я в школу не поступила, то есть в это училище, никуда, потому что не знала, куда мне идти.

В медицинское училище, там эти были, скелеты, мы тогда говорили, скелеты, муляжи стояли в окнах, когда

мы бежали с девчонками мимо, мы эти скелеты увидим – и бежим, боимся, не знаем, что там такое. А видим, что как люди стоят, красные какие-то скелеты. И вот в медицинское училище я никак не пошла, а потом, значит, куда деваться-то, надо идти работать, раз я не поступила. Кто меня будет кормить.

Ну и ладно, я пришла, а медицинское-то училище недалёко от меня было – раз тут Доронина и тут училище … Старое училище было у нас тут.

Раньше фельдшерско-акушерская школа называлась. Потом она перешла в медицинское училище[238]. Пришла там, и это, ну ладно, техничкой поработаю. Мне было тогда 15-16-ть лет, наверное. Ну, это, а парты были такие деревянные, большие. Вот их надо было так наклонять, вымыть там всё, потом обратно и все установить по рядочку.

Год проработала я там. А потом, значит, думаю, ну что же, ну ведь вижу, что учатся вот люди, и тут учатся – ничего. Из деревень, тут ханты стали, манси, тут я их [впервые] увидела в училище. Они все из деревень едут сюда, учатся.

Ну и вот, я подхожу… директор школы Мария Ивановна Воскресенская. Человек уже в годах была.

– Мария Ивановна, я хочу к Вам поступить учиться.

– Сдавай экзамены. Учи и сдавай экзамены.

А я, значит, тогда то ли в 8-й класс, то ли … тогда ведь было 7 классов, и я за 7-ой-то класс сдала все экзамены успешно и поступила учиться.

А Мария Ивановна, она вот была у нас директором, а муж у неё был хирургом в то время уже в этой больнице[239]. Больница называлась, ну городская у нас была боль-

[238] В 1954 г.

[239] Николай Семёнович Воскресенский – хирург, главный врач окружной больницы в 1943–1949 гг. – См.: Воскресенский Николай Семёнович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 1. С. 187; Струсь Л. Вехи здравоохранения Югры // Здравоохранение Югры. Профессиональная ме-

ница здесь. Небольшая. Она по Калинина вот так и стояла. Тогда было мало людей-то. Маленькое население было, как большая деревня.

Он у ней умирает. Похороны. Хирург. Вот это я помню. Столько людей, все собрались. А я ещё не училась. И даже ещё не работала там. «Воскресенский умер, Воскресенский» – по городу идёт молва[240].

Потом, значит, так мы с ней дружно жили. Она, значит, берёт меня. Был грузовик медицинского училища, такая небольшая машинка, грузовик, вот, как на войне показывают, такой вот грузовик был. Мы, значит, с ней садимся в этот грузовик и едем на кладбище. На Южное кладбище. Муж был похоронен на Южном кладбище. И вот мы всё с ней. Она сидит около могилки, а я, значит, чищу, всё чищу там. И мы вот так с ней всё время ездили. Как лето начнётся – мы с ней ездим, и она учила нас по инфекционным болезням. Инфекционист она была.

Три года мы учились там. В 1959 году я закончила.

Преподаватели.

Преподаватели были у нас, Сеина Елизавета Михайловна, преподавала нам историю. Вторушина Августа Афанасьевна была завучем, преподавала нам русский язык и литературу. Она тоже была уже в годах, но она долго жила потом здесь. Она маленько прихрамывала с детства.

дицинская газета. 2015. № 5 (146). Май [Электронный текст]. – URL: https://cmphmao.ru/sites/default/files/pdf_files/ZU_5_2015.pdf (дата обращения 10 апреля 2020). Фотография Н. С. Воскресенского – см.: Милосердие / ред.-сост. Л. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2015. С. 140; Струсь Л. В., Корба Н. С. Окружная клиническая больница – 85 лет. Время мудрости. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. С. 67–77.

[240] Современница событий А. С. Экономова свидетельствовала: «Похоронная процессия растянулась по всей горе, от станции скорой помощи до почты. Настолько он был уважаемым хирургом и человеком в городе… Провожая его в последний путь, народ плакал». – См.: Струсь Л. В., Корба Н. С. Окружная клиническая больница – 85 лет. Время мудрости. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. С. 75.

Кузнецова, Екатерина Васильевна, она заведовала библиотекой. Какие нам надо было книги, учебники, она заведовала, всё нам давала.

Ну, вот хирурги, которые преподавали нам, они из больницы были, Павел Михайлович Иванов, Михаил Иванович Фёдоров[241] – это два хирурга были в городе больших. Умные люди такие. Приветливые, хорошие такие были. И, конечно, люди к ним очень шли, потому что они были замечательными хирургами.

Кто ещё потом?

Вы знали, кто из преподавателей воевал?

Были. Тогда уже знала – были. Физрук у нас был, а он сам нам говорил … Олег Петрович. А фамилию я забыла. Он был участником войны. Потом кто ещё был в училище? … Я не помню. Там всё были женщины, женщины, они, по-моему, не были участниками войны. А из приходящих медиков, может, и были, вот Павел Михайлович Иванов – хирург, он, наверное, был участник войны, Фёдоров был, наверное, участник войны, потому что они много говорили про войну, рассказывали просто. Не во время занятий. А вот когда собираемся, какие-то у нас собеседки были, так вот они нас немножко и вот … А тогда много-то никто не говорил. Это сейчас мы говорим, сейчас вон как у нас всё поднято, а тогда-то ещё боялись говорить-то. Боялись.

И папа вот у нас. Погиб. Мы даже сказать никому не хотели, что он у нас погиб.

Имена героев войны Вы знали?

В те года – да. Ну много мы не знали. Сталина только знали, знали этого, маршал-то был у нас. Маршал … Рокоссовский был маршал, потом был … У нас была женщина – знакомая учительница, она про него рассказывала, она была с Дальнего Востока, сама, эта учительница, и она про него рассказывала, она даже его видела … И потом маленько в кругу своём и разговаривали.

[241] Михаил Антонович Фёдоров.

Как одевались преподаватели?

Преподаватели скромно одевались тоже. Скромно. Не вычурно. По мере возможностей.

Нельзя особой одежды купить в городе. В городе не было хорошей красивой одежды. А была такая просто, вот среднего, как вам сказать, не богатого человека, а среднего человека по деньгам. Вот такая одежда только была. И в магазине её было не так много в те года. Это были всё ещё послевоенные годы. Беднота была.

Какой-нибудь костюмчик у преподавателя был. Кофточка. У мужчин – чёрные, синие костюмчики, иногда даже свитера. Вот они всё в одной вот этой форме и ходили. Потом вторую приобретут смену. И больше мы не видели, чтобы преподаватель одевался красиво по тем временам. Не было такого, а всё было скромно.

Были и доктора у нас из окружной больницы, к нам преподавали, приходили. Хирургию преподавали, предметы преподавали некоторые. Тоже просто какой-нибудь пиджачок или какой-нибудь свитерок. Вот так просто было. Галстуки? *Очень редко* (*тянет*). Пиджак без галстука было нормально. Не было, вот я не помню, чтобы были какие-нибудь галстуки. Не было. Они потом, галстуки появились позднее уже.

На занятиях в медицинском училище Вы конспектировали за преподавателями или пользовались только учебниками?

Были учебники, в том числе по специальным предметам. Была библиотека. За преподавателем я всегда записывала. Я всегда писала конспекты. Преподаватель говорил медленно – многие писали.

К экзаменам готовились, и то, и другое брали, и учебники, и конспекты. Конспекты я больше предпочитала, потому что тут как от врача шло уже. Всё более конкретно, а там [в учебниках] больше теории.

Какие-то книги с училищных времён Вы запомнили?

Книги? «Внутренние болезни» были. «Гигиена». «Хирургия» … это есть, «Анатомия».

Анатомия у нас была первый год только. Это все кости человека. Учили мы. А потом перешла в хирургию вся.

«Внутренние» … «Химия» была уже тогда. Мы уже учили латинский язык, латынь учили … Детская, «Детские болезни» были … вот всё, наверное.

По каким предметам учебников не было, не хватало?

У нас, может быть, и был дефицит, но у нас была библиотека, мы там придём, читаем. Следующий раз тоже. Если есть у нас задание по этим книгам, значит, идём в библиотеку.

Из художественной литературы что-то запомнилось в это время?

Ну, я не знаю. Приходилось редко читать. Книг не было. Художественной литературы у нас же не было. Мы только слышали так вот. Ну, помню я «Война и мир» была … В библиотеке были редкие книги художественные, редкие были книги. Но вот мы приходили, нам ведь по литературе задавали всякие вопросы, приходили и там читали. А какие книги? Ещё какие-то были книги. Я уж теперь их не помню. Были-были, но их было мало очень.

Политмассовая работа.

По радио тогда были последние известия и про войну рассказывали. На колхозы стали внимание обращать, разводить скот там, поля, целину разрабатывать … Вот это вот всё.

И говорили ещё, что вот выставка в Москве. Она и сейчас живёт, эта выставка, а тогда она только появлялась, эта выставка, сельскохозяйственная выставка. Многие туда депутаты ездили, учились, может, чему-то, что-то привозили сюда – на Север. Вот это мы маленько слышали по радио.

Газеты, журналы.

Не было тогда ничего … Была вот тогда «Ленинская правда» … «Сталинская трибуна» – мы даже не видели эту газету.

В медицинском училище Вам анекдоты приходилось слышать?

Анекдоты … Можно сказать, нет. С тех времён я не помню ни одного анекдота … Серьёзные были все – не до анекдотов.

Поесть, попить, поспать нам надо было и учиться. Только учиться.

Портфель.

Сначала была тряпичная сумка, сшитая мамой. Вот мы в ней таскали учебники, тетради там были у нас. Там уже тогда у нас были принадлежности, линейки, треугольники, готовальни были – это уже когда постарше. Пеналы были. Ручка перьевая и чернильница была, вот мы таскали эту чернильницу и это перо.

На занятиях бывало, что учащиеся преподавателей плохо слушали?

Тогда были все как-то преклонные к учёбе-то, были бедные, нищие и уже не шумели, не дурели, ничего не делали. А всё внимательно слушали и учились.

У нас было 7 парней и 20 девчат. Все школьного возраста. Взрослых не было.

У нас вот 7 парней, и как кончили училище, Тогушаков, Соколков, потом этот Владька … как окончили – сразу поехали учиться в Тюмень на врачей. Они по национальности были ханты. Их там тоже сразу принимали.

Преподаватели что больше всего поощряли в учащихся?

Хвалили, если спокойный ученик, усидчивый, спокойный, ну и внимательный, внимательный. Таких учеников они обожали.

А были и неспокойные учащиеся?

Были и неспокойные. Особенно националы. Они приедут, они даже русский-то язык почти не знают. Как они? Вот с ними так вот и это …

А как выходили из положения?

Ставили им иногда троечки и переводили их вот так. И всё. Ну, заставляли-заставляли, ну, всё равно. Они что, не обрусевшие, из леса приедут, так что они? Конечно. Они их вытягивали. И ставили им тройки в дипломах. Потому что надо было ехать на Север, медицину надо было там развивать, там-де не было ничего. Всё были какие-то шаманы, да всё командовали там[242].

А раз уже медицинское училище, тем более, что округ Ханты-Мансийский, надо, значит, их дальше продвигать. А когда они продвигают свою нацию, там начинается у них и работа, и которые они рожают детей где-то около печки, где-то в какой-то избушке[243], они потом [идут] в медицинские пункты, рождают уже детей. Поэтому они их и вытягивали …

Вот была врач Сагандукова, Елена Михайловна[244], она в мои годы в аккурат работала. Когда я кончила, она в окрздраве была заведующей.

---

[242] Негативный образ шамана у северян сложился в советский период. См., например: Vladimir Adajev. Советская власть в тайге и тундре: Взаимоотношения государства и коренных народов Севера Западной Сибири (1920–1970-е гг.) // Františ̌ek Bahenský a Kollekiv. Národností politika na teritoriu bývalého SSSR. Etnologický Ustav Akademie ved Ceske Republik, V.V.I. Praha, 2010. С. 27–48.

[243] Родильный дом «Мань кол» [Электронный текст] // Этнографический музей под открытым небом «Торум Маа». – URL: http://www.hmao-museums.ru/museum/torum_maa/gallery/840?v=gallery#ci2672 (дата обращения 20 мая 2019).

[244] Елена Михайловна Сагандукова (1924–1984) – известный деятель здравоохранения Ханты-Мансийского национального округа, врач окружной больницы, заведующая окрздравом – 1953–1963 и 1969–1971 гг., с 1963 по 1965 – зампред окрисполкома. – См.: Игнатьев А. Дочь хантыйского народа // Сталинская трибуна. 1955. 20 февраля; Елена Михайловна Сагандукова // Ленинская правда. 1958. 28 февраля; Струсь Л. Ф. Сагандукова Елена Михайловна // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ

Я, когда окончила, пошла к ней. Она мне дала направление в нашу больницу вот эту вот. И после неё … Она молодая, такая интересная, несмотря на то, что она хантэйка, она была такая красивая, крутая, во все она ездила в свои посёлки, у ней здесь был детский противотуберкулёзный диспансер. Это, знаете, где он был, ну где стоматология сейчас. Вот она сюда возила детей с трахомой, с любыми болезнями возила, на самолёте их привозила сюда и здесь определяла. Если, например, у ребёнка положительная туберкулёзная реакция, делают всегда Перке, да ещё другие … Она их обязательно забирала, вылечивала тут, а потом, когда они уже подрастали, она их сюда в медицинское училище притягивала. Потом, которые они медицинское училище кончали, она их в институт Тюменский определяла, вот так вот, цепочка у ней такая была. Вот она этим и знаменательна была, Сагандукова … Она была чисто положительная женщина. Вот это я помню.

С ней была ещё Пухлёнкина Елена… Петровна, помоему[245]. Тоже такая. Та опять была в государстве правителем, депутатом была. Вот ездила в Москву, это всё вот наши времена были. Долго работала депутатом. И тоже по национальным округам своим, деревням ездила тоже так же. Всё

региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 3. С. 57; Айпин Е. Первый врач из народа ханты // Здравоохранение Югры. Профессиональная медицинская газета. 2014. № 8 (137); Глухих А. С., Струсь Л. Ф. Земли Югорской дочь. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2014. 320 с.; Решетникова Г. Шуши мирн эви-тохтӯра // Хӑнты ясӑң. 2014. № 17 (3413). 5 сентября. С. 12–13; Струсь Л. Ф. Преодоление. Вехи медицины Югры. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2016. С. 138–146.

[245] Хиония Петровна Пухлёнкина (1916–2009) – известный деятель народного образования Ханты-Мансийского национального округа, в послевоенные годы работала в рай- и окроно, на партийной работе, депутат Верховного Совета СССР II, III, IV созывов (1946–1958) // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 2. С. 428–429.

как-то они … раз они выбрались в люди, они и других своих же тянули тоже сюда же.

Потом много пришли в наше городское руководство националов. Вот работал у нас Пакин, он национал был, Пакин Константин, я забыла, как его величали. С его дочерью я училась в школе, Валера её звали. И вот они вот всякими путями помогали своим, чтобы они тоже выходили в люди. Это было хорошо …

У нас много было националов, в нашей группе[246]. Они говорили по-своему... там, где встречались. Даже из деревни они вместе, близко знают друг друга. Вот деревня одна, вторая, а они знают – и вот, начинается у них разговор.

Над хантами смеялись?

Ну, когда они скажут что-то не так, а нам казалось интересно, что не так они. Искривят русский язык, они же не могут сразу чисто по-русски говорить, пока они привыкнут среди нас, ну – смеялись. Или скажут что-то по-своему. А нам говорят: понимайте, что мы сказали. Нам тоже смешно казалось. Или у них были движения, какие-то такие, движения, какие-то свои. Не такие, как наши, были движения, а какие-то по-другому они. Интересные нам казались, мы тоже хохотали.

С кем Вы сидели за партой?

Я сидела за партой с девочкой. Вот у меня была за партой последнее время хантэйка Д. из Саранпауля. Вот мы с ней и дружили, и когда кончили, она приходила ко мне домой, приезжала сюда из Саранпауля. Потом она уже жила в Тегах, Берёзовский район. Появилась у ней семья. Но так как националы, как вам сказать, были пристрастны, ну, к вину, как оно называется по-другому? Винопитию вот. С водкой. Вот они из этих деревень, из берёзовских, они вот эти, как-то, вот она, конечно, потом в будущем … Мы переписывались с ней. Потом приезжали там девчонки, которые

[246] Имеется в виду группа фельдшеров.

оттуда, Теги, теперь Ванзетур и Саранпауль – вот эти вот деревни я знала, оттуда были у нас девочки, учились. Потом она стала сильно пить-пить. Уехала от мужа из Тегов в Саранпауль обратно и в одно время хорошо попила и в речке утонула. Вот так, и больше о ней я ничего не слышала.

А так … Она такая была интересная. Девчонка хантэйка. И это … парты, вот такие парты у нас были. Учитель, преподаватель заходит, мы все встаём. А потом садимся. Она взяла у меня стул убрала – вот так. Села-то я вот так … Все захохотали, конечно. Никто ничего, никаких возражений не сделал. Я поднялась – села и пошли дальше работать (*смеётся*).

Она любила шутить. Но вот шутки её какие-то были острые (*смеётся*). Я не заметила, как она стул-то у меня убрала. Сдвинула его – и всё.

Вот этот случай я запомнила. А так-то всё тихо-спокойно было.

Учащиеся в группе как больше держались: девочки с девочками – мальчики с мальчиками или русские с русскими, ханты – с хантами?

Девчонки с девчонками, а мальчишки как-то отдельно у нас. Интернат был для девчонок отдельный, для мальчишек был другой интернат, рядышком дом был. Два больших одноэтажных деревянных дома. И там у нас была одна дежурная какая-нибудь. Следила за нами. Вечером нас спать укладывала, скажет нам: тихо!

Я дома только первый год учёбы жила, а потом перебралась в интернат. Дома была обстановка такая, раз у нас был отчим. Вот у нас первое общежитие по Мира было одноэтажное, деревянное, а следующее – вот так вот туда по Калинина – было мужское.

А больше в своей группе или с курсом в целом?

Общались и с другой группой [акушеров], нас было не так много.

Конфликты между учащимися.

Во время учёбы? Все вроде дружные были, конфликтов больших не было, на маленькие не обращали внимания. Тут же опять начинали разговаривать, дружить начинали, вот такая была система.

В группе, на курсе, в школе в целом были какие-то заводилы-активисты?

Вот что-то я не помню даже такого. Или время было такое пришибленное, или что-то. Все боялись слово сказать. При Сталине-то боялись. И после Сталина всё равно боялись.

Я вот помню, дедушка у нас… Они сосланные. Дед и баба были у нас по маминой линии. У него первый сын был Дмитрий, от первого брака, а от второго-то шесть, вот, от нашей бабушки. Они здесь тоже плохо жили, вот эти старички, и вызывает … тогда какие-то были … милиция-полиция, какие-то были КГБ, вот такие всякие. Вызывает этого деда и вот с этим, со старшим сыном, вызывает их и посадили их в тюрьму. За что посадили?

Сослали, всё отобрали у них, сюда привезли, бросили в лес голый, зима, холод, детей куча, всё отобрали – вызывают их вот в это КГБ какое-то. И это, допрашивают. Допрашивали-допрашивали, а у деда спросили, что у него ещё осталось шесть детей, вот таких – ступенька, его отпускают, а сына его не отпустили. Где убили, когда убили, за что убили – никто не знает. И он так, бедный, ничего про него и не знал. Вот какие были дела-то, видите. Поэтому мы-то жили-то как пришибленные, ещё по тем старым временам, где послушаешь, и думаешь, господи, Боже мой, как вот они, кто на лодках, кто на чём-то, они их перевозили, у них всё отобрали, одежду всю хорошую отобрали, всё. А дед-то говорит, а мы никаких людей сроду не нанимали, всё своей семьёй делали, хозяйство было, кормить надо было детей, огороды были, всё сами делали. Никакие мы не были кула-

ки. А вот в кулаков, всё у них отобрали, сами жили – эти, которые отбирали, милиция, да всякие энкавэдэшники выживали, а их сюда сбрасывали.

И вот жалко было нам всем, когда он рассказывал про такое вот, нам было жалко этого вот Диму, за что пострадал ребёнок, за что? Вы их вот так сослали и ещё так им ещё сделали потом. Поэтому были люди-то пришибленные.

Бабушка и дедушка когда с Вами этим поделились?

Поделились, когда жили здесь уже, и радио было уже, а дед уже был, ему было 70 с лишним лет, когда мы уже стали ходить к ним.

Конфликты с учителями.

Не было. Всё как-то выравнивалось. Строгие учителя были, строгие, потому что медицина это. Она требует строгость учёбы. Но все воспринимали это, как сказать, благородно, что ли. Всё правильно воспринимали. И никаких не было, чтобы студенты ссорились, доказывали своё, такого не было. Всё как-то было спокойно, мирно.

Как одевались?

Скромненько. У парней какие-нибудь рубашечки, брючки простенькие, их тоже же одевали и обували в училище. Тоже они получали вот такую скромную одежду и обувь. Нам – какие-то платьишки, какие-то обувины, а они уже помужски одевались.

Головные уборы? Какие уборы тогда были? Ну, шали были, были какие-то шапочки. У кого мех был – шили какие-то шапочки. А вот берёзовские ханты – у них там ондатра была, меха были. Охотники были. Они приезжали, у них были какие-нибудь шапки такие… ушанки, а потом шапки были, как они назывались … эскимоски!

Меха у них были свои, охотники свои, выделывать они умели меха, все сами хорошо выделывали. И даже ещё шили у них, старые люди, которые бабушки были, они шили им шапки.

Какие-то другие элементы национальной одежды.

Ни малиц не было, ничего на них не было. А просто такая же одежда, как у нас. Одинаковая. В медицинском училище нас одевали – мы все почти одинаково и ходили три года.

Причёску никто специально на вечера не делал?

Тогда, знаете, причёски, в училище… почти не было причёсок. Кто волосы большие имел, ко́су плёл, кто – стриг, вот вся причёска была. Это уж потом, вот я когда работать начала, уже стали делать причёски. А тогда как-то не было специальных причёсок.

Волосы я не стригла, у меня коса была.

Кто-нибудь из учащихся модничал?

Модничали. Вот старались что-то … Мы вот просто ходили, просто ходили, а которые приезжали, поступали, у них был достаток больше – они красиво одевались. Красиво просто. Вот одежда у них была красивая. И обувь была такая более современная, не то, что вот у нас, казённая.

А в городе тогда уже были люди, которые жили зажиточно. А мы-то были бедные. И вот идём по городу, бедные, нас видно, что мы бедные, они смеются над нами. Смеются. Вот была сберкасса по Мира улице, а на втором этаже было жильё. И вот тут такой был балкон, это я хорошо вот помню, собираются девчонки вот на этом балконе, а мы идём нищие. Мы хлеб собирали. Мама нам сумочку сшила чёрную, и мы вот ходили, собирали кусочки. Кто даст. У нас не было хлеба. А они всё это видели и знали – деревня была небольшая. Они нам вот чего-нибудь да бросят и смеются над нами. Не то, чтобы они что-то посожалели нас, они над нами же смеются.

Какой это возраст?

13–14–15-ть лет. И потом, когда мы уже в городе взрослеем, и они взрослеют – и мы видим их, что вот эти-то люди над нами смеялись. Нам уже неудобно.

Вечера помните?

Что-то помню плохо. Ну, были вечера. Кто-то сами выступали, но вот я не выступала. Ничего из меня не получалось. А некоторые выступали. Преподаватели выступали. Всё нам говорили: студенческая жизнь – самая счастливая жизнь. Это преподаватели нам так говорили. А потом, мол, семейная жизнь будет, так вот и так.

Танцы.

Когда вечера были, мы ходили. Учились танцевать. Вальсы в основном-то были … «Дунайские волны», потом… четыре вальса было. И польку ещё танцевали. А больше других никаких не было. Учились [танцевать] сами, между собой. Кто-то умел уже – тот учил следующих. Девчонки были шустрые такие, быстро схватывали всё. И мальчики. Мальчики водили.

Танцевали и взрослые, преподаватели. Кто мог. Они тоже по тем годам были старенькие. Кто мог – тоже танцевали с нами вместе.

Играли вначале какие-то любители на гармошке, потом дальше идёт уже электроника, это уже вот в последние годы училища. Пластинки были.

На вечера как-то особо одевались?

Особо нечего было одевать. Но старались, конечно. Что-нибудь поновее. Почище. Постираем, погладим, починим – и выходили так. Тогда не было ни стыда, ни позора – все были одинаковые. И стыдиться не перед кем было.

Духи, одеколон, губная помада, тушь?

Ой, не было. Пока учились, этого ничего у нас не было. Мы не научились ни краситься, ни мазаться.

Деликатный вопрос. Ухаживания.

Да, бегали. У нас вот одна была такая девица, что она сегодня, глядим, с одним парнем, завтра – другого найдёт уже. Хантэйка была.

Это она искала парней или её искали?

Она… была, как вам сказать, она была заводилой, вот слово, какое я… заводилой она была. И как вечер – так она, тогда тоже же училась, жила в комнате, глядим – Н-ка у нас побежала, Н-ка побежала, Н-ка бегает… Она и сейчас такая же шустрая …

Она жила в Нялинском детдоме, а по национальности она была ханты. Не была, а есть она ханты. Вот.

Училась она на акушерку. И кончили мы с ней в один год. Она ушла в инфекцию работать, а я сразу в психи. Она в инфекции проработала лет 12-ть, наверное, пришла к нам в психи … Всё она такая была шустрая, весёлая всегда была, может поругаться, может нецензурно выразиться. Это всё у ней такое было.

А ухаживания …

Как они ухаживали? Просто приходили вот, например, к ней. Ходят по городу, гуляют по городу … Потом режим был до 10-ти часов. К этому времени они уже разбегались по своим местам.

Гуляли парами или группами, несколько друзей?

Больше парами. А группами, знаете… у нас сетка такая была, два столба на территории общежития, и вот, когда в футбол попинают, вот тут они группировались.

Кино.

В кино ходили. Я ходила в основном с родителями. Кино там было тогда. Где сейчас Парк Победы – вот так вот было, напротив. Кинотеатр у нас был здесь[247]. Здесь был универмаг, здесь – Парк Победы, а здесь был кинотеатр (*показывает*). Здесь была сберкасса. Это в центре.

[247] Кинотеатр «Художественный». – См.: История культуры Югры в архивных документах // Архивы Югры [Электронный ресурс]. – URL: https://arhivugra.admhmao.ru/istoriya-kultury-yugry-v-arkhivnykh-dokumentakh/395408/istoriya-kultury-yugry-v-arkhivnykh-dokumentakh (дата обращения 10 июня 2019).

Ходили, когда было хорошее, интересное кино. Вот, когда были индийские фильмы[248]. Очень это было редко.

А ещё было кино одно, до 16-ти лет это, реклама была уже: не допускаются дети. А я с родителями проходила, что мне не 16-ть, а больше уже. «Бродяга я» – вот эту песню пели. Фильм был такой[249].

Интересно. Нам нравилось. Такие интересные фильмы, редкие, конечно, мы ходили.

Мальчишки в футбол играли?

Играли. Лыжами занимались. Честь училища защищали. Больше, по-моему, никаких игр не было.

А девчонки… В основном только учились, старались, экзамены начнутся – зубрим сидим.

Учащиеся курили?

В основном парни курили, девчонки не курили … Парни и то редко.

Ненормативная лексика в медицинском училище.

Вроде нет.

Случаи воровства в медицинском училище Вам известны?

В училище – нет.

Я помню, соседка у меня была, девочка, мы с ней тоже дружили. Люда. Напротив вот так она жила – соседка. А у отчима часы были. Она утащила эти часы. Вот один случай только я помню. А в училище ничего не помню даже. Не было такого. Может, боялись. Было строго тогда. Сталин когда умер тогда, в [19]53-м году, все ревели … Я помню этот день, все говорили. А у нас же радио тогда уже было.

[248] Индийское кино в советском прокате, 1940–1990-е годы // Киноклуб «Феникс» [Электронный ресурс]. – URL: http://fenixclub.com/index.php?showtopic=93605 (дата обращения 10 июня 2019).

[249] Фильм «Бродяга» был выпущен в Индии в 1951 г., а в советский прокат попал в 1954 г. – См.: Индийское кино в советском прокате, 1940–1990-е годы // Киноклуб «Феникс» [Электронный ресурс]. – URL: http://fenixclub.com/index.php?showtopic=93605 (дата обращения 10 июня 2019).

Радио было в деревне в нашей. У каждого были приёмники. Я помню, мы с подружкой как услышали, сидим у нас, и как услышали по радио, говорит, что умер Сталин, [19]53-й год запомнила, март месяц, число не помню, и мы с ней заревели.

А почему вы заревели?

А жалко нам показалось его. Жалко. Мы же мало знали про него, а знали, что он войну выиграл, что вот он, и это нам показалось, в 13-ть лет, было правильно. Мы ревели.

В Ханты-Мансийске были такие места, где неприятно было бывать, скажем, по вечерам?

Вот это я не встречала. И не слышала. Тогда мало говорили про это [на криминальные темы] и редко совсем так где-то что-то услышим, но редко.

А приятные места?

Тогда был уже вот этот парк, сейчас он называется Парк Победы, папа у меня там записан, бéз вести пропавший. Он маленький был, это сквер такой. Ну, всё равно. Мы туда как-то и не пытались, и не ходили, но видели так вот что … А потом уже его расширили. Потом садили деревья. Везде кругом были деревянные тротуары. Дороги были – обыкновенная земля.

Магазины Вас интересовали?

Особо не интересовали. Мама отправляла всё, гастроном был в центре. Она даст рубль денег, там хлеба купи, ещё чего-нибудь. Одну конфетку, например. Шоколадка? Наверное, в школьное время первый раз попробовала.

Столовая.

Хорошо кормили потому, что у них были свои свиньи, у них был свинарник. Рабочие там работали. И лошади у них были.

Потом уже выравнялось, бедноты-то меньше было. Уже после войны-то эти года проходят. Уже больше из центра стали нам посылать продуктов. Там *стряпали* (*тянет*)

нам и то, что вот можно было с этой земли собрать, здешней, собирали. Покупали картошку у частников, столовая покупала.

Сельхозработы.

Осенью, знаете, по деревням нас отправляли на уборочную. Ездили на уборочную. На пароходе в Конду ездили, Базьяны тут были – тут ездили, всё.

Песни пели?

Можно сказать, не пели. Потому что мы как-то песен тогда ещё и не научились, и не знали песен. Хор? По-моему, не было в училище. Я ходила потом, это уже когда я работать начала.

Заготовка дров.

Мы в училище не заготавливали. Рабочие были.

Стипендия.

А стипендия зачем, когда всё было бесплатно. Не получил никто. Никакими деньгами никто мы не тряслись. Не было у нас никаких денег. В кино пошли – родители билет купят. Ну, кто-то, может, из деревни, может, им маленько и посылали, чтоб на какие-то такие мелкие расходы…

Учащиеся нигде не подрабатывали?

Не видела. Не видно было.

Летом, когда у нас были каникулы летом, учёба кончается, мы ходили на заработки. Был кирпичный завод тут у нас, там делали кирпичи – и мы все, молодёжь, на лето туда устраивались и работали, зарабатывали деньги, а больше некуда сильно-то, а вот кирпичи делали, сами здесь вот делали. Мы их таскали, эти кирпичи, глину готовили там, какие-то были механизмы – это я помню.

На что тратились деньги?

Деньги тратились на необходимость на любую. Вот то, чтобы себе купить маленько, какое-нибудь платье бы купить, какие-нибудь бы носки, чулки бы купить, что-нибудь такое бы.

Когда Вы учились в школе, в училище Вы знали размер зарплаты фельдшера?

Нет. Только когда на работе уже пришла получать деньги – тогда только я узнала, когда я получила. И никто не знал. Никто никому не говорил.

Первый год я получала по 200 рублей зарплату.

Во время учёбы в медицинском училище что Вы знали о педагогическом училище?

А иногда и ходили к ним на танцы. Девчонки скажут, что сегодня в педе, там – танцы, и мы собрались там, несколько человек нас, и пошли. Они к нам тоже приходили.

Была ещё торговка – торгово-кооперативное училище, это третье училище было, и было ФЗО, фэзэушники там. В основном парни учились – на механизаторов, на все рабочие профессии. Вот, больше ничего не было.

С ними какие-то контакты были?

Нет, мы в торговку не ходили и в ФЗО тоже не ходили. Ну, может, некоторые девчонки ходили. Ну вот сколько я знаю своих подружек – не ходили мы туда. Мы вот в пед. ходили.

Пед. – было двухэтажное здание, оно было, знаете, где вот электростанция сейчас, вот против неё вот так вот Дзержинская улица, а против неё, где первая школа, вот здесь был пед. А дальше была первая школа, маленькая была.

Работа.

Ну, вот когда я поступила сюда работать, а работать, как я сюда поступила? У меня мама-то потом уже из колхоза ушла. И здесь был изолятор. Мама работала у меня санитаркой. Вот в этом вот … Был маленький дом на территории вот этой больницы. Но он был дом новый – из дерева сделанный. И вот я помню, и были окна такие большие, и мама работала, устроилась там санитаркой.

И даже больных многих я помню по тем временам. А я из школы иду – и зайду. Она мне хоть кусочек хлеба даст

(*смеётся*), вот и побуду около неё там, она ходила, сутками они работали, то сутками работали, то, может, днём работали, потом в ночь идут.

И я посмотрю на больных, посмотрю… Больные такие возбуждённые, лечить их нечем было. Две медсестры работали – Роза (она была калмычка) и Мария Борисовна. Мы уже познакомились потом, раз я уже в медицинском училище начала учиться. И они вот больных соберут. Вот так вот стол (*показывает*), мензурки наставят, микстура Краснушкина[250] была из всех лекарств, больше ничего не было. Они наливают, и вот всех этих больных она успокаивала, эта микстура. Препаратов никаких не было. А они были возбуждённые. Ход был открыт. Они побегают-побегают по городу и обратно бегут сюда – пьют, которые были сознательные маленько. А которые не были – так они сидели на койках. А койки были топчаны такие, и в них вырезаны дырки. И были свивальники – верёвки. Они шились из фланели в четыре слоя, эти свивальники. И вот сюда они больного ложат, и вот сюда они привязывали их, в эти дырки просунут и дальше, и дальше.

Проучилась я нормально в училище. У меня в основном пятёрки, четвёрки, несколько троек было. Госпрактика – пятёрка, госэкзамены – пятёрки у меня, всё нормально. Я окончила в звании фельдшера.

К маме ходила и познакомилась там с врачом. Была тогда Елена Ефимовна – врач у нас[251]. Она психиатр была,

[250] Предназначалась для купирования психомоторного возбуждения. – См.: Slovar.cc [Электронный ресурс] // URL: https://slovar.cc/med/psih/2201511.html (дата обращения 7 декабря 2018).

[251] Елена Ефимовна Баталина – первый психиатр в Ханты-Мансийском национальном округе, работала в 1956–1961 гг. – См.: Психоневрологическая служба города Ханты-Мансийска отмечает серебряный юбилей // Ханты-Мансийская клиническая психоневрологическая больница. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://hmkpnb.ru/news/1485/ (дата обращения 7 декабря 2018).

старенькая еврейка. И она вот всё звала меня и ждала, когда я кончу.

И я, значит, вот, кончила. Последний госэкзамен у меня был в конце июня и я сразу иду туда.

Елена Ефимовна:

– Ну как, Нина?

Я говорю:

– Кончила.

– Сколько получила?

– Пятёрку!

– Давай, к нам приходи на работу.

Там был фельдшер уже, вот сначала это было как маленькое отделение. И вот больные были … и бегали, и всяко. Их не лечили. Не было врача. Их отправляли в Омск на пароходе. Милиционер и обязательно санитар. И их связывали, раз здесь их не могли лечить… Это ещё когда я в училище училась.

А когда я закончила – то было уже психоневрологическое отделение. К этому изолятору был пристроен ещё корпус, в котором были палаты.

Я пришла вечером уже к ней, и больных было где-то человек 20–25-ть. Это уже было отделение, развёрнутое на 25-ть коек. Мама работала всё санитаркой там.

[Елена Ефимовна] дала мне халат, и мы с ней пошли по отделению. Я, значит, наклонилась к больному. Больной был молодой... как-то его звали, забыла уже теперь, я наклонилась к нему и говорю: как чувствуете себя? что беспокоит Вас?

А он лежал. Я и забыла, что психически больные-то. Я с ними как-то ходила уже сюда и знала их как-то. А он как мне пощёчину сразу дал! (*смеётся*). Вот. Он был молодой, я была молодая. Я смутилась маленько, отошла. Вот, теперь мне уже урок.

Когда я ходила, меня никто не задевал. И я нормально к маме приходила и все со мной, даже больные порой, разговаривали. А тут сразу! Вот такая реакция получилась.

Ну, ладно. Мы с ней прошли всё отделение. На другой день я пришла на работу. И со 2 июля 1959-го был приказ мне на работу. Ну вот, я начала работать. Сама Елена Ефимовна научила меня делать вливания. Вот стоит надо мной: вот сюда коли, вот сюда … И я научилась по её, потому что у нас практики мало было в училище, в основном теория всё была, а тут практика началась.

Работа, конечно, была очень трудная. Препараты у нас, ещё год-два у нас не было хороших препаратов. У нас в основном было развито лечение … Физиолечение было назначено, она назначала всё. А [больных становилось больше], раз больница стала психиатрической. Уже появились ханты больные психические, манси больные и другие уже стали поступать к нам из других территорий.

Широко тогда лекарство у нас [было распространено] – инсулинотерапия. Инсулино-шоковая терапия. С инсулином лежали до 10-ти человек больных. Лечение для больных было очень тяжёлое. Здесь начинались маленькие дозы инсулина с 8-ми единиц и доходили до 200 единиц! Значит, тут были реакции. Первая реакция была возбуждение, оглушение, субшок, шок. Вот. Людей доводили до шока. Это уже бессознательное состояние, человек уже перед смертью. Зато было это лечение очень хорошее, больные выздоравливали, быстро выздоравливали, поднимались быстро. И больные долго не возвращались в нашу больницу. Они жили в семье, работали, семьи приобретали и всё. Было эффективное это лечение.

Мне было интересно. Я ни от чего не отказывалась, всему училась. Были вот эти, Мария Борисовна у нас, Роза потом уехала, калмычка была, а Мария Борисовна у нас была медсестрой, потом старшей медсестрой работала и всему

учила нас. И вливания мы по шоковой делали, и учёбы у нас проводили …

Когда Вы почувствовали себя уверенно в профессиональном плане?

Лет 10-ть я училась. Физиолечение делала, были у нас аппараты электрошоки, я сама проводила электрошок, электросон был у нас – больных вот этим лечили, раз у нас препаратов мало было – вот этими аппаратами в основном лечили. Делали кислород… вот сюда вводили – в бедро. Игла толстая, как для животных игла. Аппараты были такие, которые от кислородной подушки, шёл увлажнённый кислород через аппарат и по трубке вводили в бедро.

Годов 4–5-ть мы так проработали, стали препараты появляться. Первый препарат у нас был аминазин[252]. Коробки были большие – по 100 ампул. В ампуле 2 миллилитра. Значит, этот препарат был очень сильный. Он был очень вредный для медработников. Мы им дышали. У нас тогда никакого инструктажа не было. По технике безопасности у нас никого не было. Мы сами вот ломаем-ломаем … вот так вот. Придём в ночь на работу. Человек 10–15-ть колем-колем этим аминазином. Он с новокаином был. Не один. А то бы он сжёг все мышцы.

На тихий час, на 14-ть часов столько же кололи. Вот как лечили мы потом. Вот эта инсулинотерапия всё продолжалась, потом аминазин, тизерцин[253] пошёл, трифтазин[254] …

---

[252] Аминазин – первый синтезированный нейролептик (1950 г.), один из основных и наиболее типичных препаратов этого класса. – См.: Хлорпромазин // Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хлорпромазин (дата обращения 7 декабря 2018).

[253] Тизерцин – нейролептик, по свойствам близкий к аминазину. – См.: Левомепромазин // Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Левомепромазин (дата обращения 7 декабря 2018).

[254] Трифтазин – нейролептик, один из наиболее активных антипсихотиков. – См.: Трифлуоперазин // Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Трифлуоперазин (дата обращения 7 декабря 2018).

И там потом все уже препараты, которые были на «большой земле», они к нам стали поступать.

Вы анализировали свою работу или просто выполняли назначения врача?

Да. Выполняла назначения врача, о том, как лечить, правильно ли, – не задумывалась.

Врач у нас долгое время была одна, сначала Баталина, потом Анна Григорьевна Кутузова[255] … Раз она была одним врачом по округу, её вызывали в командировки, она много ездила, оставляла нас одних со старшей сестрой, и мы без неё работали, всю терапию проводили сами.

Вы хотели учиться дальше – на доктора?

Было, было сразу после окончания училища. У меня подружка была и, знаете, из города, из города на Украине – Люда Форманюк – она оттуда приехала … И жила она только с бабушкой, у ней родителей не было. И она вот приехала сюда, тут была учёба бесплатная, нас кормили бесплатно, нам предоставляли общежитие бесплатно – тогда было всё это бесплатно – столовая была большая и одевали нас бесплатно… Но одевали так… ситец считали дорогим платьем.

Я помню, дали мне такую шинель, рыжая шинель, зимой ходили в ней, и осенью, и весной. Всё бесплатно было для нас. И поэтому она и приехала сюда из Копейска[256].

[255] Анна Григорьевна Кутузова – врач-психиатр, главный врач психиатрической больницы с 1959 г., заслуженный врач РСФСР, кавалер ордена Дружбы народов. – См.: Психоневрологическая служба города Ханты-Мансийска отмечает серебряный юбилей [Электронный текст] // Ханты-Мансийская клиническая психоневрологическая больница. – URL: http://hmkpnb.ru/news/1485/ (дата обращения 20 мая 2019); Посвящается памяти человека с большой буквы – врачу Анне Кутузовой [Электронный текст] // БЕЗФОРМАТА. – URL: https://hantimansiysk.bezformata.com/listnews/bukvi-vrachu-anne-kutuzovoj/18448475/ (дата обращения 24 апреля 2019).

[256] Видимо, из Конотопа, который Н. С. Попова назвала в другом интервью.

Уже заканчивали мы с ней, дружили, она к нам ходила, и мы с ней везде, хорошая девчонка, такая была спокойная. И она собирается уезжать. А я маме и говорю:

– Мама, я поеду учиться дальше.

А мама мне:

– А кто тебя учить будет?

Учить некому. Беднота.

А там уже на «большой земле» учили… уже надо было подрабатывать, надо было ещё что-то, и потом мама у меня заболела, сестра у меня уехала в Тюмень жить, как ей исполнилось лет 18–19-ть. Здесь выучилась на швею и уехала туда. И как я маму одну оставлю? А отчим был грубый и дрался порой, и всё вот такое … А учиться я собиралась. Вот так вот случилось, что не поехала.

А Люда [Форманюк] уехала, поступила учиться и кончила, потом на судмедэксперта выучилась в Москве и уехала на Восток работать. Мы с ней долго переписывались …

…

Сейчас, с точки зрения Вашего возраста, у Вас детство было?

Детства не было, и юношества у нас тоже не было. Как все говорят, украдено всё было войной. Правильно это всё, правильно.

В те годы Вы так сказать не могли?

Тогда не думали, не думали. Потому что все так жили. Не думали.

Мы когда маленькие были, мы в лес ходили, ягоды, грибы собирали, орехи собирали, всё из леса тащились с родителями, ходили. А эти… орехи только после 25 августа по правилам, по законам надо было брать. А мы же в лес придём, увидим кедры – и на кедры залезем. Мама

лазила сама на кедры, мы лазили на кедры, насобираем шишек. А тогда лесники были в лесу, лесники ходили. Так вниз [корзины] орехов нашелушим. День сидим шелушим вот так в лесу. И сверху-то грибов наложим. И вот идём, как будто бы мы с грибами. А на самом деле мы и орехов притащим ещё вдобавок.

И за ягодами ходили. Вот так жили-выживали, огород потом у нас свой появился, значит, там были, садили всё.

Я помню, даже с сестрой, лошадь у нас была, так мы с сестрой запряжём лошадь, когда некогда было взрослым – на работе, или что, поедем по́ воду, привезём воды, вычерпаем эту воду и поим всех, кто в стайке у нас есть. Всех напоим, сена надаём, всё, вот так вот мы и жили всё время.

Один раз так лошадь запрягли, а она была дикая, так она меня по болоту таскала-таскала, я потом ногу, знаете, года два лечила. Вот дикая лошадь была такая. Всё пережили. Вот.

Приедем, начерпаем ведром в бочку воды, поехали обратно. Запрягали сами, умели уже. Но это я уже в училище училась первый год, так вот, примерно.

Не помните, когда скотину дома держали, вы налог какой платили?

А тогда не было никаких налогов. Денег не было у людей. Какие бы налоги кто платил – никто не платил.

Ни мяса, ни молока, ни шерсти с вас не требовали?

Сдавали во время войны. Всё сдавали, я помню, в деревне, всё собирали: яйца собирали, вот то, что вот они, мама дояркой была – всё, что они надоят … Называлась молоканка – пропускали молоко на сливки, забирали и отправляли на войну всё – яйца и всё-всё забирали, и мясо забирали всё. Это я вот помню ещё.

А когда мы уже вот здесь, хоть беднота была, но ничего мы, никакие налоги не платили в деньгах и никакие сборы с нас не собирали. Потому что, наверное, думали, чтобы люди сами ещё вот выжили, для себя[257].

[257] Очевидно, свойство детского мировидения, за пределами которого оставалась «проза» взрослой жизни, взрослых забот. Большетарховская учительница М. Е. Иванова вспоминала свою житейскую ситуацию: «Была и ещё одна трудность: душили налогами тех, кто имел признаки сельского хозяйства. А у меня такие были: огород и корова. И вот на меня наложили сельскохозяйственный налог, да плюс военный 300 рублей на меня и 300 рублей на Илью, хотя он уже был на фронте, и дали очень малый срок до уплаты». В воспоминаниях А. А. Ческидовой читаем: «Душили налогами. Не имея скота и птицы, обязаны были сдать молоко, масло, яйца, шерсть. За всё это ходили работали. Работали по вечерам, прихватывая на ночь». – См.: Политические репрессии 1930–1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа. Сб. док-тов / сост. Е. М. Брагина, Ю. В. Лазарева, Л. В. Набокова. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. С. 113–114, 241.

Фото 1. Ученики 4-го класса Полноватской школы. В первом ряду – двое неизвестных, Сызаров Николай Ильич, Туполев Иван Матвеевич, Нёмысов Алексей Михайлович и Сызаров Герасим; во втором ряду третья слева – Афанасьева Лукерья Петровна (в замужестве Плеханова) и первая справа Курикова Мария (в замужестве Гындышева); в заднем ряду – первый справа Лельхов, пос. Полноват, 1943 г. Из семейного архива Л. П. Плехановой

Фото 2. Студенты педучилища. В первом ряду – вторая слева Глебова (в замужестве) Дарья Михайловна, крайняя справа (с ободком на голове) Афанасьева Лукерья Петровна (в замужестве Плеханова); во втором ряду третья (в цветастой рубашке) Туполева Мария Терентьевна (в замужестве Хозяинова), г. Ханты-Мансийск, конец 1940-х гг.
Из семейного архива Л. П. Плехановой

Фото 3. Студенты Ханты-Мансийского педучилища Тынзянов Илья Егорович (четвертый в последнем ряду), Ярлин Деомид Андреевич (крайний справа в последнем ряду) и неизвестные, г. Ханты-Мансийск, 1951 г. Из семейного архива Е. Г. Ярлиной. На обороте надпись: «*Бывший I «Б» курс. ХМПУ (Ханты-Мансийское педагогическое училище), 1951 г.*».

Фото 4. Студенты Ханты-Мансийского педучилища Рябчикова (в замужестве Хандыбина) Евгения Григорьевна, неизвестный, Афанасьева (в замужестве Плеханова) Лукерья Петровна, Лельхова (в замужестве Афанасьева) Прасковья Прокопьевна, г. Ханты-Мансийск, 1951 г.
Из семейного архива А. Д. Ярлина.
На обороте надпись: «*На память Деомиду от Паны. «Не беда, что здесь нет красоты – это символ души одинокой, но, может, и эти черты вам напомнят о жизни далекой». Вспомнишь, спасибо, забудешь, не диво. Фотографировались 13 мая 1951, г. Ханты-Мансийск, педучилище. Вспомни нас порой*».

Фото 5. Студенты Ханты-Мансийского педучилища. Афанасьева (в замужестве Плеханова) Лукерья Петровна (крайняя справа в первом ряду), Тояркова (в замужестве Терентьева) Фаина Григорьевна (вторая справа во втором ряду), г. Ханты-Мансийск, 1952 г. Из семейного архива Л. П. Плехановой

Фото 6. Студентка Ханты-Мансийского педучилища Афанасьева (в замужестве Плеханова) Лукерья Петровна, г. Ханты-Мансийск, 1951 г. Из семейного архива Л. П. Плехановой. На обороте надпись: «*На память Пане от Луши. «Дарю на память вам портер, хотя он не красив собою, но он напоминает тот момент, когда учились мы с тобою. Ханты-Мансийск, педучилище. 19.11.1951 г.*».

Фото 7. Студентки Ханты-Мансийского педучилища: неизвестная, Актаева Наталья и Сайнахова Анастасия Ильинична, г. Ханты-Мансийск, 1952 г. Из семейного архива Е. Г. Ярлиной

Фото 8. Студенты 3 «А» курса Ханты-Мансийского педучилища: в первом ряду – Ковалева Таисия, Нечу Мария, Кичигаева Клара, Лыткина Варвара; во втором ряду – Иванова Лидия, Ануфриева Мария, преподаватель по педагогике Рожкова Александра Петровна, классный руководитель Земская Галина Никитишна, Ржанова Нина, Мезенцева Лидия; в третьем ряду – Путилова Галина, Тандалова Людмила (Люся), Филатова Евдокия, Новосёлова Зинаида, Артеева Валентина, Истомина Мария, Силина Людмила (Люся), Вискунова Антонина Петровна (в замужестве Петровец); в четвертом ряду – Елисеева Мария, Куняков Анатолий, Шиляева Нина, Полякова Валентина, Ивашкеева Лина, Попова Валентина, Сивкова Мария; в заднем ряду – Пикурева Александра, Тандалова Любовь, Нестерова Валентина, Жлудова Полина, г. Ханты-Мансийск, 1953 г.
Из семейного архива Т. Н. Непкиной

Фото 9. Студентки Ханты-Мансийского педучилища Федотова Анисья Петровна и Ерныхова (в замужестве Белявская) Евдокия Александровна,
г. Ханты-Мансийск, 1953 г. Из семейного архива Л. П. Плехановой.
На обороте надпись: *«Луше от Они и Дуси. 8 марта, 1953, г. Ханты-Мансийск, педучилище».*

Фото 10. Студентка Ханты-Мансийского педучилища Афанасьева (в замужестве Плеханова) Лукерья Петровна, г. Ханты-Мансийск, 1953 г.
Из семейного архива Л. П. Плехановой

Фото 11. Студенты Ханты-Мансийского педучилища: Ржанова Галина, неизвестная, Федотова Анисья Петровна, Ковалева Таисия, Немысова Евдокия Андреевна и Яркина (в замужестве Непкина) Татьяна Никифоровна, г. Ханты-Мансийск, 1953 г. Из семейного архива Е. А. Немысовой

Фото 12. Студенты Ханты-Мансийского педучилища: в первом ряду – Немысова Евдокия Андреевна, Прасина Раиса, Яркина (в замужестве Непкина) Татьяна Никифоровна, Физа, Микулина Анисья Николаевна, Сумкина Клара; во втором ряду – Прасина Анфиса, Кечимова Софья, Нагина Раиса Михайловна, Пычкина Нина Сергеевна, г. Ханты-Мансийск, 1953 г.
Из семейного архива Е. А. Немысовой

Фото 13. Студенты 2 курса Ханты-Мансийского педучилища на занятиях физкультуры: Нечу Мария, Яркина Татьяна (в замужестве Непкина), Ярлин Деомид, Ржанова Нина, Филатова Евдокия, г. Ханты-Мансийск, 1953 г.
Из семейного архива Т. Н. Непкиной

Фото 14. Студенты 2 курса Ханты-Мансийского педучилища Немысова Евдокия Андреевна, г. Ханты-Мансийск, 1954 г.
Из семейного архива Е. А. Немысовой

Фото 15. Студенты Ханты-Мансийского педучилища: Ковалева Таисия, Вахрушева Нина, Нагина Раиса Михайловна, Тандалова Любовь и Немысова Евдокия Андреевна, г. Ханты-Мансийск, 1953 г.
Из семейного архива Е. А. Немысовой

Фото 16. Студенты Ханты-Мансийского педучилища III «Б» курса: в первом ряду – Микулина Анисья Николаевна, Вогулькина Клавдия Васильевна, Пычкина Нина Сергеевна; во втором ряду – Нагина Раиса Михайловна, Немысова Евдокия Андреевна, г. Ханты-Мансийск, 1955 г. Из семейного архива Е. А. Немысовой

Фото 17. Студенты 3 «А» и «Б» курсов Ханты-Мансийского педучилища: в первом ряду – Яркина Татьяна (в замужестве Непкина), Нечу Мария, Ржанова Нина, Филатова Евдокия, Чемлякова Зинаида, Киселёва А.; в заднем ряду – Рукина Л., Истомина Мария, Жлудова Полина, Нестерова Валентина, Тандалова Любовь, Шиляева Нина, Мансурова А., г. Ханты-Мансийск, 1954 г. Из семейного архива Т. Н. Непкиной

Фото 18. Студенты Ханты-Мансийского педучилища: в первом ряду сидят – неизвестная, Вогулькина Клавдия Васильевна, Алексеев Владимир и Доровин Анатолий; во втором ряду сидят – Прасина Анфиса (в белом платке), неизвестная, Покочева Дарья Степановна, Гришкин Герасим Ефимович (в белой рубашке) и неизвестная; в заднем ряду стоят – Нагина Раиса, Немысова Евдокия Ивановна, Прасина Раиса Федоровна, Микумина Анисья, Начагина Галина, Устюжанина Маргарита, Сигильетова Нина, Мирюгина Маргарита Петровна, Гындышева Ульяна Григорьевна, Сумкина Клара и Костина Евдокия, г. Ханты-Мансийск, 1954 г. Из семейного архива Г. Е. Гришкина / Р. К. Бардиной

Фото 19. Студенты Ханты-Мансийского педучилища Пычкина Нина Сергеевна и Немысова Евдокия Андреевна, г. Ханты-Мансийск, 1954 г.
Из семейного архива Е. А. Немысовой

Фото 20. Студенты Ханты-Мансийского педучилища: Алексеев Владимир, Немысова Евдокия Ивановна, Устюжанина Маргарита и Гришкин Герасим Ефимович, г. Ханты-Мансийск, 1954 г.
Из семейного архива Г. Е. Гришкина / Р. К. Бардиной

Фото 21. Студенты Ханты-Мансийского педучилища 1 «Б» курса: в первом ряду – Мансурова Анна, неизвестная, Микумина Анисья, двое неизвестных, Арачева Таисия, Устюжанина Маргарита, Вогулькина Клавдия Васильевна, двое неизвестных, Ангашупов Борис; второй ряд – Ерныхова Евдокия Александровна, неизвестная, Сумкина Клара, двое неизвестных, Тандалова Любовь, Лыткина Варвара, Ковалева Таисия, Немысова Евдокия Ивановна, неизвестная, Нагина Раиса, Вахрушева Нина, Сумкин Артем, неизвестный; в заднем ряду – неизвестные, г. Ханты-Мансийск, 1954 г. Из семейного архива Е. А. Немысовой

Фото 22. Студенты Ханты-Мансийского педучилища: Монина Дарья и Мансурова (сидят первая и вторая в первом ряду); преподаватель биологии Пелевина Анна Семеновна (сидит третья во втором ряду); в заднем ряду стоят – Гындышев Иван (первый), Бабикова Нина (вторая), Ярлин Деомид Андреевич (четвертый), Ледков Геннадий (стоит крайний справа) и неизвестные, г. Ханты-Мансийск, 1955 г. Из семейного архива Е. Г. Ярлиной.
На обороте надпись: *«4 курс, 1955 года, 28 мая. Последний год в училище»*.

Фото 23. Студенты Ханты-Мансийского педучилища: Рябчикова (в замужестве Отшамова) Евдокия Егоровна (стоит крайняя справа во втором ряду) и неизвестные, г. Ханты-Мансийск, конец 1950-х гг.
Из семейного архива Ю. М. Отшамовой

Фото 24. Студентка Ханты-Мансийского педучилища Енизорова (в замужестве Саратина) Глафира Васильевна (I «Б» курс), г. Ханты-Мансийск, 1955 г. Из семейного архива А. А. Тынзяновой.
На обороте надпись: *«На память подруге Пане от Грани Е. Пройдут годы, изменится все в жизни, от прошлого останется только след. Но в доказательство, что были мы подругами, останется лишь этот документ. 21 февраля 1955 г., Х-Мансийск, педучилище».*

Фото 25. Гындышева Ульяна Григорьевна, г. Ханты-Мансийск, 1955 г. Из семейного архива Е. А. Немысовой.
На обороте надпись:
«На долгую вечную память Дусе от Ули. Жизнь – это борьба, и я желаю тебе успеха. Педучилище, г. Ханты-Мансийск, 1955 г. III курс».

Фото 26. Пычкина Нина Сергеевна, г. Ханты-Мансийск, 1955 г.
Из семейного архива Е. А. Немысовой

Фото 27. Студенты Ханты-Мансийского педучилища на Первомайской демонстрации, г. Ханты-Мансийск, 1955 г. Из семейного архива Т. Н. Непкиной

Фото 28. Студенты Ханты-Мансийского педучилища на Первомайской демонстрации. Нечу Мария на переднем плане (в белом платке), Яркина Татьяна (в замужестве Непкина) крайняя справа и неизвестные, г. Ханты-Мансийск, 1955 г. Из семейного архива Т. Н. Непкиной

Фото 29. Студенты Ханты-Мансийского медучилища на Первомайской демонстрации, г. Ханты-Мансийск, в конце 1950-х гг.
Из семейного архива Ф. Н. Поступинских (Зубаревой)

Фото 30. Студенты Ханты-Мансийского медучилища на Первомайской демонстрации, г. Ханты-Мансийск, в конце 1950-х гг.
Из семейного архива Ф. Н. Поступинских (Зубаревой)

Фото 31. Студенты Ханты-Мансийского медучилища на Первомайской демонстрации: Орлова Людмила, неизвестная и Кузнецова (в замужестве Попова) Нина Семеновна, г. Ханты-Мансийск, 1959 г. Из семейного архива Н. С. Поповой (Кузнецовой)

Фото 32. Студенты Ханты-Мансийского медучилища на демонстрации 7 ноября, г. Ханты-Мансийск, в конце 1950-х гг. Из семейного архива Ф. Н. Поступинских (Зубаревой)

Фото 33. Устюжанина Маргарита, Гындышева Ульяна Григорьевна, Немысова Евдокия Андреевна, Вогулькина Клавдия Васильевна и Пычкина Нина Сергеевна, г. Ханты-Мансийск, 1956 г. Из семейного архива Е. А. Немысовой

Фото 34. Немысова Евдокия Андреевна, г. Ханты-Мансийск, 1956 г. Из семейного архива Е. А. Немысовой

Фото 35. Гындышева (в замужестве Скакунова) Ольга Ефимовна, г. Ханты-Мансийск, 1955 г. Из семейного архива Е. А. Немысовой.
На обороте надпись: *«На память Дусе от Ольги. г. Ханты-Мансийск, педучилище, II курс, 18 лет».*

Фото 36. Устюжанина Маргарита, г. Ханты-Мансийск, 1955 г. Из семейного архива Е. А. Немысовой.
На обороте надпись: *«Устюжанина Маргарита из М-Атлыма».*

Фото 37. Учителя и ученики школы деревни Чемаши: в первом ряду – Рещиков Иван, Володин Василий, Проскуряков Николай Иванович, Шадрина Любовь, Зинатулина Зоя, Редяева Галина, Володина Надежда; в заднем ряду – учитель Яркина (в замужестве Непкина) Татьяна Никифоровна, директор школы Рещикова Прасковья Николаевна, Шевелев Валерий, Михайлов Владимир, Партанов Виктор Кириллович, Шадрин Александр, Рещикова Зинаида, Редяева Нина, Буваева Нина, д. Чемаши, 1955 г. Из семейного архива Т. Н. Непкиной

Фото 38. Участники конференции председателей женсоветов округа. Яркина (в замужестве Непкина) Татьяна Никифоровна (справа в школьной форме), Тарлина Татьяна (справа крайняя в третьем ряду), Покачева Дарья Степановна (справа третья в заднем ряду) и неизвестные, г. Ханты-Мансийск, 1958 г. Из семейного архива Т. Н. Непкиной

Фото 39. Участники семинара пионервожатых. Горина Антонина Савельевна (третья в первом ряду), Яркина (в замужестве Непкина) Татьяна Никифоровна (слева крайняя во втором ряду), Сумкина Клара Ивановна (справа крайняя во втором ряду), Арычева Таисия (справа вторая в заднем ряду), пос. Кондинск, 1957 г. Из семейного архива Т. Н. Непкиной

Фото 40. Студенты Ханты-Мансийского медучилища на уборке территории училища на улице Калинина, г. Ханты-Мансийск, 1956–1957 гг.
Из семейного архива Ф. Н. Поступинских (Зубаревой)

Фото 41. Студенты Ханты-Мансийского медучилища: сидит Орлова Людмила, стоят – Тынзянова (в замужестве Глушанкова) Елена Афанасьевна и Кузнецова (в замужестве Попова) Нина Семеновна, г. Ханты-Мансийск, 1959 г.
Из семейного архива Н. С. Поповой (Кузнецовой)

Фото 42. Студенты педучилища и медучилища: Адина Ольга, Торычева Нина Николаевна (2 курс) и Тынзянова Елена Афанасьевна, г. Ханты-Мансийск, 1957 г. Из семейного архива Л. Н. Сайнаховой

Фото 43. Студенты педучилища и медучилища: Торычева Нина Николаевна (2 курс), Тынзянова Елена Афанасьевна, Адина Ольга и Торычева Лидия Николаевна, г. Ханты-Мансийск, 1959 г. Из семейного архива Л. Н. Сайнаховой

Фото 44. Студенты педагогического института им. А. И. Герцена. В первом ряду – Ярлин Деомид Андреевич, Афанасьев Прокопий Григорьевич и Хатанев Андрей Яковлевич; во втором ряду – Юрьева Ирина (третья) и Ерныхова (в замужестве Белявская) Евдокия Александровна (крайняя справа) и неизвестные; в третьем ряду – Гындыбина (в замужестве Хромова) Анфиса Михайловна, Шесталов Юван Николаевич, Ледков Геннадий; в последнем ряду – Гындышев Данил (?), Гындышев Дмитрий Григорьевич, Чейметова Светлана Пантелеймоновна и Костин Леонид Тарасович, г. Ленинград, 1950-е гг. Из семейного архива А. Д. Ярлина

Фото 45. Студенты педагогического института им. А. И. Герцена: в первом – Ярлин Деомид Андреевич (стоит справа), Прасина Анфиса (вторая справа), Гындышев Иван (третий справа) и неизвестные, г. Ленинград, 1950-е гг.
Из семейного архива А. Д. Ярлина

Фото 46. На переднем плане студентка педагогического института им. А. И. Герцена Вагатова (в замужестве Волдина) Мария Кузьминична в санатории, Карелия, 1956 г. Из семейного архива М. К. Волдиной

Фото 47. Студенты 2 курса пединститута им. А. И. Герцена Прасина Раиса Федоровна и Немысова Евдокия Андреевна, г. Ленинград, 1957 г.
Из семейного архива Е. А. Немысовой

Фото 48. Студентка педагогического института им. А. И. Герцена Немысова Евдокия Андреевна (вторая справа) с учителями курсов повышения квалификации – Покаевой Дарьей Степановной (вторая слева) и неизвестными, г. Ленинград, 1960 г. Из семейного архива Е. А. Немысовой

Фото 49. Каксина Ульяна Михайловна и Вагатова (в замужестве Волдина) Мария Кузьминична, д. Казым, 1958 г. Из семейного архива М. К. Волдиной

Фото 50. Женщины и дети Казымской культбазы (культурной базы), д. Казым, 1950-е гг. Из семейного архива М. К. Волдиной

Фото 51. Учащиеся 9-го класса Березовской средней школы. Торычева (в замужестве Сайнахова) Лидия Николаевна справа в первом ряду, пос. Березово, 1957–1958 гг. Из семейного архива Л. Н. Сайнаховой

Фото 52. Ученики Березовской школы-интерната: Рокина Елизавета, Торычева Лидия Николаевна (в замужестве Сайнахова), Мелентьева Галина, Хатанева Елена, Иванова Надежда, пос. Березово, 1958 г.
Из семейного архива Л. Н. Сайнаховой

Фото 53. Ученики Березовской школы-интерната: на переднем плане – Торычева Лидия Николаевна (в замужестве Сайнахова), Мелентьева Галина, Калташкова Раиса, Рокина Екатерина; на заднем плане – Сагандуков Виктор, Игловиков Владимир, Смолин Анатолий, Аксеонова Валентина, пос. Березово, 1958 г. Из семейного архива Л. Н. Сайнаховой

Фото 54. Ученики Березовской школы-интерната. Торычева Лидия Николаевна (в замужестве Сайнахова) в белом фартуке сидит в центре во втором ряду, пос. Березово, 1957–1958 гг. Из семейного архива Л. Н. Сайнаховой

Фото 55. Ученики 10 «А» класса Березовской средней школы. Торычева Лидия Николаевна (в замужестве Сайнахова) третья справа в первом ряду, пос. Березово, 1958–1959 гг. Из семейного архива Л. Н. Сайнаховой

Фото 56. Студенты 2 «Б» курса акушерского отделения Ханты-Мансийского медучилища: в первом ряду – Попкова Тамара, Пятакова Надежда, Воскресенская Мария Ивановна (директор училища), Дондукова Татьяна Митрофановна (акушер-гинеколог), Пирязева Галина Михайловна (учитель математики), Хайдукова Раиса; во втором ряду – Давлетова Маргарита, Барькова Валентина, Барихина Надежда, Самарова Тамара, Захарова Людмила, Щепкина Нина, Торычева Лидия Николаевна (в замужестве Сайнахова), Кисилева Неля; в третьем ряду – Аднакулова Альбина, Степанова Галина, Ивашкеева Любовь, Шепелева Тамара, Гришкина Людмила, Вторушина Лидия, Нартымова Октябрина; в заднем ряду – Кузеванова Лидия, Манина Ульяна, Новьюхова Елизавета, Сивкова Альбина, г. Ханты-Мансийск, 1961 г. Из семейного архива Л. Н. Сайнаховой

Фото 57. Студенты акушерского отделения Ханты-Мансийского медучилища. Торычева Лидия Николаевна (в замужестве Сайнахова) в заднем ряду вторая справа, г. Ханты-Мансийск, 1963 г. Из семейного архива Л. Н. Сайнаховой

Фото 58. Студенты 3 «Б» курса Ханты-Мансийского медучилища: в первом ряду – Маркова Раиса, Сыркина Галина, Нестерова А., Семенова Галина, Новьюхова Ольга, Самойлова Александра, Ерныхова Евгения, Панова Надежда, Ользина Лидия, Лазарева Валентина, Микумина Любовь, Сосунова Галина, Ерныхова Ксения, Котельникова Галина, Кунякова Юлия, Кумышева Вера, Кабылина Мария, Чибышева Зоя, Лебедева Нина, Исаева Лера, Рябчикова Феня, Сардакова Тамара, Тыманова Ольга, Худякова Мая, Вторушина Августа Афанасьевна, Руфина Александровна, Сеина Елизавета Михайловна,
г. Ханты-Мансийск, 1961 г. Из семейного архива О. Д. Ерныховой

Указатель имён

В указатель включены только те имена собственные, которые были названы информантами. Часть их уточнена по литературе, источникам и ресурсам, указанным ниже в соответствующих списках.

Авдотья – С. 58.
Айпин, Еремей Данилович – С. 230, 235, 253.
Алычев, Валентин Михайлович – С. 273, 279.
Алычева, Маргарита Михайловна – С. 277, 279.
Алычева (Пантафлюк), Евдокия Яковлевна – С. 273, 274.
Альбина – С. 34.
Ангашупов, Борис – С. 184.
Андрей Фомич – С. 116.
Анна Ивановна – С. 213.
Антипина (Зубарева, Куклина), Анна Яковлевна – С. 325.
Аренхов, Василий Иванович – С. 260.
Архангельский, Василий Александрович – С. 241.
Архангельский, Николай Александрович – С. 241, 242.
Ася – С. 185.
Афанасьев, Пётр Яковлевич – С. 14.
Афанасьева (Спиридонова), Домна Григорьевна – С. 14.

Багишева, Зоя Афанасьевна – С. 241.
Баталина, Елена Ефимовна – С. 377, 378, 379, 381.
Бекетов, Дмитрий Николаевич – С. 218.
Белкин, Гурий – С. 314, 316, 336.
Белявская (Ерныхова), Евдокия Александровна – С. 127, 142, 159, 176, 202–204, 210–212, 214, 258, 283.
Боголюбов, Александр Александрович – С. 160, 163, 180, 199, 251, 285.
Болконский, Андрей – С. 303.
Бондарева (Перцева), Лариса – С. 304.
Борисенко – С. 330.
Будников, Пётр Кузьмич – С. 121-122, 129.
Бурхард, Рудольф Петрович – С. 192, 340.
Буторина – С. 52.

Вагатов, Кузьма Николаевич – С. 83, 105.
Вагатов, Николай Александрович – С. 81, 104.
Вагатов, Прокопий Кузьмич – С. 84, 105.
Вагатов, Сергей Кузьмич – С. 174.
Вагатова, Галина Кузьминична – С. 174.
Вагатова (Молданова), Варвара Ивановна – С. 83, 105.
Вагатова (Молданова), Евдокия Кузьминична – С. 88–89.
Вагатовы – С. 82.
Валентин Иванович – С. 242.
Вась-Вась – С. 108–109.
Вахрушев, Павел Александрович – С. 164, 284, 294.
Вахрушева, Антонина Ивановна – С. 164, 284.
Вахрушева, Нина – С. 211.
Величко, Георгий Тарасович – С. 65, 127, 142, 143, 146, 148, 151, 155, 160, 162, 167, 168, 170, 171, 172–173, 174–175, 180, 183, 184, 187, 196, 199, 200, 205, 216, 244, 252, 253, 255, 261, 271, 272, 282, 286, 303.
Величко, Лариса Андреевна – С. 156, 157, 283.
Вера – С. 59.
Вискунова, Антонина – С. 74.
Витязева, Нора – С. 202–204.
Вишняков, Пётр Александрович – С. 68.
Вогулькина, Клавдия Васильевна – С. 250.
Волдин, Владимир Семёнович – С. 226.
Волдина (Вагатова), Мария Кузьминична – С. 106, 121, 122, 124, 137, 162, 174, 175, 184, 211, 218, 263, 277, 280, 282, 283, 285, 287.
Воложанины – С. 52.
Воронецкий, Михаил Иванович – С. 242.
Воскресенская, Мария Ивановна – С. 312, 314, 316, 337, 339, 340, 342, 345, 346, 358.
Воскресенский, Николай Семёнович – С. 359.
Вторушина, Августа Афанасьевна – С. 340, 359.
Вылла (Вагатова), Екатерина Кузьминична – С. 84, 105, 111, 223.

Гагарин, Юрий Алексеевич – С. 271.
Галина – С. 340.
Галина – С. 357.
Гауфлер, Герман Вениаминович – С. 166–167, 180, 192, 309.
Герман – С. 163, 179.

Глафира Фёдоровна – С. 340.
Горцевский, Александр Андреевич – С. 115, 120.
Граховская – С. 334.
Гришкин, Герасим – С. 244.
Гришкина, Елена – С. 77.
Гурьянова, Раиса – С. 139.
Гындыбина, Ольга – С. 341.

Дзюба, Вера – С. 335.
Диадоров – С. 267.
Диадорова, Тамара Васильевна – С. 267.
Дмитрий – С. 368, 369.

Евдокия – С. 225.
Евдокия Романовна – С. 351.
Екатерина Степановна – С. 116, 118.
Елена – С. 24.
Елизарова, Валентина – С. 181.
Енизоров, Александр Васильевич – С. 60.
Енизоров, Денис – С. 60.
Енизоров, Пётр Васильевич – С. 60.
Епанчинцева, Евгения Павловна – С. 159, 169, 178–179, 188, 251, 287–288.
Ерныхов, Прокопий – С. 222.
Ефим – С. 20.
Ефросинья Петровна – С. 239.

Животиков, Павел Кузьмич – С. 270.

Захаров, Николай – С. 124–125.
Зинаида Ивановна – С. 340.
Зоя Ивановна – С. 242.
Зоя Павловна – С. 137.
Зубарев, Евгений Фёдорович – С. 326.

Иван Семёнович – С. 307–309, 340.
Иванов, Павел Михайлович – С. 315, 360.
Ильиных – С. 307.

Калымова, Галина – С. 162, 199.
Канев, Василий Михайлович – С. 107.
Канев, Яков – С. 134–135.
Канева, Мария – С. 234, 245.
Каневы – С. 112.
Картавенко А. А. – С. 242.
Кастро, Фидель – С. 271.
Квашнин, Анатолий – С. 348.
Квашнины – С. 349.
Кечумова, Софья – С. 260.
Кив, Август Михайлович – С. 29–30.
Кирсанов, Павел – С. 311, 312, 335.
Киселев, Анатолий – С. 336.
Киторов, Владимир – С. 185.
Климова, Валентина Николаевна – С. 241.
Кодухов, Виталий Иванович – С. 264.
Колнер, Галина Антоновна – С. 302, 304–305.
Колтаева, Альбина Петровна – С. 277.
Конев, Иван Михайлович – С. 282–283.
Конева, Ангелина – С. 260.
Кононова, Зинаида Николаевна – С. 137.
Константинова, Татьяна Степановна – С. 62.
Копыльцов, Юрий – С. 282.
Космодемьянская, Зоя Анатольевна – С. 124, 132, 305.
Коуртаева, Надежда – С. 344.
Кремлёва, Ольга Александровна – С. 150, 160–161, 190, 201.
Кузнецов, Андрей Александрович – С. 59.
Кузнецов, Владимир Михайлович – С. 351.
Кузнецов, Николай Михайлович – С. 351.
Кузнецов, Семён Михайлович – С. 349.
Кузнецова, Екатерина Васильевна – С. 360.
Кузнецова, Нина Максимовна – С. 204, 205.
Куклин, Яков Константинович – С. 327-328.
Кутузова, Анна Григорьевна – С. 381.
Кыня – С. 335.

Лазарев, Георгий Иванович – С. 272.
Лазарев, Григорий Дмитриевич – С. 226.
Лельхов, Иван Дмитриевич – С. 245.

Лельхова, Прасковья – С. 22-23.
Леонтина Константиновна – С. 309.
Лидия – С. 125.
Лидия Ивановна – С. 151.
Логвиненко, Дмитрий Платонович – С. 125.
Людмила – С. 373.

Майн Рид – С. 154.
Макаров, Владислав – С. 314.
Мантыхова, Екатерина – С. 54.
Мария – С. 269.
Мария Борисовна – С. 377, 379.
Мария Николаевна – С. 15, 17.
Марфа – С. 69.
Меншиков, Александр Данилович – С. 274, 278.
Молданов, Александр Иванович – С. 115–116.
Молдановы – С. 82, 83.
Молокова, Лидия Семёновна – С. 127, 139.

Нагина – С. 250.
Наривлич, Екатерина – С. 210–211.
Наталья – С. 221.
Наташа – С. 146.
Начагина, Галина – С. 250, 259.
Непкин, Александр – С. 78.
Непкина (Яркина), Татьяна Никифоровна – С. 77.
Нерушев – С. 221.
Нёмысов, Василий Фёдорович – С. 229.
Нёмысов (Нёмусов), Пётр Васильевич – С. 233, 243.
Нёмысова, Евдокия Андреевна – С. 251, 270.
Никулин, Гаврил Никандрович – С. 211, 213, 262.
Нина Васильевна – С. 276.
Нина Михайловна – С. 137.
Новицкая, Ольга – С. 30–31.

Олег Петрович – С. 360.
Ольга – С. 336.
Ончар – С. 138.

Павлов – С. 62.
Павлов, Владимир Тимофеевич – С. 66, 77–78, 258.
Пакин, Константин – С. 366.
Пакина, Валерия – С. 366.
Пакина, Рената – С. 261.
Пантафлюк, Евдокия Яковлевна - С. 274.
Паршины - С. 52.
Пашкин, Николай – С. 43.
Пелагея – С. 105.
Пелевина, Анна Семёновна – С. 24, 148, 166, 250, 283.
Перевозкина (Корепанова), Галина Макаровна – С. 277.
Першина, Зоя – С. 341.
Петрова-Бытова, Наталья Фёдоровна – С. 266.
Петровец, Илья Демьянович – С. 157–158, 159, 160, 251.
Печоркин, Пётр – С. 59.
Пётр Первый - С. 214, 215.
Пихтямовы – С. 61, 69.
Плеханов, Александр Владимирович – С. 25, 30, 31, 33, 36–37, 38, 41, 42, 44.
Плеханов, Андрей Владимирович – С. 33.
Плеханов, Валентин Владимирович – С. 33.
Плутова, Нона Филимоновна – С. 292.
Покачёва, Дарья – С. 266.
Полина – С. 146–147.
Полченова (Нёмысова), Екатерина Фёдоровна – С. 229–230.
Попов, Владислав – С. 239.
Попов, Геннадий – С. 239.
Попов, Евдоким – С. 239.
Попова (Кузнецова), Нина Семёновна – С. 338, 341, 378.
Попова, Софья Андреевна – С. 239.
Посоховы – С. 69.
Поступинская, Галина – С. 334.
Поступинских, Владимир Иванович – С. 338, 339, 346.
Поступинских (Зубарева), Фаина Николаевна – С. 325.
Прасина, Раиса Фёдоровна – С. 248, 258, 261, 268.
Преснецова, Ольга Павловна – С. 53, 55–56, 64.
Прокопий – С. 185.
Прокопий – С. 289.

Прокудина, Майя – С. 342.
Проскурякова, Ираида Калистратовна – С. 239.
Пуртов, Фёдор Петрович – С. 315.
Пухлёнкина, Хиония Петровна – С. 365.
Пушкин, Александр Сергеевич – С. 165, 182, 303.
Пычкина, Нина – С. 250.

Райшев, Геннадий Степанович – С. 254.
Резчикова, Прасковья Николаевна – С. 78.
Ржанов, Прокопий – С. 185.
Ржанова, Галина – С. 172, 184.
Роза – С. 377, 379.
Рокоссовский, Константин Константинович – С. 360.
Ротчев, Илья Петрович – С. 109.
Рочев, Георгий Петрович – С. 90–91.
Рубкова, Анна Александровна – С. 61–62.
Рукина, Ульяна Яковлевна – С. 239, 240.
Русская, Юлия Николаевна – С. 270.
Рыжих, Фаина Александровна – С. 294.

Савин, Леонид – С. 77.
Сагандукова, Елена Михайловна – С. 364.
Садюль, Лидия – С. 266, 269.
Сайнахова, Анастасия Ильинична – С. 193.
Салтыков, Иосиф – С. 265-266, 267.
Салтыков, Прокопий Ермолаевич – С. 265–266.
Сеина, Елизавета Михайловна – С. 359.
Сенгепов, Алексей Михайлович – С. 272.
Сивкова (Рогулина), Эмма Михайловна – С. 297, 308, 335, 338.
Слинкина, Лидия Фёдоровна – С. 251.
Смердева, Валентина Николаевна – С. 239.
Смолин, Сергей – С. 27, 43.
Смолина, Рая – С. 43.
Собянина (Себурова), Мария – С. 38.
Соколков, Анатолий Иванович – С. 314, 343, 363.
Сталин – С. 67, 119, 132, 141, 257, 360, 368.
Стрелкова, Людмила – С. 357.

Таисия Родионовна – С. 281.
Тарлин, Павел – С. 140, 222, 223.
Тарлины – С. 82, 83.
Тарханов, Андрей Семёнович – С. 161, 162.
Тасьманов, Иван Егорович – С. 236.
Тасьманов, Иосиф – С. 230.
Тасьманова, Зоя – С. 228.
Татьяна Прокопьевна – С. 301–302.
Терёшкин, Николай Иванович – С. 128.
Тогушаков, Юрий Исакович – С. 314, 343, 363.
Тополева, Мария – С. 231.
Тюльпанова, Фаина Александровна – С. 291.

Усольцев, Владимир – С. 200.

Феша Петровна – С. 51.
Фёдоров, Михаил Антонович – С. 314, 360.
Филатова, Аля – С. 127.
Филиппова, Людмила – С. 267.
Фирсова, Елизавета – С. 25–26.
Фирсова, Зоя – С. 25–26.
Форманюк, Людмила – С. 338, 342, 381-382.

Хатылова, Анна – С. 61.
Хатылова, Нина – С. 61.
Хатыловы – С. 61, 69.
Ходжер, Григорий – С. 267.
Ходырев, Юрий – С. 338, 344.
Хомылева, Виктория Николаевна – С. 157, 160, 168, 250, 294.
Хрущёв, Никита Сергеевич – С. 271.

Цехнова, Валентина Степановна – С. 302.

Чалукова, Элла – С. 304.
Чапаев, Василий Иванович – С. 131, 132.
Чейметова, Мария – С. 267.
Чейметова, Светлана Павловна (Пантелеймоновна) – С. 264, 267.
Черемных, Вера – С. 316, 344.
Чкалов, Валерий Павлович – С. 132.
Чупров, Терентий Иванович – С. 66.

Шаврин, Павел Андреевич – С. 350.
Шарапова, Маргарита Дмитриевна – С. 307, 334, 340.
Шесталов, Юван Николаевич – С. 265.
Шишкин – С. 30.
Шишкин, Иван Иванович – С. 170.
Штейниц, Вольфганг – С. 228.
Штернберг, Абрам Яковлевич – С. 209.

Шульгин, Микуль Иванович – С. 265.

Щепёткина, Тамара – С. 341, 342.

Эрлих, Виргиния Карловна – С. 162, 165, 188, 251.

Яков – С. 163.
Яков – С. 277.
Ямзин, Георгий Яковлевич – С. 275–276.
Ямзин, Иван Яковлевич – С. 275.
Ямзин, Пётр Яковлевич (младший) – С. 275.
Ямзин, Пётр Яковлевич (старший) – С. 275.
Ямзина, Неонила Николаевна – С. 274.
Яркин, Алексей Данилович – С. 46, 47, 48, 58.
Яркин, Григорий Данилович – С. 46, 47, 48.
Яркин, Иосиф Данилович – С. 46, 47.
Яркин, Никифор Данилович – С. 45, 50.

Указатель географических названий

В указатель включены только те географические названия, которые упоминаются в тексте воспоминаний.

Амня – С. 140, 222, 223, 224.
Андра – С. 325.
Атлым – С. 328.
Атлымка – С. 329.

Базьяны – С. 375.
Байкал – С. 230.
Батово – С. 255.
Берёзово – С. 36, 46, 57, 174, 194, 206, 234, 244, 246, 261, 274, 276, 277, 278, 280, 341.
Берёзовский район – С. 57, 194,366, 369.
Большой Атлым (Батлым) – С. 77, 327, 328, 331.
Большой Бор – С. 202.

Ванзеват – С. 232, 242.
Ванзетур – С. 367.
Вежакары – С. 52.
Верхние Нарыкары – С. 46, 55, 56, 69.
Вырица – С. 258.

Германия – С. 345.
Горный – С. 291, 292.

Дальний Восток – С. 360.
Добрино – С. 348.

Елизарово – С. 335, 340.

Заречный – С. 325, 326, 346, 348.
Зенково – С. 321.

Ильичёвка – С. 325, 328.
Индия – С. 306, 309, 373.

Казым (Казымский национальный совет/Казымский куст/Казымская тундра) – С. 82, 83, 87, 88, 114, 117, 121, 122, 123, 124, 126, 127, 130, 131, 133, 134, 135, 136, 138, 140, 148, 151, 162, 174, 188, 194, 196, 206, 207, 216, 220, 223, 225, 226, 240, 259.
Калтысьяны – С. 51.
Камчатка – С. 210.
Карельский перешеек – С. 209.
Кедровый – С. 290.
Кеушки – С. 331, 334.
Конда – С. 191, 325, 328, 335, 375.
Кондинский район – С. 66, 148, 328.
Копейск – С. 381.
Корлики – С. 258, 341.
Куба – С. 271.
Курьёх – С. 82, 83.
Кышик – С. 82, 202, 203.

Лабытнанги – С. 348.
Лапоры – С. 25, 27, 29, 31, 32, 42, 43, 44.
Лемпино – С. 267.
Ленинград (Питер) – С. 159, 164, 180, 187, 189, 208, 209, 210, 212, 214, 216, 240, 258, 261, 262, 263, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 293, 297, 309, 319.
Луговской /Луговое/ – С. 282, 293, 295, 345, 348, 349, 350.
Люликары – С. 24.

Малый Атлым – С. 325, 326, 328, 333.
Моим – С. 328.
Москва – С. 63, 133, 210, 215, 282, 290, 351, 362, 365, 382.
Москва-река – С. 282.
Мулигорт – С. 69, 70, 78, 270.

Назым – С. 82, 202.
Нарыкары – С. 27, 30, 47, 50, 55, 56, 61, 75, 77.
Нева – С. 215.
Ненецкий округ – С. 268.
Нижневартовск – С. 258.
Нижние Нарыкары – С. 48, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 59, 64, 271.
Низямы – С. 61.

Норильск – С. 349.
Нумто – С. 83, 84, 124.
Няксимволь – С. 341.
Нялино – С. 319, 372.
Обь – С. 58, 64, 231, 237, 328.
Октябрьский район – С. 61, 69, 82, 239.
Октябрьское – С. 43, 55, 59, 61, 62, 63, 69, 73, 75, 77, 329.
Омск – С. 249, 280, 293, 314, 378.
Омская область – С. 249, 298.

Пашкино – С. 84, 202.
Пашторская протока – С. 17, 18.
Пашторы – С. 15, 17, 20, 30.
Перегрёбное – С. 51, 61.
Перековка – С. 319, 320, 351.
Полноват – С. 24, 31, 33, 36, 38, 59, 60, 61, 63, 64, 73, 77, 229, 232, 239, 242, 245, 246, 259, 264, 270.
Проточные юрты – С. 52.

Резаны – С. 14, 15, 17, 20, 37.
Рязанская область – С. 326.

Салехард – С. 194, 234, 267.
Самарово – С. 142, 155, 157, 260, 277, 326.
Сан-Франциско – С. 262.
Саранпауль – С. 366, 367.
Сахалин – С. 210.
Свердловск – 262.
Север – С. 210, 216, 276, 298, 362, 364.
Согом – С. 178, 313, 341.
Сосьва – С. 194.
Сочи – С. 272.
СССР – С. 234, 284.
Сургут – С. 297, 341, 342.
Сургутский район – С. 249, 251.

Теги – С. 367.
Тихвинский район (Ленинградской области) – С. 270.
Тобольск – С. 78, 81, 144, 229.
Тугияны – С. 20, 31, 34, 36, 43.
Тула – С. 351.
Тюменская область – С. 262.
Тюмень – С. 137, 206, 215, 314, 318, 326, 363, 365, 382.
Удельная (Ленинград) – С. 270.
Украина – С. 351, 381.

Финский залив – С. 214.

Ханты-Мансийск (Ханты) – С. 25, 46, 59, 65, 72, 73, 75, 76, 77, 127, 142, 148, 183, 189, 206, 207, 233, 244, 245, 254, 258, 262, 263, 271, 274, 277, 280, 291, 294, 327, 334, 338, 345, 350, 353, 374.
Ханты-Мансийский/Остяко-Вогульский (национальный округ) автономный округ – Югра – С. 297, 364.
Ханты-Мансийский/Самаровский район – С. 348.
Хатыловская – С. 61, 69.
Холопанты – С. 20.

Цигары – С. 34.
Цингалы – С. 255.

Челябинск – С. 326.
Челябинская область – С. 325.
Чемаши – С. 19, 51, 77, 78.
Черемухово – С. 255.

Шапша – С. 182, 183, 349.
Шеркалы – С. 61.

Юильск – С. 87, 88, 89, 95, 113, 114, 121, 124, 140, 141, 148, 161.

Ягурьях – С. 336.
Ямало-Ненецкий национальный округ – С. 83, 213, 267.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

В списке представлены публикации газет 40–50-х гг., найденные с помощью указателя В. К. Белобородова и Т. В. Пуртовой[1], материалы современной периодики, а также результаты разысканий, краеведческие труды, исторические и этнологические исследования, проливающие свет на обстоятельства жизни людей, чьи имена фигурируют в воспоминаниях информантов.

1. Айпин Е. Первый врач из народа ханты // Здравоохранение Югры. Профессиональная медицинская газета. 2014. № 8 (137).
2. Алексеева Л. В., Букренёва К. Г. Размещение ленинградских детских домов в период эвакуации на территории Ханты-Мансийского национального округа // Клио. 2014. № 7 (91). С. 85–87.
3. Афанасьев А. Призвание // Знамя коммунизма. 1960. 10 января.
4. Банзаракцаева Е. В. Охрана детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Бурят-Монгольской АССР). Автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 23 с.
5. Бардина Р. К. Портреты обских угров (из семейных фотоархивов обских и нижнесосьвинских манси и хантов) / сост. и авт. предисл. Р. К. Бардина. Изд-во СО РАН, 2014. 256 с.
6. Бардина Р. К. Угорское население Нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века) / отв. ред. Н. В. Лукина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 291 с.
7. Белобородов В. К. Белявская (Ерныхова) Евдокия Александровна // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 1. С. 98.
8. Бурцева Р. Х. Татьяна Фёдоровна Петрова-Бытова как теоретик и практик северного танца // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (3). С. 79–83.
9. Варпаховский Н. А. Рыболовство в бассейне реки Оби. В 2-х чч. Тюмень: Мандрика, 2003. 256 с.
10. Винклер Р.-Л. Штейниц Вольфганг // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск:

[1] Обь-Иртышский Север в западносибирской периодике. 1945–1960 гг. Библиографический указатель / сост. В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова. Екатеринбург: ИД Сократ, 2007. 872 с.

НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 3. С. 332–333.
11. Вклад спецпереселенцев. Новые точки на карте [Электронный текст] // Виртуальный музей «История ссылки и спецпереселений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. 1920–1950-е гг. – URL: http://hesr.ugramuseum.ru/vklad/points.html
12. Волдина А. Он был душой коллектива // Обские дали. Сборник очерков и рассказов. Вып. 1 / ред.-сост. Г. И. Макарова. Пгт. Октябрьское, 2007. С. 102–104.
13. Волдина М. К. Это были последние дни Ивана Ивановича Молданова // Казымские чтения – 2003. Материалы научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 19 декабря 2003 г. Томск: ГалаПресс, 2004. С. 7–8.
14. Волдина Т. В. «Долгой жизни вековечный танец»: реинкарнация в контексте мифоритуальных традиций обских угров. Часть 1. Тюмень: Формат, 2016. 206 с.
15. Воскресенская М. Знаменательный юбилей // Ленинская правда. 1958. 28 июня.
16. Воскресенская Мария Ивановна // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 1. С. 186–187.
17. Воскресенский Николай Семёнович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 1. С. 187.
18. Встречи с прекрасным подарил Учитель. Как может измениться мир, когда в него приходит Рыцарь музыки // URL: https://ugra-news.ru/article/10032016/26732
19. Вторушина А. В дружной семье народов // Сталинская трибуна. 1955. 4 декабря.
20. Гауфлер Г. Концерт воспитанников музыкальной школы // Знамя коммунизма. 1960. 3 апреля.
21. Георгий Тарасович Величко. Биография кандидата в депутаты окружного Совета // Сталинская трибуна. 1947. 30 ноября.
22. Георгий Тарасович Величко. Биография кандидата в депутаты окружного Совета // Сталинская трибуна. 1950, 28 ноября.
23. Георгий Тарасович Величко. Биография кандидата в депутаты окружного Совета // Сталинская трибуна. 1953, 14 февраля.

24. Глухих А. С., Струсь Л. Ф. Земли Югорской дочь. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2014. 320 с.
25. Горцевский А. А. Записки о первоначальном обучении русскому языку учащихся школ народов Крайнего Севера. Л.: Учпедгиз, 1948. 152 с.
26. Гуркин С. Майн Рид и русский миф об Америке [Электронный текст] // Регнум. 2018. 4 апреля. – URL: https://regnum.ru/news/cultura/2399543.html.
27. Гурьева Л. Ма ай кәртєм хурӆам хуща вәӆ // Хӑнты ясӑң. 2018. № 23 (3515). 6 декабря. С. 5.
28. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М.: ТЕРРА, 1994.
29. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. В 3-х тт. Т. 1. Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерия, 1995. 376 с.
30. Еманова О. Н. Казымская культбаза [Электронный текст] // Казым. Земля Кошачьего локотка. – URL: http://kazym.ethnic-tour.ru/kazm/publ/kultbasa.html
31. Ерёмин А. Т. Военными и мирными дорогами. М.: ИКАР, 1995. 304 с.
32. Ерныхова О. Д. Казымский мятеж (об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.). 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: Югорский гос. ун-т, 2010. 212 с.
33. Животиков П. К. Очерк грамматики хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 1942. 122 с.
34. Загороднюк Н. И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь 1929–1940 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. 21 с.
35. Задорина Галина. Круг почёта рода Вагатовых // Тюменские известия. 2006. № 42. С. 3.
36. Елена Михайловна Сагандукова // Ленинская правда. 1958. 28 февраля.
37. Иванова В. С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XX века). Ханты-Мансийск: НИЦ ЮГУ, 2010. 282 с.
38. Игнатьев А. Дочь хантыйского народа // Сталинская трибуна. 1955. 20 февраля.
39. Иоганзен Б. Г. Стахановский опыт рыбодобычи ловцов Нарыма. Новосибирск: ОГИЗ, 1945. 46 с.

40. Истомина Е. Казымская культурная база [Электронный текст] // Остяко-Вогульск. рф. – URL: http://остяко-вогульск.рф/2018/11/24/kazymskaya-kulturnaya-baza/
41. История Ханты-Мансийского технолого-педагогического колледжа в людях (1932–2012 гг.) / отв. за выпуск З. Н. Казакова, сост.: А. А. Башмакова, Г. Н. Костерина, В. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Б. и., 2012. 257 с.
42. История школы в истории судеб. Сб. документов / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Екатеринбург: ИД Сократ, 2004. 336 с.
43. Ишбаев М. М. Выход в свет: становление национальной школы в Ларьякском районе. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского пед. ин-та, 1998. 112 с.
44. Карабанова Л. Хирург, учитель, человек! // Тюменская правда. 1960. 2 сентября.
45. Карамашева Н. Н. Охрана детства в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Восточной Сибири). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1993. 20 с.
46. Кашеваров. Праздник колхозников тундры // Остяко-Вогульская правда. 1940. 1 марта.
47. Киселёв А. Г. Спецпереселенцы севера Западной Сибири, 1930–1954 годы // Жизнь в ссылке. Воспоминания, письма, фотографии, документы / отв. ред., автор и сост. О. И. Приступа; авт. А. Г. Киселёв; сост. Д. В. Филипчук. Ханты-Мансийск – Екатеринбург: Баско, 2013. С. 3–42.
48. Киселев А. Г., Онина С. В. История Ханты-Мансийского национального педагогического училища: опыт источниковедческого прочтения // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 167–183.
49. Киселев А. Г., Онина С. В. Национальная – нерусская – русская: школа Югры в 40–50-х годах XX века // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 577–587.
50. Киселев А. Г., Соловьёва С. Н., Батенчук Д. М. Учащиеся Гжельского техникума (1944–1957 гг.). Монография. Гжель: ГГУ, 2016. 288 с.
51. Кононенко Е. В одном классе // Учительская газета. 1941. 12 ноября.
52. Красильников С. А., Сарнова В. В. Спецпереселенцы // Историческая энциклопедия Сибири. В 3-х тт. Новосибирск: ИД Историческое наследие Сибири, 2010. Т. 3. С. 164–168.

53. Кринко Е. Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25–31.
54. Кузнецов А. Передовые охотники – ханты // Сталинская трибуна. 1944. 11 марта.
55. Кузьмичёв Д. Е., Кузьмичёва Т. Г. Есть такие люди – хирурги. Хирург Тогушаков Юрий Исакович // Здравоохранение Югры. Опыт и инновации. 2015. № 1. С. 61–63.
56. Куликова И. С., Салмина Д. В. Виталий Иванович Кодухов // UNIVERSUM: Вестник Герценовского Университета. 2009. С. 49–52.
57. Лагунова О. К. Айпин Еремей Данилович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 1. С. 56.
58. Лагунова О. К., Нёмысова Е. А. Шульгин Микуль (Иван) Иванович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 3. С. 334.
59. Лаптев З. Большой души человек // Ленинская правда. 1958. 5 мая.
60. Лельхов Д. Лельховăт вăн рăт эвăлут єтăс // Хăнты ясăң. 2015. № 9 (3429). 8 мая. С. 13.
61. Липатов В. Стрежень. Повесть. Омск: Книжное изд-во, 1985. 366 с.
62. Лыскова Нина Алексеевна. Библиографический указатель литературы / сост. Е. Г. Громова, ред. Н. И. Смирнова. Ханты-Мансийск: НИЦ ЮГУ, 2009. С. 4.
63. Лыткина Л. Сердце хантыйской женщины // Вестник Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2016. № 2 (33). С. 11.
64. Мазуров Б. Ф. Лазарев Георгий Иванович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 2. С. 106.
65. Мешков Ю. А. Тарханов Андрей Семёнович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Ман-

сийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 3. С. 177.
66. Мешков Ю. А. Шесталов Юван Николаевич // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 3. С. 328.
67. Милосердие / ред.-сост. Л. Ф. Струсь. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2015. 416 с.
68. Молданова У. Вәлтэв нәпӑт нәмты питлӑлӯв // Хӑнты ясӑң. 2019. 9 мая. № 9 (3525). С. 4.
69. Мошкин В. В. Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский Север, 1930–1933 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 2008. 27 с.
70. Моя судьба в истории Югры. История развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в воспоминаниях его жителей, 1930–2005 гг. Сб. док-тов / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Тюмень: Тюменский дом печати, 2005. 414 с.
71. Наша общая горькая правда. Историко-краеведческий сборник / ред.-сост. Л. В. Царегородская. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2004. 352 с.
72. Неустроев Н. Д. Специфика деятельности малокомплектных и кочевых школ в условиях Севера. Учебное пособие. Якутск: Якутский гос. ун-т, 2009. 245 с.
73. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000. 318 с.
74. Обь-Иртышский Север в западносибирской периодике. 1945–1960 гг. Библиографический указатель / сост. В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова. Екатеринбург: ИД Сократ, 2007. 872 с.
75. Омрувье И. Она с легкой иронией называла меня «месье» // 2019. 26 апреля. – URL: https://www.ks87.ru/21/94/9858.html
76. Онина С. В. К проблеме композитивных номинативных единиц хантыйского языка // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3 (29). С. 270–277.
76. Онина С. В., Киселев А., Дука Н. А. Хантыйский язык в Ханты-Мансийском национальном педагогическом училище, 1945–1950 годы // Вестник угроведения. 2020. № 2. С. 381–389.
77. Пакина Л. М. Бурхард Рудольф Петрович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск:

НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 1. С. 132.
78. Пакшина Н. А., Колесова Л. П. Брачные обыски в дореволюционной России // Приволжский научный вестник. 2015. № 12-3 (52). С. 140–146.
79. Памяти магический кристалл. Воспоминания сургутских учителей. Вып. 1 / ред. Ю. А. Дворяшин и др. Екатеринбург: Сократ, 2001. 136 с.
80. Перевалова Е. В. Колыбель народов ханты и манси [Электронный текст] // Электронная антология. Культурное наследие Югры. – URL: http://hmao.kaisa.ru/object/1809300413?lc=ru.
81. Перевалова Е. В. Остяко-вогульские мятежи 1930-х годов: были и мифы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 1. С. 131–146.
82. Политические репрессии 1930–1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа. Сб. док-тов / сост. Е. М. Брагина, Ю. В. Лазарева, Л. В. Набокова. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. 262 с.
83. Пунигова Г. А. Рыцарь музыки… [Электронный текст] // Ханты-Мансийский технолого-педагогический колледж. Новости. – URL: https://hmtpk.ru/about-the-college/news/297307/
84. Пуртов. Славный трудовой путь // Знамя коммунизма. 1957. 23 июня.
85. Пуртова Т. В. Сенгепов Алексей Михайлович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 3. С. 94.
86. Пухлёнкина Хиония Петровна // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 2. С. 428–429.
87. Решетникова Р. Г. Сайнахова Анастасия Ильинична // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 3. С. 59–60.
88. Решетникова Р. Г. Шуши мирн эви-тохтӯра // Хӑнты ясӑӈ. 2014. № 17(3413). 5 сентября. С. 12–13.
89. Рожков А. Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. 2-е изд-е. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 640 с.

90. Рокутова О. А. Социальная защита детей и подростков в Среднем Поволжье в 1941–1950 гг. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 24 с.
91. Рябов А. Пассажирские пароходы Обь-Иртышья [Электронный текст] // Остяко-Вогульск.рф. – URL: http://остяко-вогульск.рф/2018/06/01/passazhirskie-parohody-ob-irtyshya/
92. Савин И. Агитатор В. А. Архангельский // Путь к коммунизму. 1956. 1 апреля.
93. Савин Н. Ударным трудом на рыбодобыче помогают фронту // Сталинская трибуна. 1944. 12 марта.
94. Самсонова И. Йиӆуп хăншэт тывсăт // Хăнты ясăӈ. 2015. 9 октября. № 19 (3439). С. 7.
95. Сенгепов А. М. Терёшкин Николай Иванович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ, ИД Сократ, 2000. Т. 3. С. 184.
96. Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск: Изд-во Томского университета, 2001. 344 с.
97. Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. Полевые материалы, докладные записки и отчёты. Ч. 1. Северные ханты. 2-е изд-е. М.: ИЭА РАН, 2015. 424 с.
98. Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
99. Страницы истории Ханты-Мансийского педагогического колледжа, 1932–2002 гг. Сборник документов / сост. Н. П. Мирошниченко. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. 108 с.
100. Струсь Л. Вехи здравоохранения Югры // Здравоохранение Югры. Профессиональная медицинская газета. 2015. № 5 (146). Май.
101. Струсь Л. Ф. Преодоление. Вехи медицины Югры. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2016. 480 с.
102. Струсь Л. В., Корба Н. С. Окружная клиническая больница 85 лет. Время мудрости. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 496 с.
103. Стыкалин С., Кременская И. История журнала «Крокодил» [Электронный текст] // История пропаганды. – URL: https://propagandahistory.ru/743/Istoriya-zhurnala-Krokodil/
104. Сынские ханты / Г. А. Аксянова, А. В. Буало, Е. В. Перевалова, Э. Рутткаи-Миклиан, З. П. Соколова, Н. И. Талигина, Н. В. Фёдо-

рова. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2005. 352 с.
105. Тюлина С. В. Вклад жителей Югры в победу в Великой Отечественной войне // Архивы Югры [Электронный ресурс]. – URL: https://arhivugra.admhmao.ru/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-arkhivnykh-dokumentakh/materialy-posvyashchennye-velikoy-otechestvennoy-voyne/okrug-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/395359/vklad-zhiteley-yugry-v-pobedu-v-velikoy-otechestvennoy-voyne
106. Фадиенко Г. Р. Тюменскому областному Ревматологическому центру 20 лет // Научно-практическая ревматология. 2005. № 5. С. 91–93.
107. Чащухин А. В. Конференция «Антропология советской школы: культурные универсалии и провинциальные практики» / А. В. Чащухин, М. В. Ромашова // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2 (14). С. 135–139.
108. Шевелёва М. М. Из истории Казымской школы [Электронный текст] // Остяко-Вогульск. рф. – URL: http://остяко-вогульск.рф/2019/04/13/iz-istorii-kazymskoj-shkoly/
109. Щеглова Т. К. Устная история. Учебное пособие / Т. К. Щеглова. Барнаул: АлтГПА, 2010. 364 с.
110. Щепина Г. 38 лет в школе // Путь к коммунизму. 1958. 6 апреля.
111. Щепина Г. Любимый учитель // Ленинская правда. 1958. 5 мая.
112. Vladimir Adajev. Советская власть в тайге и тундре: Взаимоотношения государства и коренных народов Севера Западной Сибири (1920–1970-е гг.) // Františ́ek Bahenský a Kollekiv. Národností politika na teritoriu bývalého SSSR. Etnologický Ustav Akademie ved Ceske Republik, V.V.I. Praha, 2010. С. 27–48.

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Остяко-Вогульск.рф
2. Arhivugra.admhmao.ru
3. Base.memo.ru
4. Bolshevick.org
5. Dzhmao.ru
6. Fenixclub.com
7. Gahmao.ru
8. Hantimansiysk.bezformata.com
9. Hmao.kaisa.ru
10. Hmao-museums.ru
11. Hmkpnb.ru
12. Hmtpk.ru
13. Kazym.ethnic-tour.ru
14. Kinopoisk.ru.
15. KinoCCCP.
16. Ks87.ru
17. Lists.memo.ru.
18. Lit89.ru
19. Map.ouipiir.ru.
20. Molod-ugra.ru
21. Ocr.krossw.ru
22. Okrlib.ru.
23. Ok.ru/muzeynyema
24. Pamyat-naroda.ru.
25. Pobeda.spbu.ru.
26. Podvignaroda.ru.
27. Povto.ru.
28. Propagandahistory.ru.
29. Regnum.ru.
30. Rodinatyumen.ru.
31. Scientificrussia.ru.
32. Slovar.cc.
33. Spbniif.ru.
34. Ugramuseum.ru.
35. Ugra-news.ru.
36. Wikipedia.ru.
37. WikiRip.site.

Ровесницы Ханты-Мансийского округа.

Воспоминания выпускниц национальных педагогического и медицинского училищ Ханты-Мансийска

Подписано в печать 30.09.2020.
Формат 80х60/8. Гарнитура Times New Roman, PT Serif.
Тираж 150 экз. Заказ № 933 от 29.09.2020.

Отпечатано ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск»
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46.
тел. +7 3467 334991